

Г. ГОРБАЧЕВ

ВЛАСТЬ СУДЬБУ СВОЮ

**Замечательные
современники
кыргызстанцев
рубежа двух
тысячелетий**

Г.Горбачев

ВЯТЬ СУДЬБУ СВОЮ

Документальная повесть-размышление

Бишкек-2000 г.

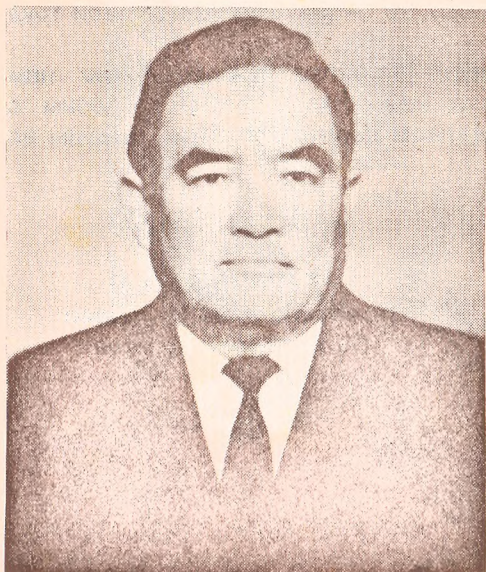
Г-67

п о с в я щ а е т с я

ISBN 9967-20-475-3

© Горбачев Г., 2000

О ЧЕЛОВЕКЕ И ГРАЖДАНИНЕ

Я всем сердцем приветствую идею написать фундаментальное произведение о замечательном современном кыргызстанце рубежа двух тысячелетий — Геннадии Валерьевиче Давиденко, нынешнем главе Ысык-Атинской райгосадминистрации, которому это высокое звание подходит как ничто большее.

Руководству области и республики было нужно перебрасывать его с места на место на должности практически одного уровня, чтобы исправить там экономическое и социально-психологическое положение. И с этими задачами

он успешно справлялся. Ведь где бы и кем он не работал, оставлял о себе добрую память, хранимую до сих пор в умах и сердцах людей, проявляемую в реанимировании предприятий, подъеме жизненного уровня населения, в повышении урожайности полей и, вообще, в умении организовать людей, вселить в них уверенность в возможность жить лучше, в их неисчерпаемые силы и творческую инициативу.

Трудно судить, удалось или нет автору показать этого талантливого и просто Человека таким, как он есть, его значимость в улучшении благосостояния людей, жителей, возглавляемых им в разное время районов. Ясно только одно, что переоценить сделанного им, в целом, для нашей области просто невозможно.

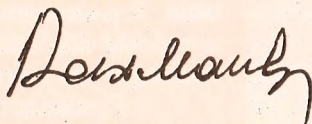
Мне точно известно, что Геннадий Валерьевич был категорически против написания о нем книги, мотивируя это, в меру его неподдельной скромности, невозможностью писать о живом человеке, имея столько положительных примеров, когда отдельные личности до своего последнего вздоха жили во имя процветания своей Родины, его народа.

В этой связи, лично у меня, другое мнение. Нужно, очень даже нужно, именно сейчас писать о таких людях как Давиденко, описывать с них портреты эталонов истинной гражданственности, ставя их в пример другим, учить на них жизни и умению управлять массами.

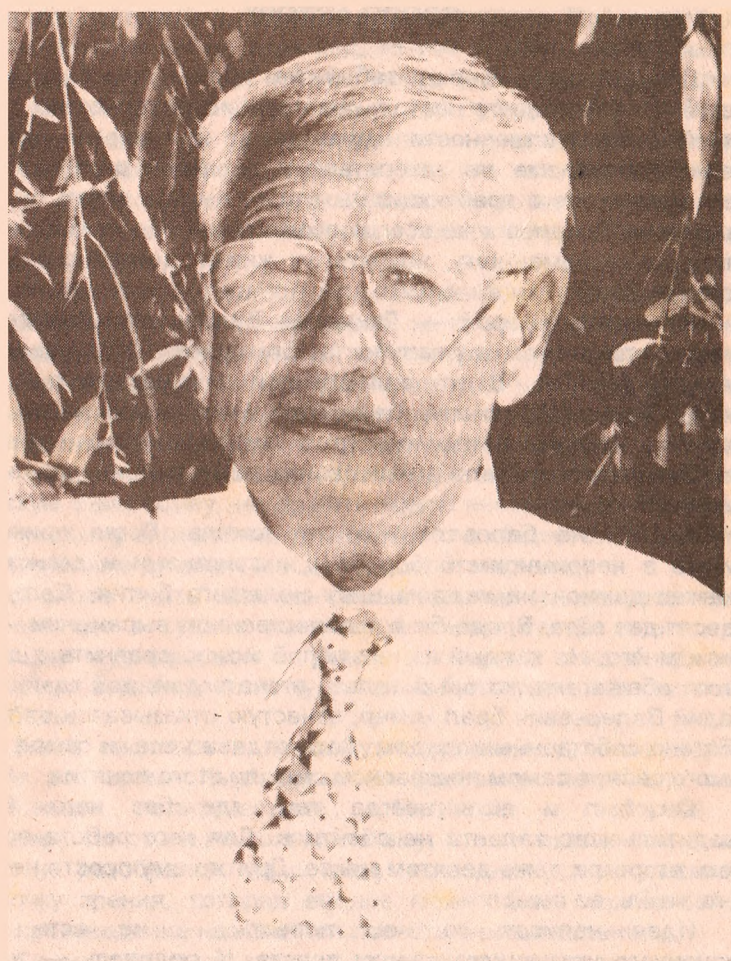
Если все это удалось автору, то он заслуживает за свой труд искреннюю благодарность.

А теперь давайте вместе прочтем предложенную нам повесть-размышление, найдем в ней каждый себя, поспорим с автором или друг с другом и сделаем соответствующие выводы во имя всеобщего блага.

В добрый путь!

Т.РАХМАНОВ,
председатель Чуйского
Областного Кенеша.

СЛОВО АВТОРУ

Дорогой друг, перед тобой не просто книга о хорошем человеке. Это наглядное настольное пособие, если хотите, учебник, истинной гражданственности, умения в круговерти нынешнего жизненного бурелома не затеряться в торговых рядах, порой не совсем понятно чего требующих людей, а высоко встать над ними, уставшими от идеалов и не всегда объяснимой идеологии, заставить мыслить по-современному, научить их жизни, достойной цивилизованного человека.

Ее главный герой — Геннадий Валерьевич Давиденко, не плод вымысла автора, а реальность. Его корни глубоко заложены в предгорьях Ала-Тоо. В его родословной основные ветви идут от украинцев и россиян, но он себя считает сыном кыргызского народа, потому что вскормила его вместе с молоком матери кыргызская земля. Она же и воспитала его на своих самых лучших национальных традициях.

Судьба не баловала его, не нежила. Всего приходилось достигать в непримиримой борьбе с интриганами и завистниками, пресмыкающимися на каждом шагу нелегкого бытия. Сегодня ему пятьдесят два года. Вроде бы в количественном выражении — это не так уж и много. Но каждый из них порой можно сравнить с десятком простого обывателя, который только и знал: дай, дай, дай! Сам же Геннадий Валерьевич брал мизер, зачастую отказываясь от того, что заработано собственным трудом. Зато отдавал все, и самое главное — самого себя, в самом прекрасном смысле этого понятия.

Он был и есть всегда там, где без него, без его руководительского таланта не обойтись. Для него работа всегда на первом, втором и даже десятом месте. Другого ему просто не дано. В ней его жизнь, ее смысл.

Идея написать о нем повесть — не есть продукт выполненного указующего сверху перста. И родилась — не вдруг. Судя по изложенным фактам видно, что автор многие годы наблюдал его, оставаясь незамеченным и использовал архивные документы лишь для уточнения некоторых деталей. Несомненно, трудно было что-то узнать из уст своего героя, так как он даже и слышать не хотел, что о нем будут писать книгу. И это понятно, прекрасных людей всегда отличает скромность, нежелание и неумение выпячивать себя напоказ.

Книга не претендует на звание жемчужины классической литературы. Написана она простым, понятным языком. В ней может каждый узнать себя, найти для себя что-то полезное, необходимое, а главное, как поступать в неординарных ситуациях. Но между тем, она не является панацеей от всех бед, точной рекомендацией выхода из сложнейших ситуаций. Да и сам Геннадий Валерьевич считает, что ему еще много самому нужно учиться, идя путем проб и ошибок.

И не беда, что так и не удалось на всю мощь разговаривать своего героя. На помощь пришли те, кто его хорошо знает. И используя их рассказы, появилась возможность в значительной части повествования многим высказаться от первого лица. Среди таковых и ваш верный слуга.

Но при всем сказанном, все-таки книга не только о Давиденко. В ней сотни простых кыргызстанцев, которым суждено в нынешней политической и экономической обстановке стать определяющей силой, доказательством тому, что не все еще потеряно, есть еще не исчерпанные, да и неисчерпаемые, возможности возродить наш родной Кыргызстан, поднять его до неслыханного и невиданного доселе уровня цивилизации. Главное — это не зажимать их творческую инициативу, не душить порой необъяснимыми законами, помочь каждому определить точное место в обществе в соответствии с его внутренним душевным и деловым потенциалом.

В слове “ваять” заложен самый высокий смысл строительства, созидания, где в судьбе каждого заложена судьба всего народа, мечтающего о прекрасном будущем, к которому каждый идет своим путем, внося в нее свою лепту, с каким бы знаком, плюс или минус, она не была.

Книга писалась в промежуток времени, длиною в полтора года. За это время Кыргызстан не единожды потрясало самыми невероятными политическими событиями, о которых автор умалчивает. Но это и не только потому, что он еще и сам в них как следует не разобрался, но и из-за нежелания кому-то навязывать свою точку зрения, которая вполне может быть ошибочной, хотя данное произведение называется повестью-размышлением.

Со многим высказанным здесь в корне не согласен и сам главный герой — Геннадий Валерьевич. Особенно противоречат его личному убеждению характеристики отдельных героев, которых, по его мнению, неправильно описал автор. Возьмем, к примеру, руководителя сельхозпредприятия “Эмгек”, что расположено на землях села Люксембург. Он показан человеком высокомерным, своенравным, не способным повести за собой массы. Давиденко же считает его вполне нормальным руководителем, потому как хозяйство

имеет один из самых высоких производственных показателей в районе.

С другой стороны, бывший руководитель Кара-Балтинского горно-рудного комбината Жалгап Казакбаев выглядит в книге, как чуть ли не национальный герой. Сегодня он находится под следствием в СИЗО по очень серьезному обвинению. И хотя Геннадий Валерьевич по-прежнему продолжает считать его своим другом самого раннего детства, с его характеристикой осторожничает.

— Значит он в чем-то виноват, чем-то скомпрометировал себя, — с неподдельной горечью говорит он. — Время покажет. Видимо, дал маху, хотел пожить на широкую ногу.

Может быть так оно и есть. Но ведь при определении вины человека нужно не только брать во внимание все его “минусы”, но и давать предпочтение “плюсам”. Все-таки немало сделал он для Кыргызстана, для его экономики. А, впрочем, действительно, время покажет. Но тем не менее автору Жалгап Ийманбекович до сих пор симпатичен, несмотря на то, что в активе обвинителей имеется коллективная жалоба Президенту Акаеву, подписанная почти четырехстами горнорудников, требующих сурового наказания их бывшего руководителя. В искренность этого мало верю. В наше время можно “состряпать” любой документ, заверенный десятком самых гербовых печатей и тысячами неподдельных подписей. Автор опровергает саму истину движущей силы народа, определяющую будущность государства. Он убежден, что народ — это всего лишь масса, находящаяся, если хотите, не на самом высоком уровне цивилизации. Все определяют вожди, движетели любой эпохи.

Очень мало сказано автором о тех, кто является авторитетом для Геннадия Валерьевича. Во-первых, это объясняется его немногословностью, во-вторых, как-то до этого разговор не доходил. Известно только точно, что к Президенту А.Акаеву отношение у него особое. Он с глубоким уважением к нему, отзываясь о каждой с ним встрече, относит его к большим политикам, умным, интеллигентным людям. И считая своим служебным долгом не вмешиваться в дела избирательной комиссии со своими советами и рекомендациями о кандидатах, уже давно сделал для себя вывод, что лично он будет голосовать только за Аскара Акаевича. И это не потому, что нет другой, более яркой кандидатуры. Просто считает его своим кумиром, а то, что не все у нас сейчас так, как хотелось бы, не его вина. Просто время такое. Переживем его, встанет все на место, тогда и требования к нему могут быть выше.

А лозунг нынешнего Президента “Кыргызстан — наш общий дом” для Давиденко не девиз, а нечто само собой разумеющееся.

Ведь он никогда не делил людей по национальностям. Об этом особо ярко сказано в данном труде.

Книга может быть полезной тому, кто еще не решил для себя окончательно — ехать или не ехать на свою этническую родину, бросив здесь все нажитое, порой, непосильным трудом. Вместе с ее автором, прожившим в Кыргызстане всего лишь полтора десятка лет, может быть кто-то глубоко задумается над тем, что не везде и не всегда можно найти таких миролюбивых и доброжелательных соседей как кыргызы. А ведь порой не ищут место жительства, а ищут именно их — соседей. Кыргызстан имеет прекрасную перспективу и не только потому, что здесь чудесный, умеренный климат. Она в настоящих руководителях, подобных Геннадию Валерьевичу, способных и реанимировать экономику, и поставив правильный политический прогноз, оградить свою Родину от серьезных катаклизмов.

Автор и издатели, в список которых можно внести десятки сподвижников Г.Давиденко, оказавших посильную материальную поддержку в то, чтобы книга увидела свет, надеются, что принесет она читателям радость общения с прекрасными людьми, поможет увидеть, в казалось бы, ничем неприметных руководителях, ту самую движущую силу, которая определяет будущность государства — прекрасную будущность!

Книга может быть использована как добрый сувенир и память о днях нынешних, тревожных, но чудесных.

В данном повествовании немало приводится примеров дословного изложения газетных материалов с единственной целью — ярче раскрыть образ главного героя. И удержаться от соблазна быть лучше понятым я не смог, решив предложить публикацию нынешнего редактора Ысык-Атинской районной газеты Р.Яшиной "Он не боится судьбы". Кстати, в основу окончательного названия моей книги о Давиденко легло именно это название.

ОН НЕ БОИТСЯ СУДЬБЫ...

(штрихи к портрету)

"О Давиденко Геннадие Валерьевиче, теперешнем акиме нашего района, написаны тысячи строк журналистами всех уровней. Но, как правило, это цифры и факты послужного списка: сколько, когда, почему? Открывая все новые и новые штрихи его личности, можно еще писать и писать. К сожалению, пользуясь "благами" демократии, многие из нашей братии пишут даже то, чего никогда не было. Главное — чтобы матерьяльчик получился сногшибательный.

Думаю, что предлагаемый мною сюжет заинтересует не всех. Ну нет у нас в районе ни Моники Левински, ни счета у акима в

швейцарском банке, и со здоровьем все о'кей. А если рассказать о его личном, то, уважаемый читатель, это почти все, что знаю...

Совсем неподходящее время выпало на первое знакомство Давиденко с новым районом, а тем паче району, то есть всем нам с ним. В мае 1998-го, через несколько дней после назначения, в его родном Жайыльском районе провожали в последний путь Елену Алексеевну — его жену, верного друга, мать четверых детей. Может кто-то сейчас скажет: — Вот, вспомнила не ко времени.

Да почему же? Из жизни факта, как из песни слова, не выкинуть. И какой в этом секрет? Представительство состояло, почитай, из всей республики: коллеги, друзья и все, с кем свела его трудовая стезя в Панфиловском, Калининском, Тюпском, Московском районах. Делегации правительственных, государственных и руководящих структур, где знают, ценят и уважают его за служение делу, которое доверили.

Разделив вместе с ним горе, разъезжались с тяжелым сердцем. Но, как говорят, живое все же о живом думает, и кое-кто из нашей кантской делегации не преминул перекинуться парой фраз с председателем Московского райКенеша Переверовой Людмилой Семеновной.

— Как хорошо на территории вашего района — чистота, порядок!

Хитро улыбнувшись, быстроглазая и бойкая, она ответила: — Знаете любимую фразу Давиденко? Чистота не там, где метут, а там, где не сорят. Он и вас научит.

— Может быть, — (подумалось про себя с некоторым апломбом), — поживем, увидим.

Пожили, увидели и даже узнали, где этому сам научился.

Он родился 12 марта 1948 года в селе Букара Панфиловского района, одна из улиц которого сейчас носит имя Давиденко Ивана Андреевича — его деда.

Могучий телосложением, наделенный аналитическим складом ума и хозяйской, мудрой смекалкой, Иван Андреевич был не просто уважаемым человеком на селе, но и в ряду организаторов колхозного производства.

Другой дед (по матери) Ефим Житков (в чьем доме прошли дошкольные годы) — участник трех войн, познавший репрессии 38-го года, колхозный бригадир, председатель сельского Совета, до конца дней своих не отводивший огромных рук с узловатыми пальцами от земли, производил на маленького Гену почти магическое впечатление.

Их дом находился в горах, на месте чабанских стоянок — перекрестке всех проезжающих и приезжающих по делам сельских

специалистов. Маленький, хрупкий, белобрысый мальчонка из всех своих слабеньких силенок пытался походить на деда, до смешного подражая ему во всем: походке, манере разговора, помогая по дому. А тот не гнал его, когда длинными зимними вечерами, засидевшись с мужиками за деловыми разговорами, внук внимательно вслушивался, сонно тараща на них смышленные глаза, впитывая уроки жизни. А еще нет-нет, да и вставит по-кыргызски словцо в разговор взрослых, трепеща от одного взгляда деда. Верно подмечено, ничто так не воспитывает, как личный пример. Вот, наверное, откуда был исток закладки основных черт в этого маленького человечка: несибаемости воли, фанатичного трудолюбия, целеустремленности.

С ним никто не церемонился, ну, пожалуй, иногда бабуля жалела работающего не погодям внука.

И вот она, первая, самая большая дорога жизни — в школу. Подъем в 4 утра, 4 километра пешком, через две реки. Как на крыльях, через все препятствия, в стужу и зной, водный разлив, несла мальчугана тяга к познанию. И только раз, когда малыш застрял в сугробе, превратившись почти в сосульку, слезы его текли как те две реки, но молча, без единого всхлипа.

В отчем доме тоже никто не спрашивал — устал, не устал. У каждого, из многочисленного семейства, свои обязанности. Мать с отцом день и ночь на работе, а детвора управлялась по хозяйству не хуже взрослых. Сегодня для наших детей, наверное, покажется фантастичным — ухаживать сразу за тысячько кроликов. А у Гены, от нарванной ежедневно травы, руки не отмывались.

Все успевал этот смышленыш и с отличием получил свидетельство об окончании восьмилетки. Но вдруг в 9 классе: то ли подростковый возраст, то ли переход в Карабалтинскую школу... ну, в общем, двойка и переекзаменовка на осень. Это был первый удар жизни и стыд перед родственниками, друзьями и одноклассницей Леной. Уйдя в себя, он сам за лето подготовился и сдал на "пятак". С тех пор, пожалуй, слово "Сам" сопровождает его всю жизнь. Он сам закончит школу на "хорошо и отлично", сам выберет специальность инженера-механика, сам поступит в Кыргызский сельхозинститут им.Скрябина. Хотя мечтал о Ленинградском политехническом — строительство портов и сооружений.

Мечта не осуществилась, заглянула в дом Давиденко беда. И семья из семи человек, ранее не знавшая, что такое нехватка, почти все 60-е годы еле сводила концы с концами, ютившись в маленькой землянке.

Молодость, молодость..., только она способна перенести и студенческое безденежье, и недоедание, и работу по ночам на

разгрузке вагонов. И, конечно, любовь, ради которой совершаются все чудеса на свете.

Еще в школе два ребячьих сердца как-то сами по себе, без страсти и осмысленной любви, не могли существовать друг без друга. Так, что ни родственники, ни друзья, ни одноклассники совсем не удивились, когда уйдя со второго курса Омского института, Лена (подающая большие надежды студентка факультета графики) стала женой такого же второкурсника сельхозинститута. Они начинали с нуля, как впрочем и большинство рожденных семей в то время.

Но какое время..!

Лучшим, при распределении после окончания института, предоставлялся выбор. И Геннадий вернулся в родные пенаты — колхоз “Серп и Молот” Жайылского района. Совсем небольшой период времени понадобился, чтобы на всех прибываемых должностях о нем заговорили как о талантливом инженере, перспективном работнике. Но (чего греха таить), его бескомпромиссность, чувство хозяина не всем нравились. Вот и “нашла коса на камень” с одним из председателей колхоза, который без ведома Давиденко разрешил разукomплектовать комбайн. А тут как раз подошло время, когда “двухгодичников” призывали отслужить в армии. Решил попробовать себя на новом поприще. Как уговаривали в полку лейтенанта Давиденко остаться, и должность майорскую — замполита, предложили. Но с его характером не вязалось это бесприкословное: — “Так точно!”. Да и не все приказы хотел выполнять, не обсуждая.

Год 1980-й: тридцатилетний директор совхоза “Чуйский” Калининского района Давиденко, награжденный орденом “Знак Почета” назначается начальником РАПО. А потом покатило как “по маслу”. Когда за период с 1987 по 90-е годы Тюпский район за высокие социально-экономические показатели получает два союзных и одно республиканское Знамена, слава о председателе райисполкома Давиденко достигла своего апогея. И назначение его на должность первого секретаря Калининского комитета партии в те годы рассматривалось как высокая награда за труд, служение делу партии.

Вот он, свободный полет в безоблачном небе! Казалось бы, что еще нужно — пари и пари, поднимаясь все выше и выше, показывая фигуры высшего пилотажа.

Но вдруг, как гром среди ясного неба... За 9 месяцев до событий ГКЧП Давиденко сам оставляет свой пост и оказывается за “воротами” партии.

Естественно, недоумению окружающих не было предела, и фантазии для обсуждения тоже: “от Давиденко все можно ожидать...”, “это только он может такое отчебучить...”, “что ему еще не хватало?..”

А близкий друг и соратник прямо сказал в глаза: — Я тебя, Геннадий, не понимаю, ты сошел с ума. Поставил крест на своей карьере, а может и жизни! Как можно так легко все перечеркнуть?

И только одна жена знала, как досталось мужу это решение. Что ни одну пригоршню “серебра” высыпали ему на голову бессонные ночи. Она знала — если принял решение (а он просто так ничего не делал), то бесполезно его разворачивать в другую сторону. Хотя пыталась. В то утро, перед пленумом, провожая его на работу, тихо спросила: “Может не надо, дети же?”. Увидев как он побледнел, она сдержала себя от слез, зная черту его характера — жалостливость, которая могла в ту пору стать ему не лучшим советчиком.

А действительно, чего ему не хватало? Если догадываться, то может он один из тех первых, кто видел и знал, что неизбежно рухнет “Оплот Ума, Чести и Совести нашей эпохи”? И не побоялся признаться в этом публично. Может ему самому себе не хватало уже той восторженно-идеализированной правды, на которой выросло его, наше поколение...

Поживем — увидим, узнаем, вдруг Давиденко когда-нибудь напишет мемуары?

А дальше... Дальше он продолжал жить и все-таки бороться. И, вероятно, не потерялся в толпе потому, что в 1990-95 годах был депутатом самого легендарного парламента, принявшего Декларацию о независимости Республики Кыргызстан, массу других демократических преобразований.

Как захватила его эта стихия, в которой он чувствовал себя, как говорится, рыба в воде! Она-то и вынесла его в кресло главы администрации Панфиловского района, а затем по течению — в Московский. Вот уж где на всю “катушку” он дал волю своему таланту организатора, выплеснув весь опыт, знания и, если хотите, честолюбие — быть первым. И стал, заслужив звание, лучший аким 1997 года.

Но как и богатые, герои тоже плачут. Судьба посылает ему новое, самое жестокое испытание.

— Господи, — вырывалось у него из груди каждый раз, глядя на угасающую супругу, — ну что еще можно сделать, поехать, купить, заплатить, отдать все-все?..

Но врачи ему-то сказали правду...

Да, рано она ушла. Но как прекрасно пропела песнь своей жизни — любимой, жены, матери самоотверженно отдав весь свет души и огонь сердца, которые по сей день светят и согревают

неразрушенное родовое гнездо, где все до мелочей осталось как прежде, и где продолжают жить их дети.

И кто знает, пригнуло бы Давиденко новое испытание, не приведи его судьба к Ысыкатинско-кантским берегам, окунув в новые заботы, дела. А проблем...! Лучше не перечислять, целый роман получится.

Наблюдая его в работе, думается: "Вот, вот только такому и по плечу эта махина — наш объединенный район". Правда, может формы и методы его деятельности не все приемлют. Ну вот, например, когда он видит лень, равнодушие, а пуще того — тупость, выражений не выбирает. Его "крылатые" фразы (что скрывать), иногда с крепким словцом, знакомы читателям нашей газеты из материалов заседаний коллегии райгосадминистрации, сессий райКенеша, совещаний и рабочих планерок. Ну, а как еще сказать нерадивому руководителю, если тот в пятый, десятый раз не понял: "Если шапка не по Сеньке — уйди, не занимай место", "...не морочь ни себе, ни людям голову", "... не можешь работать — освободи кресло!", "вот из-за таких как вы страдают наши старики...", "продайте служебные машины, а в Социальный фонд долги заплатите", "если сел в руководящее кресло, так думаешь и "Бога за бороду держишь" — безотчетен...", "я вам не дам расслабиться...". Ну, в общем, и т.д. и т.п.

А когда совершенно уверен в своей правоте к некомпетентной непрошибаемости "стенки", пойдет и на таран.

Правда, некоторым очень обидно (как сейчас модно говорить) за такие "наезды" акима. Затаивают злобу, смотрят враждебным глазом. Только иногда напрасно. Лучше начать работать, крутиться, исправлять ошибки, от которых никто не застрахован, начать уважать себя и людей. А Давиденко что? Да не боится он ни чьих злопыхательств, ни врагов, ни судьбы. Знает, что каждый человек сам ее кузнец. А результат жизни — лучший наш судья, от которого не уйдешь. Кончится его время — завтра придет кто-то другой.

А сегодня он делает работу в меру своего интеллекта, компетентности, мироощущения, бойцовского, бескомпромиссного характера. Но с полной отдачей сил. Этого же требует и от других.

Его новый причал теперь в Ысык-Атинском районе, селе Новопокровка. Дом как дом, каких сотни в этом зажиточном селе. Внушительный, но совсем не дворец. Да и внутреннее содержание скорее поражает порядком и чистотой, а не богатством убранства. Кому доводилось бывать здесь, обязательно отметит радушие, хлебосольность хозяев. И как не похожи эти два Давиденко: аким — хозяин района и хозяин дома, умеющий за дастарханом уважить гостя, встретить, поднять тост, задать непринужденный веселый тон

застолью. Вот уж поистине: “служба службой, а дружба дружбой. Делу время, потехе час”.

Ну а что же Надежда Васильевна, теперешняя хранительница очага? К сожалению, всего дважды приходилось с ней встречаться. Первый раз увидела ее в церкви. Скромно стоящая в сторонке, изящная женщина с девочкой лет двенадцати, поражала собранностью и устремленностью взгляда. Молится она или о чем-то думает так отрешенно от всего, не могла я понять. И только когда она заказывала поминовение об упокоении души Елены, я догадалась — это Она встала рядом с Давиденко вместо Той, что была всем в его жизни, и за которую молилась сейчас она.

(Боже милосердный, помоги и научи каждую из нас такому состраданию. Не важно, по-христиански, или мусульмански — по-человечески, на какое способно всепрощающее женское сердце).

К сожалению, мы только в зрелые годы понимаем, что человек ни в каком возрасте не может быть одинок, лишен радости. Они оба знают цену одиночеству, горечи утраты, и это оборотная сторона их поздней любви.

Да, может и нелегко порой с такими как он. Выражаясь на современном лексиконе: крутой, деловой, моторный — “атомный реактор” в мирных целях. Кстати, именно таким крепышам, более всего нужен душевный и сердечный оберег, вернее “Берегиня”. Что же теперь поделать? Вот такой. Не переделаешь. Да и зачем? Ведь завтра у него снова схватка с жизнью.”

Р.ЯШИНА.”

Но пусть первое слово будет дано тому, кто зачал его жизнь, кому посвящено это изложение.

Если сказать откровенно, то воспитанием своих детей мы не занимались. Нам просто было не до этого. А кто в наше время занимался воспитанием детей вообще? Наше детство совпало с голодом начала тридцатых годов. Правда семья, в которой родилась я, по сравнению с другими, жила относительно безбедно. Деды мои появились в Киргизии в конце прошлого или в самом начале этого века. Родители одними из первых влились в колхоз. Сдали свой скот и землю для коллективного пользования. Дед мой, Жидков Иван Андреевич, был уважаемым в селе человеком, и его, как наиболее грамотного, поставили землемером. Эта должность тогда была наиболее почитаемой. Да и только что освоенная земля давала сравнительно неплохие урожаи.

Семья Давиденко, получив после революции свою земельную долю в Одесской области, на Украине, тоже быстро поднялась на ноги. Имея четверых работающих сыновей, их семья стала

предметом зависти для других и была раскулачена одной из первых. И стала такой же бедной, как и соседи Чукоенко, да и как все другие. Отец моего мужа, Иван Андреевич, женился на дочери Гукаленко — Наталье. С появлением детей росла нужда в семье. Голод тридцать третьего вынудил покинуть родные места и переехать в Оренбург. Там, видя особую хватку главы семейства, его избрали председателем колхоза. Но только душа тянулась в те места, где можно было бы приложить свои руки в садовоогородничное дело. Возвращаться туда, где были доведены до нищеты, не хотелось. И послушав совета близкого родственника, переехали в Киргизию. Пожив в Кара-Балте, переехали в село Букара. И тут, уже в который раз, все пришлось начинать заново. И зашумели фруктовые сады у подножия, разбуженных детским криком, гор. Благодатная земля стала радовать овощеводов бригады, возглавляемой Иваном Андреевичем, прекрасными урожаями.

Да только не долго длилась эта радость. Загрохотала, заполыхала где-то далеко на западе война, эхо которой доносилось и до здешних мест. Один за другим ушли на фронт три старших брата: Дмитрий, Николай и Григорий. А самому же ему шел тогда только пятнадцатый год. Так что вся мужицкая работа легла на плечи таких мальчишек, как он. Ему же пришлось набираться мужества, трудясь в колхозной кузнице молотобойцем.

Нелегкие вести шли с фронта. Больше всего это были похоронки. Прилетело черной ласточкой горе и в семью Давиденко. Где-то на поле брани сложил свою голову Николай. Затем пришло сообщение о героической гибели лейтенанта Давиденко Григория, получившего посмертно звание Героя Советского Союза. Израненным вернулся с фронта Дмитрий. Сам же Иван Андреевич в это время нес трудовую повинность в армии непригодных для строевой службы. В семнадцать лет военную форму надел и Валерий. Недолго шла его боевая выучка. Еще и пары обмоток не успел износить, как эшелон увез его прямо на передовую. Конец своего боевого пути подвел он подписью на стенах Рейхстага.

И для меня война принесла немало горьких дней. Да и были ли они тогда радостными для сестер наших — бабенок? Отца с первых же дней забрали на фронт. Перед самой войной я закончила семь классов, и так мне хотелось учиться дальше! Одну зиму проходила в восьмой. А мать моя и говорит: "Ты у меня самая старшая. Вся надежда на тебя. Давай, иди в колхоз. Учиться будешь потом". Так что молотилку и прочую несложную тогдашнюю колхозную технику освоила рано. Росла я девчонкой худенькой. В чем только душа держалась, не знаю. А по весне я, две мои подружки, и еще три женщины взяли шесть гектаров сахарной свеклы.

Анна Ефимовна Давиденко

Все лето без отдыха, грязь. Но урожай получили неплохой. Правда, вывезти все по осени не смогли. А что осталось, сбуртовали в когаты. Зимой же снова в восьмой класс пошла. Да о какой учебе могла идти речь, если одно только и было на уме: что бы поесть?

Вот и решили мы с подружками идти в ФЗУ. Там и кормили, и одежку нехитрую, полувоенную выдавали. Выучилась я на токаря, и сразу же отправили нас на военный, эвакуированный с запада, завод. Это только название, что завод: ни стен, ни крыши никакой не было. Станки стояли под открытым небом. Паек, который нам давали, голода не утолял, а работать приходилось до тех пор, пока ноги выдерживали стоять. Жили мы в промерзлых и прошивленных бараках. Ну, думаю, не выдержу я, пропаду. Хорошо, что скрыла от отдела кадров, что у меня есть паспорт. Привезла мне мать справку из сельсовета о том, что в доме у меня младшие брат и сестренка, да бабушка немощная. Словом, всякими правдами-неправдами приехала в Кара-Балту. А там, прочитав объявление, что в банк требуются ученики, решила пойти туда. Приняли. Проучилась я с месяц. И, видимо, дотошностью своей, да любознательностью надоела всем так, что вскоре поставили меня секретарем. Хоть и определили мне зарплату в четыре раза больше ученической, сытнее моей семье не стало.

А тем временем пришел с фронта весь израненный отец. Назначили его в село "Тельман" гидротехником — начальником над водой. Село было, в основном, киргизское, и на лето они уезжали на джайлоо, оставив пустовать до зимы свои домики. Взяли мы себе небольшой домик с огородом. Перекопали кое-как клеверники и посеяли кукурузу. А клевер все равно рос быстрее и вот-вот забудет, заглушит нежные кукурузные побеги. Выкорчевать же его вручную было невозможно. Так что пришлось нам по своему огородику на коленках немало поползать, пока кукуруза обогнала в росте клеверник. Да еще в распоряжение мираба — отца нашего, были дольки земли вдоль арыков. Там мы посеяли и кукурузу, и подсолнухи, и сурепку. Воды-то у нас было, слава Богу, в достатке. Словом, урожай получился на славу. Одного только сурепкового масла две фляги надавили. Жизнь немного полегчала.

А тут как-то отец приехал домой и говорит мне:

— Доченька, а не пойдешь ли ты работать продавцом в магазин? Счеты ты знаешь хорошо, а всему остальному подучишься. С весами люди добрые помогут.

У нас тогда много эвакуированных евреев было, люди грамотные. Объяснила я им свою ситуацию. И взялась одна глухая старушка-еврейка мне помогать. Но прежде, чем магазин принять, пришлось немного побегать. Мне тогда еще не было восемнадцати

лет, совсем немного не хватало. Но одна женщина так и заявила, мол, как мы тебя возьмем, если тебя еще и судить-то нельзя? Вернулась ни с чем домой.

Помню, как-то с братом ногами кизяки месили, когда к нам на бричке приехал незнакомый мужчина. Поговорили в доме о чем-то с отцом. Выходит тятя, так мы тогда его называли, и говорит:

— Ну что ж, доченька, обмойся в арыке и поедем принимать магазин.

А магазин — только название одно. Полуразвалившаяся саманная избушка с осыпавшимся камышовым потолком. Да и товара там было курам на смех: какие-то сумки, сплетенные из шерстяных веревок, немного никому не нужных игрушек, да парфюмерии, что в любую из этих сумок влезет. Самым ценным был огромный шерстяной мешок с прогоркшей и вонючей мукой. Быстро прислали бригаду строителей. Отремонтировали, как смогли, побелили это нехитрое сооружение...

Иду я по селу, а ребяташки кричат:

— Жаны дукончи! Жаны дукончи!

Вскоре я узнала, что по-русски это означало: "Новый продавец". Это был мой первый шаг в познании киргизского языка. А постепенно освоившись, уже могла понять, что от меня хотят покупатели, не владеющие русским языком.

Ох и хватила же я горя с этим магазином. За товаром нужно было ездить далеко, а лошадь, бывало, не выпросишь, хотя в то же время председатель колхоза ругал, что в магазине торговать нечем. Как-то дал он мне полуживого жеребца, чтобы я верхом на нем доехала до райторга, а там мне дадут бричку, и на ней я должна привезти муку. Бричку мне дали, загрузила ее товаром. Но завхоз Михей дал мне другую кобылу. Поехала я на ней домой, и дорогой застряла в грязи. Кое-как вытянули назад бричку, но домой поехать уже побоялась. Вернулась назад. Сдала на склад груз и остановилась у своих родственников переночевать. А утром, чуть свет, будит меня Михей и говорит, что жеребец мой сдох. Побежала я в контору — плачу. Объясняю, что конь-то был живой, когда я его отдала завхозу. Не могла я его надорвать или загнать. А в бухгалтерии уже прикидывают, как у меня забрать телку нашу. "Не дам, — говорю, — не виновата я, да и телка-то не моя, не имеее права!" Кое-как выкрутилась. Потом списали того жеребца с подотчета завхоза. Нашлись добрые люди.

Дела же в магазине постепенно наладились. Уважаемым человеком в селе стала. Спасибо той еврейке, что сначала помогала мне. Ни разу не было ни перевеса, ни недовеса.

Тут и война закончилась. Стали возвращаться домой мужики да парни, что живыми остались. Особого выбора женихов тогда не было. Невесты недолго упрямылись, когда приходили сваты. Шли и за безруких, и за безногих, а то и просто изрешеченных пулями да осколками. Раненым в голову пришел и мой Виля. Так на селе и в семье Валерия звали — отца Геннадия. Провожала его на фронт девушка одна. Обещала ждать, но не выполнила обещания. Нужда, да и родственники настояли, чтобы вышла за другого. И когда с фронта Валерий пришел, ему тоже невесту подобрали в другом селе. А брат мой Леня был с ним в дружках и очень уж хотел с ним породниться. Но не знал как со мной его познакомить. В магазин он не заходил, и я в его село не ходила. Там на полянке собиралась вечерами молодежь. И туда я не ходила. Все свободное время книжки читала. Вилина семья, по сравнению с другими, жила неплохо. Его отец до работы жадный был: и сады развел в селе, и виноградники. Особым предметом его гордости была капуста. А потом свиней стал разводить. В конце сорок шестого пришла от Вили весточка, что находится он в госпитале и скоро вернется домой. Радости в семье Давиденко не было конца. Придумывали, как лучше встретить героя. Выменяли у кого-то на поросенка патефон с целым набором пластинок. Только отец не дождался сына. Надорвался. Умер. Похоронили его с великими почестями и в последствии его именем назвали улицу в Букаре.

Как-то Леня — брат, предложил мне с девушками сходить в Букару к его другу Виле послушать патефон. Мы с радостью согласились. Весь вечер жадно слушали фронтовые песни и не обращали внимания на скрип и прочие шумы тогдашнего шедевра грамофонного произведения. Тогда-то и присмотрелся ко мне хозяин патефона. Да так прицепился ко мне, что не оторвешь. В магазин, правда, по-прежнему не ходил, но когда я возвращалась домой, всегда заставляла его дома, играющего с моим тятей в карты. Вскоре приглянулся он моим родителям, а я — его, и они перестали настаивать на женитьбе на своей избраннице. И подружки мне тоже стали советовать подружиться с Вилей: живет, мол, он вон как богато. И патефон есть, и булки хлеба пшеничного на полке лежали. Значит, семья работающая.

Сваты прибыли в оговоренный с моими родителями час. Встретили их как могли. Сговор состоялся быстро, сваты ушли, а сам Виля остался.

— А ты что не уходишь? - удивилась я.

— И не подумаю. Жена теперь ты мне. И я с тобою спать буду.

До смерти перепугалась я. Что же люди подумают. Ведь поговору мы должны были идти под венец. А как же я пойду не в белом? Послала его к тятю. Если тот разрешит, значит, думаю, пусть останется. Так и остался он со мной. Спали-то мы до самого венчания вместе, но святого христианского закона не нарушали.

Недолго длились свадебные приготовления. Помолвились мы на пасху. В 1947 году это было, 13 апреля. А в день рождения Ленина — 22 апреля, нас уже зарегистрировали. Только для начала потребовали в сельсовете справки от нас обоих из больницы. Считаю, это был правильный закон. Не то, что сейчас. Ну и натерпелась же я стыда, когда впервые показалась женскому врачу. Но зато с какой радостью я надела, сшитое из голубой ткани, что Вилия привез с войны, свадебное платье и такого же цвета тапочки. До этого моей лучшей обувкой были лапти, сплетенные из бинтов. Самой большой радостью было то, что колхоз дал нам на свадьбу свою единственную, полученную совсем недавно, грузовую машину.

В то время православная церковь находилась в Вознесеновке. Поехали туда. Но неожиданно возникла проблема. Оказывается, Вилия не был крещеным, и венчать его было нельзя. Но, что не допускал обычай, разрешили деньги. Батюшка, взяв их, взял на себя и грех. Нас обвенчали. Окрестили же его спустя десять лет. И все, слава Богу, обошлось.

Покойный отец Вили оставил немного строительного материала. Так что к осени у нас был уже небольшой домик. Я продолжала работать в магазине, а Вилия учетчиком в колхозе. Перенапрягаться физически ему было нельзя. Ранение в голову давало знать о себе до тех пор, пока над темечком не появилось твердое захрящевание, и уже не стало видно, как пульсируют под кожей жилки.

Весной, 12 марта 1948 года родился наш первенец. Назвали мы его в честь врача, друга моего мужа — Геннадия, Геной. К этому событию мы готовились долго, сразу, как только узнали, что под моим сердцем забилось другое, маленькое. Выпросили в сельсовете талон на детское приданое, кровать купили железную и качалку деревянную. С великим трудом достала я тюль, обшила им кровать и качалку. Гуляло все село. Соседи и родственники так увлеклись торжеством, что забыли про меня. А у меня между тем не отделилось детское место. И, видимо, поздно хватились, так как врач осмотрев меня, приказал немедленно везти в Кара-Балту, если еще успеют там что-то сделать. Но пришла местная бабка-повитуха и, недолго разговаривая, со всей силы схватила меня и резко посадила на свое колено. Что-то больно оборвалось во мне, и я потеряла сознание. Когда очнулась — все тревоги были уже позади. С того времени

бабулька та стала желанным гостем нашей семьи. Всегда, когда у Гены был день рождения, я приносила ей какой-нибудь подарок. Я и по сей день считаю себя обязанной ей своей жизнью.

Декретных мы тогда не знали. Прележала я с малышом три дня, а там мама — свекровь моя, говорит: “Иди, в магазин, а то там помощники твои наторгуют тебе беду какую-нибудь”. Помощниками моими был мой Виля, да два осиротевших племянника, что жили вместе с нами. Вышла на работу. Тяжести, конечно, никакие не поднимала. Но учет всему вела. Малыш же был всегда при мне. Устроила я ему под прилавком лежанку. Малютка был спокойным. Его и слышать-то не было. Покормлю, бывало, и отдам кому-нибудь, ожидающемуся своей очереди. Так и выросли у меня под прилавком, да на руках у чужих людей все трое: Гена, Толя и дочь Люба.

Только исполнилось первенцу четыре месяца, а уже зачался второй. Третья тоже не заставила себя долго ждать. Виля постепенно из подсобных работников стал заведующим магазином, а меня понизили до должности рядового продавца. Покорил он руководителей сельпо неумолимостью своего характера, новаторством, что унаследовал от своего отца. Организовал целую сеть мини-торговых точек, которые стали называть селяне “магазинами без продавца”. На фермах и полевых станах установил застекленные буфеты. Разложил там товары первой необходимости, ценники установил. Люди брали, что хотели, а деньги сами в кассу ложили. Дети, как повзрослели, стали развозить туда товар и кассу с остатками товара снимать. И за все время только одна недостача обнаружилась — десять копеек. Ох и скандала было тогда! Никто не хотел брать на себя позор нечестности.

Часто выезжали на поля и в другие села. В Чалдовар, например. Тут уж он командовал сам. Ни одного человека, бывало, не пропустит мимо, не убедив его что-нибудь купить. Старался угодить и каждому своему селянину, выполняя любой заказ. Привезет, к примеру, велосипед. Сам его соберет, объедет на нем вокруг магазина, убедит покупателя, что товар надежный и только тогда берет с него деньги. Или машинку швейную привезет, настроит, прострочит на ней лоскут. И если найдет дефект, тут же отвезет на базу и потребует замену. По всей республике мотался, искал, что где получше, да подешевле. Получали мы тогда зарплату от выручки. Дал план — получи одно, а что сверх плана — двойная оплата. До денег жадный был. Чужого не возьмет и своего никому не уступит. Сами в магазине и мыли, и охраняли его. Мне мыть не доверял. Ты, говорит, не умеешь мыть, как надо.

Бывало, привезет поздно вечером целую машину товара. До полуночи перебираем его, по полкам раскладываем, ценники пишем. А потом полы помоем с ребятишками и только после этого идем домой отдыхать. Поверьте, люди в наш магазин, как в святой храм, не осмеливались войти обутыми.

Ежегодно отчитывались перед сельчанами о своей работе. Порой столько критики наслушаемся в свой адрес. Недовольные находились всегда. А как доходит дело до того, оставлять нас или нет работать в магазине, все, как один, тянут руку "за". Строгости и честности Валерия Ивановича, как с возрастом стали называть его сельчане, не было предела. Особенно доставалось всем нам: мне и детям. Не приведи Бог, чтобы кто-то из них появился где-то в грязной рубашке или в невыглаженных штанишках. Мы, мол, ведь в центре внимания. На нас все люди смотрят. И правда. Кто б не приехал в село из начальства — все идут к нам обедать. Тут только успевай развариваться. Убедил руководство в необходимости построить новый магазин. От первого колышка до последнего гвоздичка не отошел от строителей. Сам был и архитектором, и прорабом. Самую ответственную работу не доверял никому. Сам покрасил полы, крышу накрыли железом.

Нашим ребятам некогда было шататься по дворам и по чужим садам. Не успеют еще наступить каникулы, а их уже ждет работа. То ящики сколачивают, то товар перебирают. Так что, к началу учебного года каждый сам себе зарабатывал и на одежду, и на обувь.

А по общему развитию мало от кого отличались. Были как все. Чуть высвободится свободная минута, убегут в горы. Там у них были свои любимые заповедные места. Геннадий же отличался своей настойчивостью, я бы сказала, даже упрямством. Как бы он не был занят домашними делами, уроки сделать не забывал никогда. Вставал еще затемно и бурчит что-то с книжкой в руках. И не было случая, чтобы учительница пожаловалась на невыученный им урок. В нашей семье не было принято физическое наказание детей. Может быть это потому, что было просто не за что.

И все-таки Геннадию однажды попало от отца. Подарили ему как-то тельняшку, о которой он давно мечтал. Не снимал ее никогда. Как-то пришли к отцу друзья. Понятное дело, на столе появилась поллитра, затем другая. Расшумелись мужики за столом, а Гена уроки делал. Вот не вытерпел он и возмутился: когда, мол, это кончится?! И задело это отца до глубины души. Как это, какой-то пацан указывает, как ему поступать! Схватил он парнишку за тельняшку и по-мужски врезал ему, как мог. Геннадий убежал. Весь день где-то проплакал. Не физическая боль и несправедливость отца

вызвали у него неописуемые страдания. А было жаль тельняшку, которая оказалась неисправимо разорванной.

Рассказ матери дополняет Люба — младшая сестра, которая была свидетелем его детства и прекрасно помнит многие детали из жизни братьев и, в первую очередь, Геннадия:

— Вообще-то, Гена был положительным мальчиком. Братья в росте отставали от своих ровесников, но были крепкими, коренастыми и независимыми ни от кого мальчишками. В школе они учились очень хорошо. Плюс ко всему, старший брат обладал особыми организаторскими способностями. Лично я всегда старалась делать все так, как делает он. Училась тоже хорошо. В школу пошла рано. Школа у нас была малокомплектной, и вместе учились первый и третий класс, второй и четвертый. А ходить им приходилось из Букары в село Эркин-Сай, что в четырех километрах. Села разделяли две речушки. Вообще-то они были маловодными, но иногда так разольются, что просто страшно переходить через них. Впоследствии папа сделал через них мостики, и опасность стала не такой большой. Но мне ужасно хотелось идти вместе с ребятами, очень хотела учиться. А братья, под всякими предлогами, убегали от меня. Тогда я стала ходить в свою школу, где преподавание велось на киргизском языке. Разумеется, ничего там не понимала. Но в конце-концов все-таки добилась, чтобы меня записали в журнал. Было тогда мне только шесть лет. И теперь я могла хоть чуточку быть на равных с братьями.

Когда училась в третьем классе, опять же в стремлении быть похожей на Гену, я своей активностью добилась, чтобы пионеры избрали меня своим председателем Совета отряда, потому что он всегда был вожаком в каждом своем классе. В это время он, уже учась в седьмом, был председателем совета дружины. А когда его приняли в комсомол, пока он не закончил школу, был комсомольским лидером.

Уже достигнув определенных вершин и став известным в республике человеком, Геннадий Валерьевич вспоминает о своем детстве как о главной жизненной школе. Еще тогда он понял, что благополучия можно добиться только своим трудом, без пощады к себе, порой во многом отказывая себе. Личное благополучие для него — не самоцель, не самое главное. Он воспитан в семье, где не могли быть спокойными, когда всюду нужда и нищета. Где личным примером своей семьи и отец его, и дед старались сделать для людей как можно больше добра. Обратите внимание, как "рвал и метал" отец Геннадия Валерьевича, чтобы в несколько раз перевыполнять плановые задания его торговой точки. Да, во многом зависела их зарплата от перевыполнения. И если бы расчет

производился справедливо, действительно купалась бы семья в роскоши. Но руководство сельпо и райпотребсоюза не могли даже допустить, чтобы им выплачивалась зарплата в полном соответствии с обязательствами руководства. Под всякими предлогами, вдвое-трое она урезалась, как бы не требовал справедливости глава их семьи. Но между тем он, не опуская рук, продолжал работать все лучше и лучше. И делал это исключительно для того, чтобы хоть как-то скрасить жизнь людей.

При этом, разве мало пришлось побегать Валерию Ивановичу, чтобы в селе и водопровод провели, и баню общественную построили, и мельницу, и маслобойку, электростанцию, и даже радиоузел? До сих пор вспоминают люди, как нередко, привезя новый товар в магазин, завмаг по радио оповещал об этом все село. Приглашал всех. Мол, приходите, посмотрите, подберите для себя то, что вам надо.

И вновь слово Анне Ефимовне:

— Вообще-то мы спокойно могли бы ни в чем не нуждаться. Все шло через наши руки. Просто никто бы не узнал, что в магазин поступило. Но мы ждали своей очереди на нужный нам товар, которую устанавливало правление колхоза. Как-то нам по разнарядке досталось два метра плюша. Хотя могли бы взять и больше. Конечно, хозяйство мы вели рационально. Держали всякую скотину, птицы счета не знали. Одних кроликов у нас доходило до тысячи штук, были и пчелы. Все это позволило нам иметь солидную прибавку к зарплате. Поэтому самые первые в селе смогли купить телевизор. Хотя для этого пришлось продать корову. Помню, все село собиралось у нас. Бывало, столько наберется народа, что и ступить некуда. Летом же телевизор выносили во двор. Мотоцикл у нас появился тоже у одних из первых. Как-то узнали, что появился в торговой сети легковой автомобиль. Вот и решили сельчане подарить его нам. Составили ведомость на 4 тысячи рублей, подписались все. Понимали, что автомобиль нам просто необходим для их же блага. Ведь обслуживали мы и больницу, и школу. С председателем правления согласовали. Уже поехали деньги получать. А в это время наш колхоз объединили с соседним и председателя поставили другого. А тот нагло так заявил, мол, выплачу тебе деньги по этой ведомости, если половину отдашь мне. Конечно же, Виля на это не пошел, а ведомость принародно спалил.

Побывав в местах, где провел свое детство Геннадий Валерьевич, учитывая то, в какой среде он воспитывался, что унаследовал от своих родителей, невольно приходишь к выводу, что он просто не мог стать другим, не таким, какой есть. Неопишуемая красота здешних мест. В голубой долине колеблется в мареве

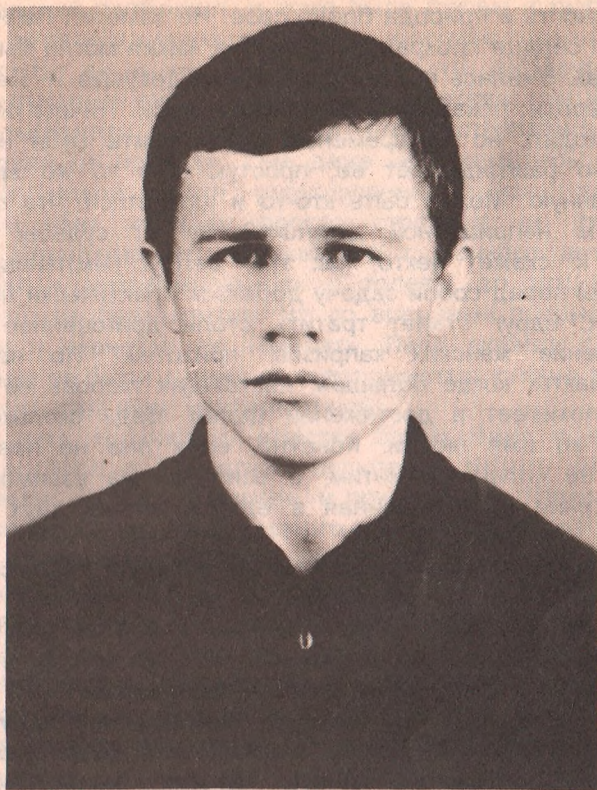
громада гор. Весело журчат бесчисленные речушки. И цветы! Море цветов!!! Белые, желтые, сиреневые, алые! словно кисть искусного художника бережно коснулась то там, то здесь изумруда шелкового покрытия межгорных лощин. Устремившиеся вверх конуса темно-зеленой арчи так и манят в прохладу своих теней. И всюду огромные обнаженные глыбы, вырвавшиеся из мрака вечной полутьмы травяного покрывала. Каждый мальчишка считает своей честью оставить на них свой автограф. Есть там инициалы и моего героя.

Как не полюбить, как не вобрать всю эту прелесть, не аккумулировать в себе ее доброту с тем, чтобы всю, без остатка, выплеснуть ее потом в души тех, кто доверил тебе свое дальнейшее благополучие?! Понять это, осмыслить дано далеко не каждому. Для этого тоже нужен талант, как, скажем, для того, чтобы совершить подвиг или полюбить так, как это может Геннадий Валерьевич. Но об этом потом. Сейчас на ум приходят только слова воспоминания о детстве его сестры Любви:

— В школу мы почти бежим, чтобы не опоздать. А домой добираемся не за один час. Просто ляжем на мягкую траву, словно на искусно вытканый палас, и долго-долго смотрим в небо, в его бездонную голубизну и угадываем в медленно плывущих по небу облаках, на что похожи эти чудесные природные изваяния.

Небо. Каким бы оно не было: добрым или злым, голубым или грозovým, оно всегда манит к себе мальчишек. В те далекие годы манило оно и Геннадия. С давних лет затаилась в его душе самая светлая мечта жизни — подняться на самую недостижимую высоту, наперекор всем земным притяжениям, и сверху взглянуть на нее — Землю нашу-матушку и без конца любоваться ее красотой. Для этого, разумеется, лучше всего стать космонавтом. Об этом в начале шестидесятых мечтали все, без исключения, мальчишки. Но Геннадий понимал, что космос — это не для него. Немного подводило здоровье. Не мог он похвастаться его идеальностью. Мешали сущие пустяки: то гланды так сожмут горло, что идохнуть невозможно, то еще что-нибудь.

Но почему бы не стать хотя бы летчиком? Для этого, считал он, нужно просто как следует закалить, укрепить свое здоровье и, конечно же, не быть в математике и физике "профаном". Эти предметы стали для него самыми главными. Не забывая о других школьных науках, все-таки предпочтение отдавалось тому, что "ум в порядок приводит". Не дожидаясь, когда учитель объяснит новую теорему или раскроет тайну какого-то закона физики. Не старался выучить доказательство того или другого. На все у него были свои варианты. И пророчили ему учителя и одноклассники большое инженерное будущее.

Г. Давиденко в молодости

После восьмилетки друзья-приятели поспешили в ПТУ или техникум. Но он со всей, присущей ему упрямостью, настоял, что пойдет только в девятый класс с тем, чтобы обязательно получить среднее образование и не какое-нибудь, а на самом высоком уровне. Быть только первым — его главный жизненный девиз. Закончив восьмилетку с отличием, сразу же поступил в Кара-Балтинскую среднюю школу с математическим уклоном.

Вполне понятно, что нагрузка там была выше, чем в обычной школе. Но не забывал Геннадий о совершенствовании и укреплении своего организма, что привело его в спортивную школу. Занятия в школе, тренировки, снова и снова тренировки. Так изо дня в день. И нельзя было ничего пропустить, в чем-то отстать. Итог мог быть только один — отчисление. А это никак не входило в планы человека, решившего во что бы то ни стало, поступить в летное училище.

Футбольная команда спортшколы, в которой он был полузащитником, вскоре достигла самых больших высот. Что ни

говори, а юность и природа брали свое. Не заметил Геннадий, как в его горячее сердце прокралась большая, какая могла быть только у него, любовь. Училась вместе с ним одна девушка — Лена Попова. Поначалу, вроде, показалась ему неприметной. Ничего особенного в ней не находил, но со временем стал ловить себя на том, что внимательно разглядывает ее, простую и в то же время такую необыкновенную. Может быть кто-то и удивлялся, что он нашел в этой, ничем неприметной девушке? Но от судьбы никуда не денешься. И скажет некто, как этот целеустремленный человек, поставивший перед собой задачу добиться практически недоступную для многих, вдруг станет тратить столь драгоценное время на удовлетворение женских капризов, прихотей? Но человечеству известны факты, когда большая, настоящая любовь не мешает, а наоборот, помогает в достижении целей. Ведь сколько подвигов совершено во имя любви. Конечно, если она не навязчива, не самоцель, не сплошной интим, а основана на взаимопонимании, взаимоуважении, превращенная в единый сплав двух сросшихся сердец.

Знала ли тогда Лена, на что она обрекает себя, связав свою судьбу с человеком, отрешенным от своего личного "я", волею-неволею втянутым в дела государственной важности, для которого ей суждено будет стать не только другом, но и опорой, крепким тылом, если хотите, в не так уж заманчивой перспективе быть нужным, в первую, во вторую и в десятую очередь для других? Быть избранницей избранного, видимо, самим Богом, моделировать чужие судьбы, взаимоотношения между чужими, неизвестными тебе людьми, ядром неиссякаемой человеческой массы, ее бесформенной толпы. Это значит жить сплошными ожиданиями, знать что он где-то совсем рядом, но не с тобой. В голове его, пусть даже беспредельно любящего тебя, не ты, а дела, дела и дела, непонятные и ненужные тебе дела. Сможешь ли ты пронести это через всю жизнь, не помешать, не навредить, не бросить все это и построить себе жизнь более удобную и благодарную?

Но обо всем этом потом. А пока — о чистой, бескомпромиссной дружбе парня и девушки, у которых может быть в то время и мысли не было ни о совместной жизни, ни о единении жизненных позиций. Им было просто хорошо вместе. Лене нравилось его ухаживание, прогулки по вечернему провинциальному тихому и спокойному городку. А Геннадию хотелось сделать для нее что-то необыкновенное. Вот напали бы на нее хулиганы, а он, ценой своей жизни, защитил бы ее. Подарить бы ей, уж если не миллион алых роз, то хотя бы букет дорогих цветов или еще что-нибудь. Но хулиганы на них не нападали. Все окрестные мальчишки знали, что

он — знаменитый футболист, и тоже были готовы в любой момент заступиться за своего кумира. А на цветы и прочие подарки просто не было денег. Но ей и не нужно было ни то, ни другое. Будучи человеком несколько пассивным с самого детства, она не очень-то старалась выглядеть красивее всех. Довольствовалась тем, чем щедро одарила ее природа. Она даже не стремилась следить за современной модой, была равнодушной к ярко сверкающим безделушкам, без которых просто страдали ее подружки и ровесницы. Геннадия же, привыкшему с раннего детства быть отутюженным и накрахмаленным с головы до ног, не всегда нравилось это ее безразличие. Но со временем привык к этой ее особенности и перестал ее замечать. Лена любила рисовать. И может рисунки ее были далеки от совершенства, юноша восхищался ими, как всем остальным, что было в ней.

Два года проучились вместе. Затем Лена с родителями переехала в Омск, и Геннадий попытался забыть ее. Мало ли девочек вокруг. Были и красивее, и приветливее. Пареньком-то он рос симпатичным, хотя и незавидного роста. И на левой щеке резко выделялся шрам от ожога. Когда был еще грудным ребенком, мать недосмотрела. Положила его на самое теплое место на лежанке. А он вертелся-вертелся и скатился на раскаленную духовку. С болью вспоминает этот момент Анна Ефимовна:

— Это Господь меня наказал, - говорит она. — Уж как меня мама-свекровушка предупреждала: не вздумай, мол, стирать в воскресенье. Грех это наказуемый. Не послушала. Вот и накликала на свою голову беду. Ох и попало мне тогда от всей его родни. Будто всем им было больней, чем ему и мне. Так уж все любили его. Бывало с рук не спускали. Без гостинчика не приходили. И тут такая беда.

Ну ничего. Известно, что мужчину шрамы украшают. А еще поговаривают, что это Бог его пометил, значит быть ему большим человеком. Трудно тогда было предположить, предсказать каким он станет. Но было ясно с самого раннего детства, что если даже речь не пойдет о служебной лестнице, большим человеком, с точки зрения душевного обаяния, станет обязательно. Так что, проблем на счет местных красавиц у него не было. Но нет-нет, да вспомнится Лена, и защемит, заночует сердце в мальчишеской груди. И так захочется увидеть ее, что хоть пешком беги в этот Омск. И вдруг, ни с того, ни с сего — письмо. Вроде ничего в нем особенного и не было, но Геннадий запомнил, заучил наизусть каждое его слово. Тут же ответ, выбранный из целой серии исписанных мелким каллиграфическим почерком тетрадных листков, беспощадно бракованных за вариантом вариант. Ответ пришел скоро, также неожиданно, как и первое

письмо. И снова ответ. Почтовый роман не прекращался два года. Были, правда, перерывы, связанные с обстоятельствами, не зависящими от двух, полюбивших друг друга, молодых людей.

Жизнь еще не раз повернется к моему герою лицом своего звериного оскала. Но первый раз был самым болезненным, когда ему исполнилось семнадцать лет, и в руках красовался аттестат зрелости, а в его комнате на специальной полочке скопилась целая кипа победных дипломов и грамот. Казалось, что вся его дальнейшая судьба уже в его руках, и было явным, что он сдаст любой, самый трудный экзамен для поступления в летное училище. И тут "прокол": его напрочь забрала республиканская медкомиссия, как смертный приговор, написав на специальном бланке, что для летной службы НЕ ПРИГОДЕН (!).

Несколько дней, убитый горем, паренек находился в стрессовом состоянии. Долго не могли утешить ни доводы друзей, ни родственников. Но ни что не вечно в этом мире. Пришло и к нему успокоение. Да и, в конце-концов, не все потеряно. И почему быть именно летчиком? Чем плохо быть тем же инженером? И, наконец, не место красит человека. Выбор остался открытым. Почему бы не поехать с другом в Ленинград и не поступить в какой-нибудь ВУЗ? Но здесь победил разум, да и отец с матерью не одобрили такого решения. И в самом-то деле. У друга в Питере живет брат. У него можно и пережить студенческие годы. А на какие "шиши" будет жить там он? На стипендию? А где гарантия, что будешь ее получать? Да и в доме оставались еще младший братишка и сестренка. Их тоже нужно на ноги поднимать. А для этого средства нужны немалые. Родители всех не вытянут.

Ближе всего по духу оставалась "Скрябинка". Родился и вырос парень в селе. Родители его — потомственные крестьяне. И хоть в последнее время работали в торговле, вся их деятельность была направлена для людей села. А разве не нуждается оно сейчас в хороших высококвалифицированных специалистах, тем более инженерах? Подумал хорошенько и решил твердо и окончательно: поеду в столицу, испытаю свое счастье там. Собрал все необходимые документы и приехал во Фрунзе, на улицу Коммунистическую, где красовалось величественное здание сельхозинститута. Парадная колоннада встретила своего нового абитуриента с явной прохладой. Желающих поступить, оказалось, по крайней мере, раз в десять больше, чем позволяли вместить стены главного сельскохозяйственного ВУЗа аграрной республики.

Было бы обидно, но вполне реально, что поступит какая-нибудь тупица, которой сельхоздиплом нужен не более, чем для престижа. Кто заметит, увидит в нем, простом пареньке среди

разнаряженной толпы баловней судьбы, нужного селу специалиста? Здесь на "авось" дело не пойдет. Нужна твердая гарантия!

Взвесил он хорошенько свои возможности и решил: а почему бы не заручиться ходатайством райкома комсомола и руководством колхоза, на который работали его родители, и которому лично он немало вложил своей силы и, конечно же, своего здоровья, простывая глубокой осенью по колено в грязи, выкорчевывая stokлятую свеклу? С райкомом дело оказалось совсем простым. Там, своему комсомольскому активисту, бесменному вожаку молодежи рекомендацию для поступления в ВУЗ дали с большим удовольствием. И были уверенны, что окончив его, парень обязательно вернется, и одним энтузиастом самых ценных начинаний в районе станет больше.

С колхозом дело оказалось несколько сложнее. Была разнарядка направить двоих выпускников сельской школы на учебу за счет хозяйства, нужны дети колхозников. А его родители из колхоза вышли давно. И все-же, решающую роль сыграли заслуги деда, чьим именем названа одна из сельских улиц. Хотя завистники были категорически против, большинством членов правления колхоза Давиденко Геннадий Валерьевич был сначала принят в члены колхоза, а уж затем вынесено решение направить его на учебу в Киргизский сельскохозяйственный институт имени Скрябина за счет колхоза, с вручением ему подтверждающего документа.

Но ничего не стоили бы эти загербованные бумажки, если бы сам Геннадий не показал на вступительных экзаменах блестящие знания конкурсных дисциплин.

И, так, он сделал свой самый первый серьезный шаг самостоятельной жизни, полной радости побед и горечи разочарований, добрых настоящих людей и низменно пресмыкающейся твари, мудрости и бездарности, в мир, опутанный мерзостью интриг и непробиваемого чугуна чиновничьих голов. И трудно будет высветить в ее крошечном мраке дорогу к главной ценности цивилизации — трудовому человеку, повести его за собой в мир надежд и благополучия, достойный его великого звания.

Мракобесье и мракобесы. Это было то, что постоянно призывало к внутреннему бунту, будоражило его, толкало на решительные действия, хотя и приносило больше неудач, чем побед, отталкивало назад и заставляло все начинать сначала. И только для того, чтобы собраться с духом, с еще большим остервенением броситься в неравную схватку с ненасытной прожорливостью казнокрадов, хапуг и двурушников-лицемеров. Жизнь научит его понимать, откуда берется вся эта мразь. Но пока у него только одни вопросы, ответы на которые уже позже даст он сам, открыто, не боясь

последствий, при этом бережно храня человеческое достоинство как свое, так и своих оппонентов. Уже позже он придет к выводу, что и врагов своих нужно уважать. Да — уважать! Хотя бы за то, что они есть. Ведь это значит, он не стоит на месте, а движется вперед. А на пути всегда встречается то, что валяется под ногами. И чувствовать себя выше всего этого — главный признак превосходства над ним.

Нынешним студентам, изнеженным и избалованным своими крутыми предками, не понять истинной студенческой жизни, когда на уме не столько науки, сколько мечты хоть когда-нибудь досыта наесться, пусть даже черствого хлеба с солью. Сегодня подавляющее большинство так называемых контрактников — выходцы из богатых семей. Им эти науки и на дух не нужны. Вспоминается конец восьмидесятых годов, когда еще существовала советская власть. Как-то приехали мы с директором совхоза “Пригородный” Аламудунского района Орлом Борисом Абрамовичем в лагерь труда и отдыха во время пребывания там студенток из педагогического. А там несколько полуголых девушек млеют на двухярусных солдатских кроватях. И ничуть не смутившись своей наготы, одна, даже не повернувшись в нашу сторону, важно так пропищала:

— Какого черта... вашу мать, заперлись без стука к женщинам? Неужели не видите, что мы отдыхаем?!

— А почему вы не на работе? - возмутился директор.

— От работы кони дохнут, - продолжала нахалка.

— Кто ваш преподаватель? - не скрывая зла, спросил Борис Абрамович.

— А вам какое дело? Нажаловаться хотите? Пожалуйста. Мы самого директора купили, а что для нас преподаватель?

Да, действительно, такие купить могли еще тогда. Но их тогда было немного. А сегодня — в большинстве. Не каждый родитель в состоянии обучить ребенка за свои кровные. Как бы оно ни было, но Геннадий стал студентом с ясно выраженной целью — стать человеком, полезным обществу. И на помощь родителей особо не рассчитывал. Стипендия в сорок рублей, это, пожалуй, главный ориентир его бюджетных возможностей. Расчет простой — червонец в неделю. Из них — 2 рубля нужны на одну еженедельную поездку от Кара-Балты до Фрунзе и обратно, а остальные — на решение всех остальных житейских и общественных проблем. И не “плюс”, а “минус” гуманитарная помощь тому, кто живет вместе в комнате и понятия не имеет, что такое стипендия. Через это прошли все поколения студенческой сестробратии советских времен.

Очень жаль только то, что ближайшие родственники и слышать не хотели никаких оправданий тому, что их чада, не жалуясь

по приезде на побывку на аппетит, худеют на глазах. Выяснить это не смог и младший брат Геннадия — Анатолий, когда приехал к нему в гости в общагу, на первое, второе и третье дорогому гостю было предложено то, что послал Бог. А в этот день он послал хозяевам три черствые корочки хлеба, соли и в неограниченном количестве холодной воды из крана.

Пусть не судит меня очень строго читатель за кажущийся ему неуместным юмор. Но разве все мы можем вспомнить свои студенческие будни без сарказма? Ведь пессимизм у “пожирателей наук” равнозначен медленному и мучительному самоубийству, по крайней мере, в духовном плане. Но столь халатное отношение к потребностям собственного организма для Геннадия было непростительным. Именно студенческие годы были для него временем взлета спортивной славы. Именно тогда появилась уникальная возможность попробовать себя, а затем и проявить незаурядный спортивный талант на боксерском ринге. Мало кто из его нынешних сослуживцев знает, что Геннадию Валерьевичу представлялась возможность защищать спортивную честь Киргизии на самом высоком всесоюзном уровне. И делал он это довольно-таки результативно, возвращаясь в свои родные предгорья Ала-Тоо со спортивными званиями, пиком которых было звание кандидата в мастера спорта.

А иначе и быть не могло. Вспомним девиз: быть во всем только первым. Насколько это ему удавалось, посмотрим в дальнейшем. Но если бы судьбе было угодно, вернее, если бы он плыл по ее течению, то с уверенностью можно было бы сказать, что носить ему самую золотую корону на спортивном поприще, как это делает сегодня его самый любимый племянник — Валерий, который всегда и во всем следовал примеру своего дяди Гены. И думаю, вполне уместно заострить внимание читателей именно на нем, потому что Наверное, Валера сделал в жизни то, что не сделал Геннадий, унаследовав от него и общих предков настойчивость в достижении цели, трудолюбие и благородство. Это юноша, о котором можно говорить бесконечно. Но для начала, слово корреспонденту газеты “Московский комсомолец”, в очередном номере которой была опубликована заметка “Своя ноша не тянет”, а в анонс был вынесен сенсационный вопрос: “Что можно сделать 850 раз за полтора часа?”

“Русские богатыри все свои подвиги совершали или когда припрет, или просто для души. А сейчас все подвиги совершаются, пожалуй, только ради Книги рекордов Гиннеса”.

Валерий Федоренко в Книге рекордов уже был. В 1991 году победил всех в гиревом двоеборье. Тогда он поднял гирю 700 раз. Так что, свой нынешний подвиг он просто посвятил юбилею столицы.

Валерий специально прибыл в столицу из Бишкека, чтобы на глазах у изумленной публики поднять 24-килограммовую гирию 850 раз. Валера нисколько не сомневался в своих силах, и вместо того, чтобы тягать гирию, или хотя бы буравить ее сосредоточенным взглядом "входя с ней в контакт", побежал искать в праздничной Москве парикмахерскую.

Если вас не впечатляют эти цифры, то попробуйте поднять хотя бы сто раз обычный карандаш. Рука отсохнет. А нарядную, раскрашенную в честь праздника гирию, лежавшую на земле, мне, например, с трудом удалось даже сдвинуть с места, не то что поднять. А Федоренко вертел ее как хотел полтора часа — столько времени ушло на то, чтобы выжать гирию 850 раз. Больше всего повезло жителям Теплого Стана, которые могли лицезреть вчера это своими глазами. Дети смотрели с удивлением, женщины — с восхищением, мужчины — с завистью.

Пока Федоренко раскладывал инвентарь, мы решили узнать, каковы ощущения после таких упражнений на свежем воздухе. А то, может, после ему уже и не до вопросов будет.

— Да нет, руки не устают, — отмел наши предположения Валера. — Сердце стучит, как бешеное. Как будто 50 километров пробежал.

Гири Валера тягал абсолютно бесплатно. Просто так, из любви к искусству. Организатором этого маленького шоу был общественный комитет "Кыргызстан-Москва-850". Вон аж где люди о нашем празднике думали.

Валера готовился к вручению подарка полгода. Гиревым спортом занимается с 13 лет. Как и всякий серьезный спортсмен, Валера не пьет и почти не курит. А попытки отыскать в его гостиничном номере остатки секретного завтрака чемпиона, успехом не увенчались. Рекордсмен ест, что хочет и когда захочет. И все-таки "военную тайну" он нам открыл — последнее время Валера налегает на буритто. Наверное мексиканская кухня открыла резервы организму, потому что сегодня, в воскресенье, на малом стадионе спорткомплекса "Динамо" Федоренко подтвердит свой рекорд, только сам он будет теперь постриженным..."

И это был его один из последних рекордов. Что о нем говорила пресса пять лет назад, подтверждает корреспондент из Казахстана Павел Фадеев в своем интервью с Валерой "Ставка только на победу". Привожу его, что называется, без изменений и дополнений.

"Не так уж и часто житейские превратности судьбы дарят нам, провинциалам, встречи с большими спортсменами, еще реже — с первыми номерами в своих видах.

В конце прошлого года, в Усть-Каменогорске побывал почти всем своим боевым составом цвет казахстанского силового атлетизма — рукоборцы и гиревики из небольшого южного городка Каратау. Выступая на Кубке Федерации республики, команда под руководством известного тренера Пантелеймона Филиниди без особого труда выиграла максимум, уступив в обоих видах лишь по разу награды сильнейшим. Средний возраст гостей из Каратау составлял 19 лет, их лидер — мастер спорта международного класса по гиревому спорту Валерий Федоренко — в свои 20 лет обладал всеми титулами в мировом масштабе.

На Усть-Каменогорском помосте Валерий, понятно, не рвался к рекордам, но и не позволил отнестись к обычным, в общем-то, соревнованиям спустя рукава, продемонстрировав уровень работы с железом высокого класса.

В. Ф.: — Что удалось в 93-м году? Летом на молодежном чемпионате СНГ в Карелии занял первое место и с рекордом для взрослых: в рывке и в двоеборье. По сто раз вырвал двухпудовик. В ноябре, в Липецке стал победителем чемпионата среди взрослых, также с двумя рекордами, вырвав по 98 раз и набрав 225 очков. Выступаю в категории до 80 килограммов, мой собственный вес сегодня — 76 кг. На международных соревнованиях участвую с 17-ти лет. А гирями стал заниматься с 1988 года.

Корр.: — В Каратау, говорят, испытание железом проходят все мальчишки, как в Усть-Каменогорске — шайбой.

В.Ф.: — Все это благодаря Пантелеймону Петровичу Филиниди. Он, между прочим, увлекся гирями в 35. Первым в Казахстане выполнил норматив мастера спорта международного класса, пятикратный чемпион республики. Он-то и создал в Каратау школу гиревиков, сильнейшую не только в Казахстане, но и в СНГ. Среди его воспитанников 20 мастеров спорта. Ему я обязан своими успехами. Он приучил меня с детства к снарядам, к серьезному отношению, к дисциплине на тренировках. Мы жили в Жанатасе, откуда и пригласил к себе Филиниди. Гиревой спорт — издревле российский вид, в мире развит пока недостаточно. Поэтому мои соперники, прежде всего — россияне. Но приходилось встречаться и с представителями скандинавских стран — Норвегии, Финляндии...

Корр.: — Ты студент?

В.Ф. — Учусь на четвертом курсе Казахского политехнического института, заочно.

Корр.: — Гири надолго в твоей жизни?

В.Ф.: — Во имя здорового образа жизни — навсегда. В большом спорте — лет до 30. Но и сегодня на крупнейших соревнованиях 35-летних немало.

Корр.: — Гири — спорт пока малопопулярный. О вас мало кто знает. Не завидуете тем же борцам, боксерам, хоккеистам по этому поводу?

В.Ф.: — Есть какая-то зависть, но преданность гирям перевешивает, с детства ведь занимаюсь. В чем своеобразие нашего вида спорта? Мы, народ, в основном, по своей физической структуре, худощавый, стройный, жилистый, со стороны не подумаешь, что по 150 раз двухпудовки таскаем.

Корр.: — Вы мастер спорта международного класса?

В.Ф.: — Жду присвоения заслуженного мастера спорта за победу на чемпионате мира. Гири — мой путь и способ утверждения в жизни.

Корр.: В 20 лет Вы покорили уже многие вершины. Что дальше?

В.Ф.: — Это только начало. На турнирах я вижу, какие есть мастера. До них тянуться надо. Например, в весе до 90 кг — это Сергей Мишин. В моей категории — Сергей Леонидов, и, конечно же, легендарный Федор Усенко, пятикратный чемпион бывшего СССР. Я у него выиграл в Бресте на чемпионате Европы, обошел на одно движение, выступая вслед за ним. Но он последнего слова еще не сказал.

Корр.: — Как Вы выглядите в соревнованиях на звание абсолютного чемпиона?

В.Ф.: — Рывок у меня сейчас 100, толчок — 133. Рассчитываю в ближайшие три года минимум: толчок — 160 и около 115-120 движений в рывке. Лучший показатель в сумме у Мишина. Он держит в абсолютке рекорд с суммой 256 очков, у меня — 225. Настроен в перспективе на большее.

Корр.: Каковы тренировочные нагрузки в неделю?

В.Ф.: — Около 1000 подъемов. В день — по 4 часа работы.

Корр.: — Когда в последний раз выиграли? Как отреагировали?

В.Ф.: — В Алма-Ате в 1991 году стал третьим, хотя был готов на большее. На тренировках показывал немного выше рекорда страны. По неопытности, из-за сгонки веса, проиграл. Так был раздосадован, что появились мысли, что на большее не способен совсем. Но набрал свой вес, и сейчас, кроме первого места, ничего не приемлю на любых соревнованиях.

Корр.: — В этом, очевидно, и есть Ваша сила — в уверенности?

В.Ф.: — Уверенность надо подкреплять объемом работы. Беру характером, если взялся всерьез, то только выигрывай — мое кредо. Во многом приходится отказываться сегодня ради гирь.

Корр.: — Коммерческие выступления возможны?

В.Ф.: — Не представляю как? Хотя у себя, в Джамбуле, часто выступаем перед публикой.

Корр.: — По Вашему, как популяризовать гири в Казахстане?

В.Ф.: — В Алма-Ате, как будто, открыли отделение при училище олимпийского резерва. Набрали, якобы, 160 человек. Надо, чтобы в областных вузах включили специализацию на соответствующих кафедрах по гиревому спорту и армрестлингу.

Корр.: — Так что, все еще впереди. Но, предел все-таки будет?

В.Ф.: — Наверное с годами и будет. Но в настоящее время я чувствую себя более чем уверенно. И вдохновляет то, что на прошлогоднем чемпионате мира у меня был абсолютно лучший коэффициент по системе Стародубцева, где учитывается собственный вес и количество подъемов."

Приведено лишь два наиболее характерных материала из толстой пачки газетных вырезок, которые бережно хранит Валерий. Обидно читать их, понимая, что наша республика, так жаждущая заявить о себе на мировом уровне, пренебрегает возможностью сделать это, не вбухивая многомиллионные средства типа празднования тысячелетия мифического Манаса. Данное произведение уже увидит свет, когда Валерий будет готов в ознаменование 3000-летия города Ош удивить мир неслыханными доселе в истории человечества 3000-кратным подъемом пудовой гири. С идеей написать золотую строчку в Книге рекордов Гиннеса тысячекратным подъемом 24-килограммовой гири, объединить гиревой спорт республики, созданный и возглавляемый им, Валерий обращался к тогдашнему мэру Бишкека Борису Силаеву. Будучи истинным патриотом Кыргызстана, как его прадед, дед и дядька, желал заявить на весь мир о том, что есть у нас богатырские возможности, богатыри, равным которых мировая история еще не знала. Но для этого нужно разбудить в молодежи дух бойцовского качества, создать школу боевого искусства гиревого спорта, сделать его массовым во всех учебных заведениях, спортивных мероприятиях, в Вооруженных Силах, МВД, МНБ, нормой жизни мужской половины воинственного народа, во имя его боеспособности и истинной неприкосновенности. Понимая в душе важность этого дела и морально поддерживая своим благословением юного аскера, посылая его на празднование 850-летия Москвы, он на ходатайстве руководства объединения 18 ноября 1997 года вдруг вынес смертоносную резолюцию: "Пока нет!".

А ведь подписал это ходатайство не какой-нибудь спортсмен-любитель — заслуженный мастер спорта, чемпион СНГ, Европы и

мира. И все эти недостижимые для других титулы он получил не во имя подъема имиджа своего родного Кыргызстана, где его никто не заметил, не дал "путевку в жизнь" венцу его славы, а в братском Казахстане. И сейчас он имеет предложения от самых солидных государств. Не сводить концы с концами, выискивая, кто своим небрежным рыцарским жестом швырнет ему сотню-другую презренно шелестящих бумажек (собственно, чем он довольствовался у нас сегодня). Понятно, что речь идет о Валерии Федоренко.

Кстати, слово "довольствовался" здесь не случайно взято в прошедшем времени. Сегодня все его четыре спонсора, когда-то выплачивающие ему в месяц по пятьсот сомов, заявили, что дальше им такая "ноша" не под силу, и умыли руки. Что ж, и на том спасибо. И тут под авторской рукой, как нельзя кстати, появилась ксерокопия заметки Елены Авдеевой из "Вечерки" от 16 июня 1997 года "Рекордсмен подтверждает резюме". Не привести его просто невозможно, в нем боль простой кыргызстанки за нашу слепоту.

"Чемпионом открытого первенства России по гиревому спорту, что завершилось в Липецке в рамках третьего международного фестиваля по силовым видам, стал кыргызстанец Валерий Федоренко.

Соревнование проводилось как в личном, так и в командном зачетах. А за медали боролись представители Латвии, Украины, Белоруссии и Казахстана. Увы, наш заслуженный мастер спорта представлял свою страну в одиночестве. Выступая по программе двоеборья в весовой категории 80 кг, Валерий показал отличный результат: за 10 минут он 116 раз толкнул две двухпудовые гири. Его основным соперником был обладатель Кубка мира последних лет россиянин Павел Расликов. Но наш богатырь оказался сильнее и добился чемпионского титула.

Теперь, в ноябре этого года Валерию предстоит принять участие в чемпионате мира по гиревому спорту — опять же единственному кыргызстанцу, который будет здесь бороться за победу. Напомним, что в 1993 году Федоренко установил мировой рекорд в двоеборье, который непобедим до сих пор. Тогда наш атлет набрал по сумме двоеборья 225 очков.

А еще есть у силача задумка — приподнести на грядущий юбилей Москвы спортивный подарок его всех кыргызстанцев: в дни празднования поднять в российской столице гири 850 раз! По словам Валерия, физически к этому он готов. Но найдутся ли спонсоры, которые помогут Федоренко в реализации его идеи?"

Как уже было сказано выше, своей цели он добился. Нашлись и спонсоры. Только пришлось расстаться и с подаренной ему когда-то автомашиной, и отказать себе во многих желаниях. Вот они где —

наша национальная гордость, замечательные современники кыргызстанца рубежа двух тысячелетий! И это в то время, когда "патриоты" с номерами 001, коим вообразил себя некий Нышанов, создав сомнительную, неизвестно кому и для чего нужную патриотическую партию, и прочие набивают себе карманы, нагло плюя на честь своей Родины (если она есть у них), если ею считать только то место, где родился. У Валерия же, как и его дяди, Родина — понятие намного шире и возвышеннее. Это та земля, которой ты обязан каждым своим дыханием, каждым движением. Это то, ради чего и во имя чего ты живешь.

Да, любое дело требует определенных затрат. Но какие затраты нужны для гиревиков? Строительство стадионов, бассейнов, кортов, треков, специальных залов или каких-то других дорогостоящих сооружений? Ничего подобного. Тренироваться можно в любом помещении, а соревнования проводить в любом вместительном для зрителей зале, даже в обыкновенном сельском клубе или актовом зале, что имеется в каждом учебном заведении. Не понадобятся деньги и на приобретение снарядов. Их можно найти в любом хозяйстве, в самой бедной школе. Что же касается средств на проведение соревнований или для отправки команды за рубеж, то спонсоры найдутся, как находятся они сейчас. Достаточно на государственном уровне бросить клич, разбудить патриотические чувства у тех, кто сможет "выкроить" из собственного бюджета посильную для них сумму.

Будучи уверенным, что данная книга дойдет до умов и сердец власть придержащих, хочется заострить внимание на проблеме, которая волнует сегодня пока что небольшую группу людей, жаждущих мировой славы во имя процветания и признания во всем мире нашего молодого независимого государства.

Пусть не думает читатель, что это самоцель. Главная идея книги не отошла на второй план, а лишь иллюстрирует ее фактом, как трудно сегодня у нас сделать даже благое дело, какие приходится повседневно, ежеминутно совершать моему главному герою, чтобы чего-то добиться к своему полувековому юбилею. И Федоренко Валерий, его любимый племянник, для этого выбран не случайно, потому что, желая во всем походить на своего дядю, он идет по его стопам, сквозь бурелом человеческих интриг, пробивая себе дорогу не во имя своего личного блага. Он еще совсем молодой. Ему сегодня только 26 лет. Но жизнь и у него яркая, поучительная и вполне могла бы послужить поводом для написания интересной и поучительной книги, в которой показать как штурмуются, ранее никем недостижимые, вершины.

Но вернемся к Геннадию Валерьевичу, к рассказам о нем тех, кто помнит его детство как обыкновенное и все равно интересное, которое послужило формированию его, как личности.

Рассказывает Вера Ефимовна, его тетя по материнской линии:

— Таким он был хорошеньким малышом, что мы постоянно воровали его у родителей. Те не очень на это обижались, потому что, почитай, круглосуточная работа в сельском магазине не давала им возможности заниматься детьми. В то время я жила в селе "Тельман", когда ему было только три годика. Из-за любознательности его просто нельзя было оставить без присмотра ни на одну минуту. Обязательно куда-нибудь влезет или что-нибудь сломает, чтобы узнать, что там находится внутри. Жили у меня по соседству Ситниковы, и был у них огромный кобель, гроза местной ребятни. Дразнили они его, а мы боялись, чтобы он ненароком когда-нибудь не сорвался. Как-то я с хозяйством управлялась: не то птицу кормила, не то еще что-то делала. А Гена следом за мной по пятам ходил. И тут вдруг хватилась — а где же он? И первая мысль, что пришла в голову — взглянуть, не попал ли он во двор к соседям. Глядь, а он уже в зубах у кобеля. Схватил он его своей железной хваткой за ручонку и треплет, как тряпку. Не помня себя, я пулей подлетела к расвирепевшему псу и, забыв весь страх, собрав неизвестно откуда взявшиеся силы, раздвинула зубастую пасть, схватила ребенка и помчалась в больницу. Девять километров, не передохнув ни на секунду, мчалась по каменистым тропинкам напрямик, как самого драгоценного, держа его в своих руках. Не думала тогда, что узнав о том, как я прокараулила его сына, Виля просто-напросто разорвет меня на части. Боялась только одного — не опоздать бы, не погубить малыша. С ним-то, слава Богу, все обошлось. Натыкали ему кучу уколов. Отошел, так и не успев перепугаться. Главное было потом. Виля, как узнал, что я натворила, прилетел ко мне верхом на коне. Как я уцелела тогда, просто представить не могу. Как это меня не постигла участь того кобеля — не знаю. След же собачьего укуса остался у Геннадия на руке на всю жизнь.

В разговор вновь вмешивается его мать — Анна Ефимовна:

— У него же на теле живого места нет. Весь в шрамах. Как-то, лет пять ему тогда было, попала к нему в руки удочка. Что он там с ней делал — не знаю. Но слышу, вдруг заорал на весь двор. Гляжу, а у него в ладони между пальцев крючок воткнулся. Тоже быстренько в больницу. А фельдшер говорит, что нужно обязательно вмешательство хирурга — необходимо разрезать, так вынуть жало не

позволит. Поехали в райбольницу. Операция оказалась не такой уж и простой.

Однажды, тоже еще в школу не ходил, пожаловался, что у него животик болит. Посмотрела я, пощупала. Ну ничего, думаю, поболит и пройдет. Мало ли что. Может быть что-нибудь не то съел. Маленько погодя, он снова пожаловался. Повела его к местной знахарке, чтобы посмотрела. А та положила его на лавку и давай мять ему живот, как раньше это делали, чтобы кишки на место поставить. А ему все хуже и хуже. Повела его тогда к сельскому врачу. Киргиз был у нас тогда один, уж таким себя доктором ставил! Осмотрел и он его, какие-то таблетки прописал. Попьет, мол, и все пройдет. Какое там! Не успели мы далеко отойти от больницы, а мой упал и катается по земле, схватившись за живот. И тут бежит к нам из больницы санитарка или сестра, сейчас уже и не помню кто, кричит, мол, врачи из района приехали. Покажи, дескать, ребенка им. Вернулись. Врач только взглянул на сына и тут же:

— Срочно в район! Нужно немедленно оперировать — приступ аппендицита.

Уж потом мне сказали, что еще бы часик продержали, и никакая операция не спасла бы. Видно не судьба, коль так совпало, что врачи из района приехали.

— А уж любознательным он был, это точно, - продолжает Анна Ефимовна. — Как-то сидим мы с мужем дома и слышим, что кто-то во дворе камень о камень бьет. Выходим, смотрим, а это Гена часы мои золотые, что муж на день рождения подарил, и которые я пуще глаз берегла, на руку одеть жалела, вдребезги расколотил. Как мне тогда их жалко было, а Виля даже и ругать его не стал. По душе, видно, ему пришлось, что сын у него такой растет, до любой сути сам доберется. Хочет все понять, всему для себя объяснение дать. Потом, когда уже вырос немного, обещал купить мне такие же часы или даже лучше. Только вот до сих пор так и не соберется. Все нехватки да недостатки. Это люди только говорят, что живет он не по средствам. Какое там! До сих пор не всякую тряпку, что хотелось бы, купить может или отдохнуть где-то по-человечески.

— И каким старательным пареньком он рос, - вновь говорит тетя Вера. — С девятого по одиннадцатый класс он у меня жил. Переехала я тогда в Кара-Балту. Получила комнатку в коммуналке на три семьи. Была она на шестнадцать квадратных метров. Вот мы в ней и ютились. Я с семилетним сынишкой Колей и он. Работать приходилось много. Приду домой, а дома чистота и порядок. Когда Гена к нам переехал, Коля в первый класс пошел. Не знаю, как бы он учился, если бы не Гена. Он ему вместо отца стал. Следил, чтобы он всегда чистеньким ходил и уроки делал. А где надо, помогал ему,

объяснял. Ростиком-то Гена маленький был, видно не в нашу — отцову породу пошел. В кино тогда на вечерние сеансы до шестнадцати лет не пускали. Сколько раз я приятельнице своей, контролерше в клубе говорила, что это он только ростиком такой маленький. Но та никак не могла запомнить его, и каждый раз приходилось выговаривать подружке за то, что не пускает парня.

И про Лену у Веры Ефимовны особый рассказ. У Геннадия-то она была первая. И очень уж она любила его. Не было вечера, чтобы не зашла к нам. Такая она была красивая, словно нарисованная. Радовалась я в душе, что такая добрая и приветливая у племянника подружка. А когда она переехала в Омск, Гена розочки в посылках ей посылал. Зальет ее, когда она еще в бутоне, парафином и отправит. И она ему часто писала.

— Только за одно я ругала его постоянно, — продолжает Вера Ефимовна. — Работала я тогда на стадионе, где они с ребятней мячик пинали. Так нет, мало! Боксом стал заниматься. Что за спорт, возмущалась я, когда постоянно весь в синяках ходит да кровушку свою пускает. "Надо, — говорит.. — Тетя Вера, в жизни это очень пригодится". Да и учиться он стал хуже чем в селе. Вызывали меня учителя, спрашивали, что случилось. Я его понимала, что учиться в селе намного легче — спрос не такой. Так что пришлось поднажать. Уроки он любил делать ночью, когда все спали. Уйдет на нашу общую кухню и до полуночи пишет что-то, читает. Словом, каким был он неутомимым в детстве, таким и на всю жизнь остался. Всегда и во всем помогать людям было призывом его души с самого детства. Получили мы по расширению другую квартиру. На работе старалась, уважали меня. И Гену прописать разрешили, и квартиру дали посвободнее. А на подселение к нам была семья миллионера Иванова. В органы пошел он сразу после армии, а грамотенки маловато было. Пришлось в вечернюю школу идти, в седьмой класс. И Гена постоянно с ним занимался. Иванов этот до сих пор говорит, что если бы не Геннадий, так и остался бы он неучем. А теперь большим человеком стал!

Незабываемые студенческие годы для Геннадия были и в самом деле незабываемыми. Нужно отметить, что в материальном плане он особо не бедствовал. Не бегал по этажам студенческой общаги, не просил — у кого заварочки, у кого щепотку соли, как это делают многие, даже те, чьи родители более состоятельные. Больше того, вместе с ним студентом стала и его мать, Анна Ефимовна. Так уж получилось, что и ее жизнь заставила повышать свою квалификацию в торговом техникуме. Как-то, смеясь, рассказывает она, какой-то разиня утащил у нее кошелек со всем ее студенческим состоянием — аж семь рублей! И пришлось идти к сыну за помощью.

Но лучше всего о его студенческих буднях рассказывает его друг, с которым он от первого до последнего дня проучился и прожил в одной комнате. Это Виталий Александрович Полиенко. Кстати, разыскать его, а потом встретиться, оказалось ничуть не проще, чем это приходилось мне делать, выходя на Геннадия Валерьевича. Он сейчас работает на Карабалтинском мелькомбинате. Работа связана с полями подсобного хозяйства комбината, и дела вечно его куда-то зовут. Ну, словом, такой же самоотреченец, как и Давиденко.

Наконец-то встреча, на которую он прихватил их общего давнего друга Бакбергена Сагындыковича Есиркенова, состоялась. Узнав, зачем я оказался в их краях, они дуэтом, а вернее сказать, дуэлетом, выложили все, что знали о нем. Уже потом, разложив все по полочкам, явственно представляю, каким он был студентом. Так что слово Виталию Александровичу:

— С первых дней нашей совместной жизни в комнате сколотилась капитальная команда. Кроме нас с Геннадием в нее вошли Грибанов, Кротов и Мойсов. Наша дружба осталась неразделимой и по сей день. Я у них был самым старшим. Уже отслужил армию. А они еще были пацанами, только что со школьной скамьи. Естественно, они меня старшим и признали, и мое слово для них было окончательным, как говорится, обжалованию не подлежало. Но все-таки нашим центром или ядром всегда был Генка. Он покори нас своей целеустремленностью, трудолюбием и умением в любой ситуации постоять за себя. Слившись в одно целое, мы были недостижимы для других. Были у нас стычки, как это обычно бывает в молодости, с ребятами из других факультетов, но мы крепко держали свою символику непобедимости. Конечно, и нам порядком доставалось, но последний удар или последнее слово всегда оставалось за нами. И все это потому, что с нами был Давиденко, и бояться нам было некого.

Как-то вернулся я в комнату, встретил меня Гена с побитой физиономией и огромным синяком под глазом, но счастливый, словно он только что на Луну слетал. Оказалось, он не поделил что-то или в идее разошелся с Боржером — перворазрядником по боксу, который в два раза здоровее Геннадия. Крепко нашему Малышу досталось тогда, но его сопернику — куда больше. Сейчас тот самый Боржер (это кличка такая была у Славки Домашенко), стал большим человеком. Доходил до заместителя министра по водному хозяйству. Уважаемый человек. Но о том, как ему навешал тумачков Гена, не забывает до сих пор.

Учиться Геннадию было намного сложнее, чем нам. Ведь он решил пойти в большой спорт. Ну, конечно, не настолько, чтобы посвятить ему потом всю свою жизнь. Просто этот человек не мог

быть даже вторым хоть в чем. Некоторые с завистью подшучивали, что боксом он занимался только из-за того, что тогда всем спортсменам давали талоны на питание. Вот, мол, он выбрал способ выжить. То, что на студенческих харчах на ринг не полезешь, ясно и так... Но мы не знали, что такое голод в студенческом понятии. Во-первых, зимой работали в котельной. Это что-то нам давало. Потом часто приходилось разгружать вагоны. К примеру, когда приходили вагоны на "Взрывпром", шли только за нами. Знали, что мы в любое время суток пойдем без оговорок. Ребята были крепкие и работали дружно. Дело-то какое было — взрывоопасное, любому не доверишь.

Геннадий очень часто уезжал на соревнования, отсутствовал по три-четыре недели. А когда возвращался, мы налегали на него, старались помочь ему наверстать упущенное. Бывало всей комнатой за ночь ему курсовую делали. А когда он вновь входил в колею, те же курсовые другим делал за ночь. Разве мало было таких, кто "на чужом горбу хотел в рай попасть?" А для нас лишний червонец не был лишним.

Вот так мы все вместе институт закончили. Но и потом всячески помогали друг другу. И дружба наша продолжается вот уже тридцать три года. Правда, Геннадий немного нам изменил — женился на третьем курсе. Но это не мешало ни нашей учебе, ни, тем более, дружбе.

Подтверждающий до этого каждое слово Виталия Бакберген, наконец-то вмешался в разговор:

— И потом Геннадий Валерьевич был верен дружбе с каждым, с кем ему приходилось вместе работать. Он не выбирал себе ни помов, ни замов. Кто хотел работать — оставался, кто понимал, что не сможет — уходил сам. Ни с кем он не нянчился. Но зато с тех, кто оставался, спрос был точно такой же, как с самого себя. А примером для нас он был во всем. Осенью 1980 года он принял совхоз "Чуйский". С того времени я работал с ним главным агрономом. Хозяйство нам досталось доведенным "до ручки". Полнейший развал. Став потенциально убыточным, оно задолжало государству три миллиона рублей. Покидали мы его через пять лет высокорентабельным, на счету которого лежало четыре миллиона рублей, не считая того, что шестьсот тысяч сняли с нашего "добровольного" согласия на оборону. Конечно, жаль было этих денег, потому что шли они на ненужную никому войну в Афганистане.

Как так получилось, что мы дали такой скачок из ямы к вершине славы совхоза? Думаю, что главная заслуга в этом Геннадия Валерьевича. Помню, писала в то время районная газета, как он использовал свою обязанность быть пропагандистом, совмещая ее с должностью директора. На занятиях группы, в которую

входили, в основном, все специалисты и руководители среднего и младшего звена, он не упускал возможности на фоне существующей тогда политики дать глубокий анализ происходящего в совхозе. Занятия фактически превратились в школу передового опыта. Приходилось в те времена присутствовать на учебе, которую проводили именитые пропагандисты. Но они прочитают, что там законспектировали на досуге и "с колокольни долой, а там хоть не рассветай".

Занятия же у Геннадия Валерьевича проходили непринужденно, в форме дружеской, доброжелательной беседы. Как всем нам не хотелось, чтобы наши имена называли в числе отрицательных примеров. Вот, скажем, привел в качестве показательного примера он бригаду слушателя В.Щебетова, которая одна из первых в районе завершила укос трав, и разжег этим дух соперничества у других. Так они из шкуры вон лезут, чтобы догнать передовика, чтобы на следующем занятии отметил директор и их старание. Вот и результат.

При этом, чтобы ни случилось, в обиду своих работников он никогда никому не давал. Если выйдет что за пределы хозяйства, до райкома дойдет, а своего человека отстоит. Правда потом, уже у себя, он такую "пропарку" устроит, на всю жизнь запомнишь. Вот за это мы и любили его и старались ни в чем не подводить. Быть всегда и везде лучше всех — его девиз, ставший нашей нормой жизни. Сам он поднялся на ступень выше и всех заместителей своих поднял. Это, благодаря его протекции, я стал потом председателем колхоза имени Крупской, что находится в селе Сосновка. Ашимбек Осмонкулов — наш бывший главный зоотехник, сейчас зам.главы Жайыльской госадминистрации по сельскому хозяйству. Наш бывший главный инженер Николай Андреевич Прокофьев возглавлял колхоз имени Ильича. Сейчас он председатель колхоза где-то на Белгородчине.

И куда бы нас не ставили, везде был от нас толк. Всюду теперь вспоминают нас добрым словом, потому что дали хозяйствам човую, безбедную жизнь. А теперь нас жизнь раскидала, и хозяйства, которые мы оставили, снова пришли в упадок. Хоть начинай все сначала. И, наверняка, вернулись бы мы назад, если бы позвали. Да разве отпустят назад в Степное Геннадия Валерьевича, чтобы снова оживить там хозяйство, сделать его прибыльным, а людей зажиточными!?

Я не ставил перед собой цели восстановить весь жизненный путь Давиденко в строгой хронологической последовательности. Во-первых, сегодня это практически невозможно из-за того, что его пути как переплетались с путями другими героями повествования, что

трудно отсоединить настоящее от давно минувшего. Их воспоминания тесно связаны с днями нынешними и притом уже прошла переоценка прошедшего.

Во-вторых, это все-таки не роман, где автору дана полная свобода на вымысел и домысел. Я же вынужден руководствоваться только жесткими фактами, чаще всего не подтвержденными и не подтверждаемыми документами. Так что, если будут вскрыты некоторые неточности, пусть они лягут на совесть первоисточников. Разумеется, где-то и на мою, так как я обязан, как автор, трижды перепроверить каждый факт.

Но это не обвинительные материалы и, думаю, что не так уж и велика беда, если что-то немного разойдется с действительностью.

На первый взгляд, читателю может быть непонятно и то, почему подача материала (даже в одной и той же главе) идет то от первого лица, то есть от меня, то от третьего, как от автора. Это также объяснимо. Отдельные моменты я повествую как наблюдатель со стороны, и поэтому вмешивать в них свое присутствие не логично. Но кроме того, я нередко сам являюсь участником многих событий, беседую со своими героями, спорю с ними, высказываю свою точку зрения. Естественно, что тут себя третьим, наблюдательным лицом, не назовешь.

Об одном только сожалею, что слишком мало мне удалось узнать о его студенческих годах. Оказывается, об этом замечательном отрезке жизни почему-то мало кому хочется вспоминать. Да и самое главное в книге все-же не это, а то, как сумел Геннадий Валерьевич объединить вокруг себя людей для решения, в дальнейшем, самых серьезных задач.

О том, что Геннадий Валерьевич прекрасный рыбак и заядлый охотник, я слышал уже от многих. Но все, с кем беседовал раньше, квалифицировали эту его слабость как способ лучше сплотить коллектив, побратать его, внести в него единение. Поэтому я с нетерпением ждал встречу с Анатолием Николаевичем Губаревым, завсегдаем его промысловых вылазок еще тогда, когда Давиденко работал директором совхоза "Чуйский", что находился в селе Степное Жайыльского, тогда Калининского, района. Да вот только все не по пути было. И вот решил отложить все дела и махнуть в продуваемую насквозь Курдаем кыргызстанскую окраину. И действительно, словно какая-то нечистая сила регламентировала там особые, самые что ни на есть резкоконтинентальные, природные условия. Зимой, когда во всей округе температура не опускается ниже десятиградусной отметки, там может быть и пятнадцать, и даже двадцать градусов мороза. И это при сногшибательном ветре, когда на отдельных полях плодородный слой выдувается до десяти-

двадцати сантиметров. А летом жара при том же, но уже обжигающем ветре, может конкурировать со знойной Сахарой. Лично я в этом убедился, только пересекли мы на попутном "Жигуленке" границу совхоза. Собственно совхоза, как такового, там уже не было. А, впрочем, селяне сами уже запутались как теперь называется это хозяйство. Вроде сначала был колхоз, потом совхоз, потом снова колхоз, снова совхоз, АОСОО и без ОО.

Губарева разыскали быстро. Хозяин оказался дома. Когда узнал цель моего приезда, сразу же позвал к себе, обрадованно заявив, что о ком, о ком, а о Давиденко он с великим удовольствием может говорить сколько угодно. Вот именно, с удовольствием! Видимо за несколько минут до нашей встречи у него был с кем-то неприятный разговор, и мой приезд неподдельно обрадовал его. Боясь, что не успеет выложить все, что у него накопилось о своем давнем друге, он застрочил, иллюстрируя каждое свое очередное воспоминание интересными и нужными мне примерами.

Впервые познакомился с Геннадием тогда, когда вместе с ним пытался поступить в вуз. Он был старше Давиденко на два года и уже успел отслужить в армии. Но в самый разгар вступительных экзаменов у него умер отец, и Анатолий, поняв, что матери одной не потянуть его студенчества, решил, что можно в жизни обойтись и без высшего образования. Вскоре о своем новом знакомом позабыл и вспомнил только тогда, когда тот был прислан в их село директором совхоза. И очень обрадовался тому, что наконец-то у него будет такой высокопоставленный кореш. Но не прошло и двух недель, как пришло разочарование.

Работал тогда Губарев шофером. Вдруг подходит к нему Давиденко, что называется, лоб в лоб и без тени сомнения, открыто, как это он делает всегда, заявил:

— Ты вчера воровал совхозное сено и за это ответишь по всей строгости закона!

Анатолию стало даже дурно от такого заявления. За всю свою сознательную жизнь он никогда ничего ни у кого не украл, никого не обманул, и тут такая заява. С присущей ему горячностью, он зло взглянул в глаза столь беспардонного обидчика и, не сказав ни слова, резко повернулся и ушел. Три дня не мог найти себе места. Уже заволновалась жена, что это с ним случилось? Не заболел ли? Но зная его крутой характер, помалкивала, стараясь сделать вид, что ничего не замечает. Незаслуженная, совершенно необоснованная обида кипятила в нем и без того горячую кровь, угнетало разочарование. Как же так могло произойти, что такой человек, на которого он возлагал такие большие надежды, вдруг изменил ему,

наплевал в душу? Может быть проявилась жизненная аксиома о том, что если хочешь узнать, кто твой друг, поставь его начальником над собой? А ведь каким он добреньким показался всем в первую минуту! Значит все это блеф? В то же время никак не совмещался его этот поступок с внешностью доброго и порядочного человека. Его приятное молодежовое лицо, которое никак не портил огромный от ожога шрам, начинало ему казаться противным, открытые глаза хитрыми и злыми. Уже промелькнула мысль: а не бросить ли все и уехать из этих краев куда глаза глядят?

На четвертый день к нему пришел механик гаража и сказал, что его просит сейчас же прийти директор. Вот именно! — Просит. Анатолий взбесился еще больше. Как можно после всего, что произошло, набраться наглости и “просить”!

— Да ты не дергайся! — попытался успокоить его механик. — Раз просит человек, нужно сходить. Я обещал, что приведу тебя обязательно.

И пошел. Совсем не из-за того, чтобы еще раз взглянуть в, ставшие теперь ненавистными, глаза. Просто не хотелось подводить приятеля. Всю дорогу обдумывал аргументы оправдания своей невиновности. Думал наговорить ему ворох всяких оскорблений, заслуженных и незаслуженных. Нехотя открыл дверь кабинета директора, чувствуя себя нашкодившим мальчуганом. Геннадий Валерьевич с неподдельным смущением подошел вплотную, сжал своими маленькими, но цепкими пальцами его предплечье и глядя в глаза растерявшегося водителя, тихо, словно в его горле лежал ком, мешающий ему говорить, прошептал:

— Прости меня, Толя! Я не прав. Я ошибся. Оказывается видел не твою машину, а другую. Еще раз прошу, если можешь, прости!

Боже мой! Что тут произошло! Откуда у Анатолия нашлось столько силы, чтобы не сжать своим могучим объятием этого человека, ставшего еще больше родным и близким, и не расцеловать его?

С тех пор уже ничего не могло посеять в них недоверие друг к другу. А зима в этот год для общественного животноводства угрожала быть голодной. Не потерять поголовья, не снизить его продуктивность можно было только рациональным расходом кормов, полностью исключая их хищение. Тогда и вспомнил директор о нем. Разговор был коротким, но конкретным:

— Толя, больше никому не могу я доверить кормоцех, спокойно и убедительно сказал директор. — Давай, принимай. Приказ уже готов.

Ничего не оставалось водителю, как согласиться. Так появился в хозяйстве неприступный и бескомпромиссный заведующий кормоцехом.

Умея нутром чувствовать людей, Давиденко не ошибся и на этот раз. Зимовка прошла успешно, и в этом, пожалуй, главная заслуга была Анатолия Николаевича Губарева. А когда в хозяйство поступила очередная "легковушка", из пятнадцати очередников на нее, по настоянию директора, предпочтение было отдано заведующему кормоцехом.

— Знаешь, что всего больше нравится мне в Давиденко? разоткровенничался Анатолий Николаевич. — Это определение степени работоспособности своих подчиненных. Вот, к примеру, приходит он ко мне на работу. А я безвылазно нахожусь там. Но он заявляет, что сегодня, де, я тебе рабочий день не поставлю. Видишь, дела-то не идут, и бардак кругом. Но если ты сидишь дома, а на работе у тебя полный порядок, то рабочий день твой зачтется. И награды у тебя, льготы всякие не за то, сколько времени ты провел на работе, а за ее результаты.

Немного подумав, он добавил:

— А еще у него, как у руководителя, есть такой принцип — не требовать от подчиненного каких-то трудовых свершений, если знает, что у него дома проблемы: детям в школу идти не в чем, хлеба недостает, корма для скотины нет. Не может человек всецело отдаться работе, если у него мысли совсем о другом. И старается помочь каждому. Одного может быть нужно отругать, а другому и помочь. Если деньги в кассе есть, он никогда никому не откажет. Всегда, при необходимости и аванс выпишет, и помощь выделит.

Я уже много раз слышал, что за свою жизнь он не посадил в тюрьму даже ни одного разгильдяя, которому, казалось бы, и свобода-то противопоказана. Заметил он как-то, что кто-то беспощадно выкашивает отдаленный люцерник. Не побежал в милицию, не организовал дружинников, а сам сел на велосипед и подъехал с самой отдаленной стороны, откуда никто даже объездчика не ожидал, и с поличным захватил двоих злоумышленников. И главное, не побоялся. Ведь в таких ситуациях вор опаснее самого затравленного хищника. На сей раз нажиться за счет общественного благосостояния решили два водителя. Директор смело подъехал к ним и так запросто сказал:

— Если вам не наскучила свобода, сейчас же поставьте в боксы свои машины под замок, а завтра выйдите чабанами в отару, на отбивку молодняка. Через два месяца посмотрю, куда вас определить дальше.

Ровно через два месяца разыскал их, вручил им ключи от бокса, где стояли никем не тронутые их машины, да еще сотню "на пропой" дал. Это уже за их хорошую работу на чабанском поприще.

— А еще, поговаривают в селе, случай был, - рассказывает Губарев. — Был у нас один выпивоха. Никак не могли унять его ни домочадцы, ни общественность, ни угрозы направить на принудление. Встретил его Давиденко в темном и теплом уголке и в самой доступной для понимания форме объяснил первому пьянице на деревне, что так жить больше нельзя. Благо, он считается заметным в республике боксером. Как уж они там сговорились, не знаю. Но только с тех пор и по сей день мужика того от спиртного воротит. А тайну "рецепта" надежно хранят и "доктор", и "пациент".

Может быть это и непедагогично, но что поделаешь, если согласившись с перефразированием истины великого основоположника марксизма "бытие определяет сознание", напрашивается вывод: другой методы наука еще не разработала.

Некоторые педанты придумали разграничение, или даже ограничение — что можно, а что нельзя во взаимоотношениях между начальником и подчиненными. Так, скажем, неприлично, к примеру, им обменяться иногда тостом, другим, даже во внеурочное время. Геннадий Валерьевич, разумеется, не выпивоха, знает что с кем можно, с кем нельзя. Но если вдруг придется принять чье-то застолье, не станет там изображать неприступного "святошу". И тост поддержит, и доброго здоровья пожелает.

Так встретил он как-то Анатолия и не то в обиду, не то всерьез сказал:

— Что же это ты, Толян, на день рождения меня не пригласил? Или адрес мой позабыл?

— Да какой там день рождения?! Так, в семейном кругу посидели немного, выпили.

И тут вроде ни с того, ни с сего Давиденко сказал:

— Слушай, Анатолий. Все никак не могут нахвалиться твоей копченой рыбой. Организовал бы парочку мне.

— Нет проблем, пожалуйста. Вечерком подвезу.

И подвез. И тут Геннадий Валерьевич обрадованно сказал:

— Вот и отметим сейчас твою днюху. Поехали на природу. Все необходимое у меня уже в багажнике.

Рассказал мне эту мини-историю Губарев и спохватился:

— Только об этом ты, пожалуйста, не пиши. Все-таки это может унизить его достоинство. Люди поймут неправильно.

— А что тут секретного? - говорю. — Дело житейское. Не около туалета же вы организовались. Да и это лишний раз подчеркивает моего героя как реального человека.

— Вообще-то правильно. Есть ведь люди, которые этого понять не могут. Был, к примеру, у нас парторг в совхозе — Андреев Дмитрий Федорович. Уважаемый на селе человек. Сейчас он возглавляет у нас Совет ветеранов. Было это давно. Как-то поздно вечером, рабочий день давно закончился, зашел я к завгару поболтать о том, о сем. Ну и договорились мы до того, что между нами вдруг бутылочка появилась. Решили ее тут же реализовать. Нашли чем-то занюхать, разлили по стопкам. А тут этот парторг заходит. Предложили и ему. Но он отказался, что, мол, тут на троих делить? Так что одолели без партийной поддержки весь пузырь. А чуть свет меня через гонца председатель к себе вызывает. Думаю, не стряслось ли чего? Захожу в кабинет. А там уже все правление в сборе. И решение готово: “За пьянство на рабочем месте завгара снять с работы”. А мне председатель говорит, чтобы я принял у него дела. Я тут возмущился: “Что это так вдруг? Если снимать за пьянство завгара, то снимайте и меня. Вместе с ним пили”. Ну, скажи, разве это порядочный поступок парторга? Зла, конечно, я за то на него не держу. Но не дело это. Так не авторитет можно заработать, а потерять все, что копилось годами.

Разговор же о Геннадии Валерьевиче, как о рыбаке и охотнике сформировался как-то сам по себе, хотя и ехал-то туда я только ради этого.

— Когда он приехал к нам, ружья у него еще не было, а у меня было два. Одно пятизарядное. Но описать его, как охотника, я наверное не смогу. Тут видеть надо! Как-то едем мы с ним на “Узике” и вдруг видим — по полю бежит лисица. — “Иди, Толян, на нее!” Ну я поперек пахоты жму. А он высунулся из дверки, только ноги одни внутри. Держу я его одной рукой за штанину, а он пуляет. С четвертого выстрела уложил плутовку. А один раз он верхом на коне еще одну уложил. Вроде бы с первого выстрела. Об азартности его один яркий пример. Как-то глубокой осенью, когда уже у берега и ледок похрустывал, подстрелил он влет утку, и она плюхнула прямо на середину озера. Тут мой Геша снял все с себя, что ниже пояса было, разулся и бросился в ледяную воду. Думали простудится. Нет, вроде, все обошлось. Но самое приятное было в конце каждой нашей вылазки на охоту или на рыбалку. Не так уж часто приходится встречаться по этому случаю. И стало у нас традицией: чтобы мы не подбили или не поймали, вечером, когда приезжаем домой, собираемся все вместе и устраиваем коллективный ужин. Тут же законом было для всех нас складываться по бутылке на пару. Пока женщины готовят ужин, мы — мужики, до изнеможения спорим, кто что подстрелил или поймал. И, конечно же, оказывалось всегда, что самая большая дичь улетела куда-нибудь издыхать, а рыба, размеры

которой не позволяет показать размах наших рук, сорвалась. Сам же знаешь, наш брат — рыбаки и охотники врать не станут. Мы ведь не журналисты или писаки какие.

А между тем разговор наш время от времени возвращался к тому, кем был для Степного Давиденко. И невольно задумываешься над тем, что не сам ли уж Бог помогает ему?

— Когда приехал к нам Геннадий Валерьевич, - возобновляет начатую, но прерванную тему Анатолий, - произошло просто чудо. С того времени с нас сняли задание по выращиванию сахарной свеклы, и на высвободившейся площади засеяли люцерну на семена, которые пошли на экспорт. Урожай мы получили тогда отменный. Если раньше кое-как, с грехом пополам, насребали на зарплату, то по результатам первого года работы под руководством Давиденко, почти все получили доплату. Для некоторых она была просто фантастическая — до шести тысяч рублей! Представь себе, как это много, если ВАЗ, самый тогда современный, стоил девять тысяч. Может это и совпадение, но главное — это все-таки то, что Геннадий Валерьевич заставил работать всех. Ты наверное понимаешь, что значит, когда сам директор врет настоящим образом. Сначала пообещает, а потом вертит хвостом. Приходите, мол, завтра-послезавтра. И ходит человек, обивает пороги, пока, наконец, не плюнет и не перестанет ходить. После чего или вообще увольняется, или работает так-сяк. Давиденко так не поступает. Если он сказал, что десятого числа будет зарплата, то значит так оно и будет. Вот и работают люди с душой, не хотят подводить своего шефа. Не могут!

Очень жаль, что сегодня, так хорошо отлаженный когда-то коллектив, развалился. Не чувствуя уверенности в результатах труда при новом руководителе, упала трудовая дисциплина. А когда речь пошла о разделе имущества, почти все вышли из хозяйства, забрав свою долю. И нет сегодня в Степном тех бесчисленных отар овец и высокопродуктивных коров, которыми гордились сельчане.

А тут, как говорится, на кого люди, на того и Бог. Два года подряд были такие градобои, что и урожай убирать смысла не было. Только дополнительные расходы.

Сегодня Анатолий Николаевич без работы. Еще две недели назад был заместителем председателя по хозяйственной части, но не выдержал — уволился. Не мог он видеть, как нынешний руководитель передал лучшие земли в аренду заезжим дунганам. И все внимание уделял только им. Побросали свои рабочие места лучшие работники. Сам же Губарев объездил несколько соседей и создал небольшое объединение с площадью в двадцать пять гектаров. Условия простые. Десять процентов от полученного урожая

получат владельцы земли. Если кто из них захочет работать, пожалуйста. Это прибавка уже им.

Вырисовывалась тут еще одна проблема. Хозяйство получает в каком-то объединении семена из расчета два килограмма за один полученный. Причем, во внимание берется не вес, а денежное выражение в долларовом исчислении. Семена они брали тогда, когда доллар стоил двадцать сомов. Теперь, считай, уже пятьдесят. Так что за каждый килограмм придется возратить уже пять. Какой же смысл выращивать, если все придется возвращать? Словом, хотели как лучше, а оказалось, как всегда.

Многого, разумеется, с высоты своего положения Анатолий Николаевич рассказать мне не смог. Просто кое-чего и знать-то не мог. Уже из других источников узнаю, каким принял Давиденко это хозяйство, как нелегко было начинать с ниженулевой отметки. Ведь прибыл он в момент полного развала его экономики. На счету хозяйства в банке три с половиной миллиона рублей были окрашены красным цветом. В полуразваленных коровниках худые, голодные буренки от силы давали в общественную флягу по две тысячи литров молока в год. Сегодня даже язык не поворачивается сказать, что каждый средний гектар кое-как давал 6-8 центнеров зерна. Кроме прочего, на ферме бушевал бруцеллез, и молоко практически было непригодным к употреблению. Все это не позволяло поднять уровень валовой продукции выше отметки 2,3 миллиона рублей.

Не об охоте и рыбалке думал тогда молодой директор все свои бессонные ночи. Восемнадцать часов в сутки и больше видели его крестьяне на рабочем месте, коим являлись поля, мастерские, фермы. Тогда появилась шутка — если хочешь увидеть нового директора, постой на одном месте несколько часов, и он обязательно пробежит мимо.

Сколько пришлось ему тогда сломать понятий об авторитете, не знает никто. Уважаемого в селе Виктора Никитовича Демченко, известного в районе бригадира полеводческой бригады с двадцатилетним стажем, перевел рядовым поливальщиком, как не справляющегося со своими служебными обязанностями. Хозяйство гудело от его нововведений, буквально первыми, как наиболее организованные, выразили бойкотом свое несогласие с новыми требованиями доярки. Они прекратили доить коров. Кто знает, что значит, когда орет недоенное стадо, тот поймет, сколько понадобилось силы-воли новому директору, чтобы заставить доярок выйти на работу. А между тем, директор высылает девятерым наиболее высоковозмущенным по почте трудовые книжки как неоспоримое решение об увольнении с работы. "Награды" за бездействие сыпались налево и направо.

То, что некогда написал всемирно известный Михаил Шолохов в своих бессмертных произведениях, по сравнению с тем, что произошло тогда в Степном было не более "курочки-рябы" в не менее известной детской трагедии.

И, восставший один против всех, молодой директор выстоял, победил. Он сломил тенденцию всех и вся, стремящихся влезть своими, порой идиотскими советами в дела хозяйства, выделить свое "я". Не простой, но решающей была тогда его беседа с покойным ныне Камаловым Асаном Намаковичем, тогдашним первым секретарем райкома партии. Но тогда Давиденко, с присущей ему конкретностью заявил, что он больше чем кто-либо в районе знает, куда сегодня поставить дождевалку, как и чем кормить скотину. Этим навсегда отбил охоту кому-либо вмешиваться в дела хозяйства.

Первыми, как всегда в подобных ситуациях, положительно отреагировали на все требования Давиденко, доярки. Ведь, впрочем, от них требовалось немного. Глядя на неустраивающую их зарплату, все они стремились облегчить свое существование личным подворьем. Вот и обкрадывали ничего не дающих их семейному бюджету буренок — тасили в сумках домой то, что было положено им. Отсюда и надои были низкими. Не помогало и то, что чуть ли не каждый день приезжали райкомовские работники со своими "драгоценными" подарками, вплоть до дарения им бюстгалтеров. Геннадий Валерьевич убедил их, что не подачки, а высокая зарплата улучшит их быт. Сделав все, чтобы животноводы не обворовывали своих кормилиц, а получая для личного подворья корма по сугубо символической цене, могли прокормить домашнее поголовье, не пачкая свою душу нарушением величайшей заповеди — "Не укради". Только одно это позволило поднять надои с двух до трех тысяч килограммов в год. Первыми в то время в районе перешагнули степновцы названный рубеж.

Долго еще продолжалась, необъявленная Давиденко, война. Горели заготовленные на зимовку стога общественного сена, взбешенные водные потоки размывали только что отсыпанную арычную дамбу. Кому-то было больно от того, что значительно улучшился с ее отсыпкой полив отдаленной пашни. Дошло до того, что накануне очередных выборов депутатов кто-то слил воду из бассейна суточного регулирования и затопил ею село. Оскорбления, унижения сыпались со всех сторон. Не избежали и прямого шантажирования. Как-то ворвалась в его кабинет группа подвыпивших молодчиков и потребовала от директора, чтобы он, если хочет жить, покинул хозяйство. Ни открытые угрозы, сопровождаемые самыми погаными матами, ни откровенная диверсия не сломили моего героя. Сейчас даже и не верится, что в то

время — время партийного диктата и разгула суровых антинародных законов. мог быть такой беспредел. И нет документов, которые могли бы подтвердить это. Ни к кому не обращался Геннадий Валерьевич за помощью, никому не жаловался. И не зря! Угрозы и встречи на отдаленных от села тропках были настолько серьезными, что приходилось иногда незаметно нащупывать под сиденьем, находящееся всегда в боевой готовности, свое единственное средство защиты.

И в то же самое время директор вставал на защиту перед соответствующими органами тех, кто мешал работать ему и лучше жить всем.

— Не вмешивайтесь, разберемся сами, - эта фраза звучала на каждом заезде силовиков или представителей вышестоящей власти.

Постепенно "пьяная деревня", коей нарекли Степное злые языки, перерастала в современное, благоустроенное, работающее село. Строились новые животноводческие фермы, образцом для соседей стал вновь построенный майдан, зерноток, вырастали целые кварталы новых жилых домов. И все это за счет собственных средств. Ни копейки не взяло на это хозяйство у государства. А ведь можно было! Могли бы помочь молодому директору, у которого дела пошли на лад, подкинуть миллион-другой. Государство-то было богатым.

Чувство радости переполняло сердце директора, когда он видел расцветающее год от года село. Постепенно выветрились из памяти темные дни зловещих выпадов и грязных провокаций. Вряд ли помнит он, к примеру, вот такой факт.

Как-то зашел к нему один бывший фронтовик — гроза всех его предшественников, которые просто боялись его за гнусность поступков. Это один из родоначальников огромной династии Демченко, которая главенствовала в Степном. С надменной небрежностью прошагал к ряду стульев, расположенных вдоль стены, и всей своей огромной грузной массой плюхнулся на облюбованное место, держа в руках крюковатый посох. Верблюжьим приемом собрал в кучу все нечистоты беззубого рта и выхаркнул их прямо перед собой, растерев потом носком своих яловых сапог всю эту мерзость. Посмотрел свысока мнимого положения на тщедушную комплекцию директора и, брызгая слюнями, промямлил что-то несуслазное, типа:

— Ну ты, - когда мне уголь привезешь?

Давиденко своим нутром почувствовал, что это очередная провокация. Не мог он вот так — один, без поддержки, может быть даже где-то в коридоре, с целой толпой, вести себя столь

вызывающе. Но сколько могло ему позволить сила воли, спокойно сказал:

— Я первый раз Вас вижу. Но я разберусь и то, что положено, Вы получите.

Но Демченко, явно не слушая ответа, продолжил, искусственно нагнетать свое негодование:

— Прислали какого-то сморчка, Бога-мать! Возись тут с ним. Нашелся мне директор, и посмотреть не на что. Кому ты здесь нужен? Убирался бы подобра, поздорову!

Это было уже сверх предела возможности директора. Продолжая сдерживать себя, но в унисон предложенной тональности, не повышая голоса, он четко сформулировал:

— Батя! Если ты сейчас же не уберешься отсюда, я провожу тебя пинками!

— Ты?! Да я из тебя, сморчка, душу наизнанку выворочу! Ты не знаешь нас — Демченковых...

Может впервые в жизни Давиденко не выслушал до конца начатую фразу пришельца. Не помня себя, он одним скачком подлетел к зарвавшемуся старику, схватил его огромную тушу за шиворот и мощным пинком под раскормленную задницу, чуть ли не высадив ее владельцем дверь кабинета, вышвырнул наглеца вон. Лишь за одно мгновение в распахнувшуюся дверь увидел в приемной добрую пару десятков местных мордovorотов. Но когда по закону маятника дверь распахнулась снова, кроме перепуганной до смерти секретарши там уже никого не было. Всех словно ветром сдуло.

Что? Опять непедагогично? А что было делать ему тогда? Упасть в ноги и молить о пощаде? Нет! Не тех мастей оказался этот "крепкий орешек". Уже сегодня, много лет спустя, я лично твердо уверен в том, что если бы Давиденко струсил тогда, этот день был бы для него моральным концом. А это значит, что не было бы на свете самого Давиденко, которому государство доверяет "врачевание" экономики целого ряда районов.

А где-то через день в кабинет директора, стыдливо постучавшись, вошла божьим одуванчиком одна старушенция. С волнением перебирая пуговицы своего джемпера, она извиняющимся тоном с украинским акцентом заюлила:

— Тут мий человек совсем з ума выжил на старости лет. Люди кажут, шо вин до Вас приходил. Бох зная, шо вин вам намоллов. Уж ви проститэ ёго. Вин сам не знав що моллов. Це ж ёго люди злые пиднавчили и к вам в кабинет втокнули.

— Ну ничего, мать! Пусть простит вас всех Бог.

Что же касается Степного, то там больше стараются не вспоминать моментов падения своих сельчан. А кто проявлял наибольшую агрессивность к своему новому директору, впоследствии стал для него хорошим, верным другом, в душе проклиная минуты своей слабости. И ведь понять-то их можно было. Люди устали от посулов бездарных, никчемных руководителей, сменявших друг друга, ничего кроме недоброй памяти о себе не оставлявших селу и селянам. Но те были на вид солидные, многообещающие. А тут вдруг прислали такого, на которого и смотреть-то было жалко — маленький, щупленький, немногословный. Кто мог тогда подумать, что именно ему было суждено поднять хозяйство до венца славы?

Вспоминает Геннадий Валерьевич те годы как время, когда преступной считалась всякая самостоятельность руководителей хозяйства. Были установлены строгие ограничения на то, что им можно, чего нельзя. К примеру, директор совхоза не имел права выдать любому своему работнику, будь хоть семь пядей во лбу, зерна более четырехсот килограммов. И это в то время, когда этого продукта девать было некуда. Но Давиденко нашел способ аккумулировать эту догму. Для этого он добился разрешения перевести свое хозяйство полностью на хозрасчет с чековой системой. Сейчас многие присваивают себе авторство этой идеи, а тогда со всех трибун громили первооткрывателя. Чуть ли не объявляли его врагом народа.

Буквально на всех этажах тогдашней власти, во всеоружие восприняли его идею специализации сельскохозяйственного производства. Как это так?! Еще совсем недавно, чуть ли не насильственно внедрялась комплексность, и вдруг все наоборот. Пришлось доказывать свою правоту на собственной практике. Так появились кормодобывающие подразделения, хлебоуборочные колонны, мелиоративно-ирригационные отделы в каждом хозяйстве.

Не о славе думал тогда молодой директор. Она пришла сама по себе, как нечто то, что должно было быть. Золотом засияли на груди животноводов и хлеборобов высшие отметки трудовой доблести. Орденом была награждена лучшая доярка совхоза Нина Димурина. Пришлось потесниться первому ордену Трудового Красного Знамени и дать место для второго на груди заведующего МТФ Александра Федоровича Демченко. Такую же награду получил его ближайший родственник, бригадир полеводческой бригады Виктор Никитович. Это тот самый, которого Давиденко переводил в поливальщики.

Всего по итогам первой пятилетки Геннадия Валерьевича было награждено орденами и медалями шестнадцать человек. Вот скажите: кто-нибудь слышал, чтобы о бухгалтере, тем более о

главном, кто-то замолвился добрым словом? Может быть и есть где-то еще такие. Но, согласитесь, это редкость. У Давиденко же главный хранитель народной копейки хозяйства Николай Павлович Прокофьев был возведен в ранг самого уважаемого на селе человека. И доказательством тому "Медаль за трудовую доблесть", которая на случай праздника, красуется на его груди. А кем он был раньше? Да никем! А если проще сказать — козлом отпущения, как невестка в плохом семействе — всегда и во всем виноватым.

Теперь он, гордо подняв голову, проходит по селу, и все встречные сельчане, поклонившись, приветствуют его как человека, не давшего на ветер пустить заработанное всем трудовым людям села.

Сам же Геннадий Валерьевич Давиденко был удостоен ордена "Знак Почета". И заслугу эту теперь уже никто не может оспорить, унизить. А как же иначе?! За время, когда он возглавлял хозяйство, величина валового продукта возросла втрое. И это благодаря тому, что хозяйство стало получать только одних зерновых, с учетом наличия огромного клина жесткой богары, на круг по 18-19 центнеров отборного зерна. С 600 гектаров зерновой кукурузы было намолочено по 80 центнеров, в перерасчете на средний гектар, крестьянского янтара.

Еще более ощутимыми показатели были в животноводстве. Почти по 100 телят получали в год от каждой сотни маток КРС, по сотне ягнят — от сотни овцематок.

И все же главную славу хозяйства, и само собой доход, приносило семеноводство. По двести тонн семян люцерны в год сдавали на склад полеводы.

Спрашивается, что за сила сидела в этом директоре? Откуда в его-то годы у него было столько опыта в организации сельскохозяйственного производства? А ответ прост. Не новичком он был. По окончании "Скрябинки" был направлен в совхоз "Серп и Молот", что находится в самой Кара-Балте. Немного поработав на этой должности Геннадий Валерьевич был переведен на должность главного инженера. Вскоре и эту работу пришлось на время оставить. Был призван на службу в ряды Советской Армии. Его, молодого, но высокоэрудированного коммуниста-офицера назначили заместителем командира роты по политчасти. До двух лет службы определенных его категории призывников, не хватило лишь двух месяцев: был комиссован по состоянию здоровья и направлен в запас. Сегодня, к слову сказать, Давиденко является полковником запаса.

Не нужно было ему осваивать азы армейской дисциплины. К ней он приучен с самых ранних лет. Но именно там он понял, что

успех может прийти туда, где жесткие каноны взаимодействия всех членов общества порождают наивысшие достижения.

И снова родной совхоз, те же головные боли, где взять детали, как подготовить сельхозтехнику к очередной кампании?

Но лучше узнал людей, их разноликость и индивидуальность тогда, когда был избран секретарем довольно-таки солидной партийной организации того же хозяйства. Опыт руководителя начал накапливаться тогда, когда работал председателем РАПО. Это, до недавнего времени убыточное объединение, при его бытности достигло рентабельности сорока двух процентов. Кто представляет что это значит, может и ахнуть, и даже усомниться в достоверности этого факта. Два года подряд его подчиненные получали в виде вознаграждения за столь высокие показатели по двенадцать окладов.

Так что, мог чувствовать в себе уверенность молодой руководитель, имея моральное право запретить всем "совать свой нос" в его хозяйство. Перестали в Степном зариться на общественное достояние — всем миром, без указки сверху сами берегли то, что создали своим трудом.

Если бы Геннадий Валерьевич хоть как-то был заинтересован, чтобы о нем была написана книга, бесспорно, мог бы многое рассказать и о том, как начал свою трудовую деятельность на довольно-таки высоком для его неполных сорока лет поприще как райисполком. Особой неожиданностью направление в Тюпский район Ысык-Кульской области для него не было. Как член ЦК Компартии Киргизии он морально был готов на более высокий пост, на который и был зарезервирован, как это было принято в те годы. Работа в Советских органах тогда считалась менее престижной, чем скажем, в партийных. Хотя тогда уже Конституция претерпела ряд существенных изменений в пользу законодательно-исполнительной власти. Но старые, закаленные сталинисты не очень-то стремились выпускать из своих рук бразды правления, рассчитывая больше на силу своих волевых решений, нежели на сколько-нибудь объяснимую логику своей телефонно-трибунной власти. Так, скажем, первый секретарь райкома компартии спокойно мог вызвать к себе "на ковер" председателя райисполкома и отчитать его как нашкодившего школяришку.

Хотя Давиденко и знал, что обком исполнит волю ЦК и утвердит его в должности председателя райисполкома, все равно волновался, дожидаясь в приемной своего вызова за заседание бюро, тем более он приехал в Пржевальск тогда, когда оно уже шло полным ходом. Но как только хозяйка приемной доложила, что Геннадий Валерьевич прибыл, буквально через несколько минут его пригласили войти. Напряжение не спадало и во время представления

новичка, и тогда, когда он, рассказав о себе, стал отвечать на вопросы, многие из которых были явно с подковыркой, и тогда, когда был поставлен вопрос об утверждении на голосовании.

Но больше всего, пожалуй, волновался он, когда ехал в Тюп, на место своего нового назначения. Район тот, как предупредили в ЦК, некогда славившийся как один из сильнейших в области, последние годы по целому ряду позиций крепко сдал. Особенно серьезно пошатнулось животноводство. Здесь надои на среднерайонную корову упали до 2400 килограммов молока в год. С овцеводством вообще была одна беда. Его воспроизводство было настолько мизерным, что кроме убытков хозяйствам не давало ничего. Все уже смирились с тем, что вина в слабой осеменаторской работе. Геннадий Валерьевич в это никогда не верил и на всех своих постах умело доказывал, что природа не могла допустить ничего подобного, и причину видел только в плохой организации производства, в недобросовестности, слабых знаниях руководителей всех рангов элементарной зоотехнии и ветеринарии.

Ничего несведущие в этом партийцы районного уровня, а порой и выше, принимали "вешанье лапши" нижестоящих органов за догму и не привлекали их к ответственности, как самых главных виновников гибели самой главной отрасли животноводства горного края. Более того, им был открыт доступ к росту восходящей карьерной лестницы.

Не чувствовал за собой никакой вины и предшественник Давиденко, который в момент приезда Геннадия Валерьевича в Тюп, был уже первым секретарем райкома партии. Мало кто в районе теперь и помнит-то его по фамилии. Кое-как установил, что звали его Молдокмат Камалович. Он и принял нового председателя РИКа, подчеркивая всем своим видом недостижимость своего сана. Держал себя долгое время по отношению к преду на некотором отдаленном возвышении, и его попытку поставить себя вровень с ним резко и, порой, грубо пресекал. Больше того, он постоянно пытался все свои недоработки и упущения по предыдущей работе свалить на голову нового председателя, постоянно стараясь назидать его примерами своего мудрого руководства советами.

Где-то через полгода работы на новом месте кто-то из работников райкома, по большому секрету, показал ему проект решения бюро райкома, в котором говорилось о целом ряде серьезных промахов работников райисполкома во главе с их председателем, где налево и направо щедро раздавались "награды", вплоть до увольнения с работы, как не справившихся со своим поручением. Самому же Давиденко данный документ учреджал строгий выговор.

Не помня себя от незаконной, незаслуженной обиды, но не выходя из рамок корректности, чего он практически не допускал никогда, поднялся к "первому". В то время было в высшей степени бестактно председателю райисполкома явиться к "нему" без его вызова. Нарушение этого нелепого понятия о субординации Давиденко не допускал никогда. Но как можно было спокойно, бездейственно ожидать вынесения приговора тем его подчиненным, которые были совершенно непричастны к предписываемому обвинению? Как после всего он мог продолжать работать в этом здании вообще, встречаться с людьми, которые начинали верить ему как достойному своего звания руководителю?

"Первый" принял его не сразу. Видимо у него были вопросы важнее, нежели установление должного климата в районной верхушке. Выждав, когда наконец его вызовут (слово "пригласят" не было тогда признаком подчеркивания власти вышестоящего), Давиденко, не выдавая признаков негодования, спокойно вошел и, не дожидаясь приглашения, сел за столик, предназначенный для близкого собеседования с хозяином столь высокого кабинета. И спокойно, как мог сделать это волевой, чувствующий за собой неоспоримую правоту, человек, четко, словно все его слова были заранее отшлифованы и заучены, сказал:

— Я хорошо ознакомился вот с этим документом и не снимаю с себя законных обвинений. Но не кажется ли Вам, что здесь Вы хорошо отразили то, в чем виновны лично сами? А теперь хотите спихнуть с себя ответственность на меня лично и на тех, кто безоговорочно выполнял все Ваши требования. Я буду присутствовать на заседании бюро, но не потому, что Вы меня можете обязать к этому как не члена райкома, в состав которого до сих пор Вы не удосужились ввести меня, а только для того, чтобы сказать людям, кто конкретно виновен во всех бедах района. И готовьтесь слушать меня в течение сорока минут. Но могу ограничиться и тремя минутами, если Вы сможете по-трезвому оценить обстановку и не будете торопить события. У нас еще есть время изменить положение в районе, не прибегая к радикализму и воспринимайте это мое заявление, как хотите, - отчеканил он, и не дожидаясь, как на это отреагирует "первый", тут же покинул его кабинет.

Результат этого скоропалительного визита с неописуемой скоростью облетел гудящие негодованием кабинеты районной власти. А итог подвело бюро райкома, которого с опасением ждали на всех этажах. То, о чем с оглядкой по сторонам шептались и строили догадки, стало явью. Бюро прошло в спокойной обстановке. Приглашенные ни слова не услышали и не вымолвили о том, что

было сегодня в проекте, хотя кое-каких вопросов все же коснулись. Когда слово было предоставлено Давиденко, он, не выдав своего внутреннего удовлетворения происходящим, спокойно, как и обещал "первому", в течение трех минут изложил свою точку зрения. При этом заострил внимание на то, что можно было некоторые вопросы поставить тверже и ужесточить ответственность за беспринципность, а порой даже прохладность отношения к порученному делу.

Главные дебаты были уже потом в кулуарах. Тогда, впервые на районном небосводе, Давиденко засиял звездой первой величины. Люди поняли, что советская власть в районе находится в крепких руках. А это значит, что Давиденко может не только спросить со всей строгостью, но и встать на защиту тех, кто прав. Этим самым сделали его выше кого бы то ни было.

И этому способствовал еще один факт. Позже, уже будучи членом райкома партии, Геннадий Валерьевич, как сельхозник, отвечал в целом по району за эту отрасль народного хозяйства. А конкретно был еще закреплен за совхозом Талды-Суу. Тогда им бессменно, много лет руководил Владимир Ярулаевич Зайнуллин. Авторитет его в районе считался самым непогрешимым. Все посланцы к нему из райкома старались избегать соваться с советами и, не дай Бог, с какими-то замечаниями по обнаруженным нарушениям. Все знали, райком всегда найдет способ защитить своего необъявленного кумира.

Прошелся председатель с директором по фермам, заглянул буквально во все кошары, где в то время шла ранняя расплодная. Попытался заострить внимание здешнего руководителя на элементах нарушения зооветеринарного кодекса, а если быть точнее, то на сплошные нарушения элементарных норм производственной и санитарной дисциплины. Видя, как директор болезненно реагирует на все его замечания, он заторопился в район. Там его уже ждал секретарь райкома и сразу же набросился на него с возмущением из-за того, что как он — молодой специалист, может поучать человека, отдавшего всю свою жизнь сельскому хозяйству, заслужившего за это огромный почет и уважение.

Не показав своего возмущения, Геннадий Валерьевич спокойно сказал:

— Хорошо. Голословничать я больше не буду. Но сейчас же с группой районных специалистов я вернусь в то хозяйство. А вас попрошу сегодня вечером там же провести выездное бюро райкома партии, где я постараюсь доказать, кто из нас прав, и предупреждаю, буду требовать о вынесении руководителю хозяйства самых высоких дисциплинарных санкций.

Дальнейшая картина того дня восстанавливалась уже по крохам из бесед со свидетелями этого неопишемого акта. Возглавляя шествие из добрых полудюжины спецов, где в том числе был и руководитель хозяйства, Давиденко буквально носом тыкал его в места "захоронения", если так можно сказать, полутора тысяч, не видевших света божьего, ягнят. Позавидовал бы сам Шерлок Холмс той прозорливости, с которой безошибочно определял Геннадий Валерьевич места, где были припрятаны застывшие тушки. По его указке подбирались они из высокого травостоя вдоль горных ручьев, из куч свежесбуртованного навоза и приготовленного для раздачи кормов, из кормушек и даже чердаков кошар. Уже доверху загрузили два грузовика, а председатель райисполкома все показывал и показывал валявшиеся то там, то тут тушки.

Еще более запомнилось сельчанам то самое выездное бюро райкома, которое все же состоялось по настойчивому требованию Давиденко. И самое интересное в этом было даже не то, что требовал в своем докладе его инициатор. А это не более, не менее как снятие с занимаемой должности директора за полный развал сельскохозяйственного производства. Большая часть времени ушла на то, что райкомовцы наперебой бросились уговаривать докладчика снять свое, столь радикальное предложение. Уговаривал его об этом и сам Зайнуллин, просил, учесть его заслуги и чистосердечное признание в том, что он действительно потерял, что называется, нюх, слишком много доверял своим замам и бригадирам.

А, впрочем, не нужна Геннадию Валерьевичу его голова. Главная цель им была достигнута. Он ярко показал, что в сельском хозяйстве далеко не профан и еще может кое-чему научить даже таких маститых сельхозников. В этот раз он уступил настоятельной просьбе большинства. А других случаев больше просто не представлялось. И это из-за того, что не допустил, чтобы дела заходили так далеко. В данном повествовании неоднократно заостряется внимание на то, что Давиденко стремился не разбрасываться "наградами", освобождаясь от балластов, а своим долгом считал необходимость постоянно работать с ними. И для того, в первую очередь, быть самому компетентным во всем. Он считает, что слабость руководителя в том, что он может поддаться и поверить в искренность подчиненного, когда тот явно кривит душой. И если ты не можешь в нем увидеть неискренность, то не быть тебе настоящим руководителем. Именно в этом его талант. Таким нужно родиться.

Как-то Геннадий Валерьевич разоткровенничался и сказал мне:

— Бывает так, приедешь в хозяйство, показывает тебе его руководитель. Идешь и делаешь вид, что кое-что не замечаешь. Кто меня мало знает, думает, что так оно и есть на самом деле. И когда уже потом, при встрече спрашиваешь устранил ли он то или иное, о чем и разговора-то раньше не было, а тот плечами пожимает, мол, вы же об этом ни слова. А я не верю, что он не заметил того, о чем я промолчал. Помню и ко мне приезжали руководители. И также со мной ходили и по фермам, и по мастерским. В это время стараешься быть наиболее внимательным, замечаешь то, что раньше в глаза не бросалось. И стараюсь срочно устранить то, что вдруг обнаружил. Не из-за того, что может быть для себя отметил товарищ "сверху", а для дела. Поэтому и не верю.

Здесь явно напрашивается вывод. Если, де, начальство не заметило, значит еще потерпится, дождется пока руки дойдут. Вот она откуда рождается неискренность. И бороться с этим пороком вот так и нужно. Это что-то вроде проверки на бдительность.

Когда данная книга увидит свет, пройдет много времени моего познания героя. И каждый раз, встречаясь с ним лично или с теми, кто работал с ним, все больше и больше открываешь его для себя, чтобы потом сделать свои открытия достоянием для тех, кто захочет лучше познать Давиденко, с тем, чтобы списать для себя учебник умения быть руководителем. Ему это дано от Бога. от природы. Но то, что тебе, уважаемый читатель, не дано ни тем, ни другим, возьми в этой повести, если хочешь ваять судьбу свою.

В ходе работы над книгой, неоднократно убеждался в том, что если бы каждый на своем месте работал точно так же, как это делает полюбившийся мне герой, то не нужна была бы никакая перестройка. А то, как он работал, очень убедительно звучит в рассказе друга его детства, с которым потом неоднократно встречался. Так уж сложилась их жизнь, что ее параллели, вопреки всяким аксиомам, пересекались много-много раз. Слово Жалгану:

Гена, кажется, на год с лишним старше меня.

И отличался от всех нас, наверное, единственным — всегда был опрятен. По крайней мере, из дома он выходил только чистеньким, и если на его штанишках заплатки, то все равно его внешний вид был несколько торжественным. Но смешавшись с нами, он тут же становился ничем не отличавшимся от нас. Так же, как и мы, вымажется и оборвется, лазая по бесконечным нашим скалам, и штурмуя смолянистые вершины хвойных деревьев, получая в награду, как и все мы — его ровесники, ссадины, царапины и фингалы на самых нескрываемых местах. А на следующее утро все начиналось с того же, что и вчера, позавчера, месяц, год тому назад. И всегда он был в центре, главным заводилой. Нужно быть

справедливым в том, что все наши детские забавы не были ущербными для чужих садов и огородов. Мы понимали, что это чужое и стоит хозяевам огромных усилий. Но что было на нейтральной территории, то безусловно было нашим. Это зеленые и колющие плоды заброшенных и никем неухоженных фруктовых деревьев, или ягоды облепихи и ежевики, которых в наших краях вдоволь и по сей день.

Я вырос в чабанской семье. Воспитывался, как заведено у нас, кыргызов, у деда с бабкой. Для меня, потомственного скотовода, было пределом счастья гарцевать верхом на своем любимом коне, заворачивая отары овец или табуны колхозных лошадей. Но отец, приехав как-то к деду и увидев меня не с книжкой в руках, а с уздечкой, как приговор, вынес решение:

— Так толка из тебя, сынок, не выйдет. Тебе нужно учиться и только тогда ты сможешь стать настоящим человеком, — и направил меня в школу-интернат для чабанских детей.

Теперь-то я понял, что настоящим человеком может быть и чабан, и табунщик. Но он, видимо, имел в виду степень учености. Да, в те времена наша земля так нуждалась в собственных "Ньютонах" и им подобных. И многое в этом сделало именно наше — послевоенное поколение. Мне тогда было около десяти лет. С этого времени судьба разбросала нас.

После этого впервые встретился с ним где-то через четверть века. Было какое-то совещание в Кара-Балте, в райкоме партии. Я тогда работал директором производственного объединения "Бакыт", которое выпускало различные товары народного потребления: тазы, ведра, кастрюли из металла или пластмассы. А он, оказывается, был директором совхоза "Чуйский", что в селе Степном. Его я узнал сразу по отметине на щеке.

— Гена! — не удержался я и обхватил его, словно налитого свинцом. Таким он был всегда — крепким и жилистым.

Сначала он меня не узнал. Но потом тоже как закричит:

— Жалгап! Откуда ты? Неужели это ты?

— Я-то — это я, а вот ты откуда здесь?

— Ну, а где же мне еще быть, если не там, где ты?!

И вот стоим мы, крепко прижавшись друг к другу, не обращая внимания на окружающих. Кое-как дождались конца этого, показавшегося нам бесконечным, форума. А потом, уединившись за рюмкой "чая", просидели до полуночи, осыпая друг друга одними и теми же глупыми вопросами, повторяя их вновь и вновь, не дожидаясь ответа. Уже тогда я понял, что у Геннадия не бывает временных друзей. Если когда-нибудь он назвал тебя таковым, то это уже навсегда, до последнего дня.

Еще тогда я понял, как важно, находясь на руководящем посту, иметь много хороших, настоящих друзей. Вроде бы и уровень у нас обоих был невысокий в плане объема или масштаба руководства, но наша дружба помогла нашим производствам, как вообще может помогать единение Серпа и Молота, рабочего и крестьянина.

Настало время и Гена, вернее, Геннадий Валерьевич, был переведен на должность председателя Тюпского райисполкома, поближе к нашему легендарному Иссык-Кулю. Находясь на параллели чуть ниже, я тоже сменил не одно место. Как я уже сказал, нашему пополнению суждено было изменить облик некогда отсталой полукOLONиальной окраины Союза в мощную аграрно-индустриальную часть великой державы. И именно мы — специалисты среднего звена, решали многое.

В то время, когда я работал председателем Кара-Балтинского горисполкома, у нас появилась вакансия первого секретаря райкома. Тогда уже робко пробивала свои ростки демократия, которая больше напоминала игру в нее. Вот и началась выдвижения и самовыдвижения на освободившиеся места. Тогда городская партийная организация была самой мощной в районе, и на конференции представлялась солидным блоком, с мнением которого нужно было считаться. Так что, я уверенно выставил свою кандидатуру. Коммунисты города единодушно поддержали ее. Так что шел на эту конференцию, предчувствуя свою победу.

Кроме меня были выдвинуты кандидатуры второго секретаря Ногоева Астанбека и председателя райисполкома Айтбаева Куванычбека. У меня был еще один козырь: я был старше своих оппонентов, и по нашим — кыргызским законам младшие должны были мне уступить. Но они решили держаться до конца. И тут произошло совершенно непредвиденное. Вдруг в гудящей толпе делегатов, перед самым началом конференции я увидел Геннадия. Снова радостные объятия и те же вопросы: откуда, как и почему?

Он мне объяснил, что его кандидатуру на пост первого секретаря райкома рекомендует ЦК, и его будет представлять заведующий отделом Василенко. Тут всю спесь и томительное предвкушение победы с меня словно ветром сдуло. Как я встану поперек пути своего друга, которого я просто не стою? Продолжая ничуть не сомневаться в своей победе, я, не колебаясь, сказал:

— Гена, я уступаю тебе всех, кто пришел голосовать за меня. Ты достойней меня. И чтобы не произошло ошибки, я публично заявлю об этом.

Ногоев также, как и мы с Геннадием, был уроженцем Панфиловского района. И мне не стоило большого труда убедить его последовать моему примеру. Мой аргумент был один: если мы за то,

чтобы было лучше общему делу, нужно, чтобы район возглавил именно Давиденко. Впоследствии мы убедились в этом и не пожалели, что поступили именно так.

С Айтбаевым оказалось сложнее. Он решил стоять на своем.

Многочисленные удары карандашом по микрофону председателя, успокаивающего, заполненный до отказа зал. После краткого объяснения ситуации наконец-то слово было предоставлено мне. Я начал без всяких вступлений, по-давиденковски, ясно и конкретно:

— Товарищи коммунисты, я имею в виду, в первую очередь, представителей от городских партийных организаций. Я очень благодарен вам за то, что вы в свое время поддержали мою кандидатуру и уже был готов изложить свою программу действий как первого секретаря райкома, которую мы уже обсуждали. Но обстоятельства изменились так, что сегодня я буду призывать вас не голосовать за меня, а отдать свои голоса за более достойного чем я кандидата — Давиденко Геннадия Валерьевича.

Зал был просто ошарашен таким моим заявлением, а я продолжал.

— Да, вы не ослышались. Геннадий Валерьевич действительно достойнее меня. Вы посмотрите на его послужной листок: председатель колхоза, директор совхоза, председатель райисполкома. И всюду, на любом месте, куда бы его не посылала партия, он через свое мужество и талант руководителя добивался в регионах наивысших показателей по всем производственным и культурно-бытовым позициям. Сегодня Тюпский район, откуда он только что приехал, считается лучшим в области. И все это благодаря тому, что им руководит Геннадий Валерьевич, глубоко уважаемый мной человек.

Зал просто онемел от неожиданного поворота моей линии. Многие не знали его даже в лицо. Вызывало сомнение и то: зачем брать человека со стороны, когда есть свои, которые знают все сложности нашего района, его слабые и сильные места. Ведь, казалось бы, им и карты в руки.

Второму слово предоставили Ногоеву. Его выступление было более кратким. Просто после меня ему нечего было добавить. Оставалось только повториться за мной. Извинившись перед теми, кто его поддержал на внутрипроизводственных партийных собраниях, он, как и я, призвал своих единомышленников отдать свои голоса за Давиденко.

Удивленный зал ждал, что же скажет наш третий земляк по Жайыльскому району — Айтбаев. Он робко встал за трибуну и, видимо, собираясь с духом, для чего-то потрогал микрофон, слегка

кашлянул в кулак и начал такой несуразный лепет, что мало кто понял, собирается он или нет продолжать борьбу. Я не выдержал первый и так, прямо в лоб, задал ему вопрос:

— Скажи конкретно, ты снимаешь или нет свою кандидатуру?

После этого ему ничего не оставалось, как под одобрительный шумок зала, болезненно выжать из себя "да".

Самая настоящая игра в демократию уже началась потом. А почему именно "игра"? Люди почувствовали, что наконец-то они имеют какое-то решающее значение вместо искусственного всенародного "одобрям-с", каждый имел право, вернее воспользоваться своим уставным правом сказать свое собственное "да" или "нет". Сегодня им дано решить, как жить району дальше: или продолжать ковылять где-то в гуще других слабеньких районов, или выйти на гордую прямую прогресса? Но что может сделать один человек? Ведь все будут продолжать те же люди, что и сегодня. Да и что можно изменить, тем более к лучшему, если все вроде идет как надо. Не совсем хуже чем у других. Но для начала все ждали, что же скажет не для всех известный какой-то Давиденко, что он наобещает. Разве мало мы знаем фактов, когда рвущийся в верха кандидат насулит золотые горы, а потом, окунувшись в реальную конкретную жизнь, примолкнет в своем кабинете, завалившись горой бумаг, не имея представления, как решить логично ту или иную проблему.

Но никаких обещаний от Геннадия Валерьевича не последовало. Он говорил не очень долго. Держа в руках подготовленную им программу, он даже не пытался развернуть ее, чтобы ошеломить зал фантастическими цифрами или нововведениями. Все его выступление сводилось к тому, что если он будет избран, то приложит все силы для того, чтобы район вышел в число лучших в области. Но до этого он ничто, если коммунисты и труженики района и, в первую очередь их руководители, не поддержат его, не пойдут за ним. Словом, ажиотажа его выступление не вызвало, и многие его восприняли за обыденное, типовое, что уже слышано-переслышано. Настоящее оживление в зале началось после того, как было предложено задавать вопросы кандидату. Нужно отметить, что эта часть форума была особо зрелищной и очень жаль, что не догадались все записать на видео пленку. Все старались задавать такие вопросы, которые могли взять врасплох любого мудреца. Но Давиденко отвечал очень лаконично и молниеносно, словно ожидал их и подготовил заранее ответ, учитывая подтекстовку и каверзность всякого вопроса. При этом, он так отпарировал затаенную в них иронию, отвечая тем же, только наиболее остро, что зал вспыхивал громогласным хохотом.

Много времени прошло с тех пор, уже сгладилась острота вопросов и гениальность ответов на них, но одного не забыть никогда! Задал его Лакман Теодор Яковлевич, председатель колхоза "Победа", депутат Верховного Совета СССР, кавалер Орденов Ленина, Октябрьской революции, пользовавшийся в районе за тонкость склада своего ума, неоспоримым авторитетом. С его благословения заполнялись вакансии и снимались руководители всех рангов районного масштаба.

Когда он встал с разрешения председательствующего, зал затаил дыхание, дабы не пропустить ни одного слова, ни даже интонации, с которой оно будет произнесено. Коммунисты понимали, что в последнем и таится вся суть вопроса или просто выступления. Убедившись, что зал готов внять его намерению загнать в тупик испытуемого, он тихо так, вкрадчиво начал:

— Уважаемый товарищ коммунист Давиденко, как там Вас, ах да. Геннадий Валерьевич. Мы знаем, что сейчас Вы председатель Тюпского райисполкома Иссык-Кульской области. Когда-то, вот так же, как сегодня здесь, причем, не так давно, Вы тоже говорили такие же слова. Вам поверили люди, пошли следом за Вами. Вместе с ними, именно вместе с ними Вы и, вверенный Вам район, достигли хороших показателей. Как же получилось, что Вы вдруг предали их? Вам показали заманчивый пряник, и Вы бросили все, примчались сюда? Как же это? Скажите нам, уважаемый? Не переметнетесь ли Вы через некоторое время туда, где Вам покажут более заманчивый пряник?

Зал застыл. На мгновение многие подумали: "Ну все, пропал человек, на этот вопрос ответ может только разоблачить его, как карьериста". Вот именно — на мгновение! В следующее мгновение уже звучал его ответ. Нет, это был победоносный и единственно верный в данной ситуации ответ, который до глубины души затронул каждого сидящего в зале. Сначала он прозвучал на чистейшем кыргызском языке, а затем на русском:

— Меня позвала земля, где зарыта моя пуповина и кровь, пролитая при ее отсоединении.

Зал грохнул в дружной овации! Люди аплодировали, не жалея рук, несколько минут подряд. Это была победа, равной которой не может быть. Ведь место земли, впитавшей кровь пуповины — главный признак верности земле не только у коренного населения, но и у русских, украинцев, да, пожалуй, у всех людей нашей многострадальной земли. Этот ответ решил весь исход выборов. Не будь его, как и вопроса, позволившего выпустить на всеобщее обозрение мудрость ответчика, неизвестно еще чем бы закончилась конференция.

Теперь оставалось только ждать результат тайного голосования. Он, как оказалось, превзошел все ожидания. Такого, наверное, еще не знала история, хотя и помним мы такие показатели, как 99,99... процентов "за". В этот же раз "за" проголосовали все как один, то есть сто процентов. Не знаю, может ли еще кто-нибудь похвастать нечто подобным?

И скоро, очень скоро, все мы убедились в правильности нашего выбора. Район действительно резко пошел вверх буквально по всем показателям. А начал он с того, что сплотил около себя крепкое ядро единомышленников. Нет, никого он не назначил нового, не заменил, не убрал ни одного своего зама или пома, ни одного руководителя предприятия, хозяйства, учреждения или районной службы. В первую очередь это было ядро, в которое вошли мы — его бывшие оппоненты, вернее те, которые претендовали на образовавшуюся вакансию. Это я, как председатель горисполкома, Ногоев, второй секретарь райкома и Айтбаев, как председатель райисполкома.

Мы-то с ним были друзья еще с детства. Ногоев, как земляк, а Айтбаев тоже присоединился, потому что мы убедительно ему доказали, что только в дружбе можно добиться всего, что наметили. Мы просто стали единой семьей. У нас совершенно не было никаких разногласий. Геннадий Валерьевич так построил наши взаимоотношения, что мы сразу же все перешли друг к другу на "ты". Это как-то больше располагало к взаимоподдержке, взаимовыручке. Остается только сожалеть, что такого взаимопонимания не могут найти в нашей верховной власти.

Да, мы с Давиденко за дружеским столом выпили не одну совместную чарку, поддерживали ни один тост. Но, между тем, наша дружба оставалась ею только до того времени, пока речь шла о чем-то глубоко личном. Но когда дело касалось производства, на первое место ставились субординация и бесприкословность. Советуясь с нами по каждому существенному вопросу, право последнего — решающего слова, мы безоговорочно оставляли за ним. Вскоре нашей дружбе последовали другие руководители, и прошло совсем немного времени, как мы все, попросту говоря, перероднились. Все горести и радости теперь у нас стали общими. Но главное, что нас объединяло, это прозорливость нашего лидера, коим стал наш партийный руководитель.

Я, наверное, никогда не смогу припомнить такого районного совещания, на которое пришел бы неподготовленным Давиденко. Как правило, проходили они очень лаконично, сжато, с конкретными решениями и точными сроками исполнения. Он обладает исключительной способностью разбираться в тонкостях любого

производства, о котором бы ни шла речь. В перечень его энциклопедических знаний входили буквально все производственные процессы. Особенно, если дело касалось сельского хозяйства. Его, инженера по образованию, трудно было обвести вокруг пальца и в агрохимии, и в зоотехнике. Тут он был "как рыба в воде".

Бывало, приезжаем мы к кому-нибудь в отару, а он говорит чабану:

— Ну и какой же ты приплод хочешь получить от каждой сотни своих овцематок? Девяносто? Не ври. Вот посмотри эта ярка яловая, эта тоже, и эта. Да тебе больше восьмидесяти не получить!

Тут же волей-неволей приходится задумываться, как бы не опозориться в следующий приезд секретаря райкома.

Прошли дожди, и полез на полях сорняк, угрожая заглушить культуру. Мчится ко мне мой дорогой друг:

— Жалгап, выручай! Больше помощи ждать неоткуда. Не сумеем за ближайшую неделю ликвидировать сорняки, вместо урожая курай на стол рабочему классу подавать будем.

Разумеется, у каждого директора предприятия свой план, за невыполнение которого и голову снять могут. Но еду по предприятиям, говорю, мол, секретарь райкома просит. Вот именно — не приказывает, а просит. И находит руководитель людей и инструмент, и способ доставить помощников селянам на поля, и обратно привезти домой. Вот она где дружба наша себя проявляет в самую мощь, а не за веселыми застольями, которые приходят уже потом, после очередной победы.

А их у нас было немало. Заметно похорошел, очистился от извечной грязи город. Приходилось бывать и в селах — та же картина. Чуть ли не сами председатели сельсоветов брали метлы и грабли и наводили порядок. Иначе не сносить головы, если вдруг увидит беспорядок Давиденко. Вообще-то, это только так говорилось. Не снес он ни одной головы, не снял ни одного сельского мэра. А вот работать заставлял. Нет, не метлой и граблями, а той же головой. Ведь от них только требовалось, чтобы жильцы сами поняли, что в чистоте-то жить приятнее. Попробовали. Оказалось, что действительно так. Все усвоили тогда единственную истину, которую не раз говорил первый секретарь райкома: "Не там чисто, где убирают, а там, где не сорят".

Вот тебе и роль одного человека в обществе, вот тебе и "один в поле не воин". Вполне понятно, он был не один. Он был с теми, кто его окружает, кто поверил в его дружбу, стал верен ей, как мог быть верен Геннадий Валерьевич.

Сейчас я работаю председателем акционерного общества "Кыргызский горнорудный комбинат". Трудно представить, каким бы

он стал, если бы Давиденко на него смотрел из окна своего кабинета и показывал нам грозящий перст. Нет, он им жил. Сейчас уже всем стало известно, что в недрах заводов этого самого гигантского в бывшем Союзе комбината, создавалась мощь нашего ядерного оружия. И он, как настоящий патриот своей Родины, не мог не заботиться о ее обороноспособности. Он жил этим предприятием, нуждами его тружеников: инженеров и техников, понимал опасность и вредность для их здоровья, их детей и потомков. Поэтому считал своей священной обязанностью заботиться о их благе, обивал пороги самых высоких кабинетов, добиваясь улучшения их быта. Наш жилой массив — это прижизненный ему памятник. Может быть немногие знают, что каждый кирпичик в этих домах, каждый лист шифера, каждая тонна цемента прошли через его горячее сердце, беспокойную душу, через его бессонные ночи, через его нервы, здоровье.

Не могли знать многие, что главный подвиг его жизни заключается в том, что несмотря на тяжелейшее положение в семье, когда опаснейший недуг лишил дееспособности его жену, оставив на его плечах четверых, еще не сумевших твердо встать на ноги детей, он продолжал заботиться о людях, которым, если честно сказать, было ничуть не труднее, чем ему самому.

Как жаль, что нет у меня такой власти, чтобы по достоинству оценить его настоящий жизненный подвиг. Ведь он достоин (именно он, более чем кто-либо) самой высокой награды. И мне порой обидно и стыдно, что награждают сейчас и присваивают самые громкие титулы разного рода бизнесменам. А ведь по роду своему они не кто иной, как обычные "спекули", только самого высокого ранга, которые паразитируют на теле общества, грабя его, набивая, отнятым у народа добром, зарубежные банки.

Очень жаль, что слишком мало поработал он в нашем районе. Еще много своих задумок не успел осуществить — перевели в Панфиловский район. Лично я удивлялся, как это он согласился поменять наш район, как наиболее престижный, на этот маленький, забытый всеми и самим Богом. Но он ответил мне:

— Здесь мне уже стало не по себе. Все меня знают, принимают чуть ли не за панибрата.

Я-то понял, что он кривит душой. Просто считает, что работа у нас уже отлажена. Дальше и без него дело пойдет. А там он нужнее. И в этом нетрудно было убедиться. Может быть областное руководство в чем-то и право, перебрасывая его из одного района в другой. Но ведь должен же быть предел! Не успел он до конца довести задуманное в Панфиловке, как перевели его в Московский район. Поднялись москвичи на самую высокую в области планку по

большинству позиций, и его снова перевели. Теперь уже в Ысык-Атинский район, причем объединили в нем сразу два, каждому из которых никто из предыдущих руководителей не смог дать ума.

Представляю, как ему там сейчас трудно. Но ни на мгновение не сомневаюсь, что пройдет еще пара лет, и этот район будет ходить в передовиках.

А дружба наша не тает, не выветривают ее годы, не ослабляют расстояния. Жаль только то, что в радости иногда мы забываем друг друга. Но зато в горе мы всегда рядом. Еще с детства не понимали, что мы люди разных национальностей. Дружили мы, дружили наши родители, всегда деля пополам радость и горе. Им было легче. Их не разбрасывала далеко друг от друга судьба, как беспощадна она в этом плане к нам.

Но все равно у самой крайней черты мы рядом, бок о бок, друг с другом. Вспоминается, как хоронили мы совсем недавно его отца — Валерия. Сотни людей, знакомых и незнакомых приехали проводить его в последний путь. Хоронили его мы, кыргызы — по-мусульмански, русские — по-христиански. И ничто не нарушало наших обычаев, как не может разрушить нашей великой дружбы, прошедшей закалку временем.

Рядом были с ним мы — его друзья и на похоронах его жены, выстрадав вместе с ним и эту его невосполнимую утрату.

Есть у нас поделенные поровну и минуты радости. Мы никогда не нарушили нашего святого обычая совместно праздновать свадьбы наших детей. Видимо, скоро дело дойдет уже и до внуков.

Хотя приходится порой прощать нам то, что не всегда у нас имеется возможность вместе отметить день рождения того или другого. Иногда в суматохе будней просто забываешь о них и лишь потом, спохватившись, пересылаем букеты цветов или ограничиваемся поздравлениями по телефону.

Что тут поделаешь! Такая уж у нас жизнь.

И это очень правильно, что есть решение написать о Давиденко книгу. Он, как никто более, достоин этого. Но нужно, чтобы люди знали его не только как хорошего организатора производства, но и как человека с очень сложной судьбой. Может быть именно она, судьба, сделала его понимающим чужую боль, чужие проблемы, научила умению встать на место любого, с кем ему приходится общаться. Он, как тонко понимающий ситуацию судья, может расценить равнозначные внешне поступки разных людей по-разному. Для одних — это обыкновенно преступная халатность, для другого — единственный выход из создавшегося положения. Мне кажется, именно в этом основа его авторитета.

Самое же трагичное в его жизни — это болезнь жены Лены. Первые ее признаки начали проявляться лет десять назад. Это по моему настоянию она легла в больницу на полное обследование. Именно тогда медики и поставили страшный диагноз: целый букет других побочных отклонений от нормального здоровья.

Конечно, болезнь можно было в свое время заглушить. Мировая практика знает много примеров тому, и можно было Геннадию с его положением изыскать для того необходимые средства, обратиться за помощью к нам — своим близким друзьям. Но для него жена была чем-то сугубо личным. Мы знаем, как безмерно он любил ее. Немало примеров, когда люди во имя любви творили чудеса героизма или же шли на преступления. Разумеется, что честным путем не получишь тех колоссальных средств, которые могли бы понадобиться для лечения в лучших мировых клиниках. И он не пошел на это. Мог, но не пошел! Даже во имя любви, считая ее, как я уже сказал, своим, сугубо личным.

Доказательством его безмерной любви было уже то, что после полной утраты Леной дееспособности, он много, непомерно много лет оставался верен ей. А что значит государственному работнику его уровня остаться без прочного, надежного тыла! Тысячи наслаивающихся друг на друга производственных проблем, которые мог решить только он. Идя на помощь людям, он, только он знал, что все их проблемы ничтожно малы по сравнению с тем, что имеется в его семье. Но он своим проблемам, своей беде мог уделить внимание только где-то глубоко внутри своего сердца, своей души. И это понимали его, уже вполне взрослые дети и не могли не осуждать поведение своего отца. Пусть не открыто, пусть так же где-то у себя внутри, но осуждать. И их прекрасно понимал отец. Но что он мог поделать, если его долг перед людьми, которые верили ему, ждали от него единственно правильных решений, был выше долга перед своим личным.

Достаточно было только одного слова, только одного намека, чтобы мы, его подчиненные, его друзья сделали для него что-то более значительное, чем ему положено по роду службы, и мы бы с огромной радостью изыскали у себя необходимое. Но тогда он не был бы уже тем Давиденко, которого знали все. А быть тем, кем он есть на самом деле. И что унаследовал от своих предков, было для него священно, как сама жизнь.

Собирая материал данного повествования по Жайыльскому району, где некогда трудился Геннадий Валерьевич среди тех, кто его знал, помнил, замечаешь, что некоторые, со временем, забыли его значимость в жизни района и всячески умаляют ее. Так, скажем, при встрече с нынешним заместителем главы райгосадминистрации, его

бывшим оппонентом на выборах первого секретаря райкома партии, узнав, что я пишу книгу о Давиденко, пожал недоволенными плечами, сказал:

— Ну и что, что работал у нас? Когда это было!

Меня, как человека, много уже знавшего о Геннадии Валерьевиче как о замечательном моем современнике, не могло не возмутить это. Но даже этот факт возвысил в моем лице моего героя, и свело на нет положительные отзывы о нем самого Давиденко. Вот и с такими людьми ему приходилось работать, делить с ними и беду, и радость. А ведь они в любой, самый неподходящий момент могли подставить подножку и загубить любое, самое ценное начинание. И не удивительно, что после того, как Геннадий Валерьевич оставлял то или иное хозяйство, через некоторое время все возвращалось на круги своя. Выходит, не всем впрок пошли его уроки.

Работает на горнодобывающем комбинате, о котором только что шла речь, заместителем председателя объединения по кадрам Семенов Владимир Григорьевич. В беседе с ним он так отозвался о бывшем секретаре райкома:

— С ним впервые я познакомился, когда работал в райкоме заведующим отделом. Он отличался от других руководителей. Не помню кем он тогда работал: председателем колхоза или директором совхоза. Но какое бы поручение ему не дал, он всегда его выполнит точно и в срок.

— И даже, если он не согласен с ним, — спрашиваю. — Если у него имеется на этот счет другое мнение?

— Что значит другое мнение? Кто мог отрицать мнение партии?

Вот тебе и раз! Вот и приехали к тому, от чего ушли! Да, линия партии была едина. Это бесспорно, как бесспорно то, что главная ее цель была построить коммунистическое общество во всем мире. Но ведь партия была огромной, а самодуров и глупцов в ней было больше, чем предостаточно.

Вспоминается пример из моей личной жизни. Так уж получилось, что овдовел я, имея на руках троих малолетних мальчишек, и женился на разведенной женщине с пятью такими же голопузыми сорванцами. Да и дочь у нас нашлась, в общей сложности девятой. Но не растерялся я. Взялся за дело смело. Дали мне гектар заросшей мелким кустарником земли. Выкорчевал я эту поросль, на три-четыре раза перепахал поле и посеял сразу овес с горохом, да клевер под их покров. Прекрасная уродилась у меня тогда "зеленка". Скосил я ее, застоговал, а снизу уже клеверок веселенький так зазеленел. Ну, думаю, к осени еще накошу. Целое стадо смогу прокормить. Собирался штук пять-шесть телочек

купить. Прокормил бы и сорок, да денег на большее не нашел бы. И тут вызывают меня в райком. Тоже там заведующий был шибко партийный. Непонятно, как это он, с его огромной бочкообразной комплекцией за стол пролез и в кресле уместился. И поздороваться-то я еще не успел, как он набросился на меня с криком:

— Что, разбогатеть решил, товарищ коммунист! Ведь на нас все смотрят.

— А какой пример ты им показываешь?! — не выдержал я.

Боже мой, что тогда там было! В общем, выбросил я им свой партбилет, а это было за двадцать лет до того, как разводить из этих книжечек около райкомов партии костры стало модным. Вскоре приехали ко мне на поле ребята в сопровождении милицейской охраны, обмерили мои стога, оставили для телки моей единственной три тонны сена, а остальное оприходовали за совхозом. Мне же приказано было выдать совхозной бухгалтерией по семнадцать рублей за тонну отнятого сена. Помню, ребяташки мои все порывались сжечь то, во что и они вложили свой труд. Да я убедил их, что за это меня в тюрьму посадят. Потом, или так было угодно судьбе или еще что, но почти все совхозное сено сгорело в том году. К счастью, к этому времени мы слишком далеко уехали от этого района.

А вспомнил я это к тому, что были у нас и такие работники в партийном аппарате. Так что, нужно еще и подумать, какие партийные поручения выполнять, а какие и помешкать. И я уверен, что Геннадий Валерьевич тоже не очень торопился взять "под козырек". Доказательством тому тот факт, что еще за год до того, как партия коммунистов в нашей стране была объявлена вне закона, он подал заявление о несогласии с некоторыми исполнителями, так называемой, партийной линии. В душе же он так и остался человеком, в самом высоком смысле этого слова. И вся эта книга доказательство тому.

Да и не поторопились ли мы вообще сделать слово "коммунист" ругательным? Много, очень много, гораздо больше, чем иных, встречал я людей, которые с высочайшим достоинством, до фанатизма несли это звание по всей честной трудовой жизни. Многие из них подвергались преследованию со стороны власть придержащих, именно за честность и нетерпимость к делам, порочащим имя коммуниста. Сурово наказывая их за пустяки, они не раз толкали нашу страну на рискованные шаги конфронтации. Вспомним войну в Афганистане, которая, кроме позора, не принесла нашей стране ничего.

Но даже на самом верху пирамиды власти находились трезвые умы, которые не давали нам свалиться в огненную геенну

новой мировой войны. Вспомним, к примеру, события в Чехословакии в августе 1968 года. Ваш покорный слуга далеко не со слов знает о сложившейся тогда международной ситуации. Из полученной в то время информации, которой не доверять нельзя, было ясно, что более двухсот тысяч немецких солдат ФРГ под видом туристов, студентов и эмигрантов в гражданской одежде, но при полном боевом вооружении, перешли границу Чехословакии и ждали только сигнала для того, чтобы слиться в боевые подразделения и поддержать контрреволюционный путч, готовящийся тогда в верхнем эшелоне власти этого восточно-европейского государства.

Последние же, путем переворота захватив власть, должны были обратиться за помощью в Германскую Федерацию, а та немедленно ввела бы на территорию своей соседней страны свои регулярные части. Это бы значило, что они посягнули на интересы стран Варшавского Договора, для которых этот факт потребовал ответных действий по отношению к блоку НАТО.

В свою очередь, США уже предупреждали соцблок: если он начнет боевые действия в Европе против удобного ей альянса, то их войска во Вьетнаме пересекут семнадцатую параллель и двинутся на север. Союз же был повязан договором с Вьетнамом: если американцы пересекут названный рубеж, разделяющий эту страну на юг и север, то советское посольство покинет штаты, как знак, что Советский Союз вступает с Соединенными Штатами в состояние войны.

Таким образом, от новой мировой войны планету отделяли считанные часы. И трудно было бы представить, чем бы все закончилось, если бы советские войска в содружестве с войсками социалистического альянса, буквально за два часа не оккупировали Чехословакию, полностью парализовав и нейтрализовав эту страну, не дав возможность захватить власть контрреволюционными элементами.

Тут коммунистическое руководство Советов показало себя с наилучшей стороны, совершенно не претендуя на звание жандарма Европы, как теперь глаголят некоторые горе-политики. Что, дескать, своими другими действиями партийное руководство страны затмило это, как и многие другие, благородное дело. Да, сверхдержавная мощь некогда нашей общей Родины ковалась и нами — кыргызстанцами. Именно нашей республике было суждено стоять в эпицентре создания термоядерного щита Советского Союза.

Тогда всего этого мы не могли знать, как знал Геннадий Валерьевич и руководители его уровня и государства. Разве тогда ему было до каких-то личных проблем? И пусть сегодня он не может дать приказ, что неподвластен никаким уставам, скомандовав:

— Коммунисты, вперед! — люди ближайшего окружения пойдут туда, где они нужны больше всего и выполняют свой святой долг. Не верьте, что все это не так. Изменились люди, изменилось понятие и сам смысл высокого долга, но суть осталась та же, что и десятилетия назад, когда большие чиновники, подальше спрятав свою красную книжечку, били себя в грудь, называясь именем тех, кого были недостойны. И еще не отгромытали овалы зарубежных политиков по поводу того, что наша партийная братия поспешно меняла свой коммунистический мундир на демократический фрак, как уже и последний вышел из моды. Что же теперь наденут они? Не знаю! Ясно только одно, что недалеко то время, когда в моде будут бусы папуасов. А это значит, мы возвратимся на многие века назад. Смогли же мы десятикорпусный плуг наших сельскохозяйственных машин-гигантов сменить на соху. Вот только запрягать ее скоро будет нечем. Лошадей-то и тех осталось очень мало.

И вся надежда сегодня на таких, как Давиденко.

Показать Геннадия Валерьевича как личность, невозможно, не охарактеризовав тех, с кем ему приходилось работать, учиться у них самому и подавая им личный пример, настраивать их на добрые дела. А сподвижников, которые стали для него впоследствии частью его души — немало, как у всякого настоящего человека. Было у него по этой причине и немало врагов. Но ни одного из них он не может припомнить. Они просто уходили из его жизни бесследно. Или просто надевали маску добродушия и преданности. Лично я таких людей боюсь, зная, что не надо бояться друга, так как самое страшное, что может сделать для тебя друг — это предать тебя, не надо бояться врага, так как самое страшное, что может сделать для тебя враг, это убить тебя. Но что можно ожидать от человека в маске? Ведь это и есть самое страшное.

Но не будем о них вспоминать, да и вообще думать. Главное, это все же тот, кто искренен, кто не боится в глаза тебе сказать горькую правду и постесняется поздравить тебя с очередной удачей, не захочет демонстрировать свою искреннюю радость за твою очередную удачу.

— Если ты хочешь узнать, какой я есть на самом деле, — сказал мне Давиденко, — то поезжай в Чалдовар. Там председателем колхоза "Нива" работает Николай Маркович Миндалин. Он-то уж не покривит душой. Мало я с ним поработал, но соли съел немало.

Как известно, Чалдовар от Канта отдален более чем на сотню километров. На маршрутном автобусе нужно сделать две пересадки. И чтобы упростить мою поездку Геннадий Валерьевич кое-как согласился выделить "легковушку". Первая поездка не увенчалась успехом. Оказалось, что председатель уехал на чьи-то похороны. Как

я утверждал, нужно было сначала созвониться, чтобы он ждал, а потом ехать. Но Давиденко, имеющий в кармане сотовый телефон, не захотел понять, что без договоренности пускаться в путь-дорогу дальнюю, по крайней мере, несерьезно.

Во второй раз он созвонился. Вышел на главного бухгалтера. Та ответила ему, что Миндалин уехал на сахарный завод и будет только после обеда. Но будет обязательно. И я поехал спокойно, будучи уверенным в том, что бухгалтер передаст Николаю Марковичу, что звонил аким Ысык-Атинского района и просил встретиться писателя. Подъехали мы к конторе в половине первого. В это время там был еще обеденный перерыв. Дождавшись его конца, захожу в контору. Главбух, женщина, что называется, в самом расцвете, "обрадовала" меня тем, что Миндалина она до сих пор не видела и ничего ему не передала.

Сначала мы попытались его разыскать сами. Съездили на склад, где расположен зерноток. Как раз в это время хозяйство начало обмолот поваленных пшеничных валков. Ясное дело, сейчас председатель мечется по полям. Словом, предоставилось достаточно времени, чтобы подумать об индивидуальности в методике руководить хозяйством многих известных мне башкармов.

Вот, к примеру, Орел Борис Абрамович, что главенствует в селе Ленинское Аламудунского района. В пять утра он уже на ферме. В полседьмого — на планерке в автопарке. Проводя ее, он уже знает, что у него творится в хозяйстве. Так что разнос, если есть необходимость, может устроить в своем кабинете, где, как правило, его уже ожидают руководители подразделений и всякого рода деловые люди. А потом — ищи его свищи. Где-нибудь по полям мотается или по районным организациям.

Но вот одно, что не может быть примером для подражания другим руководителям — это то, что без его подписи недействительна ни одна сколько-нибудь значимая бумажка. Вот, к примеру, нужно человеку по какому-то экстренному поводу выписать килограммов пять мяса. Это он сначала дождется, пока председатель подпишет ему заявление. Потом по его решению ему в бухгалтерии выпишут накладную. И ее тоже должен подписать башкарма. Словом, целый день, а то и больше потеряешь, пока получишь. При этом хорошо, если это мясо окажется на складе. Порой, из-за этой волокиты "Христов день" может оказаться "без яйца". Другое дело, если мясо или какой другой продукт идет по разнарядке. Там проще. Подошло время, и иди получай.

Знаю хозяйства, где еще чище. Никакой разнарядки, никаких выдач по ведомости. Каждый, теряя свое рабочее время, идет за этим злополучным продуктом в два кило, как правило, не больше,

проходит всю указанную процедуру, а башкарма целыми днями высиживает в кабинете, разбирая не менее полусотни пустяковых заявлений в день.

Как правило, все эти хозяйства, в том же Аламудунском районе, на сегодня приказали долго жить. Причем, интересно здесь такое явление. Те руководители, которым за кратчайшее время удалось свои хозяйства довести до ручки, а народ до нищенского существования, были повышены в должности до уровня районных руководителей или главных специалистов района. А ведь именно они и только они виновны в том, что нет сегодня крупнейшего в республике винсовхозкомбината имени Ленина, прославленного своим животноводством совхоза имени Карла Маркса, ставшего потом ассоциацией "Азат". Это они ликвидировали совхоз "Ала-Арча", который некогда выращивал, несравнимые с узбекскими, мраморные арбузы. Не встретишь теперь тучных отар на территории Таш-Мойнока, пустуют огромные винные резервуары в винсовхозе "Ала-Тоо".

Считаю, что нет необходимости называть имена номенклатурных изгоев, которым всегда находятся теплые места и мягкие кресла в Аламудуне. И невольно вспоминается Борис Абрамович, который уступил место генерального директора другому "генералу" и возглавил "Ветку" только с той целью, чтобы показать, что и сегодня можно реанимировать некогда прославленные хозяйства, но разоренные будущими "генералами", поднять до недостижимого ранее уровня.

И это просто хорошо, что есть у нас такие врачеватели хозяйства, как Борис Абрамович. Лет пятнадцать назад Орел оставил Ысык-Атинский свинсовхоз — богатейший в республике мясопромышленный комплекс с тем, чтобы заалели победоносные знамена в совхозе "Пригородный". А оставил его тогда, когда при тех же людях, при той же земле, при той же технике и при тех же затратах стал получать только овощной продукции в два-три раза больше, чем его предшественники.

Что-то общее у него в этом плане с Геннадием Валерьевичем. Только у последнего более высокий уровень деятельности, да и потенциальных возможностей больше, поскольку мой герой моложе Орла на добрый десяток лет.

Интересно, каких бы показателей добилось одно из его хозяйств, если бы он проработал в нем двадцать-тридцать лет? Думаю, что было бы не хуже чем, скажем, у Бориса Григорьевича Бажана, что руководит хозяйством имени Энгельса, расположенного в селе Садовое Московского района.

Вспомнился и его метод в руководстве хозяйством. Много, очень много раз пришлось бывать по роду своей работы в Садовом и почти всегда я его заставлял в кабинете председателя. Были, конечно, и случаи, когда Бажана на обычном месте не оказывалось, но это только тогда, когда он или в столице, или где-нибудь за границей.

Как правило, в приемной его кабинета — ни души. Лишь редкие гости из числа деловых людей, да нашего брата — корреспондентов, которые не на очень долго забывают о нем, тем более, когда "горит" их газета из-за средств. Именно бедность областного печатного органа "Чуйские Известия" заставила даже ввести его в состав своей редакционной коллегии. Правда, в последнее время реформа в сельском хозяйстве ограничила его возможности делиться своей прибылью с тружениками пера. Но у толкового руководителя найдутся аргументы, чтобы доказать правлению о необходимости саморекламы в интересах производства.

На вопрос, почему же он почти всегда в своем кабинете, а не где-нибудь на поле, в мастерских или на животноводческом комплексе, он заученно ответит:

— А что мне там делать? Ведь есть специалисты, руководители подразделений. Что им мешать! Пусть работают сами, сами шевелят мозгами.

Во время первой же встречи он рассказал мне, что на фермах он уже не был с месяц. В гараже тоже редкий гость. И действительно, зачем втираться в глаза простым работникам руководителям высокого ранга, умалять тем самым роль непосредственного начальника? Во-первых, это пагубно тем, что рабочие перестают реагировать на требования того же заведующего фермой, потому что достаточно и более важно послушать директора. Да и дав свое указание, последний уже снимает ответственность с бригадира за результаты его выполнения. Во-вторых, как бы то ни было, подчиненные всегда должны с трепетом ожидать приезда своего шефа. И если он там постоянно, то сглаживаются все шероховатости, становится незаметным то, что в глаза бросается вновь приехавшему. Нужно, чтобы люди всегда ждали приезд начальника, хотя и не ведали, когда же он осуществится и помнили, что после приезда руководителя в подразделение, у кого-то будет "грудь в крестах", а у кого-то "голова в кустах". Вот это и есть самый главный стимул производства! Хотя некто скажет, что сегодня главный стимул, - это зарплата. Ничего подобного. Зарплата любого во многом зависит от отношения к нему шефа. А оно зависит от истинной исполнительности, а не от показухи. Ну согласитесь, если все знают, что начальство бывает каждый день строго в пять утра, а потом к

обеду или к концу рабочего дня, то каждый из шкуры будет лезть, чтобы к его приходу был порядок, а уж потом и отоспаться можно.

Нет, высказанное мнение — не строгая, не всеобъемлющая рекомендация. Много меняют, сложившиеся за многие десятилетия, взаимоотношения в трудовых коллективах. Скажем, в той же "Ветке", за восемьдесят лет существования хозяйства люди привыкли к палочной дисциплине, как во время зарождения колхозов. И теперь самое маленькое послабление, и все может рухнуть, как это случилось, когда хозяйство возглавил не до конца последовательный в своей высокой требовательности, руководитель. И все сразу же пошло насадку. Орел сразу уловил этот феномен и свою работу построил в унисон с зачинателями хозяйства повышенной рентабельности.

Бажану же за двадцать лет удалось так перестроить психику коллектива, что там на первое место вышло полное самосознание каждого работника. Сегодня же оно закреплено тем, что не найти хорошо оплачиваемую работу, как в Ленинском, где на каждом километре, если не рынок, то какой-нибудь комок или даже кафе встретить практически невозможно.

Уровень дисциплины здесь поддерживается, в первую очередь, уровнем расчета за труд. Здесь, к примеру, вот уже двадцать лет к ряду зарплата за прошедший месяц выдается строго десятого числа последующего месяца. Причем, зарплата на уровне преуспевающей городской фирмы. Например, секретарь-машинистка получает в месяц семьсот сомов, а доярка — до двух тысяч и больше.

— Ничего нет удивительного и в том, что у меня в приемной нет ни одного работника, - говорит Борис Григорьевич. — Им просто делать нечего. Продуктов мы никому не выписываем. Получают зарплату — пусть покупают все сами. В долг не даем. Если кому надо что взять на складе из нашей продукции, пусть идет и покупает там. Правильно, там все дешевле, чем на базаре. Но каждый может купить только в пределах разумной достаточности. Об одном только сожалеем, что слишком мало можем помочь своим бывшим работникам, нынешним пенсионерам. Правда, каждый месяц выплачиваем дополнительно к пенсии 200-300 сомов и заботимся о том, чтобы и топливо у них было зимой, и дома отремонтированы, и за электроэнергию помогаем расплачиваться. И не надо никому ходить лично ко мне что-то просить. Сами знаем, кому что надо.

Не надоедает Бажан своим замам и руководителям подразделений ежедневными планерками, как это делается буквально во всех хозяйствах. Раза в неделю ему достаточно для того, чтобы не забывать своих подчиненных в лицо. А там пусть они

сами крутятся, как знают. Всем им и без него известно, а порой и больше, чем ему, что им не хватает, на что нужно уделить особое внимание. Зато спрос с них потом на всю катушку, хотя и припомнить не может, кого он в последний раз наказал. Работают люди!

За этими размышлениями и провел я четыре часа в ожидании Миндалины. Вот появился и он, в показавшейся мне тогда почему-то "шестерке" темного цвета, хотя мне объяснили, что она у него молочно-кофейной окраски.

Вообще-то я Николая Марковича знал раньше, как-то написал даже о его хозяйстве заметку. И он меня, как мне показалось, узнал, хотя и не мог вспомнить, где и при каких обстоятельствах виделись раньше. Когда узнал от бухгалтера, зачем приехал, коротко бросил:

— Извините меня, но мне сейчас ужасно некогда. Начали обмолот, и от меня ни на шаг не отходит приехавшая комиссия. Притом, что я могу сказать о Давиденко за пятнадцать минут? Тут, как минимум, два часа нужно посидеть.

Договорились, что я приеду в ближайшее воскресенье к десяти часам утра. Он будет меня ждать. Геннадий Валерьевич, узнав, что приехал снова ни с чем, проворчал:

— Гонять вхолостую машину за сто километров, это же просто возмутительно!

Пытался оправдаться тем, что договорились о встрече, где он меня обязательно дождет. С трудом согласившись еще раз дать машину, Давиденко поторопился на какой-то сельский сход. На мое предложение прокатиться с ним, замахал рукой:

— Ой, не надо! Машина у меня битком, да и разговор этот не для печати. У нас еще будет немало возможности побывать на всяких сходах.

Но я, стреляный воробей, и меня на мякине не проведешь. Сразу понял, что ожидается там высокое напряжение. А это значит, что присутствие постороннего человека может стеснить порыв его души. Но в моем возрасте не время удивляться чему-то. Словом, решил на этот раз не быть таким навязчивым.

С Русланом, ответственным работником райгосадминистрации, который на своих "Жигулях" уже раз скатал меня в Чалдовар, мы договорились отъезжать от моей городской квартиры в воскресенье, в восемь часов утра. Но он приехал на полчаса позже, и я боялся, что мы не успеем к назначенному времени. Так оно и получилось. Мы опоздали на восемнадцать минут. Но зато я отлично рассмотрел, как чисты буреющие поля хорошо вызревшей пшеницы, ее тяжеловесные, звенящие друг о дружку колосья. И нужно отдать должное хлеборобам Чалдовара, что чище, чем у них, я в последние годы полей не видел.

Как и нужно было ожидать, Миндалина не оказалось ни около закрытой на амбарный висячий замок конторы, ни дома, ни в гараже, ни в мастерских, ни даже на складе. И, главное, везде он только что был и уехал, как утверждали все, в неизвестном направлении. И все-таки решили ждать около склада. Туда один за одним шли тяжело нагруженные зерном самосвалы.

И вдруг, вижу подъехала чистенькая "шестерка" молочно-кофейного цвета. За рулем Николай Маркович. Рядом с ним — главный инженер. Извинившись за задержку, башкарма попросил, чтобы я подождал здесь еще минут десять. Ну, десять минут, это не два часа, которые мы уже прождали. Так что пролетели и они. Вернулся Маркович, как и обещал, ровно через десять минут. Попросил, чтобы водитель поставил нашу машину в холодильник, а меня пригласил в просторное помещение складского типа. Попросил миловидную азиаточку средних лет, чтобы она приготовила для нас чай.

Себя она долго ждать не заставила, и скоро на столе, что обычно бывают на полевых станах, появилась литровая стеклянная банка чая, видимо вскипяченная электрокипятильником, ваза с сахаром, копченая колбаса с неповторимым ароматом разжигающего аппетит запаха, тарелка тут же растаявшего сливочного масла и булка только что испеченного белого хлеба, за которую в городе за ценой бы не постояли.

— Пожалуйста, угощайтесь, чем богаты, тем и рады, — тоном щедрого гостеприимного хозяина предложил башкарма. — Все это собственного производства.

Только теперь я впервые рассмотрел, насколько это симпатичный, невысокого роста, слегка полнеющий человек, которому оказалось, как я и предполагал, ровно пятьдесят лет. Каким-то добродушием так и веяло от него. А ведь чем-то он похож на Геннадия Валерьевича! Такой же рост, такая же комплекция и точно такой же естественный тембр голоса. Мне уже давно известно, что внешняя схожесть всегда сближает людей, а одинаковое внутреннее обаяние вообще братует их.

Тут же я засыпал его подготовленными заранее вопросами. Не успел он начать отвечать на них, как спохватился:

— Вы ведь еще нигде не успели пообедать?

— Не только, но и позавтракать.

— Что же это я, не покормив гостя, вступаю с ним в разговор? Ну, ничего. Это мы сейчас исправим.

— Согласен. Но только сначала расскажите мне все, что знаете о Давиденко.

Вообще-то разговорить его оказалось делом совсем простым. Да только почему-то он не находил слов, чтобы изложить многое о человеке, о котором знал такие подробности, какие кому попало не рассказывают. Кое-как вырисовывалась картина знакомства и совместной деятельности. Нет, пожалуй, это не так сказано. Не деятельности, а работе, такой совместной работе, которая достойна поощрению.

Впервые Николай Маркович встретился с Геннадием Валерьевичем лет двадцать назад. Хотя знал его еще по институту. Давиденко на год был старше и учился курсом выше. Знал его как земляка. Бывало, вместе ездили домой или в город на одном автобусе. Кроме того как "здрасьте" или "пока" их отношения не сближались.

В то время Миндалин работал главным агрономом совхоза "Нива", того самого, что теперь стал СХПК с тем же наименованием, где сейчас он работает председателем. Попали они с взаимопроверкой в колхоз имени Ленина, где Давиденко был секретарем парткома. Дело было во время обеда, когда их группа расположилась в каком-то небольшом помещении типа полевого стана или юрты. Председатель колхоза извинился, что не сможет из-за неотложных дел отобедать вместе с ними и представил им своего парторга, который введет в курс всех колхозных дел.

А парторг, между прочим, был одет по праздничному, в модный тогда кремпленовый костюм. Весь такой подтянутый, отутюженный, начищенный до блеска. Потом, я узнал, что другим он вообще не бывает. Но при всей своей парадности, парторг не показался тогда гостям напыщенным, педантичным, рисующимся, как некогда бывали краснокнижники при чуть возвышенных должностях. Это был простой молодой человек, досконально знавший свое хозяйство.

И все же главное, что произвело впечатление на гостей, это его простота и краткость молниеносно сформулированных ответов, их глубина и точность. Так что не приходилось что-то уточнять, выяснять.

Уже потом, читая газеты, узнаю, что он работает председателем колхоза, директором совхоза, председателем райисполкома где-то в Прииссыкулье, первым секретарем райкома. И всюду, только хорошие отзывы о нем как о прекрасном организаторе производства. Жайыльский район находится по соседству с Панфиловским. И слухи о том, какой там первый секретарь, лились к ним рекой. Многие подумывали тогда, вот бы нам такого руководителя в район!

И тут, словно мысли эти дошли до самого Создателя. Вдруг на одном из районных совещаний представляют Давиденко, как главу Панфиловской райгосадминистрации. Это сообщение большинство панфиловцев восприняли как нечто самое желаемое. Николай Маркович как-то сразу сблизился с новым, вернее с первым акимом. Видимо, и до этого общение с ним было приятным. Вскоре их отношения переросли в настоящую мужскую дружбу. Но странным в ней было то, что Миндалину больше всех доставалось от него. Бывало, если нужно главе райгосадминистрации в своем выступлении привести отрицательный пример, то кроме как из фактов по "Ниве" у него ничего не находилось. С одной стороны, это бесило председателя, а с другой, он понимал, что аким тянет его на самый высокий в районе уровень по всем показателям, чтобы сделать его в районе самым лучшим руководителем.

А это было, ох как нелегко! В это время уже по всем швам трещали отлаженные при советах производственные отношения и экономические связи. Проблемой стал не только сбыт с трудом полученной сельхозпродукции, но и растущие не по дням, а по часам цены на ГСМ, запчасти, химикаты и прочее, и прочее, и прочее. Хотелось уже плюнуть на все и уйти — куда глаза глядят.

Один раз Маркович вообще не выдержал. Пришел к акиму, не чувствуя от зла ног под собой, и так скоропалительно сказал. Нет, не сказал, прокричал:

— Хватит, Гена! Я больше не могу! Забирай у меня хозяйство и отпускай по-хорошему! Иначе не выдержу, сорвусь, дров наломаю.

— Присядь, отдохни, не торопись с выводами, - мягко, по-дружески сказал аким. — Я знаю, тебе сейчас очень трудно. А мне легко? Ты у меня спроси: легко ли мне сейчас?! Да у меня на тебя сейчас, да на таких как ты — вся надежда. Если мы не выстоим, погибнет все дело. А кто же людей кормить станет?

И тут твердо так, уверенно встал, подошел ко мне вплотную и настойчиво так, как может только он, сказал:

— Иди, работай! И чтобы я от тебя больше ничего подобного не слышал. Будешь хандрить, я из тебя всю душу вытряхну, но работать заставлю. Коля, ты ведь можешь. Ты же ведь мой друг.

Сколько времени проклинал после этого свой момент слабости Николай Маркович! Стыдно было ему даже на глаза показываться. Спасибо времени за то, что оно залечило и эту душевную рану двух сильных духом людей, настоящих друзей, заслуженных работников сельского хозяйства. Государственных людей!

С того времени дела в "Ниве" пошли в гору. Быть первым всегда и во всем — этот девиз Давиденко стал символом жизни

Миндалина. Где самые чистые в республике хлебные нивы? Нами уже говорилось — в "Ниве"! Кто выращивает семенную элиту? — "Нива"! Какое хозяйство на сегодня не должно никому: ни налоговикам, ни Соцфонду, ни энергетикам, ни еще черт знает кому? — Опять же, "Нива"!

Как-то редактор областной газеты А.Блиндина спросила у Николая Марковича, хотел бы он стать таким, как Бажан?

— Таким как Бажан, — нет, — ответил Миндалин. — Может быть в чем-то хуже, в чем-то лучше. Но только не таким как Бажан.

Так мог ответить только человек, знающий себе цену. Так ответил бы и Геннадий. Потому что он является личным примером для меня, для таких как я — заключил Маркович.

Разговор наш длился ровно два часа, как и полагал башкарма. За это время мы успели и сытно пообедать, и прокатиться по пыльным дорогам хозяйства Миндалина, его гордости. А гордиться ему действительно есть чем. Самый первый в республике, он свалил в валки поливную пшеницу, не дав ей осыпаться, что допускают в других хозяйствах. Первое зерно на мелькомбинаты всей округи пошло отсюда, поэтому и цена ему была самая высокая, а покупатели произвели стопроцентную предоплату. Это позволило окончательно рассчитаться со всеми кредиторами и выплатить зарплату своим работникам. И теперь долго не будет для них никаких задержек.

Неясным было одно. Почему такая убогая в "Ниве" контора, и у председателя нет служебной машины?

— Эту "шестерку" подарил мне мой отец, — объяснил Маркович. — Так и сказал, чтобы я ее использовал самым выгодным для меня образом. Вот я и использую ее в служебных целях. Приобретать же для хозяйства председательскую машину нам пока не по карману. Да и контора расположена не в шикарном доме по той же причине. Сегодня самое главное — сохранить трудовой коллектив, не дать ему распасться. Для этого одной дисциплины недостаточно. Ведь для того, чтобы что-то взять от того же работника, ему нужно сначала дать — выплатить честно им заработанное.

Да, численность работников в "Ниве" доведена до минимума — всего четыреста человек. А как же жить остальным семьям, если найти работу в глубинке очень сложно? Да что там — практически невозможно! Вот и засевают в "Ниве" триста гектаров сахарной свеклы. Это позволило обеспечить работой всех желающих. И не просто работой, а высокооплачиваемой работой.

Не видать здесь праздной прогуливающейся по улицам молодежи. Все заняты работой. Зато свекла уже в начале июля с

добрый килограмм каждый корнеплод. Так что зиму встретят селяне не с пустыми карманами.

И тут же добрым словом вспоминают моего героя, сдружившего всех руководителей Панфиловского района. И только поэтому на местном сахарном заводе сначала примут урожай от своих хозяйств, когда сахаристость еще самая наивысшая.

Тут не смог не вспомнить Маркович о беседе с Бажаном, который удивился, что такое маленькое хозяйство засеяло сахарной свеклой такой клин, что самому Борису Григорьевичу, с его крепким хозяйством, просто не под силу.

Переживает сегодня башкарма из Чалдовара, что слишком плохие в хозяйстве дороги. Но он уверен — встанет "Нива" крепче на ноги, решит и эту проблему. Смогли же селяне сделать свое село чистым и опрятным. Да и люди живут здесь в домах добротных, ухоженных. О пьяни, конечно, речь не идет. Она везде нищая и раздетая. А кто хочет жить хорошо, идет к Миндалину не хлеба просить, а работу. А на селе она в хорошем хозяйстве всегда найдется.

Уезжал из Чалдовара с чувством сожаления, что так быстро пришлось расстаться с человеком, с которым хорошо было бы подружиться, который в трудную минуту не подведет, с которым, как говорили в недалекую старину, можно идти в разведку, с хорошим другом Геннадия Валерьевича. Ведь был бы он никем, если бы рядом с ним не было таких, как Маркович. И кем бы стал Миндалин, если бы с ним рядом не было его доброго наставника?

Мысленно подводя итоги встречи с очередным героем своего повествования, я подумал: "Так чем же помог глава райгосадминистрации председателю "Нивы"? И тут вспомнились слова башкармы:

— Он меня научил безжалостной требовательности к своим подчиненным, убедил меня, что размазня-руководитель с мягким сердцем беспомощнее грудного ребенка. Тут нужна воля — поистине мужской характер. Вот ты уже третий раз только в этом месяце был у меня. Ты встретил хоть одного пьяного? Нет! Таких у меня нет и быть не может! Не мог ты не узнать, что у нас нет ни прогульщиков, ни опаздывающих на работу. По настоящему требованию Геннадия я начал именно с трудовой дисциплины. Производственная дисциплина достигала своего апогея уже потом, как следствие трудовой. Не может, скажем, доярка строго соблюдать технологию, если она опоздала на работу. Или вообще пришла на дойку с похмелья. Не согласиться с этим нельзя. А как же праздники? Можно, оказывается, отпраздновать и без распития спиртного. Например, разве маленький праздник — начало уборки урожая? А как же

отметить его без хмельного застолья? Оказывается, очень просто! Миндалин издал устойчивый приказ: испечь каждому работнику хозяйства по булке хлеба из муки нового урожая! Разве это не трогательно?! Разве это можно забыть?!

Кстати сказать, в этом хозяйстве, возможно даже единственном в республике, где нашли способ так растянуть запас собственной муки, что ее хватило до нового урожая. И цена на хлеб для своих работников здесь не сравнима ни с чем. А уж первую буханку хлебоборобы получили совсем бесплатно. Мелочь? Не скажите! Это политика! Это то, чему учил его большой друг, которого здесь до сих пор чтут и уважают.

Хотелось бы, нужно было написать, как можно больше о Геннадии Валерьевиче за время его работы в Панфиловском районе, куда его направили на должность (первый раз в жизни) главы райгосадминистрации. Не мало теплых слов было сказано в его адрес многими панфиловцами. Но наиболее ярким материалом мне показалась статья редактора районной газеты Л. Тепловой из рубрики "Наболело", которая называлась "Баламуты", опубликованная в печатном органе Панфиловского района.

На первый взгляд она никак не характеризует моего героя. Здесь важна, много раз повторяющаяся, ситуация, с которой приходится встречаться любому руководителю. Согласитесь же, не редки случаи, когда отдельные личности, а порой целые группы, идущие у нее на поводу, создают невыносимую ситуацию, отрывают драгоценнейшее время у руководителей буквально всех инстанций на разбирательство искусственно вздутых фактов, лишь с одной целью — быть у людей на виду, показать свою всемогущность, даже не жалея о том, что подрывают этим авторитет уважаемого всеми человека.

Очень уж просил Геннадий Валерьевич не называть их имен. Не достойны, мол, они того, чтобы о них писали, чтобы помнили о них, удовлетворяя этим их самоцель. Иногда я соглашался с ним, но умолчать о мутящих воду самозванных "страдальцев" за людей в далеком от Ысык-Аты районе, просто не смог. Тем более, что я удовлетворяю убедительнейшую просьбу ее автора, сказавший так много добрых слов. Сразу замечу, что все в этой статье оставлено без изменений.

"Было обычное субботнее утро. Страдная пора. На подходе жатва хлебов. Надо поливать, косить травы, ухаживать за животными. Люди спешили — кто в поле, кто на работу, кто на рынок. А в это время многим надо было ехать в Каинду митинговать — на сегодня был объявлен сбор неизвестными людьми, именующими себя демократами. А если точно — имя им баламуты.

Да, нужно называть вещи своими именами. Иначе люди могут подумать, что в районе больше некому видеть проблемы и заботиться о населении, кроме Эрны Молодцовой, что власти района спят, а Эрна с товарищами — единственные благодетели и заступники за обиженных. В неведении некоторые, наверно, полагают, видя, мягко говоря, странности поведения Молодцовой: “Надо же, она за народ”. И не подозревают, что эта деятельница весьма и весьма себе на уме и не очень-то всерьез за другого разбежится. Считают, что действительно в районе есть какая-то “организация”, а возглавляет ее Молодцова. Но это заблуждение: нет такой организации. Есть лишь, привыкшая баламутить людей, Эрна.

Недавние события в Каинде в первую очередь обязывают сказать: никаких оснований, поводов для разговора о политических отношениях, о недоверии руководителям нашего района совершенно нет, наоборот, как никогда нынешняя власть укрепляется в своем авторитете не посулами, а делами. Разговор даже не об отношении руководителей района и народа, ведь эти отношения лежат совсем не в плоскости “деятельности” Эрны Молодцовой, а там, где работают, растят хлеб, кладут асфальт, бьют скважины. Разговор о явлении. Народ называет его “Опять эта Молодцова”. И о сути бытия данной “деятельницы”, которая ежеутренне как на работу ходит в административное здание, идет по кабинетам, забегают на час-другой к главе администрации. Чего смущаться — остальные в приемной подождут. Да и дела в районе, в тревоге за которые Давиденко осунулся, обгорел, мотаясь по полям, подождут.

А чего надо? Что-нибудь прослышать, какую-нибудь “информацию”, граничащую со сплетней уловить и, “литературно обработав”, пустить по поселку или сделать козырем обвинения на очередном “митинге”. Вообще, любимая навязчивая фантазия Молодцовой, голубая, как говорится, мечта — это митинг. Чтобы много народу, где она, как Верховный Судья или Господь Бог обличает, а все кричат: “Долой!”.

Периодически в поселке активизируется такого рода возня, собирается “митинг” в 30-40 человек (вместе с руководством). Плесканув корыто грязи на голову руководителям, а заодно и простым, ни в чем не повинным людям, Молодцова, нimalo не вникая и не подозревая об истинных причинах действительных трудностей, на время успокаивается. Правда, чаще дело кончается судебными разбирательствами — с газетой, с оскорбленными. Недаром она торжественно и скорбно провозглашает: “А сколько раз Меня, это Меня-то, судили!” От скромности “борец за народ” уже не умрет: “Я буду у Акаева”, “Завтра телеграммой вызываю Чынгышева”, “Я разоблачила”, “Я впряглася”, “Мне идут, жалуются”, “Сколько я

волоклиталась", "Я заставила", "Я предлагала", "Я указывала". Только так и не больше - не меньше. Тем, кто попытается поставить ее на место, когда, не ограничиваясь подобной лексикой, она начинает уже хулиганить — грозит, что скоро она возьмется за оружие, а то и вправду яростно хватает стул в служебном кабинете. Удержи ее, схвати за руку — и сейчас она побежит "снимать побои" и придется доказывать, что ее не трогали, вступать в тяжбу, где Эрн чувствует себя, как рыба в воде.

3 июля мы были свидетелями еще одного спектакля, между прочим, не совсем веселого. В заявке на проведение митинга указывалось основание — по требованию трудовых коллективов и группы граждан. По Закону о местном самоуправлении, до и по тому обстоятельству, что скрывать от людей ему нечего, руководитель района разрешил собрание граждан — в законном порядке, с продуманными условиями, с учетом всех обстоятельств. Он поступил демократично. Газета опубликовала объявление. Все это воспринималось серьезно. 3 июля, как уже говорилось, пришли на собрание и многие руководители района, предприятий, хозяйств. Считали нужным ответить, разъяснить людям, если что будут спрашивать, требовать. Приехали многие издалека, истратили бензин, время (неважно, рабочее или отдыха). Да только, можно сказать — зря, людей взбаламутили. В России, кстати, сейчас подобные затраты относятся на счет инициаторов митингов.

На собрание пришли менее сорока человек. Многие люди были случайные, просто зашли, заинтересовались. Да и то — в процессе многие разошлись. Выяснилось, что ни один трудовой коллектив не был инициатором этого собрания, да и 11 человек "группы граждан" в большинстве не требовали его, их просто заставили подписаться. Из инициативной группы на "митинге" было двое — И.Т.Щербак и Э.И.Молодцова, которую никто нигде и никогда не уполномочивал быть лидером.

Все равно решили проводить этот "форум", хотя бы из уважения к пришедшим людям. Да, они говорили о своих проблемах, серьезных и заслуживающих внимания. Но для такого разговора можно было собрать более многочисленный сход граждан поселка и по-деловому многое решить, поговорить о наших возможностях с приглашением всех ответственных лиц.

Но сегодня получается — нас всех обманым путем собрали для того, чтобы И.Т.Щербак с комментариями и репликами Молодцовой зачитал обвинительную речь в адрес лично Г.В.Давиденко и остальных руководителей служб. Претензии их четко делятся на три части: первая — сильно хорошо живет начальство, устраивает свое благо, вторая — дела в торговле, где Молодцова

желала бы лично держать тотальный контроль, и третье, самое душераздирающее — доходящая до помешательства многолетняя склока в комхозе поселка с почему-то обязательным участием Молодцовой и работницы комбината, ее дочери Н.Фляга.

— Деньги с марафона куда девались, кому их раздали? — грозно спрашивала Эрна Ивановна.

Ей объяснили, что средства от марафона этого года еще не распределялись, назвали суммы, которые получены на марафоне благотворительности прошлого года, и куда они пошли — на помощь 6 сиротам, на лекарство больному острым лейкозом ребенку работницы нашего района — 100000 рублей и на другие подобные цели. Нет, конечно, не начальство района проело эти деньги.

Навязчивая идея Молодцовой, высказываемая ею как прямое, бездоказательное, в нарушение закона и этики, обвинение — то, что администрация района покупает квартиры “себе” и “своим приближенным” “по роду сомнительных причин”. Ей разъяснили, что квартиры куплены десяткам людей, специалистам, нужным району, в интересах людей района, через жилищную комиссию, профсоюзы и трудовые коллективы, что каждый имеет право поставить вопрос о покупке ему квартиры. Не ждать же, пока недвижимость скупят дельцы. Разъяснили, что руководство района имеет право распорядиться бюджетом, оно поставлено сюда делить, разъясняли, кому и почему были куплены квартиры. Поэтому не нужно, не проверив, не имея понятия, баламутить, вводить в заблуждение людей, говоря, что квартиры якобы покупались по 3-5 миллионов. Сейчас самая дорогая будет стоить 700 тысяч, может быть чуть больше. Не нужно оскорблять людей, развязав свой язык по вопросам частной жизни, которая под защитой закона, Конституции. Ведь никто не делает Молодцовой грязных намеков и не трясет грязным бельем.

Хотя, впрочем, на собрании люди прямо ей сказали, что сама она не пример большой нравственности. Работница комхоза Т.Тархан, например, честно сказала о роли Молодцовой в склоке на этом предприятии.

— Она меня обзывает алкашкой везде, о чем я написала в прокуратуру. Да, я пила, лечилась, сейчас семь лет в рот не беру. Так ведь на ее же, Молодцовой, самогонку, две сберкнижки спустила... На себя нужно смотреть, сожрешь и этого начальника, как предыдущих...

— Если это демократия, то я удивляюсь, — сказал 67-летний аксакал из Чалдовара. — Я думал, здесь можно чему-то поучиться, узнать глубже проблемы района. А вы все о тех же мелочах...

И он покинул зал. Что может быть красноречивее...

“Главный районный торгаш”, “в торговле воруют все” — так вещали Щербак и Молодцова. Им объяснили опять же, какой сейчас кризис в госторговле, в товарном производстве, что и какой ценой делается, чтобы поддерживать снабжение хотя бы на этом уровне. Руководители торговли, райфо, районо, собеса, здравоохранения и другие выступили, объяснили, куда идут деньги бюджета, как идет распределение и социальная помощь. Скрывать нечего, говорили все как есть.

Когда речь зашла о комхозе — тут пошла сплошная чернуха, кто кого съел, кто с кем спал, кто кого с кем видел. Кожобеков — страшный злодей, продал четыре машины своим родственникам и так далее, и так далее, как перебивалось уже пять лет. Дело по КПП передано для окончательного решения в прокуратуру. Единственное, о чем хотелось бы сказать, — когда недавно газета выступила против административных нарушений Кожобекова, Молодцова и Н.Фляга с выпадающими из орбит глазами кричали в защиту Кожобекова, грозили судом. Н.Фляга подписала опровержение в газету. Теперь ветер подул в другую сторону, флюгер повернулся, теперь нужно свалить Кожобекова? Как это понимать?

Вот такое содержание пятичасового “форума”. Ничего, кроме сплетен и домыслов, не зная, не понимая, какими основными столбами держится район, какими невероятными усилиями сейчас вообще держится жизнь — они просто кричат, связывая наше неблагополучие только лишь с тем, что “начальство живет хорошо”, с тем, что оно вообще существует (неважно кто, Кокоев, Мелещихин, Давиденко). По представлению Молодцовой, кому-то плохо живется только от того, что Давиденко не ездит на полуторке или на другом каком драндулете, не ходит в кирзовых сапогах, фуфайке и робе. Но ему ведь, извините, тоже иногда где-то и в Бишкек надо, к Президенту, представлять район, выезжать в область, и на люди, да и бывать надо в любую минуту и в любом месте.

Сам-то он, между прочим, из крестьян. знает, что такое кетмень, знает язык и обычай коренного народа, да и родом-то из Эркин-Сая нашего района, а не “новый” человек, как думают Молодцова и компания. И депутатом ВС его, русскоязычного, выдвинуло в Туюпском районе кыргызское село. Так что по закону и он, отец четверых детей, имеет право на государственную квартиру, которых за время работы по республике сменил 18. Так приходилось. Его защищать не нужно. Его защитят люди. Он мог бы в этот зал привести их сотни, и они бы его поддержали. Но он этого не сделал. Он всегда запрещает хвалить и защищать его, не нужно говорит, петь дифирамбы. Но в части защиты я нарушу запрет. Сколько можно молчать? Посмотрите, легко ли работать руководителю сейчас? В

нашем районе он не обещал, делал. И район не только держится (в иных и зарплату, пенсию вообще выдать нечем), но и идет вверх. Страшно трудно сейчас быть у руля. Это не сахар. Их хлеб горький и соленый. А мы потеряли должностное и человеческое уважение к руководителю, зато некоторые особи приобрели нахрапистость и горластое хамство. В их выступлениях, оскорбляющие достоинство человека, выпады прозвучали не только против Давиденко.

Грубо задет и оскорблен и заместитель главы госадминистрации К.С.Айтбаев. Но ведь мы живем не на необитаемом острове. На свете существует не только Панфиловский район. Последние годы К.Айтбаев работал в Калининском районе. Там живут многие наши работники и подтвердят: отзывы людей об Айтбаеве самые хорошие, благожелательные, как о руководителе и человеке.

Правильно сказал один из самых здравомыслящих среди нас — В.В.Казаченко, что не кричать и требовать сейчас нужно, а работать. Никто так просто ничего не даст. Погибнем, если не заработают предприятия. Не будет ни пенсий, ни зарплаты, ни товаров, ни еды. Тогда хоть закричись. Нужно понимающе объединиться и работать. Относиться друг к другу более человечно. Сейчас обстановка как после войны.

Однако наши “борцы за справедливость” пока что лишь только требуют дать. Где взять, как приобрести, как произвести то, что можно делить, их не интересует. И в этом кроется торичеллиева пустота душ всех ортодоксов и баламутов. И если даже кто-то делает на них ставку — глубоко ошибается.

Никакой борьбы за интересы людей у них нет. Есть только прямо провозглашаемые, правда, не публично, личные цели. Есть только бытовая скандальность, непредсказуемые выпады и странности, желание быть в центре событий, обращать на себя внимание. Желание дешевой популярности, самолюбование своей способностью поднять пыль на абсолютно ровном месте. И вот это должны — обязательно должны знать — все жители района.

...Поняв свое очередное поражение, Эрн Молодцова в микрофон спросила, чтобы вывести из себя Г.Давиденко: “Чего это вы трясетесь?” Это ее последний прием — скандалиста. Но он был спокоен. А действительно сменился в лице минуту назад, когда ему прямо здесь, в зале, сообщили, что в поле загорелся хлеб по трассе “Панфиловское — мясокомбинат”. Был обычный субботний, будний для него день. Были жатва, поливы, укусы, были самые нужные, горящие дела и беды района. А “борцы за справедливость” проводили “форум”.

Л. Теплова.

Таких молодцовых у Давиденко за годы руководства было немало. А, впрочем, были и похлеще. Не могу не привести пример, забегая далеко вперед уже в то время, когда набиралась на компьютере эта книга. То есть во время его работы уже в Ысык-Атинском районе. Работал там некогда некий В. Мурзов корреспондентом районной газеты. Но что-то не поделил он с редактором тамошней районной газеты. Демонстративно, не вызвав ни у кого сожаления об этом, покинул район и устроился в "Вечерку". И затаив зло на весь район, стал, используя свою возможность, обливать грязью все то новое, что принес Давиденко в район. На страницах главной городской газеты стало находиться место для всяких изъянов в жизни ысыкатынцев. Все это будоражило, выбивало из колеи, требовало объяснений и даже оправданий.

Дело дошло до обыкновенного хулиганства, связанного с оскорблением личности, заведомо извращенных в удобную клеветнику форму обстоятельств дела. С его слов оказалось, что Давиденко работает на показуху, во имя его тщеславия, хотя дела в районе идут хуже не придумаешь, люди бедствуют (только там и больше нигде) ни в чем не видят своей защиты от руководства районом. Наиболее сконцентрировано это было опубликовано в очередной липе, опубликованной в этой газете, которую он назвал "Унтер Пришибеев из "Ысык-Аты".

Тут уж не вытерпел и я. Что же выходит, я как автор книги, изучавший жизнь своего героя несколько лет и более года работавший над ее созданием, все вру. А он, облазив местные мусорки, взял на себя ответственность судить о человеке, которого тысячи людей считают для себя образцом в выполнении служебного долга. И с издевкой называет его борцом за народное дело, высмеянным некогда А. Чеховым. Так появилась моя заметка в "Слове Кыргызстана" "Унтер Пришибеев опять в Ысык-Ате".

Я думал, что мое выступление в правительственной газете подтолкнет Геннадия Валерьевича возбудить против зарвавшегося писаки уголовное дело. Но он спокойно сказал мне:

— Что я — Давиденко — буду судиться с каким-то Мурзовым? Да это же мне просто не уважать себя нужно. Меня же тогда люди уважать перестанут. Все, кто меня знает не верят ни одному его слову. Но теперь лучше узнали кто он такой. Он сам себе подписал приговор. Ну, на эту тему мы еще поговорим чуть ниже.

"Скажи мне, кто твой друг, и я скажу кто ты" — гласит русская истина, что вполне бесспорно. Основываясь на этой аксиоме, сотый раз убеждаюсь в том, что друзья Геннадия Валерьевича — это не только его зеркало, но и его продолжение, люди, которые делают то, что не успел сделать мой герой. И поэтому они, как и он, идут

наперекор своей судьбе, ваяя ее по заранее сконструированной модели. Нелегкий путь избрали они. Но он плодотворен, и конечная точка его ясна, а результаты каждодневного труда поражают, заставляют завидовать, порождают врагов-завистников, заставляют преклоняться тех, кто избалован своими победами, пусть даже и значительными.

Далее речь пойдет о хозяйствах и предприятиях Московского района, куда Давиденко был переведен после двухлетнего пребывания главой Панфиловской райгосадминистрации. По известной причине этот район оказался обезглавленным, и вакансию должен был занять человек, который сможет не только приостановить падение района по ряду показателей, но и поднимет его на более высокую ступень. Словом, нужен был Геннадий Валерьевич Давиденко. По крайней мере так решили в области.

Воспитанный на коммунистических идеалах, то бишь быть там, где нужнее, он, не задумываясь, согласился переехать, вернее переселиться в одноименное кресло, что находилось в акимате села Беловодское. Нужно отдать должное предыдущим руководителям района за то, что им в свое время удалось, как уже говорилось, сколотить вокруг себя толковое ядро. Все это делалось на принципе давиденковского стиля руководства. А это, в первую очередь, бескомпромиссная дружба руководителей всех рангов, взаимовыручка и взаимоподдержка.

Да вот только не всегда эта дружба давала положительные результаты в каждом, отдельно взятом хозяйстве. И поэтому намечался спад производства во всех отраслях. Говоря короче, нужно было что-то предпринимать. Разумеется, было бы понятно, если ему был предложен пост хотя бы рангом выше. А тот же уровень, та же зарплата, только хлопот побольше, да и спроса тоже. Сам же Геннадий Валерьевич свое согласие на новое назначение объясняет тем, что в Панфиловском районе ему стало тесно, не те масштабы, не тот простор.

А между тем, по Московскому району также пробежал слухок, де, к ним переводят Давиденко. И все с нетерпением ждали его приезда. Кто-то иронически заявлял, мол, посмотрим, как это он сможет объять необъятное, то есть приостановить падение, что неминуемо грозит всему бывшему Союзу. Да и что может сделать один человек?

Короткой была церемония его представления. Никакой программы, никаких проектов, никаких заявлений. Когда ему, наконец-то, было предоставлено слово, переполненный актовый зал райгосадминистрации услышал короткое:

— Давайте будем работать. Будет плохо мне, плохо будет всему району. Но будет хорошо району, будет хорошо и мне.

В этой, казалось бы, игре слов все уяснили глубочайший смысл. Кому не ясно, что любое плохое дело, как бы скрыто не завуалировано оно было, могло породить только зло. Рано или поздно, добро всегда посеять может только добро.

Долго не выходил Геннадий Валерьевич и в новом районе с открытыми выводами о действиях руководителей подразделений, предприятий, служб и хозяйств. Все приглядывался к каждому. Искал подходящий момент, чтобы убедиться, насколько научно доказана коллективная психология. Если кто-то серьезно воспринимает данное повествование как учебник руководства, несомненно заострит свое внимание на то, как Давиденко умеет одним махом понять сразу каждого в отдельности и всех в один момент, и принять его как добрый совет, хотя далеко и не панацею.

Тщательно изучая планы предыдущего руководства, что пришлось сменить ему, он нашел, не столь важное на первый взгляд, решение построить на территории района областной ипподром. Разве не прекрасная идея? До сих пор ее осуществить никто не мог. То ли денег не нашли, то ли не успели. А тут, вроде как бы к слову пришлось, и предложил новый глава райгосадминистрации продолжить совещание на площадке, так уж подходящей для строительства на ней ипподрома.

Когда вереница машин, на которой прибыл весь свет района на облюбованное поле, и все приехавшие туда руководители сгрудились вокруг акима, он вроде как бы невзначай, сказал:

— Ну чем плохое у нас поле? Разве не рождено оно стать областным ипподромом? Тем более, задумка в нашем районе имела уже давно, отработать систему собственного научно обоснованного спортивного конепроизводства. Представьте себе, что имея такое хозяйство, мы сможем выйти на мировой рынок. Мы имеем прекрасный генофонд. Сейчас, когда этому делу не уделяется должное внимание, мы сможем возродить лучших, или, по крайней мере, неплохих лошадей, которые в будущем будут диктовать региональное коневодство.

Толпа молчала, не зная как отреагировать на сказанное. Восстать? Это значит в лице нового районного руководства стать нелюбимым. Поддержать? Значит остаться непонятым в своих коллективах.

Молчание нарушил Борис Григорьевич Бажан. В районе он известен как реакционер. Он любое предложение принимает в штыки. Может это было в интересах возглавляемого им хозяйства, а может быть просто способ показать себя как человека, имеющего свое, и

очень даже принципиальное мнение. Как руководитель сильнейшего в районе хозяйства, он не мог, по крайней мере, не сумел в этот момент сдержать себя от противозы, которая точила все его внутренности. Его просто взорвало это предложение, и он выпалил:

— Что, опять поборы? Уже замучили всякие дармоеды! Дай! Дай! И дай! Сколько можно? Дайте нам жить спокойно. Мы же платим все налоги, пошлины и прочее, что только можно. Дайте и нам жить! Отстаньте от нас.

Его поддержал председатель колхоза "Красный Октябрь" Головкин Д.А.:

— Мы ждали от нового руководства хоть какой-нибудь послабинки. А оказалось то же, что и раньше. Словом, делайте что хотите, я вам не дам ни копейки.

Давиденко был уверен, что противоза, как символ настоящих человеческих отношений неизбежна, и осматривал толпу, вглядываясь внутрь каждого, думал, что же будет в следующий момент? Не раз приходилось ему идти "ва-банк". Он понимал, что сегодня, именно в этот момент решается не судьба района, а именно его судьба. За считанные мгновения он успел прочесть во взглядах каждого из нескольких десятков его подчиненных: проиграл он или победил. Он ни на секунду не сомневался в своей победе, потому что еще до этого момента уже тысячу раз в своих мозгах прочитал, проанализировал свою ситуацию, свои возможности.

Он спокойно произнес:

— Кто меня не хочет поддержать, Бога ради, настаивать не буду. Обойдемся без них.

На что рассчитывал в эти секунды Геннадий Валерьевич, сказать трудно, или даже вообще невозможно. Тишину снова нарушил Бажан, он выпалил, как всегда, скоропалительно:

— Решайте, что хотите, я поехал!

Сел в свой "лимузин" и демонстративно упылил в сторону своего хозяйства.

Всеобщее молчание длилось несколько секунд. На этот раз первым его нарушил председатель колхоза "Россия" Д.Р.Аринов.

— Аким прав! — произнес он, словно рассуждая сам с собой. — Ипподром нужен! Давайте шапку по кругу. Я даю 10 тонн зерна!

— И я выделяю что смогу, — словно ожидая именно такого поворота дела, сказал руководитель дунганского хозяйства.

— Я тоже посоветуюсь у себя в хозяйстве и думаю, что меня поймут правильно, — уверенно сказал Олейников, председатель колхоза "Заветы Ильича", что находится в Петровке.

Импровизированное совещание закончилось тем, что "шапка" оказалась полной, и этих средств хватило на строительство

зрительских трибун и даже легкого съемного навеса из ткани, который на случай приезда больших гостей можно было легко натянуть, а потом быстро собрать и унести в место хранения.

Главное же в случившемся было то, что Геннадий Валерьевич окончательно убедился, что работать здесь можно, здоровые силы есть! А об инциденте больше не вспоминал. Тем более, что буквально через пару дней Головки продемонстрировал свое огромное желание жить в дружбе с новым акимом. Через неделю по этому же пути пошел Борис Григорьевич. Больше того, он чаще других выступал с инициативами по поддержке слабых хозяйств. Так произошло и с ОКХ "Тилек", которым руководил брат Аринова Даукена из "России" — Аринов Дуйсен. Собрал как-то Давиденко руководителей всех хозяйств и так, запросто сказал:

— Мужики, все вы потихонечку начинаете крепчать. Вам легче. У вас имеется твердый задел. Но как быть с Дуйсеном. Сплошные неурожаи и стихия окончательно разорили его. Сам башкарма из беды не вылезет. Давайте всем миром поможем.

— Хорошо! - первым выступил Бажан. — Я скошу ему триста гектаров.

— А я дам тонну семян.

— Я отремонтирую его комбайн.

— Я помогу с фуражом.

Словом, всем миром налегли и спасли хозяйство от неминуемой гибели. Вселили в его трудовой коллектив уверенность в том, что жизнь продолжается. И воспряли духом люди! Закипела работа.

Может быть сейчас самое время поговорить об ОКХ "Россия", которое когда-то было на видном месте не только в районе, но и в области.

Ветераны! На них вся надежда у Аринова старшего. Пока они есть, есть кому уму-разуму наставлять молодых да горячих, есть кому прививать их любовь к земле-кормилице.

Вот и сейчас, узнав о том, что пишется эта книга, и что будет сказано что-то о его хозяйстве с замечательной историей, начавшейся с тяжелого тридцатого года, попросил высказать самую сердечную благодарность тому, кто стоял у колыбели родившегося на сретенской земле хозяйства. А это председатель Совета ветеранов, бывший главный бухгалтер Иван Николаевич Рожков, бывший завгар Баяс Самалиевич Туркинов, Василий Михайлович Гайворонченко, Владимир Николаевич Платов, участник войны Тургунбек Сагынбаев. Да разве всех их перечислишь, бывших и настоящих, которых председатель помнит всех по имени-отчеству.

С гордостью называет он тех, кто сегодня своим честным, хотя и не всегда благодарным трудом, кормит свой народ. И если сегодня мы еще имеем возможность, пусть даже за сумасшедшие деньги купить себе хотя бы булочку хлеба, это огромное всенародное спасибо таким, как Виталий Степанович Онуфриенко, его главный агроном, получающий самые высокие урожаи в районе. Совсем не зря ему в прошлом году было присвоено звание заслуженного работника сельского хозяйства республики.

Это у него работает бригадиром третьей полеводческой бригады Виктор Иванович Гребцов, которому в 1995 году Президент республики лично вручил Почетную грамоту. Далеко не каждому крестьянину оказывается столь высокое внимание. Не намного от него отстает и бригадир второй полеводческой бригады Геннадий Дмитриевич Чернышов.

Гордятся здесь и механизаторами Виктором Дальченко и Александром Чагаевым, водителем автогаража Медиканом Айтинеевым, комбайнерами Алексеем Чериндаевым и Назимом Шахбазовым. Ежегодно радуется хозяйство урожаем кукурузы, что вырашивает звено Тунгучбая Турникова и свекловичницы Алии Ларсановой.

Животноводы здесь тоже, словно на подбор. Среди них невозможно не назвать и заведующего МТФ Бакыта Дуйшекеева, скотника гулевого гурта Асылбека Байбекова и доярку-четырёхтысячницу Розу Подольскую.

Всего здесь трудятся представители двадцати двух национальностей и живут единой семьей, что и является главным залогом всех успехов, которыми по праву славится хозяйство.

А начинать пришлось Даукену Рахимжановичу, приняв колхоз с долгом в четыре с половиной миллиона сомов четыре года назад. К тому времени у него был солидный запас опыта в руководстве сельскохозяйственным производством. В двадцать два года закончил сельхозинститут, работал агрономом бригады совхоза "Путь Ленина". Тогда возглавлял его депутат Верховного Совета республики, участник Великой Отечественной войны Попов Виталий Алексеевич. Ничто не сумеет умалить его заслуги в становлении хозяйства. И сейчас его Даукен Рахимжанович считает своим добрым и бескорыстным советчиком. Только жалеет, что в круговерти житейской суматохи и нескончаемом потоке проблем не всегда вспоминает о таком заслуженном ветеране. И духом не ведал, что приболел старина. А тот помалкивает. Не до меня, мол, Аринову сейчас. Как-нибудь обойдусь. Да вот только председателю легче было бы, если в чем-то смог помочь своему дорогому Виталию Алексеевичу.

Так что было у кого поучиться. Но самое главное, что стало подспорьем возрождения хозяйства, это все те же ветераны и нынешние передовики производства, так же прошедшие школу бывшего директора, депутата Верховного Совета Союза ССР Таджикиста Канаковича Хубиева, умершего шесть лет назад. Это под его руководством хозяйство в 1987 году было признано лучшим в районе.

Да вот только в годы всеобщей депрессии, что мы пережили с начала девяностых годов, не хватило здесь мудрости в руководстве. Начался развал. Видимо, вовремя прибыл сюда Аринов, казах по национальности, возглавлявший ранее совхоз "Тилек", которому в 1983 году было передано на вечное хранение Красное Знамя ЦК КПСС. После этого в 1990 году его избрали директором агропромышленного объединения "Московское", был заместителем председателя райсовета и глава райгосадминистрации. А в 1993 году прибыл в Сретенку, чтобы спасти, если можно, совхоз "Россия" от полного развала.

И смог!

Рассчитывать на чью-то помощь было утопией. Поэтому на первом же заседании правления так и заявил:

— Рассчитывать нам, ребята, на чью-то помощь не стоит. Никто нам ничего не даст. Давайте вместе будем мозговать, как нам и людей не растерять, и хозяйству за жизнь зацепиться. Лишь бы зацепиться, а там уж как-нибудь выкарабкаемся.

И начали цепляться, что называется, и зубами, и когтями. Начали с мелочи. Взяли в аренду универмаг и еще три магазина открыли. Через друзей где-то что-то брали под реализацию, что подешевле. Первым долгом рассчитались с работниками. С зарплатой-то людям веселее стало работать, увереннее. Затем открыли цех мороженого. Прибыль сразу стала ощутимей, чем от продажи цельного молока. Осмелели, открыли макаронный цех. Так что уже на другой год вышли с прибылью, хотя и продолжали с работниками рассчитывать на продукцию собственного производства. А с 1996 года люди стали регулярно получать зарплату в денежном выражении.

Земельную реформу восприняли как нечто необходимое при смене общественного строя. Определили каждому его земельную долю. Кто остался в хозяйстве, стал получать за каждый гектар пока по пятьсот килограммов сена. Пустяк конечно! Но все же это дивиденды. Вспомнили о пенсионерах и о сельской интеллигенции. Стали помогать, чем могли.

Тридцать лет к ряду не ремонтировалась капитальным образом ни одна из двух имеющихся на территории хозяйства школ.

Изыскали возможность отремонтировать и сделать нормальный обогрев. А ведь это "России" обошлось в двести тысяч сомов. А на другой год прошедший ураган наломал дров на такую сумму, что раньше бы без помощи государства не вылезли бы. Ничего. Залечили и эти раны.

И все это благодаря людям села. А, впрочем, для своего же блага они стараются. Так, стало традицией ежегодно, 15 марта всем селом выходить на посадку тополя. В прошлом году, например, высадили восемьдесят тысяч саженцев. Недалеко то время, когда и с лесостроительным материалом, и с дровами проблемы вообще не будет.

А каким чистым да нарядным стало село!

Вот куда бы горожанам приехать поучиться, как нужно жить! Не увидишь здесь ни мусоросвалки, ни полчищ крыс, позорящих сегодня нашу столицу.

Сегодня в селе проживает более пяти тысяч человек и о каждом нужно позаботиться. Для этого здесь и водоснабжение налажено на зависть другим, и хлеба пекут вдоволь, и продукты по цене ниже рыночной купить можно.

Имеет председатель замысел с первого дня третьего тысячелетия поднять зарплату всем своим работникам на двадцать пять процентов. Такая уверенность у него появилась потому, что никакие налоги не пугают его. Не дожидается он, когда пеня накопится, рассчитывается своевременно. А чтобы застраховаться на будущий год, думает половину всех налогов и оплату за электроносители выплатить авансом в этом году.

Что же касается моего главного героя, несмотря на то, что проработал с ним слишком мало и очень об этом сожалеет, считает его идеальным руководителем, и о нем у него свой рассказ.

Знает его он давно, еще со студенческой скамьи, хотя и был немного моложе.

— Вместе мы с ним в футбол гоняли, - рассказывает Даукен Рахимжанович. — Он такой был маленький, щупленький, неизвестно в чем и душа держалась. Но при этом был такой верткий, крепкий, словно не жилы в нем были, а свинец. Тогда наш институт по спорту и, в первую очередь, по футболу, на видном месте в республике был. Именно наша команда защищала спортивную честь студенчества на всесоюзных соревнованиях. А Гена был ее душой.

Близко-то познакомились уже тогда, когда его перевели в их район акимом. Все как-то сразу полюбили его. Он был настолько прост в общении, что к нему охота было идти. Руководители хозяйства помнили, что если идти к нему с открытой душой, то какая бы беда не была, он поймет и поможет. Особенно благодарны ему

сельхозники за то, что он их по-отечески оберегал от всякого рода ревизоров и инспекторов. Рассчитывается, мол, хозяйство вовремя — нечего туда лезть, мешаться. Не лез он и сам. Доверял. Но и проверял.

Особо запомнившимся Аринову моментом их мужской дружбы была одна история, которая раскрыла его как настоящего человека, высоко ценившего дружбу.

— Захожу я как-то к нему в кабинет, а он стоит у окна ни живой, ни мертвый. Думал, что у него что-то со здоровьем случилось. Спрашиваю. А он еле, сдерживая поток слез, говорит: “О каком здоровье может идти речь, если друг погиб”. Оказывается, произошла беда, в которой погиб наш общий друг — депутат Законодательного собрания Виктор Михайлович Гринько со своей женой. Лодка перевернулась и их тела куда-то унесло. Долго их искали. Первым нашли Витю, а жену лишь через пять дней после того, как похоронили мужа. Тогда он мне предложил вместе с ним взять на себя все расходы по организации похорон. Больно было видеть Гену. Он чистосердечно страдал. Я еще никогда не видел, чтобы так болезненно переносилась столь невосполнимая утрата не какого-нибудь близкого родственника, а просто друга, с которым породнила его всего-навсего работа. Он стеснялся своих слез, но сдержать их не мог. Оказывается, и у сильных людей есть минуты слабости. Да разве это были минуты?! Самое малое — неделя понадобилась для того, чтобы были преданы земле оба тела. И все это время он не покидал кабинета, держа в своих руках всю информацию, шедшую из района поиска и подготовки ритуальной церемонии. Похоронили мы своих друзей как положено. И все это благодаря Геннадию Валерьевичу. Теперь мне как-то спокойнее стало на душе. Я точно знаю, случись какая беда со мной, рядом окажется мой русский друг. Ведь как сказал Гоголь “любить так, как русская душа, никто не может”. Теперь я точно знаю, насколько прав украинский писатель, характеризуя своего героя.

Слово Салихару Мухамету Мамазовичу — председателю АДК “Дружба” Московского района:

— Мне в жизни крупно повезло хотя бы в том, что посчастливилось поработать несколько лет под руководством Геннадия Валерьевича. Сначала я был главным агрономом районного управления сельского хозяйства, а затем возглавил наше ОКХ. Считаю, что это он открыл меня как руководителя данного ранга. Главным специалистом района проработал, в общей сложности, двадцать лет. По своей натуре я не карьерист, никогда не лез началству в глаза, как некоторые. Поэтому, меня просто не замечали.

А по своим моральным и деловым качествам уже давно был готов стать председателем, и предложение Давиденко воспринял как нечто такое, что когда-нибудь должно было произойти. Но если бы это предложение сделал мне кто-то другой, вряд ли, наверное, так сразу согласился. Его решение созрело не вдруг. Меня не покидало чувство, что он готовит меня на какую-то ответственную работу. И вот одна из немногих встреч с ним, которая определила всю мою дальнейшую жизнь.

Нельзя сказать, что это было только моим экзаменом. Он сам проверил себя в правильности своего выбора. Наша беседа протекала заинтересованно, без морали и нравоучения. Но она убедила меня в том, что хватит моих сил и деловой хватки на новом поприще. Остальное было, что называется, делом техники. Ни на минуту не сомневался, что крестьяне отдадут именно мне свое предпочтение. И наверное потому, что представил меня именно Геннадий Валерьевич, который в то время в нашем селе уже имел несравненный авторитет. А впрочем, мне кажется, что все, кто когда-нибудь с ним или под его началом работал, навсегда сохранил особое уважение к нему.

А от других людей, с которыми мне приходилось встречаться в жизни, его отличает то, что он умел так построить беседу, что она по своей значимости разделялась на четко выраженные перспективы. Легко отделить приоритетные моменты и те, к чему нужно стремиться в самом неотдаленном будущем. И все это соразмерно, без скорополюительных выводов.

От него можно учиться умению понять этот момент. Без такого качества любой руководитель становится пешкой в чьих-то руках. Я же хочу из уроков усвоить главное — безмерную доброту, умение понять человека, встать на его место, постараться обязательно помочь, если в этом есть необходимость, отличить истину от чиновничества, угодничества. Он всегда искренен и требует это от своего собеседника.

Это далеко не чинуша, а именно тот человек, которому суждено быть на самых высоких постах. Поговаривают, что ему предлагали пост министра сельского хозяйства, но он отказался. Считаю, что если так, то он сделал очень правильно. Ему свойственна не министерская канцелярщина, а живое общение с людьми. Он одарен неповторимым талантом зажигать людей силою своего личного примера и темперамента.

Если сравнить склад его ума с какой-нибудь земной профессией, то он, скорее всего, архитектор — архитектор общественных взаимоотношений между людьми, которые он лепит в нужную ему, а, следовательно, и обществу, форму. И вообще — это

человек общественного склада. Личное "я" для него, наверное, стоит на самом последнем месте. Встречаясь с ним, слушая его выступления с самых высоких трибун, ни у кого даже и мысли не появится, что у него очень сложная личная жизнь.

Он пережил такое, что смог бы пережить не каждый. И между тем — это его сугубо личное, и он его не ассоциирует с необходимостью прежде решить свои проблемы, а уж потом все остальное.

И если родилась идея написать об этом замечательном человеке книгу, то эта книга должна стать учебником настоящей гражданственности. И о таких людях нужно писать еще при их жизни. Устанавливаются же бронзовые бюсты на родине дважды героев при их жизни. Знаю, что написать эту книгу будет делом нелегким. Ведь он найдет тысячу причин своей занятости, лишь бы отвязаться от назойливых слуг пера.

А вот когда речь зашла о необходимости в нашем селе воздвигнуть обелиск памяти погибших воинов, он ни на мгновение не задумываясь, дал добро. Ведь дело это действительно необходимое, и жаль, что об этом не был поставлен вопрос раньше. А что писать о человеке живом? Пусть пока он живет, о нем говорят его дела.

В этом я с ним согласиться никак не могу. О таких людях, как Геннадий Валерьевич, говорить нужно при их жизни, чтобы на их примере учить других и, в первую очередь тех, кто уже сложил свои крылышки и, подчиняясь воле судьбы, летит туда, куда пожелает она. А это путь в никуда — на погибель! Сегодня он трудится в другом районе. Нелегко ему там. Да и не пошлют такого человека туда, где легче. И уверенно могу сказать, что и там он наладит дела, как некогда сделал в нашем районе, а также в Жайыльском, Панфиловском и Тюпском.

В данную подборку вошли высказывания только тех, с кем приходилось работать Геннадию Валерьевичу, кто увидел в его руководстве нужного обществу человека, воспользовался его поддержкой и пошел за ним наперекор судьбе, во имя процветания родной земли. К таким нельзя не отнести директора Беловодского пивзавода Султана Мусаевича Байкулова. Около двадцати лет возглавляет он названное предприятие, не дал ему погибнуть, как это сделали многие руководители, чьи детища давно приказали долго жить, а трудовые коллективы обречены на нищенское существование. Он с великой радостью узнал, что о Геннадии Валерьевиче пишется документальная повесть, как о замечательном современнике кыргызовцев рубежа двух тысячелетий. Сказав, что это дело нужное и очень современное, он поделился своим впечатлением о

нем, назвав его одним из талантливейших руководителей, которых когда-либо встречал.

Казалось бы, как в наше время можно помочь тому или иному предприятию выжить? О деньгах никакой речи и быть не может. Их просто нет ни в районной казне, ни в областной. Брать кредиты на стороне — дело тоже рискованное. Другое дело, если найти честного партнера и вместе с ним потянуть нелегкую ношу, что тебе не под силу. Но где найти такого? Без корысти делали дела только коммунисты (имеется в виду — настоящие), которых можно было ставить вровень с теми, кто ни на мгновение не задумываясь о себе, поднимал в атаку батальоны и погибал при этом первым, не прячась за спины бегущих впереди. И тут на помощь приходили советы Даивденко. Он обладает удивительным природным чутьем распознавать человека по его первому заявлению о себе, о его намерениях. И этому он учит всегда всех своих подчиненных.

— Сегодня у нас далеко идущие планы по наращиванию объемов и темпов производства. Имеется договор намерений завязаться с немцами, которые нашли у нас точки взаимовыгодного сотрудничества. Еще рано говорить о результатах, так как пока идет отлаживание системы двусторонних отношений. Но прежде чем выйти на этих партнеров, вопрос долго обсуждался в кабинете главы. Он очень серьезно относился к нашим проблемам и не считался на нашем заводе гостем, хотя не претендовал и на должность начальствующего чиновника. Обязательно присутствовал на каждом отчетном собрании, где отчитывались перед трудовым коллективом о проделанной за год работе и делились с ним о своих намерениях и планах на будущее. Поддержка курса руководства завода самим районным руководителем была для всех нас несравнимым ни с чем поощрением. Это окрыляло нас, вселяло уверенность в правоте наших намерений, высоко поднимало в лице рядовых пивоваров. И укрепляло трудовую дисциплину, повышало заинтересованность всех в результатах своего труда. Люди понимали, что дело их — нужное обществу, и старались изо всех сил.

О работе Давиденко в Московском районе будет сказано еще немало. Но забегаю чуть вперед, хочу предоставить слово директору Бишкекского совхоза-техникума, что находится в селе Киргшелк Ысык-Атинского района Намиру Бексултановичу Омурову, которого я знаю много лет и в свое время, используя возможности представителя четвертой власти, помог ему на выборах в областной Совет народных депутатов.

Это было лет десять назад, когда он был директором сельского профессионально-технического училища № 37, что в селе Ленинское Аламудунского района. Начинал он свое директорство в

полуистлевшем приземистом барачке, чудом уцелевшем по сей день, хотя, непонятно — почему его до сих пор не снесли и разрешают там проводить лабораторные занятия будущим сельхозмеханизаторам? А рядом выросло прекрасное трехэтажное типовое здание с оборудованными кабинетами, насыщенными до отказа наглядными пособиями и необходимым оборудованием. Училище получило всю необходимую новую сельхозтехнику. Там сложился работающий трудовой коллектив. И все это благодаря Намиру Бексултановичу. По духу и методике работы он чем-то схож с Геннадием Валерьевичем и отзывается о нем, как о современном руководителе, умеющем дать возможность своему подчиненному раскрыть полностью свои способности, смело браться за любое дело.

И названный техникум он получил в руководство семь лет назад не как в награду, а чем-то напоминающим дряхленькое начало названного ПТУ. Вспоминаются первые дни его работы в техникуме, когда я по старой дружбе заглянул к нему. Всюду развал. Под открытым небом ржавела полурастащенная техника. Обшарпанные кабинеты и помещения аудиторий. Через год заехал туда снова и не узнал этого учебного заведения. Все на высшем уровне! Вместо ржавого хлама яркими красками радостно выстроились в ряд комбайны и трактора.

Проезжаю недавно мимо села Киргшелк. Ну, думаю, загляну, посмотрю как выглядит это учебное заведение на фоне всеобщего развала. и как там мой старый приятель, не сбежал еще, не устояв в стихии нынешней жизни? И снова, как и шесть лет назад, меня поразило увиденное. Техникум как стоял, так и стоит. Всюду чистота и порядок. На полную мощь действует учебно-производственное хозяйство. Правда, некогда красовавшиеся сельхозмашины, переселились на машинный двор. Что ж, вполне разумно! Пусть студенты изучают их непосредственно в производственном процессе. Не те теперь времена, чтобы техника служила мертвым наглядным пособием. Дождался, когда Намир Бексултанович вернется в учебный корпус, где находится его кабинет, после поездки на учебный животноводческий комплекс. Значит сохранен и он. Не растащили, не рассчитались поголовьем за долги.

Неподдельно обрадовавшись моему приезду, Намир сообщил, что все пока в рамках допустимого. А самое главное, не должен никому: ни налоговикам, ни Соцфонду, ни за электроэнергию, ни за воду. Правда, зарплата преподавателям не выплачена еще за март (это в июне-то). За декабрь тоже должен людям. Стипендии (восемьдесят сомов) платятся более или менее регулярно, хоть и получают ее единицы. Отличникам добавляется по сто сомов. Да, пошутили мы, этой субсидии и на туалетную бумагу не хватит. Но

самое смешное в этом то, что техникум ни на йоту не имеет привилегий по налогам. Буквально весь доход от подсобного хозяйства идет на уплату налогов и прочие средства производства.

Тут вспомнилась небольшая, но очень поучительная история. Сосед мой, пятилетний Витька, три раза в день, морщась, терпеливо выпивал по столовой ложке рыбьего жира. И делал он это только потому, что мать давала ему за каждую выпитую ложку двадцать копеек. А когда он накапливал три рубля шестьдесят копеек, отдавал их матери, чтобы она купила новый пузырек с отвратительной жидкостью и отдавала его малышу, чтобы он снова смог зарабатывать.

Смешно? Но ведь так оно и получается. Все, что заработано, идет на возмещение расходов на эту заработку. Это возможно только в стране, где находится "поле чудес". А ведь если бы учебное заведение, любое — от школы до ВУЗа, освободили от налогов, то появился бы интерес в производстве, и никто бы тогда не заглядывал в государственный карман с протянутой рукой. Вот, к примеру, художественная академия, которую возглавляет всем известный скульптор Сыдыков, несколько раз пыталась открыть керамическое производство. Для этого есть все. Но чем больше студенты изготовят различных глиняных поделок, тем выше будут налоги. Чем больше налоги, тем выше цена этих изделий, и их просто никто не покупает. А это значит — никакого дохода, следовательно, скудеет учебно-производственная база, бедствуют студенты, голодуют семьи профессорско-преподавательского состава.

Что же касается совхоза-техникума, то там еще как-то ухитряются выкроить гроши на проведение спортивных и всякого рода культурных мероприятий. И еще одно: техникум имеет собственное общежитие. Пока что в нем проживает только пятьдесят девушек. Но с нового учебного года откроется мужской блок на тридцать мест. И самое примечательное здесь в том, что стоимость одного места в месяц составляет двадцать сомов. А ведь при этом каждые десять дней меняется постельное белье, и жильцы не жалуются зимой на холод и отсутствие теплой воды.

И все это благодаря предприимчивости директора. Он же, в свою очередь, считает, что многого бы не добился, если бы не чувствовал на каждом шагу поддержку главы райгосадминистрации. Соглашается с тем, что тот действительно не может оказать материальную помощь. Но помощь его — в другом. Раньше просто не было отбоя от всяких там комиссий, ревизий и прочих проверок. Ну что проверять у них, ничего не производящих. Только сплошная нервотрепка да отрывание от дела. Аким своим твердым словом категорически запретил всем своим силовикам мешать, и жить стало

легче. Теперь высвободилось время для различных поездок с целью что-нибудь добыть для учебного процесса и производственной базы.

— В стиле руководства Геннадия Валерьевича мне нравится то, что он не стал менять своих замов, заступив на пост главы района, как это делали все предшественники, - говорит Омуров. — А ведь выбор у него, после объединения двух районов, был немалый. Люди поняли, что здесь не поможет “вешание на уши лапши”, как было раньше, и кто понял, что это теперь не пройдет, ушли сами. Остались настоящие работники и лучшие специалисты. Мне всегда импонировала именно такая работа с кадрами и, принимая новый пост, я поступаю точно также, поэтому и добиваюсь определенных успехов.

Продолжая наш душевный разговор уже за чашкой чая, мы вспомнили районных руководителей по Аламудунскому району, с которыми некогда приходилось работать. Был один такой руководитель. Дес-пот самый настоящий. Бывало, в пять утра он уже на какой-нибудь ферме устраивает разносы. Ну и что он добился? Пока он на ферме или предприятии — всюду порядок. А он за ворота, и все снова как было.

В его же духе работал и другой. Только тот уже на фермы не ходил спозаранок. Больше того, все животноводы знали, что когда-то он работал бригадиром МТФ и боялся сесть на коня верхом. Как он поднялся по партийной линии, оставалось загадкой, только возглавляемая им ферма, под его “чутким” руководством, из некогда передовой скатилась в районе на самое последнее место. И не подняла ни его партийного престижа, ни авторитета как политика: “Заткните рот! Я сам народ! Кругом! Бегом! И точка!”

Но теперь, так дело не пойдет. Не прошло и полгода, как он уже знал не только всех руководителей хозяйств, предприятий и учреждений, их повадки, но и точно знал — где, у кого, что и как лежит. Начнет, бывало, кто-то заикаясь собирать все подряд в свое оправдание, а Давиденко поправляет его. И так неудобно станет человеку, что районный глава лучше его знает, что у него творится, и в следующий раз к нему с “липой” не полезет.

Эта статья была подготовлена мной к печати еще в 1999 году, но по ряду причин своевременно не была опубликована, хотя злобу дня не потеряла до сих пор. Названа она была “Битый не битого везет”.

Видимо, совсем не глупые люди, как казалось раньше, сочинили реформы в сельском хозяйстве. Другое дело, своевременны ли они, готовы ли мы к ним? Речь же пойдет о тех руководителях, сумевших объединить вокруг себя свои трудовые коллективы и получив полную свободу действий, смогли уберечь

производство, которое в настоящее время сохранить очень тяжело. Об этом мы уже писали, только жаль, что еще слишком мало.

Но почти не пишем о тех, кто не возглавляет список лучших из лучших, как скажем, Б.Бажан из Московского района и Б.Орел, что в Аламудунском районе Чуйской области. Есть чему поучиться многим и у них. Как правило, всем им достались полуразвалившиеся хозяйства. И за короткое время: два-три года, они не только сумели значительно погасить долги своих предшественников, но и своевременно выплачивать необходимые налоги и, обходясь без кредитов, сводить концы с концами, не забывая о зарплате труженикам и выплаты им дивидендов за их паевые взносы.

К таким можно отнести и В.Олейникова, председателя ОКХ "Заветы Ильича", Московского района. Только 6 лет отделяют его до вполне терпимого "сегодня" от плачевного "вчера". Но сдвиги ощутимые. Когда он принял объединение крестьянских хозяйств, каждая средняя коровка в год давала по 2016 килограммов молока. Сегодня этот показатель перешагнул половину тысячи килограммов прироста. Много и других положительных показателей.

За 1998 год хозяйство получило чистой прибыли 2,8 миллионов сомов. И это в то время, когда из-за капризов стихии пришлось пересевать более тысячи гектаров погубленных посевов. Всего незапланированных убытков хозяйство понесло по этой причине на сумму более пяти миллионов сомов. А если приплюсовать и упущенную выгоду, то не ломать бы Владимиру Васильевичу голову на какие шиши сегодня покупать новую технику, взамен изношенной до предела и как приобрести на весеннюю кампанию ГСМ, запчасти и концентраты для животноводства. Ведь кроме КРС хозяйство содержит приличный табун лошадей, отару овец и 2 тыс. свиней. Большую надежду возлагают здесь и на свиноферму. Многие у нас отказались от свиноводства, как от убыточной отрасли. А В.Олейников рассчитывает получить от нее прибыль.

И все было бы неплохо, и жить безбедно, если бы не одно "НО". Проблема, о которой пойдет речь ниже, беда не только Петровки, где расположено названное хозяйство, а всеобщая. По реформам вроде бы и дана руководителям полная свобода, а на деле-то эта свобода относительная. Никак не могут понять чиновники из вышестоящих инстанций, что отошли те времена, когда указующий сверху перст вмешивался в экономику крестьянских объединений.

Согласно действующему положению, все земли были переданы в личное пользование селян. Поступили так и здесь. Правда ни один из сельских жителей в Петровке не осмелился хозяйничать единолично и внесли свои земельные паи в

объединение. Кстати, никто об этом здесь пока еще не пожалел. Но от прежнего хозяйства отделено еще 1800 гектаров, так называемого, общественного фонда распределения, которые сданы на длительную аренду пришельцам извне. Это и всякого рода чиновники, и горожане, решившие получить от земли-матушки "легкие" хлеба. Так вот те, которые остались в хозяйстве, не только обязаны выплатить все долги, наработанные на всей прежней пашне, а это и долг за воду, за энергоносители и прочие, но и вырывать кусок хлеба изо рта своих детей и стариков и брать на себя, согласно указки сверху, все расходы арендаторов земли.

Не логично? Разумеется!

Слово Владимиру Васильевичу:

— В прошедшую осень тысяча гектаров земли арендаторов осталась не засеянной. Это значит урожая от нее ждать нечего. Может быть кто-нибудь скажет, что пусть об этом болит голова у самих землепользователей. Но ведь они до сих пор считают, что засеять ее обязаны не они, а мы, как это было раньше. За прошедшие два года крестьянские хозяйства, которые арендуют землю в Петровке, за оказанные услуги по земле должны более 1,5 млн. сомов. Но наши труженики постановили: тому, кто с нами не рассчитался не пахать, ни сеять не будем! Я же только обязан подчиниться воле тех, кто меня поставил на эту должность, то есть совладельцы нашей земли, где я такой же как и все.

Такой же, как и все! Обидно председателю и за то, что не все односельчане понимают это. Понимают, в основном те, кто трудится не покладая рук. Но те, что всякими правдами и неправдами прооколачивались промеж трудяг-работяг (как бы меньше сделать да побольше взять) и идут со своими требованиями к председателю. Мало, мол, да не вовремя дал. А где он возьмет? Ведь все на виду у всех. Сами подсчитали сколько получено, кому и по сколько дать. Где он еще возьмет? Не те времена, когда и дотации государство давало и долги списывало. Теперь только один расчет, одна надежда — на себя.

И далеко не всех волнует то, что только за последний год стоимость ГСМ возросла вдвое, а цена на сельхозпродукцию осталась прежней.

Геннадий Валерьевич до мозга кости сельхозник. Но это еще не значит, что промышленным предприятиям он уделял меньше внимания. Будучи человеком с высокими аналитическими способностями, он понимал, что на одном сельском хозяйстве далеко не уедешь. Нужно заставить работать на общее благо промышленные предприятия, которых в Московском районе немало. И многого сумел добиться.

Наиболее убедительно в этом плане повествование нынешнего президента АО "Ийгилик" В.А.Пархачева. Владимир Ананьевич родился и вырос в здешних краях. Но в свое время молодость позвала его в неведанные края. Так он оказался в Караганде. С дипломом горного инженера он двенадцать лет "отнимал топливо у чертей, чтобы свои котлы топить им было нечем". Но "черное золото" вдали от родимых мест не приносило истинной радости. В конце концов опостытели продуваемые всеми ветрами, почерневшие от угольной пыли улицы Караганды. Тянули, ласкающие взор, голубые громады южных гор. Сначала попытался шахтерить в Джалал-Абаде. Но тогда разворачивались там события необъявленной войны. И человеку труда это было совсем ни к чему. Вернулся на родную землю.

Работа в карьере, где добывалась глина для кирпичного завода, мало походила на ту, что в подземных лабиринтах шахт. Но все равно, что-то в ней есть, связанное с недрами. Да и не каждому под силу это нелегкое дело. Холодно встретили нового начальника в карьере люди, которых больше всего волновала зарплата, нежели результаты труда. Техника давным-давно подлежала списанию или капитальному ремонту. Но об этом мало кто задумывался, и терзали ее как могли. Лишь бы сейчас урвать побольше, а потом — хоть потоп.

Нелегко было наладить дисциплину. Пришлось со многими расстаться, хоть и не входило это в его принцип формирования трудового коллектива. Как бы оно ни было, но понемногу зажил карьер полноценной трудовой жизнью. Тогдашний директор завода Виктор Михайлович Гринько по достоинству оценил рвение горняка и перевел его на должность главного инженера.

Казалось бы, что общего в профессии шахтера с керамистом? Дилетантом тоже не хотелось себя показывать. Поддержал директор. Послал на действующие предприятия подучиться. Но как следует поработать в новой должности не пришлось. Вскоре Гринько был избран депутатом Законодательного собрания Жогорку Кенеша, а его заменил другой. Не хочет Владимир Ананьевич называть ни имени его, ни фамилии. Не считает его виновным в том, что именно при нем завод опустился ниже уровня "ватерлинии". Просто, время такое было. С развалом Союза и всех экономико-политических связей начало все рушиться. Один за другим стали останавливать производственные участки и на Беловодском кирпичном заводе.

А тут мода появилась: стали покупать у населения медь, и начался грабеж, начиная от латунных краников до обмоток в электродвигателях. Никакая стража не могла спасти дорогостоящего электрооборудования от мелких воришек, которые за сданную медь получили копейки, нанося предприятиям миллионные убытки. Порешили на кирпичном законсервировать оборудование, предварительно демонтировав его. В каждом цехе нашли местечко укромное, оковали его, как могли, металлоконструкциями и перекапывали все что можно туда, под семь замков. А что нельзя было с места сдвинуть, так заваривали всевозможной броней. И подумали: а как же сами-туда при необходимости доберутся? Надеялись, что наступят добрые времена, и все это вновь понадобится. И такие времена наступили.

Собственно, что же стало причиной остановки кирпичного завода в Беловодске? Первая и главная причина — отсутствие рынка сбыта. Нет сбыта, нет оборотных средств. А это, в первую очередь, не на что купить элементарного угля. С болью в сердце смотрел главный инженер на вылизанную до самой земли угольную железнодорожную эстакаду.

И тут его осенила идея: а не обратиться ли за помощью к друзьям в Караганде? Их немало там осталось. Может быть поехать туда с директором и упросить дать угля с последующим расчетом? Нелегким делом оказалось уговорить шефа прокатиться до некогда опустылевшего города. Перехватил деньжат у местной братвы, понакупал кыргызских марочных коньяков, да бальзамов и прибыл к своим старым друзьям, с которыми “распечатал” свою шахтерскую биографию.

Но странно повел себя при этом директор. В попытке главного инженера уболтать угольщиков на благие взаимовыгодные дела с некоторой отсрочкой в пользу керамистов, он узрел его желание иметь для него выгоду. Так что переговоры прошли вяло, неконструктивно, и вернулись восвояси руководители завода “с кукишем в кармане”.

Тем временем районный акимат возглавил Геннадий Валерьевич Давиденко. Своей первоочередной задачей глава райгосадминистрации поставил изыскание возможностей реанимировать все промышленные предприятия. Не мог спокойно смотреть он, как догорает уголь на его последнем участке. Несколько раз вызывал к себе на собеседование директора. Но вскоре понял, что он просто исполняет чью-то указку до минимума довести остаточную стоимость завода, чтобы потом дать Комитету Госимущества республики спихнуть его кому-то за бесценок.

Был разыгран спектакль по акционированию предприятия. Всем было ясно, что нищие труженики завода никогда не смогут выкупить большой пакет акций, и он достанется сначала государству, а

уж потом какая-нибудь хитроумная компания на аукционе купит ее. Но Бог с ней, если бы при этом заработал завод, и сотни людей не были выброшены за ворота. Ясно было одно, что никто восстанавливать этот завод не будет. А ликвидация его дееспособности, поднимет цену на кирпич других аналогичных заводов и при меньших затратах будет иметь гораздо большую выгоду. Им все равно, что у нас в Кыргызстане даже кирпич станет дефицитным.

Много бессонных ночей стоило Геннадия Валерьевичу, чтобы найти выход из сложившейся ситуации. И тут вспомнил о главном инженере кирпичного, который, как ему показалось, еще шевелится и что-то хочет сделать. Вызвал Пархачева. Тот явился незамедлительно. До этого случая акима Владимир Ананьевич видел только на фотографии в районной газете.

Из-за стола вышел к нему какой-то простецкий мужичок, по хулигански засунувший в карман брюк левую руку. Правую небрежно подал для приветствия Пархачеву. Владимира смутила такая форма знакомства в столь высоком кабинете и в то же время сняла всякую напряженку, которая сковала инженера в ожидании, когда дойдет до него очередь.

— Здравствуй! Ты с кирпичного? — сразу начал Давиденко, будто сто лет знал этого, крупного телосложения, еще совсем молодого инженера. — Ну давай, рассказывай, откуда ты родом, где и сколько проработал.

Как-то неожиданно, даже для самого себя, Владимир Ананьевич сразу же в двух-трех предложениях рассказал всю свою "автобио".

— Значит, говоришь, из здешних краев?

— Да, из Александровки.

— Ну и куда собираешься теперь, шахтер? В неведомые края на поиски новых приключений?

— Да нет. Никуда не собираюсь... — твердо, глядя в глаза акиму, сказал Пархачев.

— Ну, а раз никуда ехать не собираешься, то давай покрепче оседай на своей родной земле. Вижу я, что ты именно тот человек, который может спасти кирпичный завод. А вообще-то ты как считаешь, можно его спасти, заставить работать?

— Конечно! — выпалил Владимир Ананьевич давно обдуманную фразу. — Да вот только...

— Понимаю. У тебя связаны руки? Вернее, под директорским непробиваемым колпаком находишься?

Ничего не смог инженер ответить на этот, ударивший в самую точку, вопрос. Но аким прервал молчание.

— Значит так оно и есть! Знаешь, давай посоветуемся с людьми. А вдруг они захотят тебя своим директором поставить? Не бойся, я поддержу тебя в трудную минуту. Верно, шахтеры — народ надежный. Только с ответом не торопись. Соберем народ, посоветуемся.

Собрание всего трудового коллектива завода долго ждать не пришлось. К приезду главы райгосадминистрации зрительный зал заводского Дома культуры был переполнен. Аким сразу взял в руки ведение схода. После того, как определились с регламентом, слово взял Давиденко. Как всегда, он не стал демонстрировать свое ораторское красноречие. А сразу, к всеобщему удивлению, так и врезал:

— Как вы считаете, господа своего положения, сможет или нет нынешний директор завода выправить ваше положение?

Зал возмущенно зашумел. Зло загорелись, воспаленные от высоких температур и вечной копоты, глаза керамистов. В адрес директора посыпались проклятия. Когда шум немного стих, Давиденко продолжил:

— Может быть у вас есть свои кандидатуры? Давайте обсудим их?

То там, то тут вверх взметнулась пара десятков рук. Продолжая председательствовать, аким предоставил возможность высказаться каждому. Но все выступления сводились к одному. Пусть завод возглавит тот, кто фактически это делает сейчас, то есть главный инженер. Когда голосованием подвели черту собрания, оказалось, что все как один поддержали кандидатуру Владимира Ананьевича Пархачева.

Теперь слово ему:

— Вообще-то, я хоть и не претендовал на эту должность, но был уверен, что люди у нас не глупые и давно уже сами разобрались, кому руководить заводом. Но как быть дальше, если завод должен только за одну железную дорогу почти два с половиной миллиона сомов, в Соцфонд — миллион с четвертью, почти половину миллиона — людям и двести тысяч — налоговикам?

Но Геннадий Валерьевич сказал, чтобы я не очень беспокоился, поможет, чтобы кредиторы немного потерпели, а мне посоветовал побыстрее шевелиться. С развязанными руками мне стало легче. Слетал в Караганду. Там мне ребята мигом отгрузили тридцать вагонов угля с тем, чтобы я их вернул груженные кирпичом. Подняли то, что осталось на эстакаде, и закипела работа. Ровно неделю никто не выходил из завода. Спали, где придется. Но за неделю запустили в работу то, что демонтировали месяцами.

И только тогда, когда весело зазвенели и покатались тяжело нагруженные кирпичом-сырцом вагонетки, пригласили Геннадия

Валерьевича. Он просто глазам своим не верил, что пошел наш(!) кирпич.

Много бы мог добавить к сказанному новый директор. Да только некоторые детали пришлось узнавать на стороне. Разве мог он сказать, что продал собственную машину и заложил дом, чтобы взять кредиты и буквально с первого месяца своего директорства начал выплачивать зарплату всем своим работникам, без исключения. Правда, первый месяц получил каждый из них лишь по четыреста сомов. А потом дела пошли, и уже со второго месяца каждого десятого числа, как бывало при Советах, здесь по сей день выплачивается зарплата, а двадцать пятого — аванс.

Карагандинцы помогли рассчитаться с железной дорогой. Затем появились свободные средства. Купили у белорусов новый пресс и прочее оборудование. Заработали все цеха. Местные умельцы в своей столярке такую мебель для офиса отточили, что министры завидуют. Словом, окрепло предприятие. Но в заключение нашей беседы Владимир Ананьевич подчеркнул:

— Шестьдесят процентов от того, что наш завод работает и выдает замечательную продукцию, востребованную всюду — заслуга Давиденко. Если бы не он, наверное и то, что нам удалось спрятать, растащили. Ведь у нас уже и на охрану денег не было.

А цену здесь деньгам знают. Делают все возможное, чтобы даже рабочие значительную часть заработанного оставляли здесь. По ценам, гораздо ниже рыночных, им выдается выращенное на собственной земле зерно, "под карандаш" отпускается даже хлеб собственной выпечки и прочий товар из своего магазина. Всемерная помощь оказывается и желающим строиться. Каждый бы с удовольствием купил кирпич-бой по четыреста сомов за тонну. Это раза в три дешевле кондиционного, а для опытного строителя разницы нет. Железняк для рабочих — 176 сомов за тысячу.

Два года назад кирпичный завод, ныне АО "Ийчилик", где Владимир Ананьевич теперь считается президентом, отметил свое шестидесятилетие. Праздник удался на славу. А Геннадий Валерьевич был на нем самым желанным гостем. Ему была оказана высокая честь вручать подарки передовикам. Для этой цели выделили тридцать тысяч сомов.

Присутствовал на юбилее и бывший директор, ставший потом народным избранником, Виктор Михайлович Гринько, память о котором заводчане всегда будут хранить в своих сердцах.

В заводском архиве есть фотоснимки об этом событии. Один из них мы решили поместить в этой книге. Здесь Владимир Ананьевич и Виктор Михайлович во время вручения подарков.

Владимир Ананьевич и Виктор Михайлович
во время вручения подарков

— Если сказать честно, — признался Пархачев в момент прощания, — лучшего друга у меня в жизни нет. Есть, конечно, такие, что помогли мне в самый трудный момент. Но такого бескорыстного и душевного у меня больше просто нет.

Совсем недалеко от кирпичного завода есть еще одно промышленное предприятие. Сейчас оно называется АО "Ак-Суу Дан-Азык", что в переводе означает "Беловодские хлебопродукты". Руководит им Рустам Сулейманович Таймуратов — узбек по национальности, энергичный, еще вполне молодой симпатичный невысокого роста, средней полноты мужчина.

Гостеприимный, как все узбеки, с чувством тонкого юмора, он, узнав, что я пишу повесть о Давиденко, не смог начать разговора, не предложив мне чашки чая. Буквально передо мной он беседовал с китайскими партнерами, и его озабоченность после серьезной беседы сразу как ветром сдуло.

— Вы знаете, я о Геннадии Валерьевиче, этом замечательнейшем человеке, могу рассказывать сколько угодно. Я даже боюсь представить себе, что было бы с этой, преуспевающей ныне фирмой, если бы не он. И очень правильно Вы поступили, что заехали именно ко мне.

Чтобы как-то удержать собеседника от сплошного излияния чувств любезности к своему бывшему шефу, приходилось конструировать беседу, заранее продуманными вопросами.

Оказывается, ранее это предприятие было ничем иным, как перевалочной базой. Сюда, как на хлебоприемный пункт, свозилось зерно со всей округи. А уже отсюда оно рассылалось по разнарядке в различные регионы. Был здесь и колибровочный завод, который формировал семенной фонд. Когда Союз завалился, и начали рушиться спаянные десятилетиями связи, дела базы пошли к банкротству с катастрофической скоростью. Так, при остаточной стоимости всей недвижимости и оборудования в 2,6 миллиона сомов, фирма задолжала по всем видам налогов и прочих обязательных отчислений двадцать два миллиона сомов.

Откуда такой дизбаланс? Просто смешное объяснение. Раньше предприятие получало беспроцентные кредиты на закупку зерна. Но при этом, по какой цене закупали, по этой же и продавали. А когда кредиты стали давать под сумасшедшие проценты, принцип купли-продажи оставили прежний. Так что все эти проценты стали просто-напросто оседать на базе. Смешно? Разумеется. И много лет понадобилось нашему мудрому руководству для того, чтобы понять, что это глупо. А тем временем эти двадцать два миллиона и накопились.

Рустам Сулейманович возглавил это предприятие через несколько месяцев после того, как районом стал руководить Давиденко. Но до его акимства никто раньше просто не замечал, что такое предприятие существует, или всем было все равно, что обанкротится и оно, и сотня его сотрудников пополнит ряды безработных.

Посмотрел Таймуратов на место своего нового назначения, и стало ему страшно. Ведь если ничего не изменить, то все закончится просто личной катастрофой. Новую продукцию никто не везет, и это хорошо, потому что в республике не было кредитоспособных клиентов, и она так бы и лежала, приходя в негодность, как та тысяча тонн колиброванной семенной кукурузы, что находилась в зернохранилищах. А тем временем налоговики устраивали, приводящие в ужас, налеты, требуя срочного расчета. И так, не то что каждый день, а каждый час. Не успеют уехать налоговики, а в приемной директора уже ждут пожарники, а на улице своей очереди возмущенно дожидается санинспекция и прочие общества и комитеты.

Ну все, решил Рустам Сулейманович, поеду в акимат и сдам свои полномочия. Но тут его самого приглашает, районный глава. Выслушав внимательно хлебозаготовителя, Геннадий Валерьевич спросил в упор:

— Ты хочешь работать?

— А как? Не дают ведь! Все пугают. Я уже сна лишился. Дома с женой скандал. Дело до развода доходит.

— Сколько тебе нужно времени, чтобы, получив полную свободу действий, ты выкрутился из сложившейся ситуации? Три месяца хватит?

— Хватит, но ведь не дадут же!

— Дадут! Запомни, ровно три месяца я буду защищать завод от силовиков. А уж потом, как знаешь.

Таймуратову хватило и двух месяцев. Он съездил в Узбекистан на свою этническую родину и навел необходимые "мосты". К тому времени Кыргызстан за год задолжал соседям солидную сумму, и погасить ее за счет семенной кукурузы узбеки согласились с огромным удовольствием. Возможно, они посчитали: хоть этим возьмем, а иначе вообще с кыргызов нечем брать.

Семян хватило осуществить взаиморасчет с кредиторами.

— Теперь, когда мы стали собственниками, у нас появилась возможность искать выходы из любого положения, и мы находим их. После того, рассчитались со всеми, кому были должны, опять же с помощью Геннадия Валерьевича, вернее при его защите от силовиков, за короткий срок приобрели и смонтировали мельницу.

Сейчас получаем высококачественную муку, скоро будем производить комбикорм по заказу клиентов. Перед вашим приходом я беседовал с китайцами. Им нужен наш комбикорм. В свою очередь они обещали организовать доставку микро- и макроэлементов и прочих кормовых добавок.

Очень любопытные задумки у нынешнего предприятия АО "Ак-Суу Дан-Азык". Ведь здесь имеются огромные площади для хранения и переработки зерна. Есть необходимое оборудование для его досушки и очистки. И это важно именно сейчас, когда хозяйства развалились, и частникам просто негде хранить свою продукцию. Сюда же они могут сдать и на хранение, и на обработку, и просто получить взамен муку или семена высокой репродукции.

Вот одна из наиболее насущных проблем. Трудно выбить льготные кредиты на закупку зерна. И опять же остается удивляться "мудрости" того самого руководства, которому доверено распоряжаться кредитами. Весьма сомнительным бизнесменам и прочим проходимцам — пожалуйста, честному человеку — ни в какую! Ну неужели так трудно отличить порядочную фирму от липовой. Во-первых, в последней штат-то всего три-пять человек. И их бизнес-план, составленный на высшем уровне юридического искусства, не более, чем обыкновенная туфта.

А тут же — огромное дееспособное предприятие с необходимым оборудованием и с доброй сотней, никуда не собирающихся уезжать, работников. Дайте им этот кредит, и они заработают на нем миллионы без всяких процентов, и все это останется внутри государства, а не повезется на Канары или Ямайку.

Хочется все-таки верить, что если эти слова не дойдут до ушей Всевышнего, то пусть хоть до наших правителей дойдут, и они задумаются над трезвостью мысли простых тружеников.

Но здесь не только глаголят, но и делают. Уже очищают от шелухи ячмень и рис. Очень важно последнее, потому что в республике возрождается рисоводство как отдельная отрасль зерноводства. А там научимся получать неплохие урожаи гречихи и проса. И опять понадобится нам названное АО, которое и это научится перерабатывать, и сою, если хотите. Научились же делать макаронные изделия.

И снова речь заходит о Давиденко. Слова благодарности за то, что он в свое время поддержал затухающее предприятие, не дал ему погибнуть.

Очень жаль, что те, кто сменили его, не закончили в этом районе ряд его ценных начинаний. К одному из них можно отнести и крахмалопаточный завод, объявленный нынче банкротом, (о чем я узнал из кршечной информации в газете). Но сначала есть смысл

рассказать о другом предприятии, которое подобно умирающему сегодня заводу имени Ленина, что виден из окон седьмого этажа Белого Дома. Это комбинат по переработке кукурузы, который мог обогатить нашу республику, поднять ее на недостижимый уровень среди других бывшего Союза.

Не была своевременно опубликована и статья, которая также является ярким примером того, что есть у нас еще силы сделать жизнь прекрасной. Здесь речь идет о хозяйстве Сокулукского района "Рассвет", которым руководит Екатерина Андреевна Быцко, единственная в республике женщина, возглавляющая, и довольно-таки небезуспешно, вполне солидное сельхозпредприятие.

Назвал я ее "Развеются ли тучи над "Рассветом"?"

Екатерину Андреевну Быцко я знаю давно. Запомнилась она мне пламенными выступлениями на форумах различного ранга. В них она беспощадно клеймила некомпетентность и бездушие самых высоких чиновников сельхозотрасли. Тогда еще невольно думалось, что не сносить этой маленькой по росту и худенькой женщине своей головы. Но шли годы, а она все также не унималась, взбираясь на самые высокие трибуны. И все как-то руки не доходили написать о ней — председателе колхоза "Рассвет", как о женщине умной и мужественной. Зато у других доходили. Теперь трудно сказать, чем руководствовались эти "другие". Ясно только одно — в их публикациях правды столько, сколько кот наплакал.

А впрочем, при желании можно и на солнышке найти темные пятна, также как опытный музыкант может и патетическую сонату Бетховена подать в виде плохого фокстрота.

Вот и предо мной целая пачка "неумело испачканной" бумаги. Это и протоколы бесконечных сессий сельсовета и сельских сходов, вырезки из газет, в которых председателя колхоза выставляли таким божьим одуванчиком в тигровой шкуре. Но никто не удосужился увидеть в ней просто человека со всеми присущими ему человеческими слабостями и в то же время — женщину, взвалившую на себя немыслимый груз руководства, в наше-то время, столь многотрудного хозяйства. Больше того, в своем — Сокулукском районе, она считается одним из лучших руководителей сельхозпредприятий: ее хозяйство по многим показателям превосходит соседние. Ни в одной публикации не найдешь даже упоминания о том, что совсем недавно Быцко была награждена "Грамотой" Патриарха Среднеазиатского. Поверьте, рычащим, лающим и кусающимся, как ее пытаются обрисовать некоторые, такие награды не вручают.

Впрочем, обратимся к фактам. Сегодня "Рассвет" официально переименован из колхоза в союз крестьянских хозяйств. (Как только

не ухитряются назвать сегодня себя крестьяне!). Фактически же в жизни селян не изменилось ничего. Практически, никто не покинул хозяйство, получив свой земельный надел. Решением общего собрания не продано ни одной квартиры, ни одной единицы сельхозтехники, ни одной головы скота. В силу этого не произошло изменений в производственных отношениях, а следовательно, и в мерах материального и морального стимулирования. Бывая в других хозяйствах, частенько слышишь о большой задолженности правления по выплате зарплаты работникам. Тут же — наоборот. Подавляющее большинство членов союза уже получили больше, чем заработали.

— Я не боюсь авансировать своих рабочих, потому знаю, что скоро уборочная, и все сумеют отработать полученное, — говорит Екатерина Андреевна. — Зато люди чувствуют заботу о себе и отвечают добросовестным трудом.

Действительно, люди не подводят своего руководителя, более того — уважают и ценят. А потому и урожаи здесь устойчивые, и надои приличные. Мало кто в районе может похвастать подобными показателями.

Но главным показателем, конечно, является жизненный уровень селян. Лучше всего об этом может рассказать председатель профкома союза Ирина Козлякина:

— Очень много делаем мы в хозяйстве для своих работников и пенсионеров, а также для их семей. Уже стало нормой то, что ежегодно триста человек мы отправляем на три дня отдыхать на Иссык-Куль. В первую очередь, не забываем о ветеранах войны и труда. Так, в этом году каждый из них получил на праздник Победы по набору продуктов питания стоимостью сто сомов. Ежегодно ветеранам выделяем по тонне угля. Не получая зарплаты в денежном выражении, наши труженики не ломают голову, как рассчитаться за электроэнергию и за прочие коммунальные услуги. За них это делает бухгалтерия. Опять же независимо от того, должны они или нет хозяйству. Особой заботой мы охватываем самых маленьких, только что появившихся на свет. Вот, например, молодая пара, которая совсем недавно работает у нас, получает пособие на ребенка — двести сомов. А кто работает три года и больше, при рождении ребенка получают бычка весом сто килограммов. Если же у нас работают оба родителя, то дареный бычок тянет на 150 килограммов и больше. Заботимся мы, по мере возможности, о всех детях работников хозяйства. Ежегодно возим всех детей наших школ в цирк, при этом даем каждому из них "на карманные расходы" по десять сомов, несмотря на то, работают их родители у нас или нет.

Уже из других источников узнаю, что ежегодно на выпускных вечерах профком от имени колхоза вручает каждому выпускнику по памятной книге. В этом же году пошли дальше. Организовали вечер встречи всех выпускников, где бы они не учились — детей членов союза с их родителями. Здесь каждому было вручено, кроме книги, по сто сомов и коробке конфет. Кроме того — накрыт богатый стол, на котором все продукты, без исключения, собственного производства. Это была как бы демонстрация результатов труда родителей перед детьми, имевшая воспитательную цель: вызвать у ребят гордость за их отцов и матерей, воспитать у молодежи стремление отдать свои знания и силы сельскохозяйственному производству.

Свято соблюдают в "Рассвете" и долг перед усопшими. И не потому, что так положено, а с большим человеческим теплом и сочувствием. Буквально все расходы, связанные с погребением, особенно для остронуждающихся, правление берет на себя. К примеру, на прошедшие недавно похороны своего бывшего работника, союз выделил 300 сомов, 200 — профком. Принимая во внимание бедность семьи усопшего, дополнительно выделили еще 500 сомов, выдали продуктов на 700 сомов, и все расходы хозяйство полностью взяло на себя.

Животноводы получают бесплатные обеды, хотя обходятся они хозяйству по 15 сомов в день на каждого. Во время уборочной страды или посевной кампании выдается бесплатное трех-четырёхразовое питание для всех механизаторов. А раз в квартал каждый член союза получает пять килограммов мяса, по шесть сомов за кило. Нуждающимся по льготной цене отпускается различный фураж. Для материального стимулирования, работающим на свекловичнике, выдается аванс сахаром — по одному килограмму за прополотую сотку. Осенью же все получают полный расчет, и никто обижен не будет. Говорят: хлеб — всему голова. В хозяйстве прекрасную румяную буханку хлеба, весом в 1 кг, работники приобретают за два сома.

Можно, наверное, очень долго перечислять то доброе, что делает правление во главе с Екатериной Андреевной для своих тружеников. Спрашивается, чего же не хватает тем людям, которые жалуются, сочиняют клевету? Попробуем представить читателю некоторых из них.

Есть такая в селе Н.Осмонова. Что такое тяпка, она знает, видимо, понаслышке. Ее главное оружие — ручка. Никогда особыми трудовыми заслугами не отличалась. Работала в садике. После его закрытия, преподавала кыргызский для всех желающих. Но вскоре ей это надоело. Тогда попросила, чтобы ей открыли торговую точку и дали квартиру вблизи от нее. Но из-за неумения наладить работу,

дела у Осмоновой не пошли, и решила она посвятить все свое свободное время перу. Мол, все ее обижают, ущемляют во всем. Хотя селяне поговаривают, что богаче ее в селе не одевается никто. Главный ее козырь — квартира, которую она хочет отвоевать, не имея на это законного права. Всем давно, с ее же слов, ясно, что она в ней не нуждается и что (по ее же словам), когда отвоеует, тут же бросит ключ от квартиры в лицо председателя.

Таит на председателя злобу и ее предшественник В.Литвинов. Он никак не может успокоиться, что и без него хозяйство не только живет, но и процветает. В то время, когда все кругом разрушается, Екатерина Андреевна находит возможность купить три зерноуборочных комбайна и один трактор. Это он является автором целого ряда акций, направленных на дискредитацию деятельности Е.Бычко.

Можно под целым рядом бумаг, содержащих нападки на председателя, увидеть подпись Ж.Саманова, проработавшего в хозяйстве пять лет главным зоотехником. До прихода в "Рассвет" он в другом хозяйстве работал зоотехником, где и заболел бруцеллезом. Ясное дело, что кроме сочувствия, труженики хозяйства "Рассвет", ему ничего дать не могли. А он все ищет одному ему ведомую правду.

Никак не может успокоиться и чабан М.Боконбаев, и все потому, что некогда решением суда он был выселен из незаконно занятой квартиры. И его подпись обязательно присутствует на целом ряде "грязных" бумаг.

Можно еще найти два-три человека, которым когда-либо не угодила председатель. Находится по-соседству с названным хозяйством детский Дом. Немало заботы проявляет о нем правление союза и лично сама Екатерина Андреевна. Так, на последнем выпускном вечере, каждому выпускнику она вручила по 100 сомов из своих собственных сбережений. Много и других благодеяний в пользу сирот совершила она. И вдруг приходит к ней директор детского Дома и просит помочь оплатить за паспорт для 16 выпускников из расчета 44 сома за каждый. Естественно, председатель возмутилась. Не потому, что ей жалко было денег, а потому, что посчитала чудовищным со стороны Закона драть деньги с сирот. Да и к какой статье она отнесет эти деньги? Названную сумму она все же дала. Но зародилась в просительнице злоба на председателя.

Нажила Е.Бычко неприятности за свою же доброту и с депутатом Жогорку Кенеша Воробьевым. В свое время отдала она ему в аренду клуб на пять лет. Условия аренды, как нельзя, простые. За пять лет арендатор обязался отремонтировать клуб. Срок прошел, а клуб каким был, таким и остался. Соответствующая реакция

председателя и совершенно не соответствующий ответ арендатора, текст которого даже и опубликовать-то нельзя.

Таким вот образом наживает себе врагов Екатерина Андреевна, но страдает от этого целый коллектив, который по-прежнему уважает ее, и на очередных перевыборах, как один, проголосовал за ее кандидатуру. Причем, даже те, кто выступал против нее. Но склоки и дразги не проходят бесследно для председателя: нет-нет, да и сорвется она, наговорит сгоряча много того, чего потом и сама себе простить не может.

Да и ладно было бы, если бы на ее грубость нарывались только подчиненные. Им суждено иногда прощать своему шефу некоторые вольности. А когда нарываются ребята с солидными титулами? В день моего знакомства с этим хозяйством ожидался проезд по улице села президента республики. Об этом были все оповещены заранее. И вот пришлось останавливать все, чтобы навести порядок, чья сущность непонятна ни одному здравомыслящему человеку. Ну зачем, скажем, белить стволы всех деревьев, которые видны с дороги? Давно всем известно, что кроме вреда это деревьям ничего не дает. И хозяйству этот проезд обойдется в двадцать тысяч сомов, которых бы хватило на покупку ГСМ на 2 дня работ.

Пока не по зубам сегодня еще многим женщина-председатель. И все из-за того, что последнее слово за трудовым коллективом, который и не собирается ее менять. Но ведь она же женщина и, в конце концов, однажды может не выдержать и, плюнув на все, оставит свое кресло.

А вообще-то, оставит ли? Как-то она так и сказала:

— Ни за что! Пока я не отработаю здесь двадцать лет, не уйду отсюда. Народ меня уважает, знает, что я стараюсь для него. И мне он дорог.

Геннадия же Валерьевича она знает только по встречам с ним на разных форумах. И никогда не была в его подчинении, но если бы пришлось встретиться с ним в деловой обстановке, уверен, они поняли бы друг друга.

Многих и, конечно же, Геннадия Валерьевича вводит в недоумение почему это я вдруг ни с того, ни с сего вдруг вставил несколько страниц об этой безудержной отважной женщине. С ней вместе они никогда не работали, встречались лишь на каких-нибудь мимолетных совещаниях. Да и сама Екатерина Андреевна говорит:

— Что я могу сказать о Давиденко? Слыхала от других, что человек он отменный, нашей трудовой закваски. По делам его вижу, что и руководитель он неплохой.

А написал я о ней с единственной целью — показать, что есть у нас еще немало толковых руководителей на уровне хозяйств. Не терзали бы их верхние эшелоны власти. Дали развернуться на всю мощь их организаторскому таланту. И то, что люди умеют держать их в своих крепких руках, это не компромат, а их заслуга. Не может наш народ еще пока что жить и работать без понуканий. А многим еще палка нужна, а не только пряник.

Уже было написано открытое письмо Президенту А.Акаеву, подписанное многочисленным коллективом, крупнейшего не только в республике, но и в бывшем Союзе, ныне мертвого комбината по переработке кукурузы. Но, видимо, оно где-то затерялось в кабинетах редакций правительственных газет.

А комбинат-то этот действительно уникальный. В его состав входит семь гигантских заводов. Два дня понадобилось автору этих строк только для того, чтобы пробежать по, до отказа забитым ценнейшим оборудованием цехам, и попытаться уяснить, что же может делать это многоотраслевое предприятие, обошедшееся когда-то Советскому Союзу в сотни миллионов рублей, но так и не достроенное. А остался, собственно, пустяк. В основном, это пусконаладочные работы, хотя уже завод по получению кукурузного крахмала прошел испытание по, так называемой, нагрузке и выработал несколько тонн продукции, получившей сертификат уровня международного стандарта.

Кроме этого ценнейшего и пока что из дефицитного продукта можно получать не менее ценное кукурузное масло, сахар, патоку — незаменимое сырье для кондитерской и фармацевтической промышленности, комбикорм для животноводства по своим кормовым достоинствам, не имеющим себе равного. Больше того, в состав комбината входит завод, работающий на свекловичном сырье.

В свое время, когда наша огромная страна, болеющая гигантоманией, построила этот гигант, способный переработать все кукурузное сырье среднеазиатского региона, включая Казахстан и юг Западной Сибири. Теперь нетрудно представить, о каких масштабах идет речь. Какие миллионы чистой прибыли пошли бы в госказну, если бы вдруг ожил этот гигант. Другого названия комбинату просто трудно придумать. Пока известно одно, что только получение сахара из свеклы даст чистой прибыли 21 миллион сомов. А это ведь десятая часть того, что запланировано.

Кто-то скажет, где взять столько сырья, чтобы насытить потребность этого, рассчитанного на целый регион, гиганта? Да, для этого потребуется около 50 тысяч гектаров орошаемой земли. Где ее взять? Ответ прост. Во-первых, оживить все заброшенные поля, скажем, в Кеминском районе. Да мало ли еще в республике таксовых!

Кроме того, резонно поступиться другими колосовыми культурами. На золото, которое мы "получим" в цехах комбината, можно купить столько муки, что от ее производства выгоднее будет отказаться вообще.

Посмотрите, сколько сегодня стоят обыкновенные карамели. С помощью этого ГАО мы завалим рынок СНГ конфетами, стоимостью в несколько раз ниже.

Кроме того, комбинат только для своего производства обеспечит работой около двух тысяч человек, что намного больше, чем безработных, стоящих сегодня на учете в Московском районе. Приплюсуем вспомогательные службы микроструктуры, ведь для комбината строился жилой массив со школами, детсадами, больницами, которые должны были находиться на его балансе. Прибавим еще тысячи крестьянских хозяйств, для которых комбинат мог быть главнейшим рынком сбыта выращенной сельхозпродукции.

А сколько можно будет построить предприятий пищевой промышленности, работающей на сырье комбината, включая фарм. завод!

И все это не сказки, а реалии завтрашнего дня.

Спрашивается, в чем же дело, почему до сих пор простаивает новейшее оборудование, в бесконечных очередях импровизированных бирж труда, стихийно созданных на перекрестках дорог, стоят тысячи высококвалифицированных работников, с надеждой поглядывающих на заводские трубы, ожидая когда они задышат, оживут. Да, есть тому конкретные виновники, для коих Уголовный Кодекс Кыргызстана не предусмотрел еще статью, которым невыгодно, чтобы бочаге стала наша республика, сытыми стали все ее граждане.

Первым среди них можно назвать магната сахарного и спиртоводочного магната, президента АО "Бакай" и "Кошой". Работая на импортном сахарном сырце, он достиг огромных успехов, стал диктатором цен. И его можно как-то понять. Сегодня его склады забиты до отказа сахаром, полученным из сырца, себестоимость которого больше 14 сомов за килограмм. Сегодня, когда работает только один из построенных у нас семи сахарных заводов, у него еще есть надежда сбыть свою продукцию после того, как "выдохнуться" каиндинцы со своим дешевым сахаром. Потом он снова скажет свое "я". Разве его волнует, что простому люду его сахар станет горьким?!

Вот он и делает все возможное, чтобы другие заводы не работали вообще, или прибрать их к своим рукам. Многое уже удалось сделать. Так, приобрел он уже достроенный Новотроицкий сахзавод и решил напичкать его оборудованием, хитроумно приобретенном в Беловодске, то бишь на названном предприятии.

Его не волнует то, что для демонтажа там современного и новейшего оборудования придется ломать корпуса завода, так как оно монтировалось одновременно с их возведением. Не волнует и то, что Новотроицкие корпуса не рассчитаны на это оборудование и их также придется ломать. Он-то ведь не потеряет ничего. А если и придется потратиться — многострадальные кыргызстанские сладкоежки возместят ему все убытки, вынужденно покупая его продукцию по любой цене.

Есть и другие умники, которые мечтали нажиться на выкупке незадействованного оборудования и материалов, думая купить все это по остаточной стоимости. Что это такое, мы уже проходили. Знаем, что при желании можно довести эту стоимость до нуля. Да только ребята из Фонда Госимущества оказались теми, кем и должны были быть. Они дали “добро” на продажу того, что не нужно комбинату при маленьком “но” — по рыночным ценам (!) и сразу отбили охоту “покупателям”.

Вот эти, названные выше деятели, имея доступ в высокие кабинеты, до сего времени смогли убеждать сидящих в них господ не трогать ни этого комбината ни других ему подобных. И напрасно бились лбом о бронированные двери этих кабинетов стоящие граждане республики, болеющие за судьбу своего народа. Не смогли ничего добиться ни руководители комбината, ни, возглавлявший тогда район, лично мной уважаемый Г.Давиденко. Но сегодня, с приходом нового руководства правительством, наконец-то засиял огонек в конце тоннеля. Делаются первые попытки материализовать Указ Президента от 23 июня 1998 года за № 202 “Об увеличении производства сахарной свеклы и развитию сахарной промышленности республики”. Один за другим появляются обнадеживающие документы, предписывающие изыскать средства для выделения комбинату необходимые два миллиона долларов США на скорейший ввод в действие отмежеванного от комбината сахзавода.

Слово председателю ГАО КПСК А.Саматкулову:

— Разумеется, государству сегодня такой крупный комбинат не понятен. Но если мы достроим сахзавод, то тогда сами введем в действие остальные заводы комплекса за счет, наработанных на производстве сахаре, средств.

Остается удивляться мужеству и высокой гражданственности Ашима Саматкуловича, сумевшего со своим коллективом сохранить все оборудование. Проходя по многочисленным цехам, я думал, неужели действительно восемь лет стоит так и не заработавшее оборудование? Кругом чистота, как будто все рабочие только что вышли пообедать. Все сохранено и готово вступить в работу с

нажатием необходимых кнопок. И все это сохраняли люди, практически ничего не получая за это, кроме мизерной зарплаты, выдаваемой от случая к случаю, с задержкой на несколько месяцев.

Хочется верить, что наступит прозрение у наших власть придержащих, и все они расставят по своим местам. Да вот только осуществится ли мечта Геннадия Валерьевича? Ведь задумка-то его была реально осуществима. Для этого, в первую очередь, нужно было запустить крахмало-паточный завод. Даже не запустить, а заставить его работать на полную мощность. Он уже давно пришел к выводу, что только сами беловодцы смогут это сделать, потому что только они, и это очевидно, заинтересованы в том, чтобы гигант жил. Это их надежда. Не будет работы, опустеют улицы села, так и не дождавшись, когда Беловодское станет называться городом.

Где-то записано, что Давиденко по поводу дальнейшей судьбы комбината принимал восемьдесят семь делегаций из десятка стран, которые проявляли к гиганту определенный интерес. Только с интересами кыргызстанцев их интересы мало когда совпадали. Вот если бы задарма все это добро отдавать или львиная доля прибыли от работы комплекса заводов доставалась претендентам, то бесспорно все бы они стали вкладывать в их развитие свои инвестиции.

И все же, больше всего иностранцы думали о том, чтобы этот гигант заморозить, не допустить конкуренцию.

Поэтому Геннадий Валерьевич не раз выходил с предложением — передать району, поначалу — крахмало-паточный, а потом уже и все остальное. И то, что уже заработала эта миниатюра, как первая очередь всего комплекса, заслуга его полная. Весь район смог поднять он, чтобы изыскать средства на его пуск. Сегодня в Беловодске считают, если бы Давиденко не оставил район, то сбылись бы мечты москвитян, опустели бы, стихийно создаваемые "биржи труда" Тоскливо стало бы пивнякам, что ведут сейчас бойкую торговлю разливным пивом на перекрестках, где скапливается толпа в надежде найти работу за любую цену, хотя бы на один день.

Иногда задумываешься — а видят ли все эти толпы по всей нашей республике государственные мужи? Пожалуй, нет! Из окон их высоких кабинетов не видать перекрестков, а перед проездом через них высокопоставленных чиновников, милиция добросовестно разгоняет немилое взору зрелище.

Когда позади пятьдесят лет, пусть даже заполненных до отказа большими и славными делами, когда уже многократно казалось, что дальнейшая жизнь не имеет смысла, но ты еще полон сил и энергии, значит все еще впереди. А те пятьдесят лет, прожитые тобой, всего лишь просто начало.

Уже прошли первые два года второго полувека. Они полностью относятся к работе Геннадия Валерьевича в Ысык-Атинском районе. Пусть там еще не успели туго завязаться драматические узлы, да и будут ли они вообще? Давиденко не любит "хвостов" и, что называется, обрубает их на ходу, не кривя душой, не откладывая на потом нерешенные проблемы. Поэтому, в основу дальнейшего изложения легли личные впечатления тех ысыкатицев, с которыми он работает и, конечно же, короткий рассказ о каждом из них, чтобы было убедительно мое неоднократное утверждение, что не было бы того Давиденко, о котором все главное в этой книге, если бы не было того прекрасного окружения, в котором он живет и трудится.

Я уже достаточно много прожил для того, чтобы неоднократно убедиться в справедливости своего вывода в том, что чья-либо внешность находится в полном соответствии с самим содержанием. При этом не имеется в виду первое впечатление. Скажем, слащавость, пусть даже граничащая с изысканными светскими манерами, может быть главным признаком человека, способного на самые мерзкие поступки. Диспропорция черт лица от рождения, или в результате изуродования их несчастным случаем вызывает у его владельца ненависть ко всем и всему. Несмотря на эйфорию благородных поступков, в самый ответственный момент этот человек может совершить непредсказуемый поступок и даже предать. Но если же у человека доброе лицо, веселые или с грустинкой, но всегда открытые глаза, то и поступки его всегда добрые. Он не подведет, не совершит, не оставит в беде.

Последний раз я в этом убедился, когда познакомился, если можно так сказать, с руководителем еще одного хозяйства — председателем крестьянского объединения "Эмгек", что находится в селе Люксембург, хотя какой именно статус определили для него крестьяне, тогда я толком и не узнал, не мог узнать. Много раз проезжал я мимо него еще и в те времена, когда оно было на вершине своего расцвета. Тогда о нем ходили, прямо скажу, легенды, и недостигаемость для других, по целому ряду позиций, была очевидна. Само название села говорит о том, какая национальность тружеников преобладала в нем. Этим и объяснялись все достижения. Естественно, все это кануло в лету. И все же, интересно было узнать, чем и как живут сегодня там люди, тем более, хозяйство это теперь подотчетно моему главному герою. Вот и решил, наконец-то, заглянуть туда, познакомиться с руководителем, поговорить по душам, узнать его мнение об их акиме, о перспективе развития хозяйства, хотя бы на ближайшее время.

Попросил я своего доброго приятеля, бизнесмена, который на этот раз, изыскав возможность, катал меня на своем "Фиате" по району, чтобы поставил он свою легковушку где-нибудь в тени и подождал меня. Разговор-то обычно у меня в таких случаях длинный, и ждать приходится долго. Подхожу к парадному подъезду двухэтажного здания, где расположено правление. У входа стоят трое мужчин. Спрашиваю, здесь, мол, председатель или нет.

— Ну я здесь, слушаю Вас, - холодно, высокомерно сказал один из них. — Какие вопросы?

В его холодном, безучастном лице я прочитал, нежелание вообще со мной говорить. Повернулся я к своему спутнику, который следом пришел за мной, и понял, что и до него мгновенно дошло то, что на сей раз мы приехали зря. Но просто так взять и уйти, прекрасно понимая, что делового разговора не состоится, мне не позволила журналистская этика. Вот и пропел я ему свою заученную песенку, что пишу, де, книгу о главе их райгосадминистрации и хочу узнать мнение здешних руководителей о нем. Он мне мог бы вообще ничего не говорить. Все было более чем красочно написано на его постном, неприятном лице. Но я терпеливо выслушал:

— Ну и пишите. Я-то тут при чем? Работает он у нас совсем немного. Год всего. Я его почти не знаю. Лично для меня он ничего не сделал. Ни плохого, ни хорошего. Вам нужно поговорить с его замами, с которыми он видится каждый день или в других районах, где он долго работал.

— Но ведь я не прошу от вас его полной служебной характеристики, - попытался я все-таки развязать разговор. — Скажите, каким он вам показался с первого взгляда, какое произвел впечатление?

— Да никакого. Человек как человек...

Видимо, он хотел сказать, что такой как все. Работает, мол, ну и пусть работает. Но мне это уже было неинтересно, и я поторопился попрощаться. А он даже не попытался как-то удержать меня. Ну, по крайней мере, пригласить хотя бы к себе в кабинет. За много десятков лет своего сотрудничества в прессе я что-то не припомню столь беспардонного к себе отношения. Ведь я не просто какой-нибудь случайный собеседник, а представитель многотысячной когорты своих читателей. И вопросы, которые задаю своим собеседникам, не мои, а их интересы. И если он может так относиться с подобными мне, то как он относится к своим рядовым подчиненным?

Обо всем этом я думал по дороге на Кантский цементно-шиферный комбинат, где на два часа дня мне была назначена встреча его директором — Ильей Семеновичем Безсмертным. И

робость одолела меня. Если какой-то руководителишка, фамилию которого я даже нигде не слышал, может себя так вести, то как же меня встретит, можно сказать, звезда первой величины, глава крупнейшего ныне предприятия республики, который вхож в самые высокие кабинеты, стоящий на равных с министрами, человек, от действий которого зависит экономический потенциал не только района и области, но и всего государства?

Вообще-то идея заехать в Люксембург у меня появилась в результате высвободившегося времени. Главная же цель дня была поездка, на цементный, и еще на один завод. Но это уже из пищеперерабатывающей отрасли. ОсОО "Компания Кант-вино" — предприятие пока еще не на столько известно, чтобы о нем знали все. Даже жители села Новопокровка, где оно находится, особо не представляли, что это такое. Но все равно, нашли его мы быстро.

Встретил нас молодой директор — Туратбек Галиярович Укубаев. Я даже не поверил, что этот двадцативосьмилетний милевидный, можно сказать, юноша является им. Вообще-то, в свои молодые годы, он уже достоин того, чтобы поставить его в пример другим бизнесменам. Он предпочел производство коммерческой деятельности. Да ведь и начал-то с нуля, не имея за душой ни гроша.

Готовясь к своей собственной свадьбе, он вдруг обнаружил, что в нашей республике остро ощущается нехватка шампанского. Да, именно его, хотя, казалось бы, мы имеем огромный шампанкомбинат, который экспортировал свою продукцию не только в ближнее, но и дальнее зарубежье. В чем оказалась проблема? При резком подорожании всего значительно снизилась потребляемость этого десертного слабоалкогольного напитка. И производить его на сверхмощном современном оборудовании, когда оно, преимущественно простаивает, стало просто невыгодно. Цену-то ведь бесконечно поднимать нельзя. Да ее еще и регламентируют заморские полуискусственные вина. Мы уже привыкли предпочитать всякого рода ширпотреб натуральным не только товарам, но и продуктам питания.

Вот и вбилась в голову тогдашнему жениху идея построить мини-завод с маломощным оборудованием, где бы мог преобладать ручной труд, как менее дорогостоящий. Вообще-то винопроизводство для Туратбека было делом не новым. Его тетя работала в винсовхозкомбинате "Ала-Тоо" ведущим виноделом, и дома, в этой связи, было немало необходимой литературы. И засел молодой физик-инженер за штудирование наук, которых в национальном университете, законченном недавно, ему не преподавали. Когда сам убедился в том, что новое дело ему под силу, сумел убедить в нем

всех своих ближайших родственников и хороших друзей, что дело это стоящее. И началась работа.

Приобрел небольшой участок в Новопокровке, где жили его родители. В первую очередь нужно помещение, отвечающее всем требованиям: и санэпидстанции, и архитектуры, и... многих-многих "и". Пришлось заложить все, что было. Строилось все из самых дешевых материалов. Добровольные помощники о зарплате и не заикались. Все основывалось на голом энтузиазме. Расчетом за труд была гарантия дальнейшего трудоустройства на построенном предприятии.

Оборудование "стряпалось" из ничего. В буквальном смысле, молодой директор облазил все мусорки, свалки металлолома. Кое-что купил на, прекративших свою трудовую жизнь, предприятиях. При этом сам Туратбек был и инженером-конструктором, и прорабом, и главным технологом.

И начал жизнь завод, забурлила в его недрах кипучая, пенная, искрящаяся всеми цветами радуги, сладкая хмельная жидкость. Специалисты самых высоких рангов оценивали ее как конкурентоспособную не только на внутреннем, но и на международном уровне. Сам Аскар Акаев приезжал на заводик поздравить молодого директора с его первой в жизни победой. Ведь невозможно опровергнуть то, что он превзошел своих, умудренных опытом, именитых коллег.

Сегодня это молодое предприятие, чуть становящееся на ноги, уже дает району добрую половину всех денежных поступлений в казну от всех подобных ему предприятий, которых там десятки.

Но если нет роста, перспективы развития, нет и смысла в предпринимательской деятельности. В данном же случае, дальнейшему самосовершенствованию не хватало территории. Была, конечно, возможность расшириться за счет расположенного рядом пустыря. Но кому это, кроме виноделов, нужно было, даже в районном масштабе? Было обидным, что в районе никого не интересовали ни проблемы винзавода, ни даже то, где он находится.

Все изменилось, когда район возглавил Геннадий Валерьевич Давиденко. Он, можно сказать, первым из руководителей его ранга посетил молодое предприятие, вник в его проблемы и оказал самую действенную помощь. И при этом, не надрываясь, не терзая районный бюджет. Просто сказал: — "Добро!" - и все. А что это значило?

Как уже было сказано, в Новопокровке, где построен заводик, живут родители Туратбека, бывшие колхозники, которым положена их земельная доля. Но как добиться, чтобы она пришлась именно на тот

пустырь, что располагался рядом, если районному руководству было все, простите, "до лампочки".

Вот тут-то и проявил себя новый аким как мудрый руководитель, считающий своим священным долгом всемерно обогащать районную казну, использующий все возможности сделать это быстрее и безболезненней. И вполне хватило только одного положительного кивка его головы.

Земля сейчас выделена, огорожена вся ее полуторагектарная площадь временным, хотя и бетонным, забором. Но почему временным, если решение есть и все сделано на законном основании, закреплённом в высшей районной инстанции? Но тут оказалось помехой это stokлятое "но". В нашей Конституции ясно сказано, что земля крестьянину отдается для производства продукции земледелия. Но ни в коем разе нельзя превращать ее ни в свалку мусора, ни в космодром, ни еще во что-нибудь.

Так что теперь нужно другое решение правительства. Но скажите при этом, кто там в правительстве будет прислушиваться к совету или просьбе молодого бизнесмена? А вот если с этим же предложением поднимется на седьмой этаж "БД" сам глава райгосадминистрации, или по его хадатайству губернатор области, то, наверное можно будет решить и этот вопрос. Так что Туратбек Галиярович уверен, что Давиденко не зря время от времени заезжает к нему, заинтересуется как идут дела. Завод будет жить и расширяться, улажая любителей чудесного напитка новыми и новыми сортами.

У самого же Геннадия Валерьевича по отношению к винодельческому производству — своя стратегическая линия. Если сегодня оно дает пятьдесят рабочих мест, то когда начнутся работы по строительству более крупного завода и его эксплуатация, не менее двухсот, ныне безработных новопокровцев, будут исключены из списков в районном бюро занятости населения. А если к этому добавить и создание своей виносырьевой базы, число рабочих мест еще увеличится вдвое-втрое.

Эх, если даже учесть только это, то можно с твердостью сказать, что не зря живет на этом свете и ест народный хлеб Геннадий Валерьевич Давиденко, наш замечательный современник.

Рассуждая об этом, ровно к двум часам дня мы подкатили к цементно-шиферному комбинату. Как и было договорено, Илья Семенович нас ждал, и когда секретарь доложила ему о том, что мы приехали, сразу же пригласил нас к себе. И вот перед нами распахнулась дверь просторного кабинета, меблированного для производственных совещаний и встреч с деловыми людьми. Ничего лишнего, никаких шедевров малой архитектуры. Рядом с рабочим столом хозяина кабинета огромная электрифицированная карта-

схема комбината, по которой ясно видно, что предприятие работает и здравствует. Сам же он дружелюбно ответил на наше приветствие, и волнение, вызванное высотой официального приема, словно ветром сдуло. Не знаю как для моего спутника, но для меня, по роду профессии, подобная встреча была не новостью. Приходилось не раз один на один беседовать и с весьма влиятельными министрами, и с губернаторами. Имел аудиенции с главами союзных республик. А когда был еще семнадцатилетним парнем, поделил праздничную трапезу на пышном застолье с Никитой Сергеевичем Хрущевым. Помню даже, рассказал ему один модный тогда анекдот про целинников. А он, поинтересовавшись кто я и узнав, что я в райкоме комсомола непосредственно занимаюсь сельским хозяйством, спросил у меня: сколько баранов пасется в районе в пересчете на один квадратный километр. Я эту цифру специально приготовил для встречи и сразу ответил: один и три десятых. Тогда он весело, со свойственным ему юмором, спросил:

— Ну как ты думаешь, не скучно ли ему со своими тремя десятками на такой огромной территории?

Но тут вмешался секретарь райкома партии:

— Понимаем, Никита Сергеевич. Сейчас ведутся работы по значительному повышению поголовья.

Сейчас мне вспомнился этот эпизод потому, что я понял с первого же момента встречи, что с Ильей Семеновичем можно также откровенно и непринужденно беседовать как с тем великим борцом за мир и высокоурожайность кукурузы. Вообще-то и раньше у меня была попытка протиснуться в его апартаменты. Но грозный страж у его дверей — хозяйка приемной, грудью встала на их защиту, и никакие доводы не могли убедить ее в необходимости моего визита. И только после того, как я настоятельно уговорил Геннадия Валерьевича организовать с ним встречу, для меня открылись двери. Давиденко же почему-то считал, что написание книги о нем — это его личные интересы, и неудобно отнимать время столь занятого человека. Он так и сказал:

— Разве мало людей, которые знают меня?

При этом не добавил, но я догадался, — по-видимому он полагал, что Илья Семенович может позволить себе по отношению к нему некоторое высокомерие. И так думать у него были все основания. Как известно, Давиденко в совершенстве владеет кыргызским языком и при разговоре, незаметно для себя, может перейти на него с русского. Понятно, что Это не всегда нравится тому, кто государственного языка не знает. Но никто об этом вслух заявить не смел. Никто, кроме Безсмертного. Как-то на совещании он вслух так и заявил, что если и впредь будет вестись разговор на

языке, который многие слабо понимают, он покинет совещание. Конечно, все в курсе — кто для директора производственного магната такая фигура, как глава райгосадминистрации? Видел он и пережил всяких. И все они уходили, не оставив о себе, порой, даже доброго слова. Сам же он на слуху у всех. На него с надеждой смотрит сам Президент. И поэтому, только поэтому, моим первым вопросом был:

— Скажите, пожалуйста, как вы относитесь, с высоты своего положения, к Геннадию Валерьевичу, именно как к человеку?

Илья Семенович слегка задумался. Но потом, со свойственным, видимо, ему глубокомыслием, начал:

— Разумеется, в рамках подчиненности я подотчетен районному руководству. И никогда себя не возвышаю ни перед кем. Но, поверите ли, прежних районных акимов я как-то просто не замечал. Не только я их, кажется, и они меня. По крайней мере, их не волновали ни мои проблемы, ни проблемы моего предприятия. Аккуратно плачу налоги, выполняю их любые просьбы помочь то одному, то другому и все тут. Даже на комбинат редко кто из них показывал свой нос. Как говорится, не мешали мне. Но ведь и не помогали! Да и вообще, думали ли они, чем и как можно помочь мне? И нужно ли это? А знаете, порой как это нужно?! Ведь иногда хочется, чтобы приехал кто-нибудь из района и поговорил со мной просто так, как с человеком, а не с неиссякаемым источником средств, пополняющим бездонную бочку, называемую районной казной. А ведь за мной стоят люди с тысячами проблем, которые, порой, решаются на районном уровне. А вот Геннадия Валерьевича я глубоко уважаю за то, что он прекрасно понимает все это и постоянно наведывается к нам, иногда только для того, чтобы посоветоваться, вместе со мной подумать как жить нам дальше, как сделать, чтобы меньше терзали предприятие, не отвлекали по пустякам.

— Но кто Вам может мешать? Ведь Вы же можете выставить за дверь и послать подальше любого налогового или, скажем, прокурора?

— Ой, нет! Вы не правы. Зачастую они приходят в меру исполнения своего служебного долга. Все мы должны это уважать, а не то можно докатиться и до анархии. Мы, а не кто иной должны быть образцом законопослушания.

— Так кем же для Вас является Давиденко? И вообще поддерживаете или нет Вы саму идею написать о нем повесть?

— Поддерживаю. Больше того, чем смогу, помогу. Вы только пишите. Если она будет стоить того, чтобы ее издать, то мы возьмем на себя эту проблему. Пусть не полностью, но как я уже сказал, чем сможем — поможем. Геннадий же Валерьевич для меня — огромный авторитет. Не так уж много я встретил в своей жизни таких

руководителей как он. И пусть сейчас пока я ему могу помочь в его деле в сто раз больше, чем он в моем, все равно — он делает для меня многое.

— Мне уже несколько раз говорили, что немалая заслуга вашего нынешнего акима в том, что он может подняться в высшие инстанции, где его выслушают лучше, чем каких-то руководителей мелких предприятий. Вам же это ни к чему. Вас и без него послушают.

— О, нет! Как это важно, чтобы там, наверху, чувствовали наше единение! А если говорить о помощи, которую оказывает сейчас аким, то посмотрите, сколько у нас ожило предприятий при его участии. Думаю, ему еще многое удастся. Раньше, что греха таить, основная надежда в районе была только на нас. Вот и терзали наши доходы, как могли. Теперь же, уже появляются другие источники для решения проблем. И это я отношу полностью в актив Геннадия Валерьевича. У меня появилась уверенность в том, что если так пойдут дела и дальше, то жить мы сможем!

Разговор наш мог длиться еще долго. Но цель моя уже было достигнута. Я воочию убедился в том, что Безсмертный считается с ним, уважает как непосредственного администратора, наконец, как человека. А то, что когда-то на совещании пришлось его резко одернуть, требуя уважения и к тому, кто плохо понимает государственный язык, так это дело житейское. Всем нам свойственны какие-то огрешности и недостатки.

Мы не простились, покидая ставший совсем уютным кабинет, и договорились встретиться относительно затронутой темы еще. Даже хозяйка приемной как-то добродушной посмотрела теперь на нас. А на проходной грозные блюстители режима комбината не стали, как обычно, придирается к тому, что мы забыли сделать отметку в пропуске.

Мой спутник, который старался воздерживаться во время нашей беседы от принятия в ней активного участия, заговорил, восхищаясь образом нашего нового знакомого, не жалея эпитетов, (что совершенно ему не свойственно). Если сконцентрировать все их в одно предложение, то по его мнению, у Безсмертного пронизательный и умный взгляд как у Кашпировского, голос как у Шаляпина и могуч он как Иван Поддубный.

Ну насчет Шаляпина и Кашпировского я не знаю, а то, что он действительно, в свои 61 выглядит как мужчина, полный сил и энергии, это точно. Умный взгляд его аристократически утонченного интеллигентного лица, манеры поведения при деловом разговоре, умение полностью выслушать, не прерывая мысли собеседника, делает его обаятельнее, а по-молодецки слаженное атлетическое

телосложение подчеркивает его, теперь уже далекое, спортивное прошлое.

Впрочем, он и с Геннадием-то познакомился впервые еще давным-давно, когда находился в апогее своей спортивной славы. С тех пор еще немало приходилось им встречаться, когда тот находился при исполнении обязанностей буквально всех рангов. Особенно впечатлительными были встречи, когда он был членом областной коллегии, а Давиденко возглавлял Жайыльский и Московский районы. Тогда заметил он в нем умение, не роняя своего достоинства, которым дорожил больше всего на свете, постоять за себя, убедить в своей правоте и даже, если нужно, выполнить, пусть нелепое постановление коллегии, оставляя за собой право не считать себя виновным, если проявится, где-то предсказанная им, нелепость. И эта напористость, если хотите, заносчивость, подкреплялись его абсолютной бескорыстностью и глубочайшим пониманием того, что он защищал. Ему не прощали дерзости. Просто делали вид, что ничего подобного не заметили.

Отнести же его к баловню судьбы просто невозможно. Бывало, идя "ва банк", он рисковал как самый азартный игрок. И всегда, почти всегда, выигрывал. А если и проигрывал, то делал это с достоинством, как настоящий рыцарь.

Сегодня Кантский цементно-шиферный комбинат признан одним из лучших в мире. Его продукция котируется на уровне, превосходящем общепринятый мировой стандарт, чему свидетельствует заслуженная недавно "Платиновая Звезда", что больше, чем красноречиво, подтверждает полученное письмо из Мадрида, датированное 14 сентября 1999 года, подписанное председателем Международной Конференции по качеству Альфонсо Касалем.

Думаю очень кстати привести его текст полностью.

"Уважаемый Генеральный Директор!

Позвольте выразить Вам искреннее признание и поздравить Ваше предприятие в связи с присуждением приза Международной Платиновой Звезды за качество. Вручение награды состоится в Мадриде, столице Испании на ежегодной конвенции 22 ноября.

Основная задача церемонии Международной Платиновой Звезды заключается в отборе и награждении предприятий, деятельность которых достойна высшего признания. Являясь директором по качеству и руководителем Бизнес Презентаций конвенции, хочу особенно отметить присуждение приза Международной Платиновой Звезды за качество Вашему предприятию, как достижение высшей конкурентоспособности,

позволяющей значительно выделиться по сравнению с другими фирмами.

Приз Международной Платиновой Звезды за качество подтверждает постоянное стремление Вашего предприятия к совершенству. Ваше присутствие на конвенции и получение приза будет доказательством стремления к совершенству, постоянному удовлетворению клиентов и мотивации персонала.

Это является подтверждением победы Вашего предприятия....".

Говоря короче, будет наш земляк в Мадриде представлять не только свой комбинат, но и район, область, Республику Кыргызстан, наконец. Разве это достижение не является доказательством искреннего патриотизма Безсмертного? Разве только о себе думал он, доводя до совершенства свое производство?

Некто скажет: "Да причем тут главный герой повести, ведь он совершенно не причастен к этой победе?" Позвольте возразить! Если он душой и сердцем воспринял все беды района, то почему ему не порадоваться за его достижения, почему бы нам — его землякам, не порадоваться вместе с ним и с теми, кто рядом с ним кует победу во славу своего народа, во имя процветания?

Если на цементно-шиферный комбинат как-то еще обращали внимание и правительство республики, и район, то ОсОО "Рассвет", что находится также в Ысык-Атинском районе, позабыли все. А ведь когда-то, еще совсем недавно, кирпич, который вырабатывался там, был признан одним из лучших в республике, что приносило в ысыкатинскую районную казну немало средств, а его руководству, да и всему району, славу.

В горечи сокрушается его нынешний директор Каныбек Сапикович Сапиков:

— Мы сегодня прочно загнаны в экономический угол. Оборудование настолько изношено, что эксплуатировать его уже просто опасно. А новое купить не на что. Отремонтировать негде. Раньше этим занимался Кантский ремзавод. Но сегодня он разграблен и уничтожен. Но главная беда в том, что уехали лучшие производственники, незаменимые специалисты. Кто сейчас в Германии, кто в России. Наша Ивановка была исконно русским селом, что соответствовало его названию. Сегодня же, если подвести ее к национальному соответствию, это больше "Дунгановка". Возможно, дунгане и неплохие огородники, переквалифицировавшиеся сейчас в незаурядных "торгашей", но в горячие цеха с вредным производством их и судом не загонишь. А что творят чиновники наверху?! Вы были свидетелями, как Давиденко рассудил нас с силикатчиками. Казалось бы, решение есть, указания, кому надо, все получили. Но ведь целых

три месяца после той нашей встречи дело так и не двигалось. Все застряло на уровне районного землеустройства. Что там хотели? Может быть "на лапу"? Так сказали бы честно. Так нет! Тянули-тянули. Только после того, как я, не выдержав, спросил: "Может быть мне снова обратиться к Давиденко?" - зашевелились.

Подумав немного, Каныбек продолжил:

— Заинтересовались нашим производством немцы. Решили выделить нам технический кредит через Фонд поддержки малого и среднего бизнеса. И вот чиновники, опять же наши любимые братья по крови, все тормозят. Казалось бы, чем они рискуют? Завод имеется. Заработает на полную мощь, и посыпятся денежки. Девать некуда будет. Рассчитаемся с лихвой. Так нет, вынь и дай им сегодня же. Но где взять, если мы живем на грани гибели, кое-как рассчитываемся? Слава Богу, никому не должны. Едва, правда, наскребаем на зарплату, чтобы последних людей не растерять. А раньше работать на заводе было престижно. Здесь была самая высокая в районе, да и во всей округе, зарплата. На замещение вакансий можно было смело устраивать конкурс. Да вот только свободных должностей трудно было найти. Отец, уходя на пенсию, передавал свое место сыну и так далее.

Как много хотелось еще сказать! Сколько всего накопилось на сердце у этого, болеющего за дело, собеседника! Его красивое, кругловатое лицо с черными глазами, так и говорило, нет, кричало о безысходности нашей гибели, пока бразды правления в руках слабоумных казнокрадов, не понимающих, или не желающих понять простой истины — дай сегодня подняться нашему государству на ноги, и сами же они потом заживут лучше.

— Ну неужели это мне (!) надо? - продолжал сокрушаться он. — В меру своей тупости они не могут понять, какой вред наносят и государству, и себе тоже. Когда впервые речь зашла о немецком кредите, марка не стоила и десяти сомов. Сегодня же эта цена возросла чуть ли не втрое. А дело-то ведь так и не сдвинулось с мертвой точки.

В том, что в "верхах" у нас сидит ряд недоумков, или откровенных врагов народа, мне лично ясно уже давно. Трудно, неимоверно трудно, будет нескольким десяткам и даже сотням таких толковых руководителей, о которых я уже написал и, конечно же, как мой очередной герой — Каныбек Сапикович, спасти страну, пока власть в руках бездарей и стяжателей. Собирая материал, встречаясь с лучшими из лучших руководителей я понял, что при их разноразличности, и, несхожести во многом характеров, едины они в одном. Все понимают, что особого труда не представляет спасти нашу страну. На первых порах было бы достаточным в корне

изменить нашу таможенную политику. Скажем, если бы даже полностью ликвидировать таможенную пошлину на импортированное сырье, компенсировав это многократным увеличением пошлины на импортированный товар законченной формы, и наоборот, до минимума сократить пошлину на экспорт начального сырья, такого как шерсть, кожа, металл и прочее, как бы мы выиграли! Буквально завтра же заработали бы предприятия легкой и местной промышленности. Не шерсть, кожа, хлопок, которые практически не дают нам никакого дохода, а современные костюмы, обувь, галантерея, не имеющие равных по качеству и цене во всем мире. Наши ковры, трикотаж в самое ближайшее время оживили бы нашу экономику. Даже внутренний рынок отказался бы от импортной китайской, корейской и даже европейской "туфты", если бы она вдруг подорожала из-за перестроенной таможенной политики. А подешевевшие наши отечественные изделия, производство которых полностью поглотило бы излишки рабочих рук, спасли бы нас от неминуемой гибели.

Эй, вы, там — наверху! Слышите ли вы этот голос — голос представителя миллионов кыргызстанцев, ждущих от вас мудрые решения?

Что же касается Сапикова, то он не торопится давать оценку действиям властимущих мужей. Осторожничает. Делает, видимо, вид, что в политику лезть не хочет. Не его, де, это дело. Но разве не он, не те как он, сегодня эту политику делают, если от их действий или бездействия зависит будущее нашего молодого государства. Именно от таких умных и дальновидных. А от их оппонентов — только крах и гибель всему нажитому нашим народом, которому завещал великий предок Манас беречь и крепить нашу землю.

Сам же Каныбек Сапикович для его должности еще совсем молодой. И хочется верить, что дела у него пойдут в гору. Уверенность эта появилась у него, когда район возглавил Геннадий Валерьевич.

— Самое главное, что вселяет в меня уверенность, это глубокая порядочность Давиденко. Я ему верю. Если он сказал мне, что поможет быстрее оживить завод, значит оно так и будет. И еще я удивляюсь его вездесущности. Он бывает везде. В кабинете его найти трудно. Всегда куда-то спешит, хотя никуда никогда не опаздывает. Если сказал, что будет там-то, в такое-то время, значит так оно и будет. Он строг, прежде всего, к себе. Мы его не боимся, а уважаем. Только поэтому беспрекословно выполняем его указания и советы.

Тогда как же понять, когда тот же землеустроитель под самым носом у акима может позволить какое-то беспардонство? Лично мне

кажется, что вина в этом тех, по отношению к кому названная служба устраивает волокиту. И таких горе-работников жалеть не нужно. Если бы Геннадий Валерьевич своевременно получал информацию о "бескорыстности" подчиненных, давно бы принял к ним самые радикальные меры. Так что давайте с этим пороком бороться сообща, не боясь кому-то сделать неприятность, которая может обернуться бумерангом.

Уезжали мы с твердым намерением встретиться с Каныбеком еще, по крайней мере, один раз. Сердечно поддержав идею о написании книги, он предложил от себя лично и от его коллектива, при необходимости, оказать посильную помощь в ее издании. При этом добавил:

— Очень жаль, что слишком мало осталось таких, имена которых можно было бы увековечить на страницах Вашей книги. Но я был бы бесконечно рад, если бы ее читатели узнали о тех, которые до последнего момента остались верны своему заводу, которыми я горжусь. Это главный экономист Дина Ракитовна Солоденко, и, конечно же, ветеран нашего предприятия обжигальщик Анатолий Алиулов. Это от его мастерства зависит, в первую очередь, качество нашего кирпича. А впрочем, я благодарен всем, кто до сих пор не уехал из нашей Ивановки и продолжает работать на нашем заводе или, уйдя на заслуженный отдых, с надеждой дожидается его возрождения. И меня вдохновляет то, что есть такие люди. Пусть их осталось совсем мало, но они есть. Значит, не зря я стараюсь.

Я с благодарностью вспоминаю о таких людях и порой просто удивляюсь, почему их у нас не ценят? Вот, скажем, генеральный директор Кара-Балтинского горнорудного комбината Жалган Ийманбекович Казакбаев, большой друг Геннадия Валерьевича. Разве мало он сделал для Кыргызстана? Сколько миллионов долларов подарил он нашему государству! Да за это его нужно считать национальным героем. Так нет же, выкопали криминал, посадили. Время, а не суд (!) рассудит настоящую степень виновности этого, воистину, патриота своей Родины. Как бы оно ни было, нужно все-таки учитывать заслуги человека.

А какому позору подвергли другого, не менее заслуженного человека, президента фирмы "Бакай", на сегодня главного кормильца кыргызстанцев, Ибрагимова Мухамеда Тургуновича.

Не постеснялись посадить, под следствие. Слава Богу нашлись и у нас светлые головы, подчистую оправдали его. И при этом, ни у кого и мысли не появилось публично извиниться за нанесенный ему моральный и физический ущерб.

На весь мир разнесли весть о том, что, де, имеется у нас такая сволочь, как Жайсанбаев, укравший у своего народа

семнадцать миллионов долларов. А ведь каждому, сколько-нибудь здравомыслящему человеку понятно, что не присвоил он этих денег. По крайней мере, не мог. А если они в кошельках неплатежеспособных пользователей голубого топлива, на совести у нищих кыргызстанцев, которые не в состоянии уплатить за тепло их домашних газовых горелок. Так давайте же всех их пересажаем! Они-то, по крайней мере, этим газом пользовались. И не надо устраивать спектаклей с криминалом! Воров нужно искать в другом месте. Не буду повторять то, что знают все, потому что мало кто поверил в очередную газетную "утку".

Этим, мне кажется, невозможно подвести черту, в лучшем случае, бездарности тех, кто сегодня исполняет волю нашего парламента, стремящегося вывести республику из тупиковой ситуации.

Эта повесть писалась в дни, когда на юге республики гремела канонада, и стрекотали пулеметы необъявленной войны. Теперь, пока что не время разбираться, кто здесь виноват, кто прав. Над Родиной нависла угроза нарушения незыблемости наших границ. Все разборки еще впереди. Но уже сейчас можно смело сказать, что уж если не политику, то экономику Кыргызстана "стряпают" некомпетентные особы, плюющие на логичность своих действий.

Хотите еще доказательства? Пожалуйста!

Назовите мне такую страну, покажите ее на карте, где такая отрасль сельского хозяйства, как животноводство, была бы рентабельной. Не называйте и не ищите. Таковой нет и быть не может. Везде и во все времена животноводство считалось убыточным и дотировалось государством. Что же получается у нас? Давайте займемся немного арифметикой. Так, на уровне третьего класса.

Специалистам прекрасно известно, что для прокорма стада КРС в одну тысячу голов нужно иметь восемьсот гектаров только посевных площадей. Учтем, что лишь половина этого поголовья дает продукцию в виде молока и небольшая часть — в виде мяса. При идеальных условиях это стадо за год даст максимум полторы тысячи тонн молока. Переведем это в деньги при максимальной его стоимости того времени — 4 сома за килограмм. Итого получим шесть миллионов сомов. Прибавим еще сумму, полученную от реализации мяса в забойном весе, по цене даже сорок сомов за килограмм. Получим еще парочку миллионов. Вот и все. А теперь, из полученной суммы вычтем затраты на производство названной продукции и ужаснемся. Затраты намного превышают полученные доходы, и ни о какой прибыли речи не пойдет. Так какой же смысл производить продукцию, от которой одни убытки?

Вспоминается, как Борис Абрамович Орел славил своих животноводов, которые, де, в общественную копилку внесли около десяти миллионов сомов. По этому поводу уместным будет заявление Б.Бажана:

— Вранье! Такого быть не может! Животноводство у нас, как и во всем мире, убыточно.

Другое дело — производство зерна. Если взять те же восемьсот гектаров, что идут на получение продукции животноводства, и засеять озимой пшеницей, уж не говоря о яровой. Даже при самом низком урожае можно получить с этой площади восемьсот тонн зерна, что по цене пять сомов за килограмм даст четыре миллиона прибыли. Даже если на производство уйдет половина, и то — два миллиона будет чистой прибыли. А если это яровой клин со средним урожаем тридцать пять центнеров с гектара, то прибыль выйдет в десять миллионов сомов.

Так что же, хозяйствам прекратить заниматься животноводством?! Ведь сегодня они сами решают, сколько и чего им выращивать. Но оказывается, что простой сельский труженик мудрее даже самого высокопоставленного чиновника. Он не может допустить даже мысли — лишить свой народ столь незаменимых продуктов. Что же делать? Тут не надо изобретать велосипед, а поступать так, как делается во всем мире, наконец, в бывшем Союзе. А это значит, государство должно взять на себя расходы на производство молока, мяса и прочего, давать для этого крестьянину дотацию. Ну, конечно, если оно заинтересовано в том, чтобы его народ был сыт. А если это дело будет продолжаться в том же духе, то недолго то время, когда из рациона наших бедных кыргызстанцев будет исключено то, что сегодня они еще имеют возможность купить.

Меня интересуют, в первую очередь, те руководители, которые олицетворяли собой бескомпромиссную надежду на сколько-нибудь светлое будущее Кыргызстана. И я решил поближе познакомиться с руководителем одной из строительных организаций, что имеет главную контору в том же Люксембурге, Адилем Ниязовичем Халиловым.

По словам наших общих знакомых — это умнейший человек, сумевший нынче сохранить свое предприятие с двухтысячным коллективом строителей и выиграть тендер по осуществлению многомиллионного проекта по ремонту школ республики.

И вот, петляя по узким улочкам названного села, машина остановилась, наконец, в тупике. Дорогу нам преградили железные ворота, справа — железнодорожное полотно, а слева — двухэтажное административное здание. Минут десять я прождал, когда вышел из главного корпуса неизвестный мне мужчина, видимо,

кавказской национальности, невысокого, но довольно плотного телосложения. Оказалось, что это именно тот, которого я хотел увидеть. Но поговорить с ним на этот раз не удалось. Он спешил в командировку. Дело в том, что подразделения его предприятия разбросаны по всей республике, и у него просто не хватает времени для разного рода бесед. Но он с подчеркнутой корректностью попросил меня для лучшего знакомства назначить встречу на следующей неделе, когда он вернется из командировки.

Уже позже, мы договорились встретиться в ближайший выходной день, так как в рабочее время поговорить по душам просто не получится. Не дадут постоянные телефонные звонки и сотрудники, у которых всегда возникают проблемы именно тогда, когда у него самые неотложные дела. С нетерпением ожидаю время встречи, потому что действительно заинтересовал и он меня. Ну представьте себе, каким должен быть человек, который сумел сохранить такое предприятие, что называется выжить, не дать разбежаться лучшим специалистам и растащить все по кирпичикам, да по досточкам, как это произошло с сотнями других строительных организаций.

И вот он предо мной. Несмотря на то, что был нерабочий день, пришлось добрых полчаса просидеть в приемной, пока он не освободился. Как уже отмечалось, нашлись проблемы, которые нужно было решить именно сейчас. Но узнав, что мы ждем в приемной, Адиль Ниязович поторопился отпустить всех и приветливо пригласил в шикарный, со вкусом меблированный, кабинет. И хоть компоненты строгого убранства в отдельности не поражали взора, в комплексе они выглядели парадно, особо подчеркивая образ хозяина, как человека, навсегда расположившегося здесь, уверенно и с подчеркнутым достоинством. И не нужны были какие-то объяснения, что это за человек — Халилов, как идут у него дела. Кабинет сам говорил за него, как за прекрасного организатора производства, могущего все поставить на широкую ногу, с размахом и неповторимой рациональностью.

И поневоле я сравнил его кабинет с кабинетом главы района, в котором вырисовывался некоторый консерватизм. А если вернее, нежелание чего-то менять, поражать кого-то нововведениями, даже в мелочах.

Я обратил на оргтехнику, которой было уставлено все рабочее место хозяина. Это, и уже ставшие привычными, факсы и замысловатые телефонные аппараты и, конечно же, компьютер, без которого, по его мнению, просто невозможно быть настоящему руководителю уровня Халилова. И при нашей беседе, Адиль Ниязович время от времени прибегал к помощи буквально всего того, что его окружало. Цифры, факты, объемы, цены — пожалуйста. И

никакой при этом суеты, вызывания специалистов. С помощью этой техники Халилов буквально знал все и обо всем.

Пусть простит меня читатель, что я слишком часто и помногу отвлекаюсь от главного героя повествования и делюсь с ним впечатлениями о других, с кем работает Геннадий Валерьевич. А почему именно работает? Можно смело сказать, что и живет. Ведь для него работа и жизнь — понятия неразделимые. Так что не смог я удержаться и сейчас от того, чтобы хоть немного, лишь несколькими страницами рассказать еще об одном, полюбившемся мне человеке — Адиле Ниязовиче Халилове.

Родился он не где-нибудь, а в Канте, в 1947 году. Его родители поселились в наших местах еще в предголодном тридцать втором году, попав под раскулачивание. Нет смысла повторять уже затертую характеристику того времени. Все прекрасно понимают сегодня, кто такие кулаки. И как нет худа без добра, но именно этому явлению в жизни нашего государства обязаны мы — потомки, видя, как эти “враги народа” сделали цветущими некогда отсталые окраины сверхдержавы, как стали единой семьей представители многих десятков национальностей и народов.

При первой же возможности я обязательно подробнее напишу об этом, хотя, казалось бы, сегодня трудно чем-то кого-то удивить. Эта тема неисчерпаемая. Сколько людей, столько и судеб, неповторимых, не похожих на другие, считающихся обычными. И уж совсем необычная она у Адилы Ниязовича, но чем-то напоминающая судьбу моего главного героя. А, впрочем, они даже ровесники. Это поколение можно назвать вторым золотым поколением, после тех, что родились перед самой войной.

Без особого труда поступил Адиль во Фрунзенский политехнический институт. Еще студентом был замечен как неплохой организатор — вожак молодежи. И нашлись умные люди, сумевшие использовать это во благо общего дела. Еще будучи студентом, он возглавил стройотряд, работавший на восстановлении Ташкента после землетрясения. Поначалу был его рядовым бойцом. Тогда же был награжден своей первой наградой — Почетной Грамотой ЦК ВЛКСМ. Уже позже он потерял счет всем своим поощрениям самых высоких рангов и уровней. А первым признанием его особых заслуг было избрание в члены ЦК ВЛКСМ. Шесть лет кряду возглавлял он студенческие отряды. Пожалуй, самым смелым стало назначение его командиром сводного отряда, объединивший посланцев двадцати двух городов Союза, для восстановления разрушенного землетрясением приисскуля. Сотни домов, десятки школ — далеко не полный перечень того, что построено руками молодых, с радостью засучивших рукава, как поется в песне тех времен.

Эх, такой бы энтузиазм да сегодня! Не боялись бы мы ходить вечерами по затемненным обесточенным улицам, а радовались бы, как тогда, каждому достижению, каждой зажженной в новом доме лампочке, не завидуя, а радуясь. Наступят или нет еще такие времена, или так и будем мы с вами с ненавистью смотреть на сверхархитектурные особняки, построенные на грязные деньги?

Но главное, что навсегда осталось в памяти Адиля от тех времен — это то, что повстречал он одну, показавшуюся самой прекрасной в мире, телефонистку Галю. Три месяца длился их телефонный роман. Ведь это тоже редкость, когда молодые люди влюбляются по голосу, не видя друг друга и даже не представляя их визуального образа. Случай свел их вместе, и они сразу же узнали друг друга. Да нет, пожалуй, не узнали, а просто почувствовали, что именно они обладали единственными в мире, неповторимыми голосами. Молодые настолько полюбили друг друга, что противостоять их браку не стали консервативно настроенные, набожные родители.

Галина Владимировна ни в чем не хотела отставать от мужа и, обремененная тремя детьми, закончила “женпед”. Так было угодно Судьбе, что одного десятилетнего малыша похоронили, оторвав от сердца самое дорогое, что могло быть у них. Но наперекор всяким трудностям, компенсируя боль семьи, двое детей выросли на радость родителям и стали хорошими людьми. Сегодня дочь — Лейла, окончив КГУ, работает переводчиком английского языка и воспитывает внуку Адиля и Галины — Камилу. Младший — Равшан — студент национального университета. Так что, будет скоро у Халиловых собственный высокообразованный экономист управления. Не правда ли, сегодня как нельзя кстати?

Вообще-то Адиль Ниязович от рождения был наречен Магомедом — в честь великого пророка. Но кому-то из ближайших родственников это имя мало импонировало, и так стал он Адилем, что в переводе означает — справедливый. И жизнь показала, что это имя больше всего подходит к нынешнему генеральному директору АО “Хан-Тенгри”. Кстати, это название соответствует одной из величайших вершин Тянь-Шаня.

Немало пришлось молодому инженеру сменить руководящих кресел в различных строительных организациях, пока, наконец, он не прибыл в родной Кант, где возглавил трест, переросший потом в названное объединение. Но ничуть тогда не радовало новое назначение. Просто, зная законы бизнеса, ему должно быть трудно было работать в окружении ближайших родственников. Такой уж мусульманский менталитет: сам поднялся наверх, тяни за собой всю родню. В таких условиях меньше всего думаешь о работе, а больше о

том, как кого-нибудь из родных не обидеть, не обделить теплым местечком и добротным кабинетом.

Кое-как убедили. Помогло то, что с первого момента Адиль Ниязович в самой популярной форме дал понять, что работать он будет не во благо своей родни, а так, как положено, во имя интересов дела. Халилов понимал, что выбрали именно его только потому, что данное строительное объединение трещало по всем швам. Нужен был не просто свежий человек, а своего рода талант.

Несколько дней понадобилось новому руководителю, чтобы убедиться в том, что с доставшимся ему трудовым коллективом руководства треста, далеко не уедешь. Большинство из сотрудников погрязли в темных делах и уже не имели морального права требовать от кого-то добросовестного отношения к делу. Так что начинать пришлось с полной замены кадров. Благо, выбор у него был. Лучших строителей республики, самых опытных руководителей пригласил к себе Халилов.

Вспоминает Адиль Ниязович:

— Даже заведующего детским садом пригласил из Аламедина, зная ее как самого опытного специалиста, у которой все так и горит в руках. Я навсегда сохраню самую светлую память о дорогой мне Алле Ефимовне Ворониной, которую считал своим личным другом. Теперь ее нет в живых, трагически погибла.

Не пристаю с наивным вопросом — как? Так как вижу, насколько тяжело человеку вспоминать о столь больном.

— Так она, - продолжает Халилов, - превратила наш садик в эталон детского дошкольного учреждения. Сейчас он не работает. Но все там сохранено, как было при ней. Я когда-нибудь обязательно покажу то, чем горжусь по сей день.

Разговор наш мог длиться бесконечно долго. С таким азартом рассказывал генеральный директор о своих людях и делах, которые под силу только его объединению, что просто неудобно было прерывать его. Но ведь многого в данной книге написать об этом предприятии не представляется возможным, а чтобы как следует описать все это, чем жил этот человек, прямой, бескомпромиссный и деловой, хватило бы на две таких книги, что я задумал. Поэтому ограничусь только тем, что непосредственно связано с моим главным героем.

— То, что наше предприятие сегодня живет и здравствует, прямая заслуга нынешнего акима, - словно угадав мой вопрос, продолжает Халилов. — Не знаю, как другим, но лично мне он помог во многом. Прежде расскажу — как и кем стали мы после разгосударствления предприятия.

Оказывается, это одна из немногих строительных организаций, полностью выкупленная трудовым коллективом. Всего сегодня его владельцами являются около 470 специалистов, хотя здесь работает более двух тысяч человек. Многие, очень многие, чьи нервы не выдержали, продали свои акции и уехали из наших мест. Многие просто не поверили, что в таких условиях можно еще жить и работать, и продали свои акции. А теперь, видимо, жалеют. Всего же поначалу коллектив купил 65 процентов акций, а остальные уже приобрели на различных аукционах и по купонам.

— Так что, теперь мы полностью владеем всем тем, что имеем, - не без гордости говорит "генерал". — Никто нам не указ, никто не вмешивается в наши дела. Но мы знаем свои обязательства перед государством, заказчиками и партнерами. Сегодня мы никому не должны. За все рассчитались сполна. Только вот интересно получается. Дело доходит до абсурда. С нас налоговики берут налог и проценты с того, что мы не имеем. Так, мы выполнили огромный объем работы по реконструкции Центра гематологии Минздрава. Всего на два миллиона сомов, и здания реабилитационного Центра на четыре с половиной миллиона. Государство до сих пор с нами не рассчиталось. Следовательно, у нас сложилась большая задолженность, и в первую очередь по зарплате. Не получив на зарплату денег, а следовательно, и не выплатив ее работникам, мы должны отчислять и налоги в Соцфонд. Где тут логика? Спасибо Геннадию Валерьевичу. Он на всех уровнях хлопочет об этом. Ну хотя бы, чтобы проценты не росли. Если бы не он, давно бы АО приказало долго жить. И кому это выгодно? Да никому!

Кстати сказать, когда эта книга уже версталась, пришло сообщение, что Президент республики присвоил звание Адилю Ниязовичу, как и еще одному герою этого повествования, о котором будет сказано несколько ниже, звание "Заслуженный строитель Республики Кыргызстан". Разумеется, это произошло не без вмешательства Геннадия Валерьевича. Больше того, по его представлению.

Умеет ценить людей за их добрые дела для общества Г.Давиденко. Да и разве можно такие высокие звания давать кому

попало. Президент своим Указом присвоил звание "Заслуженный работник промышленности" бывшему директору Каиндинского сахарного завода П.Сосне. Кроме единодушного одобрения кыргызстанцев, хорошо знающих Павла Павловича, это решение не вызвало ничего.

— Все люди сами по себе прекрасны, - говорит Геннадий Валерьевич. — Каждого, с первого дня от рождения, родители хотели видеть порядочным человеком. Только многих потом исковеркала жизнь, сделала жестоким, научила хитрить, совершать подлые поступки. Их где-то можно в какой-то степени, понять, посочувствовать и, если хотите, даже пожалеть. А мне, действительно, везет в жизни, потому что я не припомню, чтобы когда-то в моем окружении были подлые люди...

А может быть и встречались, да только не умел, не хотел мой герой замечать темные пятна на душе тех, с кем ему приходилось работать. Возвышая их в своем лице, сделав чище, а следовательно, порядочнее, он помогал им избавляться от злых пороков.

Вот и сейчас, работая в новом для себя районе, он сделал тот же вывод, что и раньше. Видит, что все его замы и помы, стараются, ищут пути решения всех возникающих перед ними вопросов. И никому из них не надо ни напоминать, ни подгонять. Лишь иногда, с высоты своего положения, где все гораздо видней — подскажет, советует вникнуть в способ достижения поставленной цели.

Уже второй год идет работа над книгой. За это время я много раз встречался с каждым из работников аппарата, руководителями служб и отделов и понял, что снова Геннадию Валерьевичу повезло. Нет тут, как во многих других учреждениях районного уровня, заедающей суеты, авралов и разносов. Идет каждодневная кропотливая работа. Сюда не ходят толпами со своими мизерными проблемами. В первую очередь, рассматриваются вопросы, связанные с улучшением материального благосостояния

предприятий, хозяйств, учреждений. Решив их, все остальное решится само по себе.

Хотелось бы рассказать о каждом. Но нельзя объять необъятное. И только поэтому расскажу лишь о некоторых. В первую очередь, речь пойдет о первом заместителе главы райгосадминистрации Ажибаеве. Буквально за неделю до того, как я взялся писать о нем, в район радостной ласточкой прилетела весть о том, что Президент А.Акаев присвоил ему звание Заслуженного строителя республики. Могли бы это звание присудить ему и раньше. Да как-то ни у кого из бывших шефов не доходили руки отдать должное за то, что сделал этот простой человек для своего народа. Мне кажется, что даже рост по служебной лестнице полностью не соответствует заслуженному.

Читаю его послужной список и удивляюсь тому, на что раньше не обращал внимание. Оказывается, родился он в 1955 году. Это значит, что к моменту, когда эта книга увидит свет, т.е. через два-три месяца ему будет уже за сорок пять! А я-то думал, что он еще совсем молодой. Прошло больше двадцати лет с тех пор, когда он был главным инженером объединенного студенческого стройотряда. Того самого, который в то время возглавлял уже известный читателю Халилов Адиль Ниязович. За особые заслуги, иначе раньше и быть не могло, комсомольцы — его ровесники, избрали тогда членом своего ЦК. Нынешней молодежи не понять, что это означало. Вместе с романтикой трудных походов и ночевок у костра — это бесконечные хлопоты, задерживающиеся где-то в пути тонны цемента, выколачивание каждого куба леса, недополученных, из-за бюрократических препонов, арматуры, стекла, шифера, металлоконструкций. Во все приходилось вмешиваться самому, не надеясь на снабженцев, которые только и думали, как что-то недодать, недовезти, недосчитать.

Вот где действительно почтальоны могли сойти с ума, разыскивая на карте место, куда вновь перебросили стройотряд. Помнят ребят из Киргизии даже в Ярославле, где они строили сельские поселки в надежде притянуть к земле бросивших ее крестьян.

В армию его — выпускника архитектурно-строительного факультета Фрунзенского политехнического института — призвали на двадцать пятом году жизни. Ныне подполковник запаса был тогда заместителем командира роты по политчасти. Возвратившись со службы, работает мастером на Иссык-Кульском заводе ЖБИ.

С двадцати семи лет его, как хорошего организатора производства, переводят на советскую работу. Двадцать лет, уверенно, за ступенькой ступень уроженец Кочкорки, что в Нарынской

области, штурмует этажи зданий райисполкомов. Работал заместителем председателя Кеминского райисполкома. Там же стал первым заместителем главы райгосадминистрации.

Вполне естественно то, что каждый в этом возрасте считает необходимым дальнейший рост. Оно и понятно — все живое должно расти. Вот, к примеру, встал шестнадцатилетний мальчишка к станку и оставил его в шестьдесят лет, честь и слава ему за это. Но если ты на руководящей должности и проработал на ней, скажем, пять лет к ряду, то к тебе уже относятся с сочувствием. Жалеют. Не пошла, мол, служба. Или начальству не нравишься, или умом слаб.

Так что можно понять Жаныбека Бейшеневича тогда, когда он дал согласие на перевод на равнозначную должность в другом районе. Во-первых, это новые впечатления в ином кругу сотрудников. Значит, есть возможность все начать сначала, учтя прежние промахи. А, во-вторых, новый человек всегда на виду. Может быть лучше рассмотрят, не дадут завязнуть на одном уровне. Сам-то Джаныбек Бейшеневич уже давно чувствует, что способен на большее, чем четко исполнять указания сверху.

И стал Ажибаев первым заместителем главы Ысык-Атинской райгосадминистрации, коим был Абдисалам Намазалиев. С уважением относился он к своему новому руководителю, тем более, что дела при нем в районе пошли в гору. Из потенциальных дотационников район перешел на полное самообеспечение.

Разумеется, немалая заслуга в этом и самого Жаныбека. Во многом бюджет района зависит от разворотливости именно первого зама. В этом плане у него все было без особых проблем.

Пошли разговоры, что их район будет присоединен к Кантскому. Естественно, где-то в глубине души затаилась надежда на хоть какое-то повышение. Ведь даже если и останешься замом, то в укрупненном районе, и перспективы больше.

И вот приехал в Кант Геннадий Валерьевич Давиденко, занявший место главы. При этом для Ысык-Атинского района он стал лишь исполняющим обязанности главы. Нового акима Жаныбек знал неплохо уже давно и с подчеркнутым уважением относился к нему. Познакомился еще тогда, когда все районы Чуйской долины имели статус республиканского подчинения. Часто встречались в Минсельхозе, когда приезжали с отчетами. Понравился уже тогда Давиденко за шустрость и, конечно же, за простоту. Никогда в его действиях не проявлялось и тени превосходства над кем-нибудь. Он держал себя на равных со всеми, какую бы должность они не исполняли.

Ничего не изменилось в его манерах по отношению к Ажибаеву и сейчас, когда стал его непосредственным начальником. С

первых же дней совместной работы шеф дал понять, что в дела своего зама по Ысык-Ате он вмешиваться не будет. Да и какой смысл учить человека, который и без того прекрасно справляется со своими обязанностями? Но Жаныбек понял, что новый аким проверяет его на предмет назначения своим замом в объединенном районе.

В ноябре произошло постановление Правительства об объединении районов, в котором по ходатайству Давиденко Ажибаев утверждался первым заместителем главы. Он принял это как должное, потому что не видел оснований для своего отстранения.

Да и сам Геннадий Валерьевич был рад тому, что его новый первый зам работником оказался что надо. Свои обязанности исполнял, не задумываясь над тем, понравится это шефу или нет. Тому же нравится самостоятельность Жаныбека в решении всех вопросов его компетенции.

Вот уже более двух лет работают они рядом, помогая и заменяя друг друга, понимая один другого с полуслова.

Приходилось мне бывать во многих районах. Не редко замечал, когда помощникам или замам доверялись самостоятельные решения, не дожидаясь указующего сверху перста. При этом, не зазнаваясь, не зарываясь и, конечно же, не "взрываясь". А ведь порой приходилось брать на себя очень высокую ответственность.

Яркий тому пример — отсыпка земляного полотна под железнодорожную магистраль на Кара-Кече, которую строит вся республика. Согласно разнарядке ысыкатынцы должны были выполнять работы на 1200 метрах, полученных по жребию. Радовались аким и его зам, что место им выпало очень удачное. Никаких тебе крутых поворотов, скальных выработок, оврагов и речушек.

На следующее, после разметки, утро Жаныбек поспешил на "рекогносцировку". И что же там увидел. На том самом месте дороги в грядущее тысячелетие "Балыкчи-Кочкор-Кара-Кече" куда нужно было незамедлительно гнать землеройную технику, мирно белела установленная буквально за ночь юрта хозяев этих мест. Мягко говоря, балыкчинцы, плюя на судьбу жребия, захватили этот участок дороги мотивируя тем, что земли тут для них родные и, следовательно, они имеют право диктовать свои условия.

Немедленно доложив о сложившейся ситуации акиму, Жаныбек сказал, что будет драться до победного конца. Но Давиденко остановил его, посоветовал все сделать на цивилизованном уровне. На "поле брани" встретились конфликтующие стороны в лице акимов, и в качестве арбитра прибыл заместитель губернатора. Но копий ломать не пришлось. По согласию ущемленной стороны этот отрезок дороги уступили

хозяевам данной местности. Ысык-Атинцам же было отрезано только триста метров, но в другом месте, которые и стоили полторы тысячи. Пришлось взрывать спаянные тысячелетиями горные породы, завозить тысячи кубометров грунта на заполнение впадин.

Больше месяца длились работы по отсыпке полотна на данном участке. А когда железнодорожники приняли его с отличной оценкой, Давиденко предложил свою помощь сокулукцам и джайльцам, которые с радостью приняли предложение и уступили "просителям" по триста метров каждый.

В данной ситуации Ажибаев показал себя руководителем, способным выполнять обязанности куда более сложные, нежели быть замом акима.

В свою очередь Жаныбек поражается скромностью и неприхотливостью своего нового шефа. Когда он принял район, ему от прежнего руководства досталась, дышащая на ладан машина, на которой и ездить-то было неудобно и не только потому, что она была разбита до предела, просто даже несолидно районному главе "кататься" на такой чудо-технике. Восемь месяцев гонял он на попутках. Вдребезги разбил собственный "джип". Но никому не пожаловался в области, что без машины ему работать невозможно. Только после указанного срока область разрешила приобрести машину, достойную районного главы.

Знаю, что пока книга увидит свет, мне еще много раз придется встречаться с заслуженным строителем республики, первым заместителем главы райгосадминистрации Ысык-Атинского района и просто славным человеком Жаныбеком Бейшеновичем Ажибаевым, ощущать его поддержку в издании книги, но уж, видимо, рассказать о нем больше не смогу.

И таких людей, к счастью, у нас немало. О многих я рассказываю в этой книге. Дороги они мне потому, что они просто хорошие люди, потому что работают вместе с Геннадием Валерьевичем Давиденко, делают с ним одно — самое важное дело.

Когда я беседовал при личном знакомстве с Кубанычбеком Казакбаевичем Джакыпбаевым, начальником Государственной налоговой инспекции по Ысык-Атинскому району думал, где же раньше встречался с этим человеком? И вспомнил лишь тогда, когда он заговорил о своем выступлении на каком-то форуме, что проходил в Токмаке. Сейчас я могу чуть ли не дословно повторить его выступление лишь с некоторой перефразировкой.

Речь шла о том, что живем мы бедно по одной простой причине — не умеем рационально расходовать то, что имеем, а могли бы иметь. Возьмем, к примеру, нашу таможенную политику. Скажем, пришел к нам контейнер с медикаментами. Стоимость груза

один миллион сомов. Владелец обязан тут же заплатить двадцать процентов и десять таможенной, то бишь триста тысяч. Как правило, сразу этих денег не находится, и стоит он под арестом пока оформится растаможка. А там прибавляется доплата за груз, за хранение и прочие, и прочие доплаты. Так что, пока эти таблетки доходят до потребителя, они становятся золотыми. И по этой золотой цене приобретают их лечебные учреждения, расходуя бюджетные средства в таком количестве, что медики за голову хватаются.

А если бы сразу же на таможенном терминале эти же тридцать процентов изымались в виде привезенных медикаментов, без всяких издержек по заявке Минздрава. Затем бы изъятое лекарство направлялось в специальный медицинский центр, а там бы, по соответствующей разнарядке, по медучреждениям. Таким образом цена на них снизилась бы вдвое, а расход на их приобретение вдвое сократил бюджетные вложения.

Точно также можно было сэкономить государственную копейку на приобретении ГСМ, зерна и всего прочего, что закладывается в Государственный фонд. А лучше было бы, если бы этим занималась специальная служба, например фонд госматрезервов. Сколько бы можно было этим не только решить проблем, но и сберечь народные деньги.

Лично я не понял тогда, почему это предложение не было подхвачено или хотя бы одобрено всеми присутствующими. Больше того, кто-то пророчал:

— Ну, нашелся еще один умник! Учит как нам жить.

— Помнишь этот эпизод - спросил я у Кубанычбека. — А как на это отреагировал Геннадий Валерьевич?

— Поначалу мне было неудобно к нему подходить. Думал, может быть я действительно где-то оплошал. Но, оставшись как-то со мной один на один, он похлопал по плечу и сказал — молодец! Сказал — все правильно. А не поддержал меня потому, что если так сделать на самом деле, то многим это не понравится. Тогда я понял, что кто-то на этом греет руки.

Только по одному этому факту стало ясно, что Давиденко окружают умные, думающие люди. Вот тот же налоговый. Как много зависит сегодня от работников этой службы! Ведь основное поступление в казну, а это 83 процента от всех бюджетных денег, дают нам эти люди. Разумеется, если они добросовестно исполняют свои обязанности.

Сказать что-то другое о кантских налоговиках, вряд ли справедливо. (Кантскими я называл их по старой привычке, вернее будет называть их ысыкатинскими). Доказательством этому тот факт, что на момент моей беседы с начальником план сбора налогов был

выполнен на 108 процентов, а по сравнению с этим же периодом в прошлом году прирост доходов повысился более чем на пятьдесят процентов.

В надежде, что сей труд дойдет до верхних эшелонов власти, расскажу еще об одном факте, который сверлит мозг нового знакомого. Дело в том, что, по его мнению, совершенно необоснованно спускается в районы план по сбору налогов. Он привел один только пример. Приезжает в райфинотдел какая-то девушка и, минуя акима и налоговую инспекцию, напролом идет в финотдел с тем, чтобы спустить план по доходам и расходам на будущий год, сработанный в недрах самой высокой инстанции, даже не изучив прогнозов района. Причем, доходная часть поднята до 172 процентов по сравнению с текущим годом. Трудно представить, из каких соображений составлен этот сверхпотолочный план.

К счастью, на сей раз эта вещунья "сладкой" жизни района не на тех нарвалась. Аким даже не стал читать этой филькиной грамоты. Он установил строжайшее правило, даже ему не приносить соответствующих бумаг без подписи начальника ГНИ района. Тем самым не только поднял его авторитет на всех уровнях, но и ограничил подобное неоправданное ничем самоуправство.

И правильно! Именно здесь, на местах могут составить самые реальные прогнозы, располагая конкретными возможностями каждого предприятия, хозяйства, учреждения и сделать более точный индикативный план.

Вообще-то Кубанычбек Казакбаевич в Ысык-Атинском районе человек не новый, хотя и работает в нем лишь на полгода больше Геннадия Валерьевича. Своей принципиальностью и глубокими знаниями дела завоевал авторитет среди руководителей других служб и налогоплательщиков. Сегодня он вспоминает как впервые познакомился с новым акимом.

— Дождался я своей очереди для личного знакомства с новым шефом. Встретились мы в дверях, когда он провожал предыдущего посетителя. Перешагнул я порог и подал ему руку. С первого же рукопожатия я понял, что дело имею с очень простым и толковым человеком, не кичащимся своим служебным положением. Семь минут, не более, прошла наша первая беседа, но мне она показала многое. А потом я просто поражался, насколько глубоки его знания в налоговом деле. Скажу честно, что даже многие мои финансисты не знают некоторых вещей с такой глубиной, которой владеет Давиденко. Рассказывают, что не профан он буквально во всех вопросах, с которыми ему приходилось сталкиваться. Словом, среди моих руководителей, с которыми я работал, не было человека с таким безграничным кругозором знания.

Родился Кубанычбек в Пржевальске, нынешнем Кара-Коле, в 1959 году. Остальные его братья и сестры — уроженцы Бишкека. Просто во время его рождения отец работал там директором автобазы. Получив образование экономиста в КГУ, работал в Госплане сначала рядовым экономистом, потом старшим и, наконец, главным специалистом. Был старшим референтом в аппарате совмина, заместителем генерального директора Бишкекского производственного объединения “Мэзнет”, первым заместителем председателя правления универсальной биржи “Кыргызстан”, руководителем аппарата Бишкекской мэрии, директором по производству АО “Тянь-Шань-Лада”, начальником отдела ГНИ республики. И теперь вот тут — в Канте.

И всегда рядом с ним его несравненная Салиман, бухгалтер по профессии и, конечно же, дети. Шестнадцатилетняя Жанара — учащаяся кыргызско-турецкого лицея “Ай-Чурек”. Вторая дочь Бегайым перешла в восьмой класс. А самый младший Улукбек в этом году пойдет в первый класс.

Конечно же, не все гладко в возглавляемой им службе. Но фактов вымогательства или взяточничества пока что не проявлялось. Как-то был такой случай. Один его сотрудник решил на широкую ногу отметить свой день рождения. Пригласил друзей и сослуживцев в солидное для Канта питейное заведение. А при расчете с его хозяином оказалось, что у именинника нет денег и он, де, отдаст их потом. Словом, закончилась эта праздничная трапеза весьма прозаично — пришлось виновнику торжества писать заявление на увольнение “по собственному желанию”.

После этого уже никому не хотелось с таким шиком отмечать ни свою “днюху”, ни какую-нибудь другую дату, какой бы круглой она не была, нахалаяву.

На вопрос, как он строит свои внеслужебные отношения с акимом, Джакыпбаев с некоторым смущением сказал:

— Вне службы мы с ним откровенные друзья. Очень долго хотелось мне побыть с шефом, что называется, на беседе без галстуков. Но как я мог найти повод пригласить его, ну хотя бы на чашку чая?! Не поймут ведь люди, скажут — подхалимничаю. А тут он сам как-то подходит и запросто так говорит, что, мол, ты даже на чашку чая меня не позовешь? Вот и решилась проблема сама по себе. Словом, считаю очень правильным то, что сумел Геннадий Валерьевич сплотить всех нас — районных руководителей в единую огромную дружную семью. Много вопросов, даже самых сложных, решаем в тесном душевном кругу.

В жизни мне много раз приходилось встречаться с таким фактом, когда какой-то работник, чтобы узнать отношение к нему

начальства, пишет заявление на увольнение. Порой это кончается тем, что шеф не задумываясь подписывает прошение, сделав невозможным сделать отступление. В этой связи я и задал собеседнику вопрос, как, мол, отреагировал бы Давиденко, если бы такое заявление ему сделал он. Тот, улыбнувшись, сказал:

— Попали в точку. Только заявления никакого я не писал. Но вызывает меня Геннадий Валерьевич и спрашивает, имеют или нет повод слухи, что я хочу уйти куда-то на повышение? Я удивился и, конечно же, сказал, что если такие слухи ходят, то они не имеют никакого основания. Давиденко, не скрывая чувства глубокого удовлетворения, облегченно вздохнул и сказал, что не нужно для этого даже делать повода. Мы, мол, еще поработаем вместе. Я понял тогда, что дорог ему и как человек, и как специалист. Если он и скуп на похвалу, то для меня всегда делает исключение. Может публично похвалить и выразить сердечную благодарность за ту огромную работу, которую проводит наша служба по сбору налогов.

Не боится Кубанычбек сказать правду в глаза хоть кому. Ведь он постоянно чувствует за собой поддержку акима, который своих подчиненных никому в обиду не даст. Такой уж он — Давиденко Геннадий Валерьевич.

Да и как не согласиться с выводами о несовершенстве всей нашей налоговой политики? Сколько уже раз ставился об этом вопрос в парламенте, издавались новые и новые законы, а суть их остается прежней. А ведь давно пора поставить пирамиду планирования бюджета так, чтобы верху ее стало то, что является сегодня основанием. Решающую роль при планировании нужно отдавать тому, кто непосредственно касается источников дохода.

Видят сегодня в Канте, то бишь, в Ысык-Атинском районе, где взять деньги на ближайшую перспективу, как нарастить производство. Здесь работает цементно-шиферный комбинат, который не поставишь в сравнение ни с одним действующим предприятием. Я не говорю о табачных и виноводочных производствах, составляющих сегодня главные источники пополнения госбюджета. Но тут имеется готовый начать работу нефтеперерабатывающий завод, который способен затмить производителя главнейшего на сегодня гиганта строительной индустрии. Но он сможет заработать только в том случае, если на время, хотя бы на время освободить его от таможенного налога. Пойдет ли на это правительство? Здесь, в тридцати километрах от "Белого дома" ясно каждому, хоть сколько-нибудь мыслящему человеку, если дать заводу твердо встать на ноги, то в самом ближайшем будущем он во много крат перекроет временно упущенную выгоду и станет самым высококорентабельным предприятием.

Что же касается льгот на выплату налога, то лично Геннадий Валерьевич и его начальник ГНИ имеют свою точку зрения. Они считают, что здесь нужно хорошенько подумать. Конечно, следует поначалу поддержать крестьянина-производителя. Но и то только в первоначальный период, если землевладелец ведет свое дело экономически грамотно, владеет глубокими знаниями агрономии, зоотехнии и прочим, что необходимо знать настоящему крестьянину. Но давать поблажку рвачам, хапугам и другим, весьма сомнительным элементам, не совмещается с их понятием законного налогообложения.

— А вообще в республике необходимо изменить бюджетную политику, поднять заинтересованность глав местных администраций в сборе налогов. Так, например, отчисления в местный бюджет нужно производить не по отдельным видам налогов и платежей, а установить единую ставку расщепления по уровням бюджетов от общей суммы поступающих налогов. Тогда акимы будут заинтересованы в сборе НДС, налога за пользование автодорогами, отчислений в ФПЛЧС, поступающих сегодня исключительно в республиканский бюджет.

И вот, после многократных встреч с Ажибаевым, я все-таки решил посвятить ему еще несколько страниц, иллюстрируя их множеством фотографий из его личного архива.

У каждого человека есть в жизни кульминация — точка отсчета, которая делит ее на два главных периода: до нее и после. Нередко таких точек несколько. У Жаныбека, по всей видимости, только одна. Нынешнему обывателю это трудно понять. Но в наше время, в апогее коммунистического возвеличивания личности с партийным билетом, для многих было чуть ли не целью жизни встать в ряды “человеческого авангарда”. Чтобы еще больше облагородить членство в партии, ее руководители создавали искусственные препоны, всевозможные преграды для желающих вступить в ряды самых достойных членов общества.

И именно на этом многие не только построили свою карьеру, но и сколотили приличный капитал. А, собственно, немало подленьких людишек всякими правдами и неправдами пролезли в эти, казалось бы, для большинства святые ряды.

Думал и Жаныбек, да нет, пожалуй, не думал, а жил идеей стать членом КПСС. Но это было чистое, как у подавляющего большинства, желание получить наивысшую оценку своего стремления быть человеком, живущим не только для себя лично, а для всего человечества. Думаю нужно согласиться с тем, что в партию шли, в общем-то, лучшие из лучших представители трудового народа и передовой интеллигенции.

КУБОРЛ. ИССИ - АТА" 1991 г.

Грунзе

И в этом, вероятнее всего, не было ничего плохого. Ведь там, где решалась судьба отечества, именно коммунисты становились в первые ряды. История никогда не забудет имена настоящих героев с партийным билетом, бережно хранимым в карманчике у самого сердца. Именно к таким можно отнести и моего нового героя — Жаныбека Ажибаева.

Тогда ему еще не было и двадцати. По-молодецки горячее сердце требовало деятельности. Это заметили сразу же друзья-студенты политехнического института. Уже на втором курсе он был избран секретарем комсомола целого факультета, насчитывающего в своих рядах не менее тысячи, рвущихся в дело, молодых людей.

Казалось бы, именно из таких нужно было создавать партийный костяк на будущих производственных участках, где их ждали по окончании вузов. Тем более, считалось, что дело расстановки и подбора кадров было прерогативой партии. Но так строилась политика, что именно молодым специалистам попасть в члены КПСС было наиболее сложно. Доярка, штукатур, слесарь — пожалуйста! Инженер, доктор, учитель — строго по разнарядке. А что такое разнарядка тех времен, мы еще не забыли. Вот, скажем, в январе такого-то года нужно было принять в кандидаты со строительного факультета девушку, русскую, отличницу учебы, спортсменку, общественницу. Попал под этот шаблон, уговорят, убедят и примут. Но если под какой-то параметр не подошел, будь хоть трижды патриотом, мудрецом — ни за что!

Вот так и Жаныбек. Всем нравился он на факультете за миловидность, вездесущность, готовность прийти на помощь любому нуждающемуся и не только потому, что был комсоргом, а так, в меру своего характера. Среди преподавательского состава был уважаемым за мгновенное схватывание материала, творческий подход к его усвоению. Он успевал буквально по всем дисциплинам. Особенно любил математику, физику, химию. Собственно и в институт-то он поступил на льготных условиях, как победивший в республиканской олимпиаде по химии. Мог поступить в любой вуз, но выбрал политехнический и именно строительный факультет, где математика и физика считаются главными дисциплинами. Вернее, их знания являются самыми необходимыми.

Учиться ему было легко. Еще когда учился в школе, учителя не требовали от него выполнения домашних заданий. Всегда он мог доказать пройденную накануне теорему, решить любую задачу. Не нужно было узнавать, выучил он или нет заданное стихотворение или пройденную тему по истории, географии, биологии. Всем было ясно, что все он запомнил на уроке со слов учителя.

Именно за это и ценили его в институте. Особенно большим авторитетом пользовался он у известнейшего в республике ученого-строителя Ивана Григорьевича Савелого. Он просто души в нем не чаял и по-отечески нежно относился к черноглазому, но белолицему пареньку, старался всячески выдвинуть его, как наиболее перспективного, на видное место. Для того, чтобы он мог благополучно построить свою карьеру, просто необходимо было сделать его членом партии. А тут как раз разнарядка пришла не в его пользу. Было все. И отличник учебы, и активист, и возраст точь в точь по заказу. Но не подошел пол и национальность.

Сколько пришлось побегать Ивану Григорьевичу по кабинетам партийных руководителей самых высоких рангов, знает только он сам, да подозревает Жаныбек. И пошли навстречу знаменитому ученому, вписали его протеже в рамки спущенного "стандарта". И сам лично дал ему рекомендацию. Не было проблемы и с рекомендацией от комсомола. Ведь и комсоргом он считался в райкоме одним из лучших.

Кстати, численность членов ЛКСМК позволяла на факультете иметь освобожденного секретаря. Ну, по крайней мере, хотя бы сколько-нибудь оплачивать его многотрудную общественную работу, тем более, материально паренек крайне нуждался.

Но не принимая близко к сердцу свои ущемленные права, шел он в очередной раз к какому-то сокурснику домой, чтобы выяснить, почему он перестал посещать занятия. А таких ребят, как и их проблем, было немало. Один вынужден бросить вуз, чтобы заменить в семье умершего отца, другой откровенно голодует, третьему просто не в чем идти на занятия. Были и такие, что попали под влияние не совсем благоверных приятелей, запутались в их темных делишках.

И ведь, порой, немного было нужно, чтобы остановить их, убедить, помочь. Без согласия комитета комсомола руководство института не имело права отчислить в дисциплинарном порядке ни одного студента. И если на других факультетах комсомольский актив подходил к этому формально, шел на поводу у деканатов, во имя своего личного благополучия, то непросто было здесь, где вожаком был Жаныбек. Прежде, чем дать согласие на решение судьбы очередного нарушителя, он тщательнейшим образом изучал обстоятельства, столкнувшие юношу или девушку на путь нарушения общественного порядка, или сделали их потенциальными неуспевающими в учебе.

И если была хоть какая-то возможность исправить дело, помочь человеку встать на ноги, Жаныбек смело, не боясь неприглядных последствий для себя, шел наперекор требованиям руководства и отстаивал право подопечного продолжать учебу. Но

если же этот человек открыто мог наплевать на заботу о нем, не желал жить честно или просто был лентяем или бездарью, на комсомольскую защиту надежды и быть не могло.

Но как бы оно ни было, за все время, когда Жаныбек возглавлял комсомольскую организацию факультета, ни один студент без глубочайшего обоснования не был отчислен из вуза. И теперь немало таких специалистов, учившихся вместе с Ажибаевым, с благодарностью вспоминают Жаныбека за то, что поддержал он их в трудную минуту, не дал упасть, помог стать большим специалистом.

Так что не зря получил он тогда свой партийный билет. Этот момент и стал для него той самой кульминационной точкой отсчета, а жизнь поделилась на то, что было до этого времени и что стало после.

Сегодня, когда высшее руководство партии полностью скомпрометировало ее, сделав ругательным само слово "коммунист", совершенно не означает, что все партийцы были одним лыком шиты. Все равно, абсолютное их число было действительно гордостью народа, воплощением самой идеи его передовой части. Лично я делил всех их на две когорты. Это истинные коммунисты, для которых священное служение народу было их нормой жизни. Но были и такие, которые прикрывшись партбилетом, творили чудеса преступной вседозволенности. Их я называю просто членами партии. Их хорошо выявило объявление КПСС вне закона. Сколько этих драгоценных партийных билетов сгорело в кострищах около райкомов и обкомов партии! Настоящие же коммунисты и по сей день хранят свои краснокожие книжечки, не считают себя обманутым поколением. Они и сегодня по зову своего сердца первыми пойдут, не задумываясь, и в огонь, и в воду во имя общего блага.

Именно таким как они, как Г.Давиденко, Ж.Ажибаев, посвящаю я все свои произведения: и большие, и маленькие. И как хорошо, что они находят друг друга и работают бок о бок, улучшая жизнь своего народа.

Вообще-то, студенческие годы самые незабываемые в жизни любого, кто похлебал постненькой похлебки в вузовских столовых. Здесь имеются в виду те, которым нынче за тридцать-сорок лет. Сегодня совсем не то. Нас на занятия не возили на иномарках и родители не закатывали нам, даже если у кого они были, шикарных балов в дорогостоящих барах и ресторанах.

Для Жаныбека студенчество еще знаменательно тем, что именно тогда и там встретил он свою единственную и неповторимую Гульнару. Встретил и связал с ней всю свою жизнь до конца. Некоторые могут сказать, что они еще молодые и неизвестно, как она — жизнь, может сложиться.

Но поверим на слово самой Гульнаре Исмаиловне, которая считает, что:

— Я никогда и никому не поверю, что Жаныбек может мне когда-нибудь изменить. Такие, как он, верны навсегда!

А из чистосердечной беседы с ней я узнал, что не было у нее с ним той пламенной любви, о какой мечталось бесконечными ночами. Все получилось просто. В то время ежегодно проводились студенческие олимпиады. Сейчас снова решили их возродить. Уже сделана убедительная попытка. Училась Гульнара курсом ниже в Каракольском пединституте. А Жаныбеку, как комсоргу, было поручено расселять в своих общежитиях студентов — гостей. Вот и заметил он ее тогда, хотя и виду не подал. Она тоже его заметила: энергичного и деятельного. Но не было у них ни любовных свиданий, ни дружеских походов по театрам и кафе. Было у нее и без него немало поклонников и куда приметнее его, и материально благополучнее.

В семье, где она воспитывалась, несмотря на то, что было девять детей, царил полный достаток. Дом — на зависть всем соседям. У каждого отдельная комната. Скотины всякой — яблоку негде упасть. И все потому, что отец и мать были великими тружениками. Детей тоже приучили к единственной мысли: без труда не будет достатка. Всю жизнь благодарят они своих родителей за эту науку.

— Все у нас в доме висит на мне. Дети, пока жили дома, помогали, — вспоминает Гульнара Исмаиловна. — Жаныбек к домашним делам не приучен. Да и некогда ему. Все куда-то спешит. Я же привыкла к тому, что рассчитываю на свои силы. А сколько лет приходилось самой, без его помощи, поднимать детей! То в армии служил, то учился, то переучивался.

— Ну, а любовь? — допытываюсь.

— Я же говорила — любви у нас, мне кажется, и не было. — Может быть это и есть любовь, — немного подумав, продолжает она. — Ведь и сошлись-то мы без всякого привыкания друг к другу. Тогда без всяких предупреждений приехал он ко мне и просто так забрал и все. Даже не спросив, хочу я или нет выйти за него.

— Ну и Вы согласились?

— А куда денешься?! Парень он был, что надо. Притом подумала: а может быть ее — любви-то, вообще нет. Придумали ее писатели да фантазеры. Нравится мне человек и все тут. Я и сейчас к нему относясь с тем же уважением, что и тогда. И пусть наше знакомство обошлось без цветов. Они были потом и в огромном количестве.

— Ну, а счастье Ваше? Где оно?

— Я считаю, что в жизни мне повезло. При всей своей строгости и серьезности, он очень заботливый и обладает неподдельным отцовским чувством. Его до безумия любят дети. У нас их пятеро. Дочь — Нурайым, сын — Нурбек и дочь — Нуриля сейчас студенты. Все учатся в Бишкеке. Самый маленький нынче в школу пойдет. Пока живет у родителей. Со мной живет только Нурлан. Единственный мой помощник.

— А сам Жаныбек...?

— Видимся мы с ним только по средам, субботам и по воскресеньям, если это не совпадает с каким-нибудь праздником. Все остальное время он живет в Ивановке. Оттуда и в Кант на работу ездит. Это ближе, чем до нашей Быстровки. Кеминим ее теперь называют.

— И не боитесь, что он там себе какую-нибудь местную подберет?

— Нет! Я же сказала, что он человек верный.

— А может быть из-за того, что Вы безразличны к нему, поскольку любви у вас нет?

— Любовь-то нужна только для начала. А потом уже все само по себе пойдет. Дети, общие заботы. Вот это роднит, привязывает.

Словом, неправду мне сказала эта, все еще миловидная, да нет, пожалуй, прекрасная женщина. По тому доброму блеску глаз, который загорается у нее при каждом воспоминании о муже, нетрудно догадаться, что любит она его всей своей огромной бабьей любовью. И счастлива она потому, что именно этот человек тогда — двадцать пять лет назад, встретился ей. Да и кому неизвестно, что женщине всегда чего-то не хватает. Даже ей сегодня не хватает той самой любви, в которой она практически утопает. И может быть та любовь, пламенную, огнедыщающую, действительно придумали в романах?

— А какой у вас самый черный день совместной жизни? допытываюсь.

— Наверное это было тогда, когда я узнала, что моего мужа уволили с работы.

Вот те и на! Оказывается и у него, бывшего главного инженера республиканского студенческого стройотряда, было такое. А ведь мне он об этом ничего не говорил. Видимо, стыдно было вспоминать.

Ну, а почему ему было стыдно вспоминать о какой-то бездари? Тому-же, нынче безработному тугодуму, не может быть стыдно. Таким это понятие не дано. Не хочу называть его имени. Когда я писал книгу, где главным героем был нынешний шеф Жаныбека Геннадий Валерьевич, тот категорически не желал, чтобы рядом с прекрасными людьми вспоминались имена мелких,

подленьких человечков. Словом, работал он председателем колхоза и до того состояния его довел, что его были вынуждены поставить рангом выше. Случается в жизни и такое?

Так вот он, проработав буквально три дня главой Кеминской райгосадминистрации, издает приказ. Ни чуточку не вру, но так оно было на самом деле. Излагаю его суть — в связи с тем, что решил набрать свою команду, увольняю всех своих замов. В это число попал и Жаныбек Ажибаев. Я удивляюсь, как это рука не отвалилась у машинки, печатавшей эту чушь?

Почти полтора года мучил этот государственный муж район. Слава Богу, сейчас мучается сам. Работу ищет. А, впрочем, нужна ли она ему? Неужели не запас на черный день, терзая вверенные ему предприятия?

А Жаныбек Бейшенович был переведен в Ысык-Атинский район первым заместителем акима и проработал в нем до объединения с Кантским. Вообще-то по всем характеристикам и отзывам о нем, Жаныбеку по плечу воз и куда тяжелее. И тот факт, что Давиденко выбрал его из всех возможных кандидатур на пост своего первого зама, подтверждает это.

В кабинетах многих акимов и руководителей прочих рангов побывал я за свою огромную журналистскую деятельность. Но такого взаимопонимания, именно с полуслова, как у Давиденко и Ажибаева, еще не встречал нигде. Бывало, по полчаса слушали, как какой-то шеф инструктирует своего зама и в два раза больше слушает потом его объяснение, почему он так ничего и не сделал.

Тут картина совсем иная. Скажет Геннадий Валерьевич, съезди, мол, Жаныбек, туда-то. Жалоба оттуда поступила. И все! Больше на эту тему в кабинете акима речь не ведется. Знает глава райгосадминистрации, если зам получил задание, значит он будет искать пути его выполнения, а не способы оправдаться за то, что у него не получилось. И проверять ничего не надо. Не проверяли же в школе, выполнил он или нет домашнее задание.

Трудно только ему сегодня жить на два дома: в однокомнатной квартире, что в Ивановке, и в огромном домине, что так и не достроил до конца, в Кемине. Есть задумка купить домик в Канте. Но надолго ли? Кто может предопределить судьбу номенклатурного работника? Сегодня — здесь, завтра — там.

Вообще-то к Канту сердце уже прикипело. Вспоминают каким приняли они с Геннадием Валерьевичем этот замученный дикорослью и пылью, провинциальный городок, стоящий на грани вымирания. И во что он превратился сейчас — ожили, задымили трубами почти все предприятия не только города, но и обоих районов, соединенных в единое целое.

А сколько еще проблем!

Взять, к примеру, нефтеперерабатывающий завод. Построен он был лет пять назад, когда все уже валилось и рушилось. И умные люди поняли, что если будет такой завод, то решатся все проблемы с ГСМ, а миллионы сомов или долларов, если хотите, бесконечным потоком посыпятся в государственную казну. Тогда не только район, а и вся область решит значительную часть своих материальных проблем.

Решили все правильно, да вот не до конца продумали некоторые детали. В самых высоких кабинетах, вот уже несколько лет, не могут решить, кто же покроет все расходы, кто дело доведет до конца? Ясно одно. Если бы до конца там, наверху, думали по-государственному, то сначала, несмотря ни на что, запустили завод, и уже потом, что называется "по ходу пьесы", решили остальные проблемы. Интересно только, сколько миллионов мы потеряли лишь на этом головотяпстве?

Сейчас, кажется, уже пришли к единому мнению, к которому обязаны были прийти, по крайней мере, года два назад.

Интересно все-таки получается. Сработал плохо предприниматель, недополучил сотню-другую "зелененьких", ночами не спит, думает, как выкрутиться, как восполнить утерянное? А тут миллионы летят, и все спокойно спят, надеются на доброго дядю, что придет, увидит и рассудит.

Не спится только Геннадию Валерьевичу и Жаныбеку Бейшеновичу. И им не спится, и другим не дают.

Есть в этом районе крупнейшее в республике предприятие — Кантский цементно-шиферный комбинат. Немалые деньги несет он и в районную казну. Так вот этот нефтезавод даст прибыль во много раз больше, чем все такие ЦШК вместе взятые.

Вот потому-то и не верит народ в мудрость нашего самого высокого руководства. Этот материал собирался в дни, когда во всю мощь заработала агитационная машина за кандидатов на пост президента республики. Подавляющее большинство предприятий и хозяйств Ысык-Атинского района выдвинули в качестве кандидата Аскара Акаева. Видимо, немалая заслуга в этом и руководства района, хотя я голову могу отдать на отсечение, если лгу, что лично Давиденко к этому не причастен. Не такой уж он человек, чтобы навязывать свои идеи кому-то. Просто он и его помощники умеют заставить шевелить мозгами всех кто работает вместе с ними. Вот такую бы школу преподать руководителям. Польза бы от этого была неоценимая.

Но все-таки на откровенный разговор по этому поводу вывожу обоих. Попытаюсь изложить, что называется, близко к тексту мой

разговор с Жаныбеком. При этом, как всегда, стараюсь затронуть самые болезненные места, выявленные при беседах с будущими избирателями.

— Жаныбек, как ты объясняешь вот такую ситуацию. Вспомни, какой принял нашу республику Акаев? Работали все заводы и фабрики. Крестьяне досыта кормили свой народ. Буквально на все продукты питания и товары первой необходимости цены были сугубо символическими. Быть нищим, безработным и неучем считалось позором. О таких профессиях, как проститутка или рекетер говорили, как о чем-то не касающемся нашего государства. А что стало теперь? До чего мы докатились?! Разве это не вина президента?

— Что ж, отвечу по полному счету. Разве виновен Акаев в том, что развалился Союз? Ведь только из-за этого остановились все заводы и фабрики. Сложно сейчас и с сырьем, и с оборудованием только из-за того, что нарушились все связи с другими республиками. Но ведь дело с мертвой точки тронулось. Главная надежда у нас сегодня на сельское хозяйство. Мне, разумеется, лучше, чем вам известно, сколько энергии тратит Аскар Акаевич, чтобы заработали реформы в сельском хозяйстве. Вспомните, как было раньше? Сплошная уравниловка. Если ты хорошо работаешь, у тебя возьмут и отдадут тому, кто не получил урожая, и нечем ему заплатить людям, погасить налоги. Вечно так продолжаться не могло. Рано или поздно все равно мы подошли бы к тому, чтобы разделить все средства производства и, прежде всего, землю, технику, поголовье, заводы и прочее. И делалось это открыто. Если где-то и были нарушения, то они выявлялись, и восстанавливалась справедливость.

— О какой справедливости может идти речь, если все самое основное оказалось в руках бывших руководителей, так называемых партократов?

— Даю конкретный пример. Есть у нас такой завод — силикатный. Вы его хорошо знаете. Там работало до тысячи человек. Вот на тысячу долей и поделили все, оставив в руках государства 51 процент. Это сделано для того, чтобы за государством сохранилась большая доля. Каждый, получив свою долю акций, имеет право распоряжаться ею, как хочет. Но завод-то фактически не работает, и ни о каких дивидендах, естественно, не может быть и речи. Завод, остановившись, оставил без работы значительную часть заводчан. Оставшись без источников существования, люди вынуждены были разъехаться кто куда. Кто поумней, акции свои припрятал подальше. Но многие их продали кому-то за бесценок. А некоторые просто бросили, довольствуясь тем, что им сделали расчет и выдали трудовые книжки. Но ведь завод-то не стал собственностью генерального директора. Им сейчас правят члены акционерного

общества, имеющие равные права с членами совета директоров. Не далеко то время, когда завод снова заработает и тогда все станет на свое место, и каждый акционер будет получать свое сполна. Что же касается сельского хозяйства, то у нас поступили точно также, как и в России. Землю, механизмы, поголовье, недвижимость поделили. Кто захотел, объединился со своими соседями и продолжает трудиться в коллективе, как и прежде. А кто отделился, пусть сам теперь думает, как жить дальше. У кого есть голова на плечах и руки на месте, зажили лучше, чем жили в колхозах и совхозах. А лодыри отдали свои наделы в аренду по смехотворному договору. Скажем, мешок зерна за гектар, да и то не могут забрать. Едут к нам жаловаться. Но при чем же тут Акаев? И все же он немало сделал для нашей республики. Мы первые из бывших республик Союза ввели национальную валюту. Единственное государство СНГ, признавшее в законодательном порядке русский язык, как официальный. А главное, это то, что благодаря именно Аскар Акаевичу у нас мир и спокойствие, хотя и у нас назревала, так называемая "горячая точка". Вспомните, ошские события. И кто его знает, чем бы все тогда закончилось, если бы не миролюбивая политика нынешнего Президента.

— Но ведь по нашей Конституции Президентом одного и того же человека можно избирать не более чем на два срока.

— А кто говорит, что он избирался уже дважды? В Конституции ясно сказано, что Президентом может быть всенародно избранный гражданин Кыргызской Республики. Всенародно его избирали только один раз. А первый раз его избрал, в соответствии с действующей тогда Конституцией, наш парламент. Так что здесь все правильно.

— Я понимаю, что все вы, кого поставил на должность Аскар Акаев, будете делать все возможное, а кое-кто и в нарушение выборного законодательства, чтобы остался нынешний президент. Иначе же, новый будет набирать свою команду, и многие могут лишиться своих любимых кресел.

— Возможно. Но ни я лично, ни Геннадий Валерьевич этого не боимся. Свое продвижение по службе, или как это называют, карьеру мы начали до Акаева и на деле доказали, что зря хлеба не едим. Так, что без работы не останемся хоть при ком. Но Акаев для меня — это олицетворение настоящего главы государства, имеющего тонкий политический склад ума.

Да, имеет моральное право Жаныбек так отзываться об Аскаре Акаевиче, так как давно и много знает его, часто встречался с ним. А Акаев родом из Кеминского района, где много лет работал Жаныбек то заместителем председателя райисполкома, то первым заместителем главы райгосадминистрации. Так что приходилось по

долгу службы бывать у него дома в Чон-Кемине, где в непринужденной беседе, как сейчас говорят, без галстуков, лучше узнал главу нашего государства как прекрасного человека.

Много раз между делом удавалось решать и проблемы производственного плана. Давно мог бы Жаныбек кое-что "пробить" и для себя лично. Но вспоминаются слова его жены:

— Разве он для себя что-нибудь попросит? Честность и бескорыстность — вот главное, за что я его уважаю.

Но почему она избегает самое дорогое слово? Ведь движет именно она — его огромная и нескончаемая любовь к ней, к детям. А с каким неподдельным чувством любви относится к нему ее мать — Рымкан! Не было конца радости ее и мужа — Исмаила, когда они узнали, что столь порядочный молодой человек сделал предложение их старшей дочери. И по сей день дороже Жаныбека нет у них гостя и милее зятя.

Идеальная семья! Что это такое? Существует ли она вообще. В чистом виде, наверное, нет. Но...

Считаю невозможным не рассказать еще об одном, вернее об одной ближайшей помощнице Геннадия Валерьевича в Ысык-Атинском районе. Это руководитель аппарата райгосадминистрации Заря Таштанбековна Сардарбекова.

Заря. Не правда ли, красивое имя. И как оно подходит этой миниатюрной, милой и подвижной женщине.

К сожалению, так мало женщин проходит по этим строкам, которых можно поставить в ряд с теми, кого по праву можно назвать замечательными современниками кыргызстанцев рубежа двух тысячелетий.

Получив свободный диплом, который выдавался исключительно отличникам учебы, выпускница "женпеда" Заря Таштанбековна Сардарбекова выбрала Ысык-Атинский район. В то время его администрация находилась в селе Ивановка. На торжественном мероприятии посвящения в учителя, директор Буденновской средней школы прямо-таки уцепилась в девушку, ну просто дюймовочку, и сказала:

— Я прошу тебя, поедem работать ко мне. Тут всего-то десять минут езды, но там так тебя не хватает!

Согласилась и поехала. Через десять минут езды, видя, что кругом поля и поля, она, наконец, спросила у водителя автобуса:

— А где же Буденновка?

— О, до нее еще полчаса езды, - ответил он.

И такая тоска запала в душу малюсенькой учительницы. Это сейчас она немного раздобрела, а то ведь и посмотреть было не на что. Худенькая, маленькая.

Сами понимаете, какой народ преобладает в Буденновке. В основном — это кавказцы. Ребятишки там, впрочем, как и родители, темпераментные, горячие. Иногда разыграются на перемене, не успокоишь. И такая апатия была у преподавательского состава, не опишешь. Бывало, прозвенит звонок, но никто ни с места. Пять-десять минут пройдет, и только после этого все нехотя расходятся по классам.

Выходить первой Заря просто чистосердечно боялась. Ведь разбесившаяся ребятня могла просто сшибить ее, как какую-нибудь пятиклашку. Пережила она этот крошечный ад. Вскоре стала завучем по внеклассной работе. Полюбила ее ребятня, не меньше чем директор школы, что утщила ее с описанного выше торжества.

Ну никогда не думала миниатюрная горожаночка, которая и практику-то проходила в городской школе, что попадет в село. Приметили ее в РайОНО и уговорили пойти работать инспектором. Жизнь немного полегче пошла. Твердый оклад, плюс приработка в ближайшей школе. Итого шестьсот рублей — заработок вполне приличный по тем временам.

Но все равно ей, как и любой женщине, чего-то не хватало. Душа требовала чего-то возвышенного, святого. Так и согласилась Заря работать ответственным секретарем общества "Знание".

Три незабываемых года ездила она по селам, организовывала проведение лекций на научно-популярные и политико-просветительные темы.

Увидели в ней тогда, молодой коммунистке, особый организаторский дар. Высшей оценкой этого было назначение ее на должность заведующего сектором партийного учета. А это в те времена было предметом мечтания многих. Чтобы получить это назначение, нужно было пройти самый тщательный отбор. И Заря, ни на миг не задумываясь о своей карьере, получила предпочтение на выборе претендента на эту должность.

А через два года наступили черные дни для всех истинных коммунистов. Партия была объявлена вне закона. Для Зари это было тяжелейшим ударом. Но быстро сориентировавшись в обстановке, согласилась идти на работу инспектором РайОНО.

Тогда-то и встретилась она с Алишером Абдышевичем Сакебаевым, тогдашним председателем Ысык-Атинского райсовета. Пошла работать к нему. После объединения двух районов, заметил ее и Геннадий Валерьевич. Поначалу назначил ее заведующей общим отделом райгосадминистрации, через полгода перевел руководителем аппарата.

На этой должности работала она и в момент моего знакомства с ней. Как и прежде — та же маленькая, юркая, немногословная.

Заметьте, что все ближайшие помощники Давиденко обладают именно такими характерными особенностями. Что это? Или удачные совпадения, или умение приспособиться к требованию шефа? На этот вопрос ответить трудно. Но мне кажется, что феномен этого явления все же в том, что Геннадий Валерьевич просто предоставляет всем полную свободу действий, но требует при этом только положительного результата, тонко поправляя их деятельность.

— Вы знаете, - говорит Заря, — Геннадий Валерьевич разбудил нас от вечного сна ожидания команды сверху, заставил нас думать.

Может быть это единственно правильный ответ на заданный мною вопрос. Каждый, умеющий думать человек, хочет, чтобы результаты его труда были наиболее значительны, и мысли их, в общем-то, благородны. Не нужно мешать им в этом, и дело пойдет.

— Я просто не представляю, как это я смогла бы не выполнить задание Геннадия Валерьевича, - говорит она. — Получая его, я стараюсь предугадать, какого результата ожидает он от заданного. И делаю для этого все возможное. При том я знаю, что ничего сверхъестественного от меня не требуется, так как Давиденко уже продумал и для себя доказал, что это возможно. Это очень добрый и умный человек. Я счастлива от того, что работаю с ним, помогаю ему.

А знаете ли, лучше всех о своем шефе может рассказать его секретарь. Но мне понадобился целый год, чтобы по крупинке вытянуть из нее весь портрет Геннадия Валерьевича. Речь пойдет о Симе, как называют эту молодую женщину. А, впрочем, я думал, что она еще совсем девочка. Оказалось же, что у нее уже двое детей. Когда я узнал о том, что муж не живет с ней, подумал — какие же мы, мужики, дураки. Оставить такую прекрасную жену, да еще с двумя детьми. Нет, это не глупо. Это чудовищно!

Хочется несколько слов сказать о ее профессиональном уровне. Вот именно, профессиональном. Это настоящая, добрая помощница для такого большого человека. По крайней мере так мы считаем, я и она. Видывал я за свою жизнь не одну сотню таких вот девиц, девушек, женщин, которые в любую минуту готовы закрыть своим телом двери кабинета своего шефа. Но все это в меру их служебных обязанностей, если хотите. А вот такого искренне доброжелательного отношения к человеку, которому она обязана создавать нормальную, рабочую обстановку, я не встречал.

— Для меня Геннадий Валерьевич — предел моего понятия о настоящем человеке.

Большого она мне сказать не смогла, не сумела. Но в подмысле сказанного я услышал такое глубокое благоговение к своему новому шефу, что не мог не поверить в искренность сказанного. Когда я начал работать в этом районе, я знал, в каких невыносимо трудных условиях приходится жить этой одинокой матери, не имеющей крыши над головой. Многих руководителей пережила она, но никто, кроме "ля-ля", ничем не помог ей. А как при этом можно рассчитывать на полную самоотдачу работе человеком, у которого на уме только: где жить, как накормить своих малолетних детей, не имея поддержки со стороны их отца?

Просто диву даешься, почему раньше никто из ее прежних шефов не решил эту, для них самую пустяковую проблему. И вот я с радостью узнаю, что Геннадий Валерьевич изыскал возможность выделить для ее семьи маленькую квартиру. Ну маленькую — это в понятии его возможностей. Для Сима же это было все. Давиденко это объяснил просто:

— Секретарь — это незаменимая помощница, которой можно доверить то, что не каждому откроешь. И Сима это то, что надо в этом плане.

А, впрочем, он мне этого мог бы и не говорить. Сидя часами в приемной в ожидании, когда он, наконец-то освободится, я видел, как с полуслова они понимают друг друга. Ее феномен в том, что она знает все. Мгновенно соединит его по телефону с любым, понадобившимся руководителем, зная на память все телефоны. Если надо, сбегает за кем-то, но главное, Сима освобождает акима от тех посетителей, чью проблему может решить кто-то из его замов. Не возвышая ни перед кем своего положения, поможет любому прихожанину, при необходимости написать заявление, объяснит какими документами нужно обзавестись, чтобы упростить решение проблемы.

Знаете, есть такие ходоки, которым просто хочется по душам поговорить с большим руководителем, практически не нуждаясь ни в чем. Особенно этим страдают пенсионеры. Но как быть в такой ситуации, когда тому, к кому пришли, сегодня просто некогда? И Симе удастся в этом случае самой поговорить с человеком. Добрым словом убедить его, успокоить душу.

Я далек от мысли утвердить за ней статус церковной матушки. Но поверьте мне, старому человеку, как иногда это необходимо людям.

Не знаю, удастся или нет мне поместить в этой книге ее фотографию. Она, в меру своей скромности и непомерной занятости, просто никак не может принести мне свой лик. Скажу лишь об одном

— нынешний секретарь у Давиденко полностью соответствует его характеру.

Сегодня она или по настоянию Давиденко, или по его согласию и поддержке заочно учится на юриста. И как это мудро! Имея высшее образование и не желая оставлять приемную такого крупного руководителя, она вполне может стать референтом. И вообще, давно уже пора каждому желающему сделать для общего блага максимум пользы иметь личного секретаря с высшим, а следовательно, и с высоким образованием, способного львиную долю организационных проблем взять на себя.

В стремлении показать максимальное число работников, с кем приходится решать государственные проблемы моему главному герою, я никак не мог не рассказать еще об одном ысыкатинце. Это Советбек Абдышевич Сакебаев, специальный администратор ГАО "Тунгуч-Кант", названный именем его отца — Абдыша Сакебаева, возглавляющего этот завод без малого четверть века. Вообще-то понятие "специальный администратор" звучит настораживающе, поскольку назначается он временно возглавить предприятие-банкрот.

Сложно сейчас судить, кто виноват, что такое крупное предприятие, бывшее частичкой всесоюзной "сахарницы" некогда огромной державы, банкрот.

Рассказ будет только о его нынешнем молодом директоре Советбеке Абдышевиче и его братьях, которых я неплохо знаю. В первую очередь, разумеется, немного о моих личных впечатлениях о его самом старшем брате — Алишере, с которым вместе, вернее под его руководством, работал в Аламудунском районе, где он был первым главой райгосадминистрации. Он привлекал доступностью, умением, не ставая себя выше кого бы то ни было, конструктивно построить разговор с собеседником, проникновенностью ума и просто обаянием, как внутренним, так и внешним.

До сих пор я с глубоким уважением отношусь к нему и когда узнал, что его кандидатура выдвинута в депутаты палаты народных представителей ЖК, предложил ему свою помощь. Сначала он согласился с тем, что я напишу о нем небольшую брошюрку, чтобы показать, какой он есть человек, призвав избирателей отдать ему свое предпочтение. Считая меня, как он выражался неоднократно, хорошим журналистом, все же пренебрег моей помощью, заявив:

— У меня, можно сказать, стопроцентная гарантия, что буду избран по району, где меня буквально знают все, не только руководители всех звеньев и служб, но и простые аламудунцы. Ты же знаешь, что моя дверь для них всегда открыта.

Я попытался переубедить его:

— Все ваши друзья-товарищи были ими, когда вы были главой района. Они вам просто льстили и сегодня бессовестно вас предадут.

В ответ он, дав понять, что наш разговор окончен, коротко отрезал.

— Не надо паниковать и пугать меня.

Теперь он понял, что прав был я, а не он. Но время потеряно, козырей в его колоде на проверку оказалось нет совсем, и его карта была бита. На второй тур голосования осталось только два кандидата: он и Савицкий Александр Васильевич — директор местной чулочно-носочной фабрики с, унаследованным от головного предприятия, названием “Эдельвейс”. Но даже когда преимущество выбора стало явно на стороне Сакебаева, который для района сделал больше Савицкого, первый снова проиграл. С небольшим отставанием, но проиграл.

А ведь Алишер Абдышевич, по мнению многих, был более достоин. Его руководство районом совпало с началом всеобщего развала экономики. Но между тем ему удалось сохранить все сельскохозяйственные и промышленные предприятия, не дав их растащить, дойти до банкротства. Именно с того времени и по сей день в Аламудунском районе раньше всех в республике выплачивается пенсия и прочие пособия, а также зарплата всем бюджетникам. Самое же главное это то, что оставил он район, полностью обеспечив все населенные пункты школами и медицинскими учреждениями. При нем открылись новые средние школы в селах Гроздь, Кайырма, Степное, Лебединовка и Горная Маевка. И это в то время, когда во всей республике прекратили существование почти все строительные организации. А в Аламудуне сдавались новые дома для сельской интеллигенции, газифицировались села.

Теперь все это оказалось забытым, как и то, что Савицкий выставил за ворота своей фабрики сотни работников, попавших под сокращение, нищенскую жизнь уготовил тысячам пенсионеров своей невыплатой в бюджет более двенадцати миллионов сомов.

Так как же получилось, что он выиграл на выборах? А выиграл ли? Ведь центризбирком так и не выдал ему депутатского мандата. Оказалось, что сторонники Сакебаева сумели доказать целый ряд фактов грубейших нарушений избирательного Кодекса. А это и преждевременное закрытие избирательных участков. Избиратели, пришедшие после 9 часов утра, обнаруживали, что за них уже проголосовали. Члены комиссии пачками опускали в урны для голосования бюллетени с отметкой “за” Савицкого. Фальсификация

результатов голосования отмечена буквально на всех избирательных участках.

А руководители всех уровней района организовали ничем не прикрытую агитацию против своего бывшего шефа, того самого, при бытности которого во главе района, буквально клялись ему в вечной верности. И все они когда-то стояли у могил отца и сына Алишера Абдышевича, делали вид их безмерного сострадания своему акиму. Ну как же иначе, если отец до последнего своего вздоха учил людей жить в мире и согласии во имя будущего своего народа, а сын погиб при исполнении своего долга от рук преступников?

Вот сейчас я думаю, какими глазами смотрят на Сакебаева при случайной встрече те, которые в самый ответственный момент предали его.

А ведь мандат депутата нужен ему не для личного блага. Работая национальным координатором от правительства Кыргызской Республики по реализации Проекта по управлению водными ресурсами и окружающей среды бассейна Аральского моря ему, как воздух, нужно было иметь документ, доказывающий его действия от имени парламента республики. Савицкому же он требовался лишь как средство в глазах общественности, как та "Золотая Звезда" черного цвета, купленная им в Париже за недополученные работниками фирмы деньги. Для этого он не брезговал ничем. Даже бумагой, которая была им приобретена на этикетки своей продукции, оставив ее на складах на общую сумму, превышающую два миллиона сомов, так нужных для дальнейшего производства.

Жизнь и это расставит по своим местам. В конце концов правда восторжествует. Жаль только то, что этот факт накануне президентских выборов вносит в людей сомнение, что и они пройдут честно.

Кстати, ничего подобного не было обнаружено на избирательных участках Ысык-Атинского района. Давиденко не допустил бы этого. Как-то, во время предвыборной кампании, я попросил его честно ответить на мой вопрос:

— Кого вы, Геннадий Валерьевич, хотели бы видеть среди избранников от вашего района?

Он чистосердечно, как обычно, ответил:

— Мне все равно. Но все-таки, если сказать честно, я хотел бы, чтобы все наши избранники были местные люди, чтобы они душой и сердцем болели за наш район, помогли на самом высоком уровне решать все его проблемы.

К слову сказать, в Аламудунской земле лежат далекие и самые близкие родственники Сакебаевых, и Алишер Абдышевич не меньше Савицкого болеет за судьбу своих земляков.

Но вернемся к его самому младшему брату — Советбеку, с которым мы ненадолго расстались, чтобы рассказать о его старшем брате.

Еще с одним из его братьев я знаком. Это Эркин. Он работает первым заместителем главы Панфиловской райгосадминистрации. Несколько лет Эркин Абдышевич работал вместе с Геннадием Валерьевичем. От него он и знал, что это за человек — Давиденко, его сегодняшний руководитель. Так что Советбек Абдышевич был искренне рад, что и ему придется вместе работать с глубоко уважаемыми братьями человеком.

— Я ждал встречи с ним, но не думал, что так смогу с ним сблизиться. Стараюсь, как могу, помогать ему во всех его просьбах, — говорит он. — Вот именно, “просьбах”. Ведь он никогда не приказывает. Просто просит. И отказать ему ни в чем нельзя. Во-первых, просит он не для себя. А, во-вторых, он никогда не превышает наших возможностей. Прекрасно знает наше производство, следовательно, и наши возможности.

Спрашиваю, в свою очередь:

— А чем он помогает вам? Ну хотя бы лично тебе, как руководителю, как человеку, как его подчиненному?

— В материальном плане я хорошо понимаю, он помочь ничем не может. Но зато трудно переоценить его моральную поддержку. Я сейчас не готов привести конкретный пример. Их так много, что выбрать сложно. Всегда и во всем я чувствую его поддержку. Он как старший товарищ, как самый верный друг в любую минуту готов прийти на помощь. И чувствуя, что твою правоту всегда кто-то поддержит, уверенно иду напролом, не боясь ничего. Разве это не помощь?

В первые мгновения нашего знакомства мне Советбек показался каким-то суховатым, ничем не напоминающим своих старших братьев. Но поговорив с ним всего лишь несколько минут и лучше рассмотрев его, я пришел к выводу, что он очень приятный собеседник. У него настолько европейские черты лица, что если бы убрать его смуглость, то он сошел бы и за русского, и за кавказца. С братьями же он схож манерами поведения, способностью построить свою мысль и даже какими-то неуловимыми жестами.

Скоро, теперь уже очень скоро, я смогу получше рассказать о всех братьях Сакебаевых в своей очередной книге. После знакомства с Советбеком, у меня еще больше укрепилось желание написать и об этих наших замечательных современниках и, конечно же, об их отце, о котором братья издали небольшую книжонку, в чью основу легли записки Абдыша Сакебаевича. В них он завещает своим детям быть достойными его памяти, стать порядочными людьми.

Если бы не была ограничена моя возможность в описании всех, без исключения, ситуаций, с которыми сталкивался Геннадий Валерьевич, о главных районных "поливальщиках" можно было бы сказать больше. Но пока ограничиваюсь лишь немногим, тем, что связано с ними.

Молдобек Аянович Тюбеев словно ждал этого разговора. Не успел я и рта раскрыть, как он, видимо, со свойственным ему темпераментом быстро и громко заговорил:

— Эта же прекрасная идея — написать книгу о таком замечательном человеке как Геннадий Валерьевич. В своей жизни я встретил таких как он только двоих. Был еще такой — Казыбай Алымович Турчанов — первый секретарь Сокулукского райкома партии. В чем-то они даже схожи. Всегда, когда я встречаю Давиденко, вспоминаю о нем. Он был такой же рассудительный и очень логичный в своих намерениях и высказываниях. Но при этом наш нынешний аким действует конкретно и бьет прямо в точку. Ну, казалось бы, чем он смог бы помочь такой отрасли, как водное хозяйство? Заткнуть брешь безденежья сейчас не может даже государство. Силой своего приказа он даже не сможет добиться, чтобы с нами рассчитались хозяйства. Хоть многое для этого он уже сделал. Но это всего лишь тактика. Геннадий Валерьевич показал себя по отношению к земельно-водной проблеме как стратег.

И Молдобек рассказал мне, что именно его сегодняшний шеф первым в нашей республике заговорил о необходимости объединить всех водопользователей в ассоциации. И действительно. Вспомним историю. Революция в сельском хозяйстве началась именно с земельно-водной реформы. Организаторы и вдохновители на заре советской власти, именно в нашем регионе, поняв, что здесь земля и вода неразрывно связаны, проводили реформирование как единое целое. Поэтому сегодня трудно понять наших высокопоставленных ребят, когда они, верша земельную реформу, даже словом не обмолвились, что нужно не просто земельное формирование взаимоотношений крестьянской когорты, а земельно-водное.

Сегодня мы имеем когда-то четко отлаженную ирригационно-мелиоративную сеть, которой грозит неотвратимое разрушение. Вот уже несколько лет государство, надеясь на авось, вплотную не занимается не только ее реконструкцией, но даже профилактическим обслуживанием, не говоря уж о строительстве чего-то нового, наиболее передового. Ему просто это не под силу. Хотя на высоком уровне вроде бы и намерено материализовать громкие проекты. Автор располагает документами о том, что на совершенствование водного хозяйства в 1998 году было решено нашим правительством выделить ни много, ни мало, а миллиард сомов. Еще тогда в СМИ

появилась моя статья " Дойдет ли миллиард до адресата, если да, то когда?". Еще тогда я пытался заострить свое внимание, что такое сузакская трагедия по сравнению с тем, что может произойти с Кыргызстаном, если, скажем, не выдержит плотина Орто-Токойского водохранилища.

Но этот миллиард водохозяйственники так и не получили. А денег, что все-таки выделили, хватило на небольшие косметические операции того, что видно. Где уж там заглядывать под землю, где зловеще притаилась значительная часть мелиоративной системы. А она уж дает знать о себе. Наступают на плантации камыши, вырывают из севооборота солончаки вторичного засоления.

Когда-то мощные подразделения колхозов и совхозов препятствовали этому, имея современную дорогостоящую землеройную технику. Теперь эксплуатацию дренажно-оросительных систем отдали, пусть даже и безвозмездно, мелким крестьянским хозяйствам и просто единоличникам. Большинство из них даже и понятия не имеют о том, что эти системы нуждаются в постоянной профилактике, стоящей сумасшедших капиталовложений. И за эту халатность им уже сегодня приходится рассчитывать потерей урожайности плодороднейших торфяников, коими в нашей республике являются, в своем подавляющем большинстве, посевные угодья.

Не одну бессонную ночь провел Геннадий Валерьевич, чтобы выработать четкое направление своих действий, решить и эту, если хотите, государственную проблему. И когда сформировалось окончательное решение, добился разрешения выехать с группой специалистов в Турцию. Как известно, в этой стране, несмотря на то, что там никогда не было крупных сельскохозяйственных объединений, система водопользования всегда решалась успешно.

Естественно, Молдобек Аянович, как главный водохозяйственник района, был в этой команде. Увиденное там не могло не поразить воображение людей, привыкших делать только то, что продиктовано сверху. Все оказалось простым как все гениальное. Но это только там, где люди столетиями совершенствовали взаимоотношения во благо земли — своей единственной кормилицы. Одним словом, все посланцы нашей, политой слезами и потом земли, пришли к единственному выводу: необходимо во что бы то ни стало объединить мелкие, разрозненные хозяйства в ассоциации водопользователей.

Главной проблемой при этом оставалось, как довести до ума крестьян, что для осуществления задачи на вечные времена оставить землю нашу не просто родящей, но и плодородной, придется вложить немало коллективного труда и как следует раскошелиться.

В принципе, оно так и получилось. В штыки приняли сообщение о том, что необходимо пойти на ряд сегодняшних ущемлений их интересов. Отрицательно восприняли не только большинство безграмотных, в этом отношении крестьян, но даже и коллектив Тюбеева, который, казалось бы, должен был обрадоваться, пусть даже попытке этого нововведения. Водохозяйственников пугало почему-то то, что они могут не только потерять власть водного диктата, но и вообще остаться без работы. Крестьяне же не хотели брать на себя дополнительные хлопоты, так как и понять не хотели, что в данной ситуации они сами становятся владельцами того, ради чего шли на поклон и приходилось вставать в боевую позу, защищая право на свою долю воды. Ведь если сегодня еще как-то мирятся с тем, что имеют возможность хоть как-то оросить свой земельный надел, то завтра, когда значительная часть гидросооружений придет в негодность, придется решить многие проблемы более серьезным оружием. А это крах всему, неминуемы трагедии.

Мало кого убедил и прошедший в районе областной семинар. И все потому, что мало кто и среди выступающих с пламенными призывами ассоциироваться, понимал до глубины души, что это значит и как добиться цивилизованного уровня решения этой проблемы. Уже потом, в результате личных бесед с руководителями хозяйств и глав местных селений, Геннадия Валерьевичу кое-как удалось убедить некоторых попробовать создать у себя названные ассоциации. А если честно сказать, то и последние согласились попробовать только потому, что знали — результат всех нововведений их нынешнего акима был на удивление всем нигилистам положительным.

Думаю, уместным здесь изложить главную суть коллективизации землепользователей, хотя и слово-то "коллективизация" уже ассоциируется с понятием "закабаление". Но как бы это не называлось, во все времена люди в одиночку не добивались ничего сколько-нибудь существенного. Вспомним хотя бы своих древнейших предков, коллективно добывающих себе пищу и строивших жилье. Уже потом, миллионы лет спустя, большевистский поэт скажет: "горе одному, один не воин". Тут же речь идет о сложнейших, пусть даже мелких, гидротехнических сооружениях. Крупные и главные ирригационно-очистительной артерии останутся под опекой государства, как и сейчас. Но у какого крестьянина хватит сил, и средств, чтобы, скажем, очистить свою, зарытую в землю дренаж? Многие даже не знают, что таковые на их крохотной плантации имеются. Тут нужна машина, которую в одиночку не купишь.

В некоторых хозяйствах они еще имеются. Но зачем руководителям этих крестьянских объединений головная боль о том, что где-то на совершенно ненужном им клочке земли единоличника, буйствуют агрессивные грунтовые воды, сжигая все живое и которые необходимо срочно откачать? Можно, разумеется, всю эту работу отдать государству. Пусть оно увеличивает штаты своих водхозов и сдирает за это с крестьян баснословные суммы денег. При этом, где гарантия, что существующие госструктуры будут заботиться о всех одинаково. По принципу "кто платит деньги, тот и правит бал", инициатива перейдет в руки наиболее состоятельных и платежеспособных, делая их еще богаче, а бедных — нищими.

Поэтому нововведение идет главным образом, в интересах беднейшего крестьянства, которого большинство. Но при этом именно эта сельская прослойка наиболее агрессивно воспринимает призыв объединиться. Мне кажется, что все они уже имеют горький опыт, единожды отмежевавшись. Вряд ли кто из них может похвастаться тем, что их хлеб меньше соленый, чем у тех людей, кто от отделения воздержался.

Нет, я не призываю прекратить раздел коллективной собственности. Каждый, кто трудится на земле, должен иметь свою долю и четко знать, где она находится, а следовательно, и получать от нее свою часть прибыли. Но при этом соображать же нужно, что в одиночку ничего не добьешься. Вообще-то и над разделением земли нужно еще хорошенько подумать. К примеру, точно зная где твоя доля и видя, какие там получаются огромные урожаи, тебе естественно, захочется взять ее себе и выйти из объединения. Зачем, мол, кормить кого-то, когда свой двор полон ртов? Вот и решил человек уйти. Ну хорошо, если доля где-то с краю. А как быть, если она на середине поля? Не вертолетом же до нее добираться. Значит нужна дорога. Где же гарантия, что на нее не уйдет вся площадь желающего отделиться? Через свою же территорию вряд ли кто разрешит протоптать даже тропинку. Так что, задача со многими неизвестными. И решать ее необходимо всем миром. И опять же тут главная роль отводится именно "вождям" районного уровня. Как она решается в Ысык-Ате разговор не очень отдаленного будущего. К этому мы еще придем.

Несколько слов о передовиках производства УОС.

Чымчыков Камчыбек — инженер I категории г/у "ВБЧК" 1934 года рождения

Работает в Кантском УОСе с 1958 года по настоящее время водным объездчиком, техником, ст.инженером, начальником гидроучастка "ВБЧК".

За все время он показал себя грамотным специалистом. Гидроучасток, где он трудился в должности начальника, был всегда передовым по всем показателям. Не смотря на свой пенсионный возраст, ему 65 лет, продолжает свою деятельность на том же гидроучастке инженером I категории, оказывает практическую помощь молодым специалистам. Вырастил четверых детей.

Раджабов Темир Кулиевич — начальник гидроучастка “ЗБЧК” 1939 года рождения.

Начал свою трудовую деятельность с 1959 года трактористом Киргизской МИС. Закончил политехнический техникум в 1972 году и работал в том же хозяйстве гидротехником по 1979 год. В Кантском РУВХ трудится с 1979 года по настоящее время в должности начальника гидроучастка “ЗБЧК”.

Темир Кулиевич принципиален, требователен к себе и подчиненным, сочетает эти качества с чуткостью и отзывчивостью к людям. Несмотря на свой пенсионный возраст, продолжает учить, помогать молодым специалистам, делится опытом, пользуется заслуженным авторитетом в коллективе. Воспитал четверых детей.

Шапиев Кубат — инженер I категории. 1940 года рождения.

Начал свою трудовую деятельность с 1962 года старшим инженером в Кеминском УОСе после окончания гидромелиоративного отделения политехнического техникума. В 1963 году был переведен в Чуйское УОС ст.инженером, затем в 1977 году — старшим инженером в Ысык-Атинское УОС. В 1965-ом поступил в Джамбульский гидромелиоративно-строительный институт, закончил его заочно в 1973 году. С 1991 года по сарт 1999 года — инженер I категории.

Грамотный, честный, добросовестный товарищ. Воспитывает 5-х детей. Он разбирается в вопросах гидрометрии при составлении плана водопользования, среди коллетива имеет авторитет наставника, постоянно помогает молодым специалистам.

Вам-Боши Александра Васильевна — инженер I категории гидроучастка “ЗБЧК”, пенсионерка, 1935 года рождения.

Начала свою трудовую деятельность ткачихой Пенькожутовой фабрики г.Фрунзе. В 1953 году поступила во Фрунзенский гидромелиоративный техникум по специальности техник-гидротехник, закончила в 1957 году. С 1957 по 1961 год работала инженер-гидротехником, с 1961 по 1963-й — в Сокулукском УОСе по той же специальности. С 1974 года по настоящее время работает инженером в Ысык-Атинском УОСе. Она с 1990 года пенсионерка, но, несмотря на это, продолжает свою трудовую деятельность в Ысык-Атинском РУВХ. Очень энергичная, добросовестная, дисциплинированная работница. везде и всегда помогает молодым

специалистам. Воспитала дочь, которая продолжила семейную трудовую династию.

Жуков Михаил Степанович — техник гидроучастка “ЗБЧК”, 1953 года рождения — начал свою трудовую деятельность в 1970 году учеником машиниста холодильных установок в УРС Новоинского горного комбината. В Ысык-Атинском райводхозе работал с 1987 года объездчиком, затем техником. В данное время трудится на г/у “ЗБЧК” на должности техника. Хороший специалист, грамотный, исполнительный, требователен к подчиненным. Всегда готов прийти на помощь и подсказать, как лучше выполнить ту или иную работу или задание. Принимает активное участие в общественной жизни коллектива, член профсоюзного комитета. Один воспитывает двух дочерей.

Брылев Анатолий Пантелеевич — инженер отдела мелиорации, 1940 года рождения — начал трудовую деятельность техником диспетчером на плотине “ЗБЧК” г.Фрунзе. В Ысык-Атинском УОСе работает с 1968 года. За этот период показал себя грамотным, исполнительным и инициативным специалистом, награждался грамотами и денежными премиями за добросовестный труд. Всегда исполняет порученные ему задания вовремя и с инициативой. Всю документацию ведет аккуратно, требователен к себе и подчиненным. Следит за повышением своего общеобразовательного уровня, заочно закончил политехнический техникум. Пользуется уважением среди сотрудников.

Многие ысыкатынцы мне постоянно советовали обязательно встретиться с директором племенного птицевыращивающего Жолдошбеком Турсункуловичем Турсункуловым. У него, де, есть что сказать о нынешнем акиме. Сам же Геннадий Валерьевич считает, что ничего особенного для этого предприятия не сделал. Просто не мешал работать да от нападков силовиков оберегал. А разве сегодня этого мало? Зная, что Давиденко порой слишком умаляет свои заслуги, решил поехать. Первая поездка оказалась порожней. С трудом разыскал затерявшийся где-то в степи завод. Но хозяина на нем не оказалось. Не было его и дома.

При первой же возможности съездил еще раз. И не пожалел. Несмотря на то, что время еще было рабочим, решил сначала заехать к нему домой. Это было по пути. И правильно сделал. Оказывается, он только что приехал и уж никак не ждал гостей. Растерялся. Даже позабыл пригласить меня в дом и готов был отвечать на вопросы прямо у ворот, но, спохватившись, проводил меня в свои домашние апартаменты.

Разговорить его оказалось делом несложным. Узнав, зачем приехал, он поблагодарил меня за саму идею написать о таком замечательном человеке.

— Если бы не Геннадий Валерьевич, наш завод давно бы уже прекратил свое существование, как это сделали пять из семи птицеферм Кыргызстана, - начал он. — Собственно, и нас уже объявили банкротами. Я старался сделать все, чтобы его сохранить, не дать превратить в руины. Прежнее руководство района наша судьба, похоже, не волновала. Есть мы или нет нас, им было все едино.

Турсункулов давно понял, что кому-то выгодно было довести госплемзавод "до ручки". Таким образом, сбив на него цену до минимума, можно было приобрести это предприятие за бесценок, как это сделали, скажем, с аламудунским винзаводом имени Ленина. В итоге проиграли все. Сотни людей остались без работы. Кыргызстанцы и их соседи остались без излюбленного крепкого напитка. Государство стало недополучать миллионы от реализации винопродуктов. Новые хозяева завода так и не смогли наладить производство собственного вина или разлив где-то купленного на стороне, и действительно обанкротились. К такому же концу шел племзавод. Хотя он и считался государственным, фактически оказался никому не нужным. Кроме Жолдошбека Турсункуловича, да тех, кто на нем работал. Был, конечно, выход из создавшегося положения. Можно было найти инвестора на стороне. Так, китайцы давно приглядывались к нему. Но, видя незаинтересованность со стороны государственных структур, махнули рукой. Сколько нервов и бессонных ночей стоило директору, на каждом шагу наталкивающемуся на непробиваемую стену запретов и равнодушия чиновников самых высоких рангов.

Район объединили с соседним, Кантским. К удивлению директора, новый аким Геннадий Валерьевич Давиденко сам приехал на завод. Обошел его, дав понять этим, что имеет серьезные намерения оживить важнейшее предприятие.

— Завод ваш должен жить! - в итоге сказал он. — Делайте для этого все возможное. Чем смогу, помогу.

Такое заключение акима окрылило Жолдошбека Турсункуловича. И он начал действовать. Разыскал китайцев. Заключил с ними, под гарантию районного руководства, обоюдовыгодное соглашение. Китайцы выделили необходимую сумму денег на ремонт и приобретение кормов. Кроме того, прислали двести пятьдесят тысяч яиц для инкубации. Через СМИ дали объявление о покупке кормов, и около проходной выстроилась целая очередь, желающих продать заводу свои излишки.

Как мать оберегает свое дитя, так и Давиденко оберегал этот завод. Никто без его ведома и согласия не мог заявиться туда для каких-нибудь проверок или ревизий. Не надоедал и сам, когда убедился, что дела пошли на лад.

А дела действительно пошли в гору. Из полученных яиц вывелось около ста семидесяти тысяч цыплят. Оставили для себя часть для воспроизводства и товарных целей, остальных продали населению по цене, что называется, ниже рыночной. И это при том, что завезенная порода кур обладает наивысшей яйценоскостью. В день нашей беседы на заводе было пятьдесят тысяч голов птицы. Из них пятнадцать — кур-несушек, выделенных для маточного поголовья. На полную мощность работало три цеха: маточный, молодняка и откормочный, где дорастивают реммолодняк. Недалеко то время, когда окупятся все затраты и начнется увеличение поголовья. Но это не самое сложное. Трудное все уже позади.

Несомненно то, что все планы директора осуществляются. Пока мы беседовали, я рассмотрел его лицо в полумраке комнаты с зашторенными окнами. При всей его внешней приятности, я увидел в нем волевого человека, не побоявшегося пойти на суд, чтобы не допустить признания завода банкротом. И победил. Сумел доказать, что предприятие сможет быть дееспособным. Главное, не мешать ему. И Давиденко не мешал, а постоянно подбадривал, укреплял уверенность в правоте руководителя. Был бы Геннадий Валерьевич в этом районе раньше, разумеется, ни до какого суда дело бы не дошло.

Но полным рассказ Турсункулова о его детище не получился бы, если бы мы не съездили на завод. Жаль только, что слишком жесткий здесь санитарный режим, и мы не смогли посмотреть корпуса. По порядку, существующему на территории, не трудно было догадаться, что в цехах полный порядок. Зато лучше рассмотрел еще одного сподвижника Геннадия Валерьевича, его умные, серьезные глаза, ладно устроенное телосложение. Я давно уже пришел к выводу, что не правы пессимисты, заявляющие, что страна наша скатывается к неминуемой гибели. И это потому, что есть еще у нас такие руководители как Турсункулов. Только бы не мешали им творить чудеса гражданского патриотизма. Чтобы законы и государственные мужи защищали, помогали и поддерживали их во всех ценных начинаниях, как это делает Давиденко.

И очень жаль, что мы, журналисты, слишком мало пишем о таких людях. Сейчас модным стало "копаться в белье", искать "темные пятна на белом покрывале", нежели показывать людей труда с их проблемами и с тем, каких неимоверных усилий ума и действий стоит осуществление их благих намерений. Уезжая, я поставил перед

собой задачу еще и еще раз приехать сюда и рассказать своим читателям со страниц газет, что стало с этим предприятием, добьется ли намеченного еще один мой герой.

Возвращаясь домой, невольно взглянул на восток, где примерно в десяти километрах от племзавода виднеются корпуса и труба еще одного завода. Это АО "Силикат". Это предприятие индустрии строительных материалов уже неминуемо бы погребло, если бы не вмешался и в его безрадостную судьбу новый глава райгосадминистрации. Последний раз я был на нем двенадцать лет назад. Тогда это был мощнейший на всю Среднюю Азию завод. Поражали взор огромные, горизонтально уложенные автоклавы, в чрево которых вкатывались десятки груженных аккуратно нарезанными серыми кирпичами вагонетки, чтобы через определенное время выкатить их оттуда с готовыми к производству, отливающимися голубизной брусками. И хотя полученный материал по своим деловым качествам во многом превосходил его обожженного красного собрата, цена его была значительно ниже обыкновенного кирпича. Тогда на этом заводе, как мне помнится, работало более тысячи человек. Целый жилой массив был построен для заводчан. Были планы расширить производство, поскольку закладывались все новые и новые многоэтажки. А сегодня, проезжая мимо, сразу понимаешь, что ни о каком расширении производства уже и речи не идет. Так и стоят недостроенными великолепные бетонные изваяния, не дождавшиеся своих хозяев. И дождутся ли их вообще когда-нибудь? Люди, потерявшие работу, разъехались. Всего же на заводе осталось менее двухсот человек, да и тем трудно найти работу. Уже потом, в беседе с генеральным директором АО узнаю, что за последние пять месяцев завод проработал только сорок один день. А ведь это цеха с непрерывным циклом работы. Следовательно, автоклавы работают вхолостую, понапрасну тратя огромные средства, пуская на ветер дорогостоящие энергоносители. Нет и той бесконечной вереницы грузовиков, ожидающих своей очереди на получение необходимого кирпича и газосиликатных плит. Все это напрасное воздухоавтоклавление ложится на себестоимость бедных кирпичиков, которые теперь простому застройщику просто не по карману.

Но не только высокая стоимость невостребуемых теперь силикатов угрожает полному прекращению производства. Во много раз подорожала известь, которая в данном производстве является одним из главных компонентов. Мало того, ее еще и везти нужно Бог знает откуда. Хотя имеются свои, давно разведанные известковые залежи. Раньше планировалось обжиг делать тут же на комбинате, теперь же, из-за дороговизны ГСМ, мазута от этой идеи отказались. А

ведь можно было бы производить обжиг на собственном цемзаводе. Там все равно не используются все мощности. Но и этот вопрос решается медленно, словно все это нужно только гендиректору.

А, впрочем, о каком известняке может идти речь, если о простой глине годами на районном уровне не решался вопрос. Вспомнился совсем недавний эпизод. Для решения указанного вопроса в кабинет акима были приглашены главные специалисты двух, казалось бы, родственных заводов — силикатного и кирпичного, что и расположены-то совсем рядом, и когда-то входили в состав одного комбината стройматериалов, что было вполне разумным.

Проблема, на первый взгляд, казалась просто пустяковой: два предприятия никак не могли поделить огромную гору все той же глины, хватившей бы на миллион лет сотне таких как они. В данной ситуации камнем преткновения было одно маленькое “но” — подъездные дороги. Эксплуатировать их совместно — дело бесконечных скандалов и разборок. Выход один — каждому иметь свои подъезды. Но для этого у каждого и карьер должен быть отдельный. Но кому какой, должен был решить арбитр в лице главы района. Много глав и голов сменилось в районе, но вопрос так и не решался. Почему? Ответ будет позже...

Оказывается, Давиденко уже решил как рассудить, переходящих на взаимные оскорбления, соседей. Но инициативу передал им, а сам только наблюдал, как они друг перед другом махали кулаками. Потом не выдержал и спокойно так, с прикрытой ухмылкой, сказал:

— Давайте-ка, друзья, поедem все вместе к этой горе. Там и подеретесь. Кто сильнее окажется, того и правда будет.

Никто не ожидал такого соломонова решения. Покатили машины по заброшенным полуразбитым дорогам на юг. Вот и эта stokлятая гора. Наверное, из нее можно было бы построить не одну тысячу таких провинциальных городишек, как наша столица. И опять Давиденко решил не вмешиваться. Больше того, взял и вообще ушел за километр, чтобы не слышать непрекращающегося всю дорогу скандала. А когда вернулся, примерно через час, два директора стояли как два самых закадычных друга, чуть ли не целуясь, полюбовно поделив между собой и гору, и пути подъезда к ней. Так же мирно решили и вопрос о песке, которого тоже не перебрать ни нам, ни нашим потомкам до сотого поколения.

— Так почему же этот совсем простой вопрос не могли решить раньше? - спрашиваю я у гендиректора АО “Силикат” Керима Исмаилова, когда мы разговорились в его кабинете. — Неужели это требовало какие-то затраты?

Как всегда улыбаясь, Керим Исмаилович пояснил:

— Да, нужны были затраты. Только с нашей стороны. Кто больше даст на лапу главе, тот и получит то, что хотел. Предшественники Геннадия Валерьевича только и думали о своем кармане. А Давиденко совсем не такой. Он прежде всего думает не о себе, а о деле. Он, к сожалению, один среди немногих, кто понимает, как важно, чтобы заработали наши заводы на всю мощь. Это для района огромная поддержка: тысячи рабочих мест и пополнение казны.

Будет или не будет жить этот завод, решит время. Не бездействует его генеральный директор. Пишет депеши губернатору, ищет инвесторов. Кстати, его бизнес-планом заинтересовались англичане. Тут снова пригодится глава района. Многое будет зависеть от его гарантии, которую он, по-видимому, обязательно даст.

Покидал кабинет Керима Исмаиловича с грустной мыслью. Подумать только, сколько в бывшем Ысык-Атинском районе таких толковых вдумчивых людей как он, а район "плелся" по целому ряду экономических пунктов где-то в самом конце областных показателей. Что же мешало им работать лучше, как, скажем, сейчас? И ответ все-таки напрашивается один-единственный — нужно чтобы район возглавлял человек, для которого нет понятия "я", "мое", а "мы" и "наше". И люди пойдут за таким человеком, сделают все, что можно, чтобы и жить стало лучше, и потомкам что-то оставить большее, нежели добрая память о себе. А, впрочем, добрая память и остается в добрых делах.

Побывать на заводе красного кирпича АО "Рассвет" с первого захода не удалось. Директор был страшно занят, и я решил не отвлекать его своими расспросами. За десять минут каждого не разговоришь. А хочется узнать как можно больше. Поэтому решил по пути заехать на сельхозпредприятие с длинным наименованием: "Агрофирма ассоциированных крестьянских товаропроизводителей имени Ленина". Председатель же ее — Иван Григорьевич Хижняк, узнав цель моего визита, извинился, что ему сейчас просто не до меня. Договорились встретиться через день, в шесть часов вечера. Приехал в назначенное время. Нас встретила сторож и сказала, что только что позвонил председатель и просил, чтобы я немного подождал. Впрочем, так поступают все порядочные люди.

Насчет таких мне в тот день явно не повезло. Видимо, из-за обострения обстановки на юге явно перестарались гаишники. На каждом перекрестке — стоп! Все что-то не так находили в машине моего доброго приятеля, который любезно согласился меня покатыть по району. Словом, все деньги, которые мы с ним наскребли на бензин, у нас забрали, причем никаких квитков никто даже и не

собирался давать. Да мы на них и не претендовали. Знали, если будем возмущаться, нам же будет хуже. Как-то один служивый мне сказал, что менты с журналистами в одном деле схожи: дай нам фамилию, а статью они придумают. Я же для себя уже давно сделал вывод, что не знаю как от нас — служителей пера, а от бандитов некоторые из них отличаются точно только тем, что последние у тебя могут забрать все, что есть. Милиционерам же, порой, еще и должен остаешься. Так что пришлось моему новому знакомому немного раскошелиться и слить из бака своего "Жигуленка" в наш литров восемь.

Мне показалось, что Иван Григорьевич намного моложе меня и хотел с ним перейти уже на "ты", а оказалось он уже разменял седьмой десяток, правда совсем недавно, а мне до этого срока нужно исписать еще не одну сотню разовых авторучек. И действительно, бывают же люди, до такого возраста сохранившие молодость своей души, которая прекрасным отпечатком ложится на внешнее обаяние. Про таких людей обычно говорят: у них нет желчи. А это значит, нет и зла. Поэтому они не стареют, не старит их и седина. А если она еще такая волнистая, как у Хижняка, то даже украшает и предрасполагает к задушевному разговору на равных.

В самом начале беседы выяснил у него, почему такое длинное название агрофирмы?

— Оно позволяет нам не только выращивать сельхозпродукцию, но и перерабатывать ее, — пояснил Иван Григорьевич. — После раздела хозяйства у нас осталась половина от того, что мы имели раньше. Но людей же нужно обеспечивать работой круглый год. Вот и решили заняться глубокой переработкой. В дальнейшем думаем расширить ассортимент своей продукции. Может жить станет немного легче.

Кто бывал в этом хозяйстве, не мог не заметить на высоком постаменте около здания правления старинный трактор "Коммунар". Тот самый, о ста тысячах которых мечтал человек, именем которого названо хозяйство. Тут же, около конторы, имеется небольшая заасфальтированная площадь, на которой, по словам сельчан, проходят торжественные митинги и народные гуляния. На одной стороне площади — поименная Доска памяти погибших в годы войны, а напротив — обелиск во славу тех, кто золотом вписан в ума и сердца своих односельчан своим огромным жизненно-трудовым подвигом.

О том, что здесь чтут и помнят таких людей говорит и тот факт, что Иван Григорьевич попросил, чтобы я в книге назвал имена тех, кто является предметом всеобщей гордости, принеся селу немалую славу.

Вообще-то о людях этого хозяйства можно говорить бесконечно долго. Когда-то оно было чуть ли не самым крепким в районе. Да и о самом председателе совета крестьянских товаропроизводителей можно тоже сказать немало. По всей вероятности, он своей трудовой книжки и в руках еще не держал. Здесь начал свою трудовую деятельность. Здесь прошли его студенческие годы в Токмакском сельхозтехникуме. А "Скрябинку" закончил уже будучи председателем. Первым же его рабочим креслом было то, что положено шоферу. Первой пробой его организаторских способностей была должность механика. Нужно отдать должное крестьянину и за то, что кого попало он над собой не поставит. Поэтому избрали председателем Хижняка и до сих пор не жалеют.

— Больше всего я благодарен всем своим учителям за то, что они научили меня дисциплине, - говорит он. — Не будет дисциплины, не будет ничего!

Сегодня здесь не могут похвастаться высокими надоями и невиданными урожаями. Но шоковое состояние прошло, и люди потихоньку начинают адаптироваться в новых экономических условиях. И уже заметны сдвиги. При том, разве это не гражданский подвиг: удержаться на плаву в то время, когда все валится и рушится? Разве это не их заслуга в том, что на сегодня они не должны никому. Не пристают налоговики и работники соцфонда, им, как и энергетикам, хозяйство заплатило вперед. А то ведь дело дошло до того, что потребовали ликвидировать даже свиноферму. Уж было согласился на это председатель, а пришел к свиноводам, увидел их укоряющие глаза и стыдно за себя стало. Что же выходит, сколько лет все горечи и неудачи делили пополам, надеялся на них, верил, что они не подведут, а сегодня пальчиком ему пригрозили и он в кусты — предал их? Нет, не бывать этому! И не дал ликвидировать нажитое всеобщим трудом. Сегодня там пятьдесят основных свиноматок, двадцать разовых. Кормов хватит. Да и новое руководство района поддерживает. При том — еще как!

— Без моего ведома чтобы ни одна душа с проверками и перепроверками не совала своего носа в хозяйство и предприятия, — раз и навсегда сказал на одном из совещаний Давиденко. — Не мешайте людям работать!

Сказал как отрезал. В районе уже давно поняли, что глава такими словами на ветер не бросается. Остается только загадкой, почему его все силовики так боятся? Не боятся же руководители хозяйств и предприятий. Никого он в жизни не уволил с работы, никого никак не наказал, а боятся, и все тут. А главное, боятся

обмануть. Все давно уже поняли, что прежде чем у кого-то о чем-то спросить, Геннадий Валерьевич уже сам прекрасно знает ответ.

— Слушай, дорогой товарищ, ты когда там за школой порядок наведешь?

— Так я там уже его навел.

— Когда ты там был?

— Да вот вчера.

— Не ври. Ты там никогда не был и не знаешь, что там творится.

Первые дни своего районного главенствования такие разговоры можно было слышать в кабинете главы постоянно. Теперь такого быть не может. Уж если проморгал что, лучше стой и помалкивай, или пообещай навести порядок. Но потом попробуй не выполни обещанного.

— Было время, - продолжает наш разговор Иван Григорьевич, - что уже хотелось все бросить к чертовой матери. До того уж нас запутало государство. Прямо-таки петлю на шею надело в виде товарного кредита под 118 процентов. И это в то время, когда нам все были должны. Один только маслозавод задолжал четыреста тысяч сомов. Кое-как рассчитался вином и водкой. Фабрика ПОШ с трудом вернула сто тысяч. Потом этот грант, что японцы дали. Безвозмездным его называли. Ох и крепко дало нам по шее это японское "безвозмездие". Теперь лично я не боюсь ничего. Геннадий Валерьевич всегда на стороне производителя стоит и в обиду нас никому не даст.

Подумав еще немного, Хижняк добавил:

— А на первом месте у нашего акима — школы и больницы. Мне кажется в нашем, теперь уже объединенном районе, нет такого класса или больничной палаты, куда бы он не заглянул, где бы не сделал замечание, а потом обязательно проверил бы. Но главное, он не заставляет "хватать звезд с неба". Требуется делать только то, что смог бы сам сделать, находясь на месте того, с кого требует.

Приступая работать над воссозданием образа своего главного героя, я знал, что придется встретиться с десятками руководителей всех рангов, с родственниками и сотнями простых тружеников. Но при этом как я поступлю, если все они будут говорить одно и то же? Речь-то ведь пойдет об одном человеке. А оказалось, что никто из них практически не повторился, нанося на белый лист бумаги все новые и новые штрихи портрета замечательного человека. Едино было только одно — ни одного темного, могущего затенить прекрасное, пятна.

И поэтому, если сказать по совести, я ожидал назначенного часа встречи с председателем правления АКХ "Кировец" (назовем его так, как будет называться эта сельхозартель после утверждения в

Минюсте) Олегом Григорьевичем Станиславчуком с боязнью, что уж этот-то точно скажет нечто невообразимое. Настолько уж серьезным и бескомпромиссным показался он мне в первый момент знакомства. И даже где-то внутри обрадовался тому, что он перенес час нашей беседы.

А договорились мы встретиться в воскресенье в одиннадцать часов утра, как он шутя обосновал, за рюмкой чая. чтобы разговор был особенно откровенным. Но и на этот раз закон подлости сработал четко. Без пятнадцати одиннадцать я узнал, что милиция забрала у моего приятеля машину. Видимо, у него не нашлось полтинника, чтобы кому-то замазать глаза и рот. Пока нашел другую машину и добрался до центра Новопокровки, Олег Григорьевич, не дождавшись, уехал. В меру своей наивности я подумал, что его утянула куда-то охотничья стезя. А оказалось, причина куда прозаичнее. Вспомним времена, когда ликвидировались все бесперспективные населенные пункты. Попал в этот список и аил с чисто горным названием Таш-Пашат. В переводе это означает что-то каменное. Так и оказались сорок пять дворов с горцами этого селения никому не нужными. И влачили они свое полуголодное существование, пока не вспомнил о них Олег Григорьевич.

Да и его привела туда нужда. Отделив значительную часть земель хозяйства в фонд перераспределения, руководитель пришел к выводу, что с такими площадями существующее стадо не прокормишь. Вот и вспомнили о жайлоо, когда-то принадлежащее кировцам. Поехал председатель в аил, жителей которого хорошо описал Гончаров, характеризуя Обломовку, где лишний раз не перетрутся и быстрее умрут с голода, нежели в руки возьмут лопату. Собрал он аксакалов и предложил заманчивую для них сделку. По ней каждый двор получает по полторы тонны зерна. А за это АКХ использует все их земли по своему усмотрению. Кроме того, желающие могут получить работу по уходу за скотом и на посевных кормовых культурах.

Разговорившись со Станиславчуком, я еще раз убедился в обманчивости первого впечатления. Человеком он оказался добродушным, разговорчивым, но при этом рациональным. Даже ни одного лишнего слова не услышал я от него. Все точно, конкретно, размеренно и с глубоким смыслом. Особенно пригодились его внутренняя рациональность тогда, когда хозяйству просто навязывали японский грант. Сомнение вызвало то, что товар, отпускаемый под этот грант, выражался в натуральном, а не в денежном исчислении. "Нет, - подумал он, - что-то тут неладно. Ну вот рассудите. Дали, скажем, мне пятьдесят тонн удобрений. А цену не указали. Что же выходит, ставь цену, какую ты вздумал и будешь

прав? Удобрение-то уже взяли и расписались за полученное". Но об этом мы поговорим чуть попозже, на примере уже другого хозяйства.

Что же касается Таш-Пашата, то проникательности Олега Григорьевича можно просто позавидовать. Только первым укосом "зеленки" накосили 450 тонн, чем обеспечили личные подворья всех членов АКХ. А уж после второго и до самого снега можно там немного попасть молодняк. Кроме того, все лето пасли еще лошадей и три с половиной тысячи овец. Сегодня, когда крестьяне из соседних районов плачут из-за тяжелой жизни, кировчане, имея двадцать точек в столице, ежедневно везут туда по восемь-десять тонн молока по четыре с полтиной за литр. Заметьте, в это же время гормолзавод, обернув это молоко в дешевую пленку, берет за литр одиннадцать сомов. Так что не сельчане из Новопокровки грабят горожан.

В этом году хозяйство намолотило 6200 тонн зерна, из которого 1250 тонн роздано своим труженикам по восемьдесят тыйын за один килограмм. Неправда ли, совсем неплохо? А если к этому прибавить еще и то, что хозяйство никому ни за что не должно, а наоборот, осуществляло предоплату по целому ряду позиций, можно согласиться с тем, что такие руководители как Олег Григорьевич Станиславчук не зря поставлены в один ряд с главным героем настоящего повествования. Да и делают они вместе одно дело. Только масштабы несколько иные. Так, кировцы в прошлом году на свои средства сделали капитальный ремонт школы, в следующем году — больницы. Деньги, вложенные в это дело, были зачтены соответствующим образом. Так что глава района и в этом сыграл положительную роль. Мог бы он силой своего постановления сказать, вы, мол, для себя же сделали. Но главный принцип главы района — "не руби сук, на котором сидишь", сыграл и здесь свою роль — с крепкими хозяйствами жить легче всему району.

Что же касается проблем, то и здесь их немало. Одна из них в том, что хозяйство может ежемесячно пускать под нож 50-60 только одних голов КРС. Но куда их деть? Мясокомбинат не принимает. Таскаться по мини-колбасным цехам для столь солидного производства — дело несерьезное, да и невыгодное. Самим же создать собственный колбасный цех накладно, и, опять же, нужен рынок сбыта. А ведь могло бы государство помочь в решении этого вопроса. Ну, к примеру, для госрезерва принимали бы скот по той же схеме, что и раньше: ферма-мясокомбинат. Но при этом цены не должны отпугивать производителя, а стимулировать его интересы.

Уже три года, как хозяйство получило статус семеноводческого по зерновым культурам. Здесь выращивается элита и экс-элита. Опять же проблемы со сбытом. Простым крестьянам не по карману купить такие семена. Хотя семена

наивысшей репродукции оправдывают все расходы на их приобретение.

Что же касается Геннадия Валерьевича, то вот дословная характеристика его, которую дал Олег Григорьевич:

— Давиденко — наш мужик. Он понимает нас с полуслова, и мы его никогда не подведем.

А вот его люди.

Боброва Лидия Александровна — 1927 года рождения. Заслуженная пенсионерка колхоза им.Кирова (ныне ассоциация крестьян). В хозяйстве проработала 32 года. Бессменно работала звеньевой свекловичного звена. Работать приходилось в тяжелых условиях. Чистили свеклу и грузили вручную, до появления спец-техники. На каждую свекловичницу приходилось до 5 га свеклы. Персональная пенсионерка. Награждена: Орденом Ленина, медалью "За доблестный труд", медалью "За трудовую доблесть", медалью "100-летие со дня рождения В.И.Ленина", медалью "ВДНХ СССР", Почетной грамотой Верховного Совета СССР. Будучи на пенсии, еще много лет трудилась на разных работах. Неоднократно помещалась на доску Почета к-за им.Кирова и района, а также избиралась депутатом местного Совета и рай.Совета.

Кривонос Петр Филиппович — 1927 года рождения. В колхозе им.Кирова отработал 44 года. И в настоящее время, когда необходима его помощь, он всегда выходит на работу. Трудился трактористом, затем возглавлял полеводческую бригаду № 2. Бригада, руководимая Кривоносовым П.Ф., всегда считалась передовой. Неоднократно избирался членом Правления колхоза. Был избран депутатом местного Совета и рай.Совета. Имеет награды: Орден Ленина, Орден Трудового Красного Знамени, Орден "Знак Почета", четыре медали сельхоз.выставки СССР, Почетную Грамоту Киргизской ССР, заслуженный колхозник, ветеран труда.

Золотарева Екатерина Ивановна — 1930 года рождения. В хозяйстве отработала 38 лет. Заслуженная пенсионерка. Работала свекловичницей. Все годы возглавляла звено по выращиванию сахарной свеклы. Боевая, энергичная женщина. Приходилось и в жару, и в непогоду трудиться на поле. Копать и грузить свеклу вручную. Золотарева Е.И. неоднократно была избрана депутатом рай.Совета. Награждена: Орденом Трудового Красного Знамени, медалью "За трудовую доблесть", медалью "За доблестный труд", медалью к 100-летию рождения В.И.Ленина.

Шкаева Лидия Филипповна — 1951 г. рождения. Зам. главного бухгалтера и бухгалтер по животноводству. Требовательная к своим подотчетным лицам. Окончила сельхозинститут им.Скрябина.

Нерлих Эвальд Горальдович — 1956 г. рождения. Работает в хозяйстве 30 лет. Из них 20 лет отработал трактористом. Последние 10 лет работает поливальщиком. Душой болеет за свою работу.

Ильенко Любовь Ивановна — 1957 г. рождения. Работает дояркой с 1981 года. Имеет высокие надои. Любит свою работу. Группа коров, которых доит Ильенко Л. всегда ухоженная.

Тарасенко Ольга Павловна — 1946 г. рождения, — диспетчер автогаража ассоциации. Работает в хозяйстве с 1993 года, ведет общественную работу, председатель Совета по защите прав трудящихся. Умеет по деловому объяснить работнику и разобраться в сложившейся ситуации. Пользуется уважением в коллективе.

Поставническая Эмма Александровна — 1946 г. рождения. 20 лет работает телятницей на молочно-товарной ферме. Средне-суточный привес составляет 600-700 гр. Является хорошим наставником для молодежи.

Паршаков Владимир Васильевич — 1946 г. рождения — работает трактористом в ассоциации в течении 33 лет. Любит свой труд. Бережно относится к технике, выполняет любую работу, данную ему руководством бригады.

Пономарев Николай Семенович — 1953 г. рождения. В хозяйстве трудится с 1976 года. 12 лет работал техникум-осеменатором. Знающий свое дело специалист. Добивался неплохих результатов по выходу телят. Уже 11 лет работает заведующим молочно-товарной фермы. Руководимая Пономаревым ферма выращивает телок для ремонта молочного стада. Член совета ассоциации.

Манжосов Виктор Дмитриевич — 1949 года рождения. С 13 лет работает в колхозе им.Кирова. 7 лет был разнорабочим. Затем окончил курсы и уже 30 лет работает трактористом. Технику содержит в хорошем состоянии. Неоднократно награждался денежными премиями и другими наградами. Служит хорошим примером для молодежи. Его сын также трудится в хозяйстве трактористом.

Ленартович Владимир Алексеевич — 1974 года рождения. Один из лучших комбайнеров хозяйства. Отличный специалист своего дела. На уборке зерновых-колосовых намолот составил 727 тонн. Отлично разбирается в технике. Наставник для молодых. Обучает своего сына во время уборки урожая.

Дьяченко Николай Александрович — 1954 года рождения, бригадир полеводческой бригады № 2. Требователен к своим подчиненным. На уборке зерновых получил с 1 га 48,5 центнеров. Неоднократно избирается членом Совета ассоциации, всегда имеет и высказывает свое мнение. Неоднократно премирован ценными подарками.

Корягин Сергей Ильич — 1947 года рождения. Начал трудовую деятельность с 1975 года трактористом. Закрепленная за ним техника всегда в хорошем состоянии. Принципиальный. Много раз награждался за хорошую работу.

Куприянов Александр Сергеевич — 1944 года рождения. Возглавляет бригаду, которая обеспечивает животноводческие фермы кормами. Оказывает помощь молодым трактористам. Советом ассоциации неоднократно награжден ценными подарками и денежными премиями.

Куприянов Алексей Алексеевич — 1941 года рождения. Трактористом работает с 1963 года. Любит технику. Не выезжает на работу без контрольного осмотра техники. Хороший наставник молодежи.

Караваев Александр Юрьевич — 1965 года рождения. В хозяйстве работает поливальщиком 2 года. Зарекомендовал себя хорошим работником. Поливы сельхозкультур проводит качественно.

Жамалов Ахмат Одесович — 1952 года рождения. Стаж работы в хозяйстве 31 год. В настоящее время заведующий молочно-товарной фермой. Хороший хозяин своего подразделения. На ферме дружный коллектив, крепкая трудовая дисциплина.

Булыгин Николай Иванович — 1951 года рождения. Работает трактористом в полеводческой бригаде № 2. Любит свою работу. Прежде чем приступить к работе на тракторе, он его тщательно осматривает.

Абдраимов Фархан — 1959 года рождения. Работает в хозяйстве 18 лет, в животноводстве 8 лет чабаном. Имел хорошие показатели по настригу шерсти. В настоящее время — скотник по откормке бычков. Средне-суточный привес составляет 600-700 гр.

Червяков Алексей Викторович — 1955 года рождения. Работает в хозяйстве скотником с 1977 года. Очень любит лошадей. Часто выезжает на соревнования по конному спорту. Болеет душой за свою работу. Неоднократно награждался ценными подарками и денежными премиями.

Чернявская Валентина Владимировна — 1958 года рождения. Работает дояркой на МТФ № 3 уже 18 лет. Любит своих коров. За хорошую работу неоднократно премировалась руководством хозяйства.

Лобанцев Александр Михалович — 1953 года рождения. Работает на МТФ № 2 скотником. С любовью относится к животным. Старается вовремя накормить, напоить закрепленный за ним скот.

Белянская Любовь Васильевна — 1955 года рождения. Работает дояркой 21 год. Передает опыт своей дочери. Любит свою работу.

Черский Геннадий Алексеевич — 1947 года рождения. Работает в хозяйстве 32 года трактористом. Закрепленная за ним техника всегда в хорошем состоянии.

Примерно так же охарактеризовал Давиденко и председатель ОКХ "Алга". Это хозяйство имеет с кировчанами общие границы, следовательно, и общего у них много. И опять же, не подтвердились мои первые впечатления. Мне он показался совсем молодым. Ну, думаю, ему до сорока еще дожить нужно. А оказалось, что ему уже сорок восемь. Может быть молодит его то, что он метис. Мать у него русская, отец — кыргыз. Он, как все метисы, очень красивый, хотя в его чертах лица нет и следов европейца. Слаженность фигуры тоже свидетельствует о благоприятствовании смешения кровей. Да и мыслит он как-то по-особенному.

Познакомился я с ним во время интереснейшего для председателя занятия. Он сидел на куче неочищенных от "рубашек" кукурузных початков и очищал их. И пока не закончил работу, видимо выделенную ему, не покинул ее. Так что пришлось мне немного подождать.

— Так вот, что я скажу о Давиденко, - словно продолжая начатый у соседей разговор, начал Станислав Абдыкулович. — Он пришел к нам не откуда-то со стороны, а вышел из нашей среды, был в председательской шкуре и понимает, что это такое. Больше того, что мы не можем, от нас не требует, но и поблажек тоже не дает.

Хозяйство у Айдарбекова небольшое. Да и в селах, где оно расположено, всего только две с половиной тысячи человек. Когда начался раздел паев и имущества, сто двадцать семей отошли сразу же. Теперь многие из них, "нахлебавшись" пота единоличного труда, с удовольствием бы вернулись назад, но не возьмут. Так уж решили на своем собрании крестьяне. Ну рассудите сами. Кто-то решил со своей двухгектарной долей, что находится где-то за тридевять земель, вернуться. Кто будет там обрабатываться его участок? Нужно технику гнать, охрану содержать и прочее. Кроме того, каждый же получил еще и свой имущественный пай, поголовье. Теперь он все это промотал и "без штанов" возвращается. Примите, мол. Ни за что! Это и другим наука, и дармоеды в хозяйстве не нужны. Ушли в первую очередь те, кто не очень-то хотел работать в коллективе.

— А мы понемногу на ноги встаем, опираясь друг на дружку и помогая друг другу. За каждый гектар земли, взятый для общего пользования, в этом году, например, выдали по 470 килограммов зерна. Всего собрали 1184 тонны, шестьсот из которых отдали за землю. С долгами рассчитались. Имеем свой детсад, баню, медпункт. Школе выделили 58 тысяч сомов. Плохо, правда то, что не

имеем собственного поголовья. Но, может быть, со временем и эту проблему решим.

Из своих сорока семи лет Станислав Абдыкулович отдал родному хозяйству тридцать. От рядового колхозника до председателя дошел. Жизнью своей доволен. И мать за своего сына рада, гордится им. Нужно отдать должное его супруге за то, что хозяйка она прекрасная, как и прекрасно ее лицо. И еще славится семейство хлебосольством, умением угодить самому привередливому гостю.

Наконец, после целого ряда неудачных попыток, удалось встретиться еще с одним руководителем хозяйства — Александром Матвеевичем Ветровым. Уже десять лет возглавляет он бывший колхоз имени Ленина. Ныне это СХПК "Сеятель". Героически выдержав в приемной, когда решат свои проблемы "односекундные" посетители, зашел и я. Не успел как следует представиться, кто я и что мне нужно, как робко всунулся в дверь молодой человек с небольшой картонкой в руках, на которой записаны названия каких-то запчастей.

Председатель попросил свою секретаршу, она оказалась еще и диспетчером, чтобы та, кроме этого парня, больше никого не пускала. Но и этот прихожанин как-то помог мне лучше узнать еще одного руководителя, с которым работает Геннадий Валерьевич.

— Так, давай сюда свою грамоту, - почти недовольно сказал Ветров. — Так... подшипник. Хорошо. Он нужен. 600 сомов. Это тоже надо. Еще 200. А двигатель ремонтировать? Нет уж. Возьми объяснительную, разберись. Пусть каждый сполна платит за свое головотяпство. Так... Это не надо, потерпит. А это...

Так, оговорив каждую строчку, председатель написал на новом листке бумаги, по-видимому, указание главбуху выписать определенную сумму.

— Вот так, - уже обращаясь ко мне, Александр Матвеевич подытожил свою разборку. — Ни копейки лишней. Им только дай волю, все промотают.

Мне кажется, что последние слова именно так и были сказаны. По крайней мере, что-то в этом роде. Когда мы, наконец-то остались вдвоем, Ветров, видимо, уже подготовившись к разговору со мной, начал рассказывать о своем хозяйстве. Это был рассказ о чем-то до боли в сердце собственном, личном. Нет, он не говорил о себе или о каких-то его личных заслугах. Это были проблемы не только его, а всех руководителей-сельхозников.

— Ты просто не понимаешь, как нас все грабят. И каждый норовит идти напрямую, минуя районное начальство. Я не знаю, что было бы, если бы грудью не стоял за нас аким района. А как нас

ограбили японцы? Дали товарный кредит, ГСМ и удобрения. Отгрузили удобрение по весу. При этом, если в накладной записано тридцать тонн, выдали двадцать пять. — “За что?” - спрашиваю. А мне в ответ: — Накладные расходы, за хранение, погрузку, разгрузку и т.д. Но самое смешное впереди. Нам-то давали вроде как бы безвозмездно, а оказалось — это стоит, да еще и в долларах. При этом, когда мы получали, один доллар стоил пятнадцать сомов, а когда предъявляли счет, стал стоить уже сорок два, да плюс всякие проценты за несвоевременный расчет. Вот вам и помощь!”

А как уговаривали нас, чтобы мы этим грантом воспользовались! И теперь не знаю, как с процентами рассчитаться.

Когда я узнал, что это хозяйство сделало предоплату по всем видам обязательных платежей, задумался. Нет ли в этом какого-нибудь подвоха крестьянам? К примеру, сделали они предоплату соцфонду в один миллион триста тысяч сомов. Разумеется, эти деньги сразу же ушли на выплату пенсий и всякого рода пособий. Но ведь их выплачивать нужно будет и в будущем году. И мне известно, что так поступали чуть ли не все хозяйства. Что же дальше? Ведь наши пенсионеры захотят кушать и в будущем году.

Конечно, можно будет бросить клич, и крестьянин вывернет свои карманы и отдаст последнюю копейку если не на строительство так необходимой государству железной дороги, так для оказания помощи Барскауну, Баткену и еще Бог его знает кому. Но сколько же может это продолжаться и будет ли этому хоть когда-нибудь конец?

— Если же ты хочешь что-то написать про наше хозяйство, так не обо мне нужно писать, а о тех, кто непосредственно на своих рабочих местах создает материальные ценности. Я дам тебе фамилии тех, кем мы гордимся и, пожалуйста, в меру возможности увековечь в своей книге их имена.

Пообещав, что так именно я и поступлю, мы расстались.

На долгое время останется в моей памяти этот добрый, истинно русский человек с голубыми глазами и простым русским лицом. Хороший хозяин и просто деловой человек, пользующийся большим уважением у Геннадия Валерьевича. А этим сказано, думаю, все.

Своего особого мнения о новом главе райгосадминистрации Александр Матвеевич не высказал, считая: как это можно сделать, что называется, при живом-то(!)? Сказать плохо, ненароком беду на себя накличешь. Сказать хорошо — в подхалимы попадешь. В этом отношении мне было легче собирать материал о нем в районах, где теперь он уже “бывший”. Там его истинные друзья не стесняются с характеристиками. Да и знают его там лучше, поскольку проработал он там немало, и результаты деятельности остались вполне

очевидными. Скажем, про тот же ипподром, что вдохновил и организовал Геннадий Валерьевич в Московском районе. Там теперь все ясно, что данный акт был ничем иным, как способ сплотить вокруг районного руководства руководителей подотчетных хозяйств, сделать их единой семьей.

Конечно, мог бы Геннадий Валерьевич и в новом районе начать с этого — дорожка протоптана, испытана, результативна в положительном смысле. В Ысык-Атинском районе к необходимости иметь свой, хоть немного отвечающий требованиям, ипподром, пришли несколько позже. А идея иметь данный объект родилась уже давно. Вот только руки все не доходили. Да и удовольствие это довольно-таки дорогостоящее. Одному хозяйству просто не под силу. Но стоило только Давиденко заикнуться на эту тему, как взметнулся вверх лес рук. Всем ясно, что игра стоит свеч. Ведь ипподром для района — это не только возможность для общения на посвященных какому-нибудь празднику скачках или традиционных национальных играх, но и квалифицированный подход к отбору генофонда для воспроизводства лучших скакунов. А это, как известно, валюта, без которой нынче не обойтись.

Районные архитекторы объехали всю республику в поисках уже имеющегося оригинала. Отобрали все самое лучшее и представили на суд свое предложение, которое тут же было одобрено. И место выбрано удачное, на территории КХ "Нооруз". Там уже имелось специально подготовленное поле, осталось только облагородить его зрительными трибунами, коновязями для животных и погрузочно-разгрузочной эстакадой. Собрали немного денег для строительства первой очереди. На рабочем столе председателя Александра Матвеевича лежит сегодня карта — схема будущего ипподрома. Хочется верить, что когда данная книга увидит свет, работы на строительстве этого объекта районной значимости развернутся.

Наверное, главные заботы лягут на плечи здешнего руководителя. Видимо, расположенный рядом сельскохозяйственный техникум, которому ипподром нужен больше чем кому-либо, если не сможет выделить ощутимые средства, то уж рабочими руками поддержит. Ведь у него в распоряжении не одна сотня трудолюбивых ребят.

А коней у нас в области любят. Каждый руководитель хозяйства имеет собственных пышногривых любимцев. Совсем недавно узнаю, что таков имеется и у Геннадия Валерьевича, и совершать с ним ежеутреннюю прогулку у акима самое любимое, можно сказать, душеспасительное занятие. А представьте себе, если мы серьезно подойдем к намеченному делу, сколько сотен сельских

мальчишек и даже девчонок найдут себе самых прекрасных друзей в общественных, и если желаете, в собственных конюшнях. Друзей, которые не умеют подводить, не втянут в какую-нибудь гнусную деятельность. Больше того, прекрасное будит прекрасные порывы души. Вот конечная цель главы района и его ближайших сподвижников, поддержавших его, сделавших конкретный шаг к ее приближению!

И хорошо, что среди тех, кто поддержал его на этот раз — председатель СПК “Сеятель” Александр Матвеевич Ветров и его коллектив, в котором трудятся прекрасные люди.

Вот они.

Афашоков Сагит Юсупович, работает в хозяйстве с 1973 года механизатором. За время работы в хозяйстве зарекомендовал себя знающим механизатором. За хорошую работу неоднократно поощрялся правлением хозяйства.

Акаев Назыр Магометович, был принят в члены хозяйства в 1985 году после окончания КСХИ им.Скрябина в качестве зоотехника. За короткий срок показал себя как знающий специалист и прекрасный организатор. В 1988 году был назначен заведующим МТФ-1. В лучшие годы молочно-товарная ферма под его руководством надаивала по 4081 кг молока на одну фуражную корову.

Болбаев Каныбек Кадыралиевич работает в хозяйстве с 1966 года. Прекрасный механизатор с хорошими знаниями техники. К порученной работе относится добросовестно, выполняет качественно и в срок.

Байбеков Сагындык работает в хозяйстве 39 лет механизатором. За время работы освоил все виды сельскохозяйственной техники. Как настоящий сельский житель — может пахать, сеять и убирать любую культуру. К тому же всякую работу делает с душой и большим чувством ответственности.

Власова Людмила Леонидовна работает в хозяйстве на молочно-товарной ферме на самом ответственном участке — родильном отделении. Раздой коров-первотелок и после отела требует большого внимания к животным. И ей это удастся. Сохранность телят за ряд последних лет составляет 99,5%.

Василенко Николай Михайлович является одним из старейших работников хозяйства. Работа водителя молоковоза непосредственно связана с работой молочно-товарной фермы. За сорок лет работы в хозяйстве он ни разу не подвел доярок. Сбор и вывоз молока всегда проходит в установленный срок.

Геккель Владимир Александрович работает в хозяйстве с 1979 года старшим скотником родильного отделения. За много лет работы научился понимать животных, их повадки. В корпусе, где он

работает, всегда чистота и порядок. Своими знаниями охотно делится с молодежью, словом и делом помогает дояркам. Пользуется в коллективе уважением.

Дуенко Валентина Григорьевна работает в хозяйстве с 1973 года дояркой молочно-товарной фермы.

За время работы в хозяйстве зарекомендовала себя с положительной стороны.

Аккуратная, ласковая с животными, легко справляется с вверенной ей группой коров, надаивая от каждой более 4000 кг молока. Своим опытом работы делится с молодежью.

Данько Иван Николаевич работает в хозяйстве с 1947 года. Все годы работы он является бессменным руководителем духового оркестра. Обладает хорошими организаторскими способностями, чуткий, терпеливый работник. Умеет увлечь подростков, привить им любовь к музыке. Несмотря на свой возраст, он всегда в кругу молодежи.

Кумушбекова Кульшахан Джазыбековна работает в хозяйстве с 1970 года. Первые десять лет была помощником чабана, а затем перешла в полеводческую бригаду. За время работы в бригаде приходилось выращивать кукурузу, овощи, сахарную свеклу.

На всех участках Кульшахан трудилась добросовестно, вкладывая в работу не только силу, но и душу. За трудолюбие и чуткость ее любят и уважают в коллективе. Она умело руководит звеном свекловичниц.

Кривошеев Михаил Васильевич работает в хозяйстве с 1982 года в мастерских слесарем-мотористом. Его чувство ответственности в работе сказывается на работе всей техники хозяйства.

Куликов Юрий Анатольевич с 1986 года занимается ремонтом техники в хозяйстве. В летний период — бессменный участник уборочной страды, лидер трудового соперничества на уборке зерновых колосовых. За сезон намолачивает более 700 тонн зерна.

Куликов Анатолий Михайлович работает в хозяйстве с 1957 года. В его трудовой книжке только одна запись: принят шофером. За время работы освоил все автомобили хозяйства. Работал там, где была в этом необходимость. Если это уборка сенажной массы или силосной кукурузы, этот водитель всегда в лидерах.

Мусульманов Билял Момутович работает в хозяйстве с 1975 года водителем. Круглый год он развозит на автобусе к месту работы работников хозяйства. А если в хозяйстве во время уборки загвоздка с транспортом, то и здесь он всегда на высоте, садится за руль самосвала и помогает убирать урожай с полей.

Марченко Иван Васильевич за 10 лет работы в хозяйстве показал себя специалистом высокого класса. Работая инженером по трудоемким процессам в животноводстве, Иван Васильевич может найти выход из любого положения и с честью справиться с любыми сложностями.

Мизиев Хасан работает в хозяйстве с 15 лет. С 1965 года в животноводстве. Выращивание молодняка КРС — ответственная работа, с которой Мизиев Хасан справляется и достигает неплохих результатов. По результатам года среднесуточный привес в его группе телят до 6-ти месяцев составляет 680 грамм, а сохранность поголовья — 98%.

Новиков Владимир Алексеевич с 1985 года работает в хозяйстве в животноводстве. Начал со скотника, работал учетчиком, веттехником, а сейчас уже 9 лет — осеменатором. Знает и любит животных и, несмотря на сложности в работе, выход телят на 100 коров по ферме составляет не менее 85%.

Сметанкин Николай Григорьевич работает в хозяйстве с 1978 года. 5 лет был учетчиком тракторно-полеводческой бригады. Затем сам принял бригаду и до сегодняшнего дня возглавляет ее. В полеводстве, руководимая им бригада из года в год добивается лучших результатов. Всегда самая высокая урожайность зерновых колосовых, многолетних трав и силосной кукурузы.

О том, что еще не все потеряно можно судить, приведя в пример бывшую Кыргызскую машиноиспытательную станцию (МИС). Ныне это СХК «МИС». Многое можно рассказать об этом прекрасном сельхозпредприятии, возглавляемом Абласовым Советом Абласовичем. Здесь люди и его руководители не напугались реформ в сельском хозяйстве, не поторопились растащить его по частям, а еще дружнее взялись за работу и добиваются, порой, того, чего сложно было добиться при Советах.

Лучший способ показать наиболее характерные, яркие примеры из жизни этого подразделения Ысык-Атинского района, это привести дословно всего один лишь выпуск собственной многотиражки хозяйства с соответствующим названием «Сельская Новь». Редактором ее является уважаемый мною Александр Николаевич Цуркан, известный в области и республике журналист-корреспондент областной газеты «Чуйские известия». Выпущен он был в октябре 1999 года.

«ТИНА, ЛИПА, ЛИРА — НАША ГОРДОСТЬ И КУМИРЫ»

Когда стало известно, что в конце первой декады октября в Бишкеке состоится первая национальная выставка крупного рогатого скота, в отделе животноводства МИС забеспокоились. И вовсе не потому, что хозяйству нечего было показать. Наоборот, в то время.

когда в других коллективных хозяйствах области, чрезмерно увлекшись реформаторскими новациями, на нет свели селекционную работу и даже самую животноводческую отрасль, в МИСе продолжали спокойно делать свое дело. И когда кое-кто из заведующих ферм, ссылаясь на объективные экономические трудности, попытался было протолкнуть коров и задействовать имеющихся в хозяйстве быков-производителей, "инициативу" сразу же пресекли, узрев в ней угрозу племенному делу. Благодаря предпринятым со стороны руководства и специалистов хозяйства усилиям, селекционная работа здесь не только не пошла на спад, но и в последние годы активизировалась, что вкупе с укреплением кормовой базы заметно подняло продуктивность дойного стада.

А беспокойство предстоящая выставка вызвала по той простой причине, что мероприятия подобного рода не проводились уже лет десять, и за это время навыки подготовки к демонстрации животных были основательно подзабыты.

Были определенные трудности и с подбором кандидаток на конкурс. Если бы главным критерием тут была продуктивность буренок, то не составляло бы большого труда выбрать самых высокоудойных коров. Но условиями выставки в качестве главного критерия предусматривался фенотип или, проще говоря, внешний признак коров. Попробуй, выбери из более чем тысячи претенденток самую достойную.

Теперь, когда все эти тревоги и сама выставка позади, можно с уверенностью сказать, что труд специалистов и всех животноводов хозяйства оценен по достоинству. 8 из 15 представленных на выставку коров и телок удостоены призовых мест. Но самый почетный из них — так называемый сосуд Дюара, предназначенный для длительного хранения семени быков-производителей, стоимостью 560 долларов США, достался МИСовской телочке по кличке Тина, выступающей под номером 32.

Среди взрослых коров первое место заняла Липа, которая за первую лактацию дала 5330 килограммов молока. А перед тем, как попасть на выставку, среднесуточный удой Липы равнялся 28 килограммам молока. Привлекла внимание строгих членов жюри конкурса и другая представительница МИС — Лира с ежедневным удоем молока в 30 килограммов. И если бы претенденток оценивали на выставке по продуктивности, то Лира, безусловно, завоевала титул абсолютной чемпионки.

В кабинете главного зоотехника хозяйства А.Р.Куттукова на самом видном месте красуется весьма любопытный стенд, на котором в лаконичной форме изложена история развития молочного скотоводства МИС. Среди прочих экспонатов выделяется

фотография, на которой запечатлена великолепная по своей конституции корова. Заметив мой пристальный взгляд, обращенный на эту своеобразную Доску Почета, Амангельды Рахимбердыевич охотно пояснил: "Это Зифа, наша первая десятитысячница, установившая в 1993-1994 годах рекорд по надою молока — 10406 килограммов. Так вот, в ту пустую рамку, что расположена рядом с портретом Зифы, мы поместим фотографию нынешней победительницы конкурса — Тины.

Надо сказать, что стенд в кабинете Куттукова — не единственный источник информации о славном молочном прошлом хозяйства. В отделе животноводства мне показали пухлый фолиант, полистав который можно узнать подробную историю развития молочного животноводства хозяйства. Давайте и мы с вами хотя бы беглолистаем эту славную летопись.

История создания черно-пестрого скота в МИС берет свое начало с 1981-82 годов, когда в хозяйство для осеменения коров местной алатауской породы было завезено семя быков-производителей голштино-фризской черно-пестрой породы. Одновременно в Калининградской области были закуплены телки — тоже черно-пестрой породы. В последующие годы (84-85) аналогичный черно-пестрый скот и голштино-физическое семя завозились из Львовской области, а также Польши и ГДР.

Пионерами и энтузиастами этого дела выступили тогдашний директор Киргизской МИС Д.П.Зубков, главный зоотехник И.Н.Шейкин, зоотехник Ю.Ф.Медведев, зоотехник-селекционер Э.Г.Фрик, а также сотрудники Киргизского научно-исследовательского института животноводства О.В.Коршунова и А.С.Кичкин. Надо сказать, что в те годы было немало противников, в том числе и среди ученых-селекционеров, скрещивания алатауских коров с голштино-фризами. Аргумент был прост и весьма убедителен: алатауский скот, для выведения которого было потрачено немало времени и сил — и без того хорош, а скрещивание нанесет ему только вред. Эти доводы могли убедить кого угодно, только не тех, кто стоял у истоков черно-пестрого стада местной селекции. Они руководствовались в своем стремлении довести начатое дело до конца, а в правоте избранного пути убеждались практическими результатами. В 1981 году от каждой коровы алатауской породы было надоено в среднем по 3971 килограмму молока, а спустя пять лет, когда в стаде насчитывалось уже 55 процентов потомков, полученных после скрещивания с голштино-фризами, уровень надоя поднялся до 4826 килограммов. А еще три года спустя, когда в стаде уже имелось 85 процентов черно-пестрых коров, его продуктивность достигла рекордной даже для Киргизстана отметки — 6301 килограмм.

И кто знает, может быть в последующем этот рекорд был бы перекрыт другими, но грянувшие перемены, связанные с развалом Союза и ухудшением экономической ситуации, сильно подорвали и экономическую ситуацию, и кормовую базу, и саму селекционную работу, в результате сего продуктивность дойного стада резко пошла на убыль. И лишь энергичные действия нового директора МИС С.А.Абласова, его верных соратников А.Р.Куттукова, зоотехников отдела животноводства Н.П.Кольченко, О.С.Красноженовой, Р.В.Дмитриевой, а также заведующих ферм Х.Махмудова, П.Рамазанова, Б.К.Рустамова, техников-осеменаторов А.Н.Рыманова, З.Коноваловой, А.Тимошенко, К.Саидова и Л.Весниной позволили не только сохранить племенной скот от разбазаривания и деградации, поскольку МИС осталась один на один со своими проблемами, но и постепенно наладить селекционную работу, укрепить кормовую базу — основу основ продуктивности черно-пестрых коров, а в конечном итоге — и наращивать надои. В прошлом году в целом по МИС в расчете на каждую корову надоено по 5245 килограммов молока, а за 9 месяцев текущего — 4254 килограмма, и есть все основания для уверенности, что по итогам года этот показатель будет не ниже 5300 килограммов молока. И это не предел. С.А.Абласов ставит перед селекционерами и остальными животноводами задачу, которая, кстати, подкрепляется конкретными действиями, довести средний надой по хозяйству до 6000 килограммов. Думается, что со временем, при благополучном стечении обстоятельств в первую очередь — экономических, эта цель будет достигнута.

Но завершить эту статью придется все же не на столь оптимистической ноте. Как показала прошедшая в Бишкеке выставка крупного рогатого скота, развитие племенного дела в республике в настоящее время никого из властимущих не волнует. Ведь и инициатором ее проведения стали представители Швейцарии, осуществляющие в нашей республике проект по развитию животноводства. Они и открыли данную выставку. Что касается министра сельского и водного хозяйства Узакбаева, то он, поприсутствовав в качестве "почетного гостя", сослался на неотложные дела и укатил восвояси. А итоги выставки перед ее закрытием подводил зам. министра Бостонов. Стоит ли удивляться тому, что свои живые экспонаты представили сюда на всеобщее обозрение всего 9 коллективных хозяйств. При таком отношении к животноводству со стороны руководства республики нелегко будет мисовцам покорять шеститысячный рубеж надоев, а возрождать животноводство в масштабах республики — тем паче.

А.ЦУРКАН.

РАСТИ ЦЕХ, ЗАВОДОМ СТАНЕШЬ!

У молочного цеха МИС по времени, прошедшем со дня рождения, — по сути дела младенческий возраст. Но про него никак не скажешь, что это беспомощный ребенок. Словно в доброй сказке, рос он не по дням, а по часам, расправлял плечи, стремительно набирая силу. И теперь, образно выражаясь, перед нами статный молодец, которому в недалекой перспективе суждено стать настоящим богатырем. Но подобные превращения только в сказке происходят по воле волшебников, а в нашем случае — это результат деятельности ума и рук человеческих.

В то время, когда затевалось строительство молочного цеха из, считай, бросового оборудования, даже инициаторы этого дела не делали на него серьезную ставку, предполагая, что речь идет не более чем о подсобном производстве, способном обеспечить сгущенным молоком нужды хозяйства. Собственно говоря, первые шаги предприятия вполне соответствовали этой скромной задаче, когда завод — и то не сразу, а после длительных и мучительных доработок и усовершенствований, смог перерабатывать в сутки до 3-х тонн молока, разливая полученную сгущенку во фляги. В таком виде и пытались продвинуть продукцию на рынок, однако ничего путного из этого, как известно, не вышло, поскольку и качество было, мягко выражаясь, сомнительным, а уж товарный вид — и говорить нечего.

Но не зря же говорится, что аппетит приходит во время еды. Постепенно небольшой коллектив, а это — сама заведующая молцехом Людмила Александровна Свешникова с горсткой рабочих да инженером-механиком Павлом Юрьевичем Мокиным и ребятами бригады Александра Владимировича Чуклина — начали совершенствовать технологию производства, осваивать выпуск других видов продукции, особый упор делая на ее расфасовку, качество и, конечно же, дизайн или, проще говоря, внешний вид. Когда бы вы ни зашли сюда, здесь всегда что-то монтируют, пристраивают, переделывают, усовершенствуют. И делается это не от скуки, а преследуется главная цель — перерабатывать молоко и выпускать продукции как можно больше и лучшего, по сравнению с той, что предлагают конкуренты из других родственных предприятий, качества. О том, насколько это удастся, можно судить по конкретным фактам.

Сегодня перерабатывается ежедневно по 7-8 тонн, или половину надаиваемого хозяйством молока. Если в январе текущего года произведено 4,2 тонны сгущенки, то в августе — уже 19,3, а в сентябре — 16 тонн. А ведь, помимо него, в больших количествах выпускает кефир, цельное молоко, масло, сметану. Только в сентябре за их реализацию хозяйство выручило 1,3 млн. сомов. А это

— веский аргумент в пользу качества и, естественно, низких (опять же по сравнению с конкурирующими производителями) цен на продукцию. Именно благодаря этому, она заняла прочные позиции на молочном рынке Бишкека, куда МИС на договорной основе ежедневно поставляет свою продукцию в 58 торговых точек. Кроме того, ею обеспечиваются и такие населенные пункты, какими являются города Кант и Токмок. Если раньше молцех обслуживала всего одна грузовая машина, то теперь уже — четыре.

Сегодня с уверенностью можно сказать, что молочный цех уже в совершенстве отработал технологию производства продукции, завоевал довольно обширный рынок ее сбыта, который стремительно расширяет свои границы. И перед коллективом стоит задача наращивания объемов производства с таким расчетом, чтобы в недалекой перспективе перерабатывать все надаиваемое на фермах МИС молоко. Ведь АО “Бишкек-Сут” покупает в хозяйстве молоко по 4,16 сома за литр, в то время, когда за него, после несложной переработки, можно выручить, как минимум, на 3 сома больше. Согласитесь, что в наше непростое время делать столь щедрые подарки чужому дяде, по крайней мере, расточительно.

Но беда в том, что мисовский цех, в нынешних реалиях перерабатывать в сутки более 10 тонн молока не может по той простой причине, что не хватает мощностей, исчерпавших весь свой ракурс котельной, компрессорной и холодильных установок, которые, к тому же, в процессе эксплуатации в предельных режимах основательно подносились и требуют обновления. Помещения для монтажа более совершенного оборудования уже подготовлены, вопрос упирается в то, где взять это самое оборудование, вернее — в отсутствие средств для его приобретения, поскольку в наше время купить можно все, что угодно — были бы деньги... И как бы трудно ни приходилось в финансовом плане, а изыскать средства для реконструкции цеха — край нужно. Ведь уже сейчас по своей значимости, принося ежемесячно в общественную казну по полтора миллиона сомов, предприятие все больше входит в роль сказочной курицы, что несет золотые яйца.

Что касается коллектива молочного цеха и его мозгового центра, который представляет местная инженерная служба с бригадой монтажников, то они готовы, могут и полны решимости довести дело до логического завершения. Кстати, здесь не только подумывают, но и мало-помалу уже осуществляют расширение участка по производству кефира, который в ближайшей перспективе может втрое увеличить объем выпуска этой продукции, освоение производства творога и сыра. Никак не может смириться начальник цеха А.Л.Свешникова и с тем обстоятельством, что в данное время

десять процентов приходится отстегивать посредникам, занимающимся ее реализацией. По мнению Людмилы Александровны, пора обзаводиться сетью собственных магазинов в столице республики и других крупных населенных пунктах. И она совершенно права, поскольку цех по объемам производства и получаемым прибылям уже тянет на "титул" завода, а большому кораблю — суждено большое плавание.

А.ЦУРКАН.

А БЕЗ ТЕБЯ ЗДЕСЬ НИЧЕГО БЫ НЕ КРУТИЛОСЬ

Услышав о том, что мы хотим написать об энергетической службе хозяйства в газету, Раатбек Карыпчаевич Тынаев протестующе замахал руками:

— Не время сейчас! Вот будет 22 декабря — наш профессиональный праздник — тогда и черкнете пару строк. А теперь, с какой стати! Подвига мы не совершили и, вообще, ничего такого не сделали...

Пришлось убеждать главного энергетика в том, что и он, и его люди вполне заслужили, чтобы об их нелегкой и весьма ответственной работе знал весь коллектив МИС. Да и рядовым энергетикам, наверное, будет приятно, когда прочитают о себе в газете. Ну, а что касается предстоящего Дня энергетика, то редакция еще успеет поздравить их с праздником. Этот повод показался Тынаеву убедительным, поскольку он все-таки дал короткое интервью.

— Если результаты полеводов можно, что называется, потрогать руками, — начал издаലെка Раатбек Карыпчаевич, — то плоды нашего труда, а это когда горит свет, вертятся машины и механизмы, настолько привычны и незаметны, что о нас никто и не вспомнит. И лишь когда погаснут лампочки и замрут производственные участки, нас непременно помянут, причем, как это водится, — не совсем добрым словом: мол, вечно у них что-то летит или выбивает фазу!

Да, летит и выбивает, особенно в последнее время, когда в результате резкого подорожания энергоносителей народ все больше начинает уповать на электроэнергию.

— Но ведь и на нее цены отнюдь не заморожены, — замечаю я.

— К сожалению, — горько вздыхает собеседник. — Если раньше за киловатт-час мы платили всего 3 тыйына и ворчали, что с нас дерут три шкуры, что уж говорить о теперешних тарифах, когда стоимость этого киловатта вознеслась до 22 тыйынов! Верите-нет, но в разгар летних полевых работ только за потребленную электроэнергию хозяйство платит в месяц до 450 тысяч сомов. Не

меньше придется "отстегивать" и во время предстоящего отопительного сезона, а если монополисты энергохолдинга вновь поднимут планку тарифов, то наши расходы по статье "электричество" перевалят за полмиллиона сомов в месяц.

— И несмотря на это, продолжаете переводить объекты на электрическое отопление?

— А куда деваться! Как бы ни дорожало электричество, но оно всегда дешевле твердого или жидкого топлива. Вот и переводим на электрический обогрев производственные и другие участки, а конкретно сейчас — фельдшерско-акушерский пункт, здания конторы и детского сада в с. Кировском.

— Помнится, раньше, когда еще киловатт электричества для частных потребителей стоил четыре копейки, а для коллективных потребителей, — чуть больше, средства массовой информации и развешиваемые повсюду лозунги призывали нас к экономии электричества. Почему же сейчас, при такой дороговизне этого "удовольствия", никто не взывает к бережливости?

— А вы думаете, что сами цены на электроэнергию недостаточно убеждают население в необходимости экономии? Но в том-то и беда, что дома и без агитации никто не станет почем зря тратить электроэнергию, а на работе, хотя и там, по сути дела, — та же частная собственность, народ никак не приучится выключать за ненадобностью лампочку или электродвигатель.

— Ну а сами-то вы, я имею в виду электрическую службу, хоть как-то боритесь за экономию электричества?

— А как же! В былые благодатные времена, когда киловатты стоили копейки и электроэнергию отпускали безо всякого счета, на всех производственных участках старались ставить мощнейшие трансформаторы, скажем на 400 кВт, которые были загружены только наполовину. А знаете, сколько такая машина только на себя потребляет электроэнергии? Так вот теперь, когда мы уже начали считать эти самые киловатты, почти повсеместно меняем трансформаторы на менее "прожорливые". Следим также, чтоб почем зря не вертелись электромоторы, особенно на насосных станциях, не помогали светить солнцу электролампочки. Сколько бесед проведено на эту тему с рабочими — не поддается никакому учету.

— В обслуживаемом вами хозяйстве задействовано немало цветных металлов. Частенько посягают на "дармовое" добро местные "изыскатели"?

— Да нет такого дня, чтобы где-то, что-то не стащили. Был случай, когда целую высоковольтную линию, протяженностью не менее трех километров, умыкнули. Если раньше у нас голова не болела о подстанциях, обслуживающих насосные станции, которые

на всю зиму оставались без присмотра, то теперь, после окончания поливного сезона, мы вынуждены демонтировать и прятать под замок силовое оборудование, а ранней весной вновь водворять на прежнее место.

— Раатбек Карыпбаевич, в штате электроцеха, как мне известно, — всего семь человек. Негусто, если учесть размер нашего хозяйства. Не “зашиваетесь” ли с работой?

— У вас не совсем верные сведения. Вы не учли, что в каждом отделении МИС по два электрика и по одному на трех фермах, которые исправляют мелкие неполадки. Ну, а работы посложней берет на себя электроцех. Без дела не сидим, но “зашиваться”, как вы говорите, себе не позволяем. С такими работниками, как Алексей Золотарев, Николай Андрющенко, Шаршенбек Кыдыралиев, Валерий Дик, Виктор Сологуб, механизатор Николай Михайленко, обслуживающий ямобур и компрессор, горы свернуть можно. Служба у нас такая, что на часы поглядывать не приходится. ЧП может произойти в любую минуту и на любом производственном участке. И не окажись сразу на месте наших специалистов — могут последовать серьезные неприятности. Так что нам всегда надо быть начеку. Насколько мы соответствуем этому требованию — об этом пусть скажут другие.

Честно говоря, после этой беседы мы поинтересовались мнением этих “других”. И все они в голос заявили: “Молодцы!” Услышать иное суждение мы и не ожидали.

А. ЦУРКАН.

Может быть некоторые мои читатели и не поняли — к чему же это я вставил вырезки из собственной многотиражки МИСа, подписанные А. Цурканом. Дело в том, что при попытке разговорить главного руководителя этого сельхозпредприятия Советбека Абласовича о его отношении к нынешнему главе района, он так прохладненько сказал:

— А какие у меня могут быть с ним взаимоотношения. Он делает свое дело, я — свое. Помощи я от него никакой не жду. Чем он может помочь? Да мы и сами неплохо справляемся. Если что району нужно, не отказываем. Как человека я его хорошо не изучил.

Разговор этот состоялся более полутора лет назад. Сегодня ему, наверное, уже было бы что сказать. Но решил не надоедать ему лишний раз. Тем более, что теперь о Геннадии Валерьевиче, видимо, знаю больше, чем кто-либо.

Но не рассказать об этом, когда-то крупнейшем в республике хозяйстве, я не мог. Вообще-то о нем будет много сказано в другой книге, когда речь пойдет о его зачинателе. Герое соцтруда — Д. Зубкове, которую я буду писать по личной просьбе Давиденко.

Вот и решил я пока ограничиться описанием этого хозяйства выдержками их собственной многотиражки.

Вообще-то слово "Жээк" в переводе на русский означает что-то между берегом и побережьем. Звучание этого слова в названии аильного Кенеша есть не что иное как группа прибрежных сел, расположенных на берегу реки Ысык-Ата. Это Дмитриевка, Гагарино, Жээк. Такое же название у местной ассоциации крестьян и крестьянских хозяйств, что в селе Дмитриевка, находящегося рядом с Ысык-Атинским районным центром. Идея рассказать и о ней у меня родилась тогда, когда удалось присутствовать на сельском сходе, где отчитывался местный глава Азимов Абдуманон Абдувахабович о проведенных мероприятиях по реализации программы "Аракет" и о том, что сделано для претворения в жизнь по оздоровлению населения, так как прошедший год был объявлен Годом здоровья.

На этот раз присутствующий на сходе Геннадий Валерьевич не стал повторять свою установившуюся реплику: "Ликвидировать бедность и повышать здоровье людей нужно не подачками и всякого рода льготами, а созданием, как можно больше, рабочих мест, материальной поддержкой мелкого бизнеса и крестьянского хозяйства". Поэтому в выступлении отчитывающегося главы аил окмоту, в основном, было перечисление, кому и сколько было выделено для того, чтобы люди не поумирали с голода.

Главное, на что я обратил внимание, видя, как ведет сход районный глава, это предложенный им темп форума. Точно также, как это делал он на совещаниях районного уровня. Никакой болтологии, пустословия. Конкретный вопрос и конкретный ответ. Так что, вся повестка дня, хотя она и была объемной, была исчерпана за один час.

Естественно, и здесь не обошлось без крикуш. Так, одна пожилая женщина раскричалась по поводу того, как бездушно относятся работники Соцфонда к ним — престарелым. Постараюсь восстановить ее реплику из зала дословно:

— Скажите, пожалуйста, до каких пор нам будут выдавать пенсию один раз в четыре месяца? Вы говорите, что кто желает получить сахаром, тому могут дать наперед. А кому нужен сахар? Самогонщикам, которые торгуют самогоном?

Даже не передохнув, она снова спросила.

— А вы, сидящие сейчас в президиуме, когда последний раз получали зарплату?

Пообещав ответить на все ее вопросы в конце встречи, Давиденко сдержал слово и, подводя итоги, спокойно, но убедительно пояснил, обращаясь ко всем присутствующим:

— Да, было время, когда осенью прошлого года работники Соцфонда не смогли своевременно рассчитаться с пенсионерами. Но виноваты в этом те, что имеют огромные дебиторские задолженности. К концу года дело было поправлено и отставание с расчетом стало минимальным. Получать же пенсию в виде натуроплаты — дело добровольное, никого насильно не заставляют.

Был еще один антилогичный выкрик. На этот раз выступил аксакал. Он возмущался, что не имеет возможности своевременно купить для школьников одежду, что мукой и сахаром в магазине не берут. Конечно, можно было его остановить встречным вопросом. Скажем, откуда у этого старца могут быть дети-школьники? Ну, а если это внуки, то пусть эту проблему решают их родители.

А если говорить по большому счету, то обоснованных претензий к аппарату райгосадминистрации и районным службам не оказалось. В большинстве случаев в проявившихся на сходах проблемах виноваты сами селяне. Часто горят трансформаторы, потому что идет сверхрасчетная на них нагрузка. Жители стараются перейти на электрообогрев, как на самый удобный вид отопления. В то же время не все своевременно рассчитываются, а то и воруют электричество, и поэтому у районной службы нет денег на приобретение других трансформаторов. Нет вины и у телефонщиков в том, что задерживается в селе подключение телефонов к городской сети. Не успели поставить опоры под линию, как местные злоумышленники их спилили и украли, прихватив заодно и кабель. Не иностранцы украли и километры электрокабеля.

В последнем же, я считаю, давно пора винить наше правительство, допускающее закупку у населения цветного металла. Никто не интересуется, где же берут продавцы латунные, медные и алюминиевые запчасти. Ведь дело дошло до того, что скоро у нас в республике ни одной бронзовой скульптуры не останется, и начнут грабить наши гидроэлектростанции во имя копеечной наживы.

Но вернемся к "Жэзку", и почему я решил написать о нем, хотя, казалось бы, книга уже закончена. Меня заинтересовал руководитель этого хозяйства — Хусей Султанович Атабиев. Судя по выступлению сельского главы, возглавляемая им ассоциация, твердо стоит на ногах. Кроме того, мне хочется ярче показать интернационализм Давиденко, а Хусей Султанович — представитель национальности, которую я еще не показал. Немало было сказано о дунганах, казахах, кыргызах, естественно, русских и украинцах... Даже о карачаевце, единственном знакомом мне представителе народа Кавказа.

Оказалось, что мой новый знакомый балкарец. В наши края его предки, также как и многие другие национальности горного края,

чем-то не угодив вождю и другу всех народов, были департированы в 1944 году. В последнее время меня все больше и больше подмывает желание написать об этом чудовищном акте геноцида, который мог иметь место только в нашей многострадаальной стране.

И вот мы с Атабиевым вдвоем в его кабинете, уютно расположенном в небольшом, но специально построенном под контору здании. Еще там, на сходе, он мне показался таким огромным и недоступным человеком. И теперь я лучше рассмотрел его. Что он, огромный, с просто богатырским телосложением, я убедился еще раз. Я невольно подумал, если он в гневе своим кулачищем "приласкает" по башке, то, действительно, мало не покажется.

Я немало встречал людей, которые, имея огромный трудовой стаж, ни разу не видели своей трудовой книжки. И это потому, что всегда работают на одном месте. К таким относится и мой знакомый. Родился он в 1952 году в этом же селе. Никогда не мечтал куда-то уехать. Сразу же после окончания средней школы стал работать учетчиком на МТФ. А когда ему исполнился 21 год, был назначен заведующим этой фермой. Согласитесь, далеко не каждому в таком возрасте доверяется столь ответственный пост. Несмотря на чрезмерную занятость, в это время он заканчивает "Скрябинку" и через год его назначают главным зоотехником. Десять лет возглавляет зоотехническую службу хозяйства, а затем его назначают исполняющим обязанности председателя колхоза, который тогда назывался именем Ленина. В 1993 году сельчане избирают его председателем, так как за год работы "исполняющим" он показал свою крепкую хватку и талант руководителя.

Здесь он нашел свою подругу жизни. Ею стала Луаза или Люба, как ласково называют те, кто знает ее. Нелегко было в первые годы их супружеской жизни. Трое детей, которым нужно было дать не только крепкое здоровье, но и хорошее образование. Верная подруга жизни помогала мужу как могла. Что такое жена животновода, знают многие. Так что все заботы о детях лежали только на ее плечах. Приходилось и подрабатывать. Уважали ее в селе как хорошую швею. Шли к ней местные модницы с тем, чтобы пополнить свой гардероб чем-то необычным, удивив этим вечно завистливых соседей.

Теперь уже дети выросли, но и без помощи родителей на ноги, видимо, встать пока не могут. Да и рано еще. Ну посудите сами. Старшая и единственная дочь — Амина, как и сын Аслан, студенты разных ВУЗов. Младший сын — Алим — ученик десятого класса. Он еще точно не определился кем станет. Но то, что в семье будут собственный химик и юрист — уже факт.

У родителей Хусея Султановича четверо детей и все они живут здесь же. Так что Атабиевых в селе немало. А всего здесь, где жители являются представителями 26 национальностей, 40 семей гордого, когда-то униженного, но не покоренного народа Болгарии, народа красивого, дружного и работающего.

Когда-то хозяйство было небольшим, но крепким, занимающим в районе видное место по многим показателям. В лучшие времена каждая корова, в перерасчете на среднюю голову, давала до четырех тысяч килограммов молока. А всего в стаде КРС насчитывалось до двух с половиной тысяч голов. На зимовку с джайлоо спускались домой до семнадцати тысяч голов овец, а табун насчитывал до трехсот лошадей. И хватало крестьянам на содержание этого огромного стада 2460 гектаров земли, плодородию которой и по сей день завидуют в других регионах.

Всего только на восемьсот гектаров сократилось их поле, которое обрабатывали совместными усилиями все жители сел колхоза. Но они с трудом прокармливают только 950 голов КРС, из которых дойных всего лишь четыреста и 170 лошадей, да и те не радуют своими показателями. Скажем, в прошлом году каждая средняя буренка базового стада дала лишь по 1600 килограммов молока.

Смотрю я в глаза Хусею Султановичу и вижу в них горечь ностальгии по тем временам, когда труд приносил людям радость... Он-то знает, почему так резко снизились показатели. И, конечно, главную причину называет, не задумываясь. Уехали лучшие полеводы и животноводы в неведомые края искать счастье на землях своих далеких предков. Но кто его знает, где оно, это счастье? Может быть оно здесь и было, и пройдет время, и все станет на свои места. Пусть будет не так, как было, но все равно не так, как стало.

Ничего не сказал мой собеседник о том, что во многом вина нашей нынешней безрадостной жизни тех, кто вопреки желаниям миллионов, встал у истоков развала величайшей державы. Нарушились сложившиеся десятилетиями связи и проблемой стало все: ГСМ, концентраты, запчасти. Вспоминается стихотворение известного русского поэта "Несжатая полоса". Пока еще в общественном клине таких полос практически нет, но если не изменится соотношение потребности и возможности, то такие полосы будут и у нас. Есть же они в частном секторе и в мелких крестьянских хозяйствах.

Ничего не сказал он и о неизвестности в дне завтрашнем, от чего и к работе люди относятся без бывшего энтузиазма. Как много говорилось у нас и о том, что дай же, крестьянину полную свободу, надели его земельной долей, и он завалит нас продукцией своего

производства. А на деле вот оно как оказалось. Лично у меня нет сомнения в том, что поторопились мы с этой свободой как и с государственным суверенитетом вообще. Да и не там ищем поддержку в трудную годину своей жизни. Ни немцы, американцы, турки и китайцы — наша надежда, а ближайшие соседи, верность которых испытана нами за долгие годы. Только они и великая Россия — залог нашего сколько-нибудь терпимого будущего!

Не знаю, согласен или нет с этим заключением мой новый знакомый. Об этом у нас и речи не велось. Но профессиональное чутье, которое меня никогда не подводило, подсказывает мне, что где-то в глубине своей души Хусей Султанович, при необходимости голосовать, обе руки поднимет за полное сближение. И к этому выводу я пришел тогда, когда он с гордостью говорил, что в его хозяйстве интернационализм является нормой сосуществования. Даже в руководящем аппарате нет предпочтения для какой-то национальности. Так, главный бухгалтер — татарка, экономист — кыргыз, председатель ревизионной комиссии — русская, главный агроном — тоже русский, главный зоотехник — болгарец, главный инженер — также кыргыз, бригадир одной полеводческой бригады — азербайджанец, второй — немец, зав.складом — дунганин и так далее.

Затем речь у нас зашла о главе райгосадминистрации. Нового о нем Атабиев не сказал ничего. Он, как и многие другие, считает его интернационалистом с самой заглавной буквы, хотя и не очень торопится дать характеристику человеку, которого знает не так уж много.

— Раньше мы с ним встречались на разных там совещаниях, — говорит Хусей Султанович. — При встречах узнавали друг друга, здоровались. Немало наслышан о нем как о прекрасном организаторе районного уровня. Но одно я твердо понял. В сельском хозяйстве он, как рыба в воде. Прекрасно знает и агрономию, и зоотехнику, и все сельхозмеханизмы без исключения. И при этом его знаниям экономики может позавидовать самый сильный специалист этой отрасли. Он мгновенно может сделать любые расчеты и доказать, что выгодно, а с чем лучше не связываться. Обмануть его в чем-то просто невозможно. А уж если он поставит перед собой или перед кем-нибудь задачу, то не отступит и обязательно добьется ее выполнения. Конечно, оказать хозяйству какую-нибудь практическую помощь не сможет сейчас никто. Но нужно видеть, как он отстаивает законные интересы своих подчиненных, защищает их от излишних нападков силовых структур. В общем, человек что надо: строгий и доступный каждому, серьезный и в то же время очень веселый. Он никого не наказывает. Просто не за что. Мы все стараемся работать

от души. А уж если что-то получится не так, он поймет, направит, поддержит. Короче, наш человек, да и только. Побольше бы таких!

Не удержался он от соблазна, воспользовавшись возможностью, показать своих людей, рассказать о некоторых.

Аширбеков Сагынбай Аширбекович — родился в 1937 году в с.Джеек. С 1957 года работает табунщиком в колхозе им.Крупской, реорганизованном в 1959 году в колхоз имени Калинина Кантского района. С 1958 по 1980 год работал чабаном на отгонном пастбище урочища Кенес-Анархай. С 1980 года — фуражир на Буксе в конетоварной ферме. С 1995-го назначен правлением АККХ “Жээк” заведующим КТФ, где работает по настоящее время. Награжден в марте 1979 года орденом Трудового Красного Знамени, в 1979 году — медалью “За трудовую доблесть”, медалью “Ветеран труда” за долголетний добросовестный труд от имени Президиума Верховного Совета Кыргызской ССР. Неоднократно награждался Почетным знаком победителя соц.соревнования, ударника “пятилеток”, занесен в Книгу Почета с вручением ценного подарка за доблестный труд в честь 50 летия образования Киргизской ССР и КП Киргизии.

Асанбаев Джумадыл — родился в 1933 году в с.Джеек. Трудовую деятельность начал в 1958 году чабаном на отгонном пастбище урочища Кенес-Анархай. С 1983 по 1991 год работал на МТФ скотником. С 1992-го по настоящее время, будучи в пенсионном возрасте, трудится сторожем на сенобазе. Асанбаев Джумадыл за весь период трудовой деятельности имел высокие показатели своего труда. От имени Президиума Верховного Совета СССР награжден медалью “Ветеран труда” за долголетний добросовестный труд. Неоднократно удостоен почетных грамот и знаков победителя соц.соревнования, денежных премий за долгий и добросовестный труд в хозяйстве. Асанбаев Джумадыл хороший хозяин.

Халюкин Владимир Семенович — родился в 1941 году в с.Дмитриевка Кантского района. Работал в колхозе Калинина Кантского района с 1955 года. После окончания курсов трактористов при РМС начал свою трудовую деятельность трактористом в полеводческой бригаде. Отслужив в армии с 1962-го по 1964 год, поступил учиться в Токмакский техникум механизации сельского хозяйства. С 1966 года работал механиком на машдворе колхоза. В 1970 г. решением правления колхоза назначен зав. МТМ. За время своей трудовой деятельности показал себя очень добросовестным и ответственным работником, трудясь учетчиком и помощником бригадира, механиком и бригадиром бригады № 1. Халюкин В.С. своим добросовестным отношением к труду достигал высоких урожаев. Неоднократно награждался Почетными грамотами и

знаками победителя соц.соревнования и денежными премиями за добросовестный труд в хозяйстве.

Бейтлер Анатолий Альбертович — родился в 1939 году. Начал работать в колхозе имени Калинина Кантского района трактористом с 1977 года в бригаде № 1, где и работает по настоящее время, будучи в пенсионном возрасте. Трудится всегда добросовестно, очень ответственный человек. Техника у Бейтлера А.А., в основном, находится в рабочем состоянии на полях бригады. Если и требует ремонта, то на ремонте занята самое малое время. Неоднократно награждался за достижения высоких показателей в работе Почетными грамотами и знаками.

Дедов Анатолий Иванович — родился в 1941 году. Начал трудовую деятельность в колхозе имени Калинина Кантского района в 1955 году трактористом в бригаде № 2, где и работает по сей день. После службы в рядах СА работал 4 года водителем в колхозе, но в 1970 году перешел в бригаду № 2 механизатором. Всегда добросовестный, техника у него исключительно в исправном состоянии. Специалист по обработке земли техникой, а также вот уже в течение 15 лет работает на кошени сочных кормов. Награжден Почетными грамотами и знаками: победитель соц.соревнования, за долголетний и добросовестный труд в хозяйстве.

Лейман Нина Андреевна — родилась в 1938 году. Трудовую деятельность начала в колхозе имени Калинина Кантского района в 1957 году в качестве свекловичницы. Работала звеньевой свекловичного звена. Ее звено достигло больших результатов в выращивании сахарной свеклы. Лейман Н.А., как женщине, приходилось быть женой и матерью, нести нелегкую ношу и на работе, и дома. А трудилась она на свекловичном поле 35 лет, вплоть до 1993 года, на просторах полей АКХ "Жээк".

Китенко Андрей Андреевич — в 1940 году родился в с.Рассвет Кантского района. Работает с 1955 года по настоящее время в колхозе имени Калинина Кантского района в бригаде № 2. Начал свою трудовую деятельность разнорабочим, затем переквалифицировался в трактористы. Все 35 лет — в полеводстве. За добросовестный труд награжден медалью "Ветеран труда". Неоднократно награждался почетными грамотами, знаками победитель соц.соревнования, денежными премиями.

Кияшкин Виктор Федорович — родился в 1938 году в с.Дмитриевка Кантского района.

В 1954 году принят в члены колхоза имени Калинина Кантского района разнорабочим в полеводческую бригаду № 1, после окончания училища в г.Караганде присвоена квалификация механизатор. С 1958 года работает токарем, в 1980 году присвоен 6-ой

разряд токаря. По настоящее время продолжает работать токарем в маш.дворе хозяйства. За долголетний, честный и добросовестный труд в колхозе имени Калинина Кантского района на общеколхозном собрании в 1991 году ему присвоено звание "Заслуженный колхозник". Неоднократно награжден почетными грамотами, знаком победитель соц.соревнования, денежными премиями.

Атабиев Владимир Таукмырзаевич, родился в 1937 году в Кабардино-Балкарии. В 1951 году принят в члены колхоза имени Калинина Кантского района разнорабочим в полеводстве. С 1955 года (по исполнению 18 лет) и по настоящее время работает водителем на Камазе. Неоднократно награждался Почетными грамотами, знаком Победитель соц.соревнований, денежными премиями за свой труд в хозяйстве.

Катаганова Миновар Набиевна родилась в 1939 году в с.Сын-Таш Ысык-Атинского района. В 1971 году принята в члены колхоза имени Калинина Кантского района в качестве доярки, где и работает по настоящее время уже в течении 28 лет. Воспитывает 6-х детей. За долголетний и добросовестный труд в животноводстве награждена почетными грамотами, знаками победитель соц.соревнования. Имеет медаль "Ветеран труда".

Мамедов Нияз Усенович — 1947 года рождения. Работает в хозяйстве имени Калинина с 1960 года, начал свою трудовую деятельность в животноводстве скотником, затем, окончив курсы шоферов, с 1970 года по настоящее время работает в автогараже хозяйства шофером. Мамедов Н.У. в работе себя зарекомендовал обязательным, добросовестным специалистом. Вверенная ему автомашина всегда находится в рабочем состоянии. Работает он на автобусе ТАРЗ вот уже 12 лет, приходится ему возить людей на различные мероприятия и работу, что он делает с большим удовольствием, улыбкой, бесприкословно — в любое время года, дня и ночи.

Аккаев Керим — 1942 года рождения. Принят в члены колхоза имени Калинина разнорабочим в 1950 году. Затем, окончив курсы шоферов, с 1970 года по настоящее время работает в автогараже хозяйства шофером. К своим обязанностям относится серьезно, зарекомендовал себя добросовестным работником. Работает на автомашине ГАЗ-53. Ежегодно участвует в уборке зерновых-колосовых. Вверенная ему машина всегда технически исправна. У Аккаева К. непрерывный стаж работы в хозяйстве 40 лет.

Долотбаев Кубатбек — 1928 года рождения. С 1947 года является членом колхоза им.Крупской, реорганизованном в 1959 году в колхоз имени Калинина Кантского района. Проработал чабаном и старшим чабаном до 1987 года. За весь период своей трудовой

деятельности имел высокие показатели труда. Имеет награды: медаль "За трудовое отличие", Орден "Знак Почета". Неоднократно награждался Почетными грамотами и знаками победителя соц.соревнования, денежными премиями. Занесен в Книгу Почета с вручением ценного подарка за доблестный труд. В настоящее время находится на заслуженном отдыхе.

Джумагулов Ким Шаимкулович — 1937 года рождения. Свою трудовую деятельность начал в колхозе имени Калинина с 1957 года скотником МТФ. В 1964 году поступил учиться в Кирг.СХИ на зоотехнический факультет. В 1970-ом, окончив институт, стал работать зоотехником-селекционером. Был награжден в 1974 году грамотой Верховного Совета Киргизской ССР за активное участие в развитии народного хозяйства республики. С 1985 года назначен правлением колхоза на должность зав.молочно-товарной фермы, где и проработал до 1992 года. С 1992 по 1998 г. — зав.фермой по выращиванию молодняка. За свой добросовестный и долголетний труд в животноводстве неоднократно награждался Почетными грамотами, знаками победитель соц.соревнований, денежными премиями.

Молдошев Беримкул родился в 1926 году в с.Жээк Кантского района. В 1950 году начал свою трудовую деятельность чабаном в колхозе имени Крупской. Всего стаж работы чабаном в животноводстве — 37 лет, а на отгонном пастбище урочища Кенес-Анархай — 25 лет.

Молдошев Беримкул за высокие показатели своего труда награжден орденом "Трудового Красного Знамени", Орденом "Знак Почета", медалью "За доблестный труд в ВОВ 1941-1945 гг.", медалью "Ветеран труда" за долголетний добросовестный труд, юбилейной медалью "50 лет Победы в ВОВ 1941-1945гг.". В настоящее время Молдошев Беримкул находится на заслуженном отдыхе

Махиев Масхут родился в 1936 году в Кабардино-Балкарии. В 1962 году принят в члены колхоза имени Калинина Кантского района скотником на МТФ. С 1968-1970 год работал в колхозе шофером. С 1970 по 1991 — чабан в ОТФ на отгонном пастбище Кенес-Анархия. Махиев М. за весь период трудовой деятельности имел высокие показатели своего труда. Удостоен за долголетний добросовестный труд от имени Президиума Верховного Совета СССР медалью "Ветеран труда". Неоднократно награждался почетными грамотами и знаком победитель соц.соревнований, денежными премиями. В настоящее время находится на заслуженном отдыхе.

Китенко Николай Андреевич — родился в 1936 году в с.Рассвет Кантского района. Свою трудовую деятельность начал в

1953 году в полеводстве трактористом в бригаде № 2 где и работает по настоящее время. За время своей работы награжден Почетным знаком победитель соцсоревнования, неоднократно награждался почетным Знаком "Победитель пятилеток", медалью "Ветеран труда". Николай Андреевич является депутатом местного айильного Кенеша по с.Гагирино с 1982 года, за что получил в 1984 году почетную грамоту депутата. В колхозе имени Калинина Кантского района за долготелний и добросовестный труд ему присвоено звание "Заслуженный колхозник". Николаю Андреевичу не чужды проблемы ни одного двора в с.Гагирино, а также и АККХ "Жээк".

Разве не мечтает каждый из нас жить в красивом, уютном городе? Но, видимо, больше всех мечтает об этом сам мэр. И многие предшественники К.Сарыкова тоже на досуге, не меньше Манилова из комедии прославленного русского писателя, грезил о чистых нарядных улочках, утопающих в зелени. Но в мечтах и метро несложно построить. и мосты через запущенные озера возвести. Но все эти голубые задумки так и остались предметом нереализованных и нереализуемых планов.

Мало с кем делился Калыбек Койчубекович идеей сделать свой родной Кант самым лучшим городом Кыргызстана. Боялся, что не поймут его друзья, засмеют. Откуда, мол, у нас такие возможности? Да и кому это надо особенно сейчас, когда жизнь вон как повернулась? Сегодня, де, каждый думает только о себе, о своем личном благе.

Шли годы. Самого главного, чтобы приблизить достижение заветной цели добился, получив высшее образование. Сначала с отличием закончил экономическое отделение КГУ, затем заочное отделение Ташкентского института международной экономики. Фортуне было угодно сделать жизненную дорогу молодого ученого гладкой, без особых преград. Работая на инженерных должностях завода "Кыргызэлектродвигатель", дошел до ведущего специалиста. Затем начальником отдела особого конструкторского бюро в институте Космических Исследований Академии наук СССР. Его старания были замечены в верхних эшелонах власти, что позволило ему работать инструктором ряда райкомов партий.

После того, как крайне пошатнулись партийные устои, работал управляющим делами Кантского райисполкома, заместителем председателя Кантского райсовета, начальником районного управления финансов. Почти пять лет отдал работе в аппарате правительства республики.

И все это на виду у руководства, которое отметило его активную и плодотворную работу высокой наградой — Почетной Грамотой Кыргызской Республики.

Сейчас он глава Кантской городской Управы, первый заместитель главы райгосадминистрации, куда был переведен в феврале 1999 года. Это как раз та самая должность, посредством которой под силу решить его главную цель жизни. Да и раньше смог бы Калыбек добиться, чтобы его вновь направили в свой родной город. Только не хотел. Знал, что не поймут его, не дадут развернуться, показать свои организаторские способности, ограничат возможности.

Сначала вроде бы и обрадовался предложению поработать вместе с Давиденко, но потом немножко оробел. Геннадия Валерьевича он знал давно, наслышан был о его высокой требовательности. А захочет ли он взять его к себе? Ведь конечное слово было за ним. С робостью дожидался будущий мэр Канта, когда распахнутся перед ним двери кабинета акима. Но все произошло до неожиданности просто. Давиденко вышел к нему из-за стола и крепко пожал руку. Все волнения мгновенно отлегли от сердца. Начался непринужденный деловой разговор на равных, словно давным давно они самые близкие друзья. Городских проблем не касались, те были и без слов ясны обоим.

Главное, что с первого момента усвоил Калыбек, — предстоит огромная совместная работа, требующая все свои личные дела перенести на последнее место. Понял тогда он, что аким полностью доверяет ему и дает “добро” на самую рискованную инициативу, лишь бы все было во благо города и горожан. А при необходимости район поддержит, окажет необходимую материальную помощь, уже не говоря о том, что на своем уровне защитит его законные требования и интересы.

С того момента прошло полтора года, и не узнать города. Отмылись, очистились от извечного мусора и нечистот улицы. Часть дорог и улиц оделась в новенький асфальт. Где невозможно столь дорогое удовольствие, сделан ямочный ремонт. Спасибо горожанам, которые всем сердцем поддерживали инициативу городской Управы и подремонтировали, привели в прелестный вид свои жилища. Словно соревнуясь между собой, соседи украсили свои полисадники узорчатыми оградками, показывая высокий вкус их владельцев.

Не забыли и святыни живущих — места захоронения покинувший сей мир, сделав их торжественно благопристойными. На что не хватило средств и времени у скорбящих, нашлось в городской казне, помог район.

И все же главную красоту городу придают сквер, парк, газоны, места общественного пользования. И опять же — спасибо людям, сумевшим на широкую ногу поставить свое дело, которое приносит доход. И чем больше этот доход, тем солиднее вклад в

благоустройство города. Изменился облик магазинов, кафе, домов быта, культуры, офисов. Разумеется, много еще предстоит сделать, но лиха беда — начало. А оно заложено.

Приезжают сегодня в Кант посмотреть, полюбоваться на творение разбуженной инициативы со всех уголков республики. Совсем недавно прибыли поучиться у нас азам местного самоуправления казахи. Им очень понравилось то, с какой любовью относятся к своему городу кантовчане.

И не было бы ничего этого, если бы не возглавил город Калыбек Койчубекович Сарыков — человек, одержимый великой целью, если бы не поддержал его аким района — Геннадий Валерьевич Давиденко. Ведь ничего само по себе не получается. Всегда кого-то нужно подтолкнуть, кому-то дать дружеский совет, а с кем-то и на высоких тонах поговорить, потребовать, наконец, дать срок.

Мир не без добрых людей. Но в нем и достаточно людей злых. Не спокойно им жить, когда мир и согласие как в отдельных трудовых коллективах, так и во всем городе. Была бы зацепка, искорка какая-нибудь, и раздувают они ее в большой пожар. И находятся в средствах массовой информации "сочувствующие", которые в поисках "жареных" фактов, надеясь на свою вседозволенность, не разобравшись как следует, громогласно тиражируют на весь мир порой просто пустяковую всячину.

Особую претензию тут можно предъявить нашей "Вечерке" и, конечно же, "Пирамиде". Как-то забили телевизионщики тревогу о том, как бездействует районное и городское руководство, не проявляет заботу о своих горожанах, оставив на зиму жилой массив МИС без горячей воды. На проверку же оказалось, что именно в этой части города обеспечили жильцов горячей водой в ущерб интересов теплоэнергетиков и районного бюджета. Правда, потом служители эфира извинились. Но ведь слово — не воробей. А совсем недавно еще более трагическое сообщение, и снова в программе "Пирамида" о том, что какие, де, в Канте бессердечные руководители, допустившие то, что бедных слепых поездом едят комары. Разобрались, и снова оказалось дело, не стоящее выеденного яйца. Действительно, в многоквартирном доме, где в трех семьях имеются слепые, периодически заливается водой подвал из-за пришедшего в негодность водопровода. И люди жаловались во все районные инстанции. Но неужели кому-то до сих пор непонятно, в какое время мы сейчас живем? Целые города не только в нашей республике, но и у ее бывших сестер некогда великой и единой семьи народов живут и без тепла, и без воды, и даже без электричества. Ну не сумели в

городе мгновенно отреагировать, денег не нашли. Но ведь сделали же и начали до того, как приехали ребята из "Пирамиды".

Мэр города и аким района сделали вид, что не обиделись за очередную понапраслину. Но ведь обидно же, что есть такие гнусные люди, которые не замечая ничего хорошего, только тем и занимаются, что роются в мусорках.

Несмотря ни на что Кант хорошеет с каждым днем. И если кто-то покинул его в поисках лучшей доли на чужбине два-три года назад, не узнают его. Хорошеет город и красивеет, добрее становятся его люди, чище и прекраснее их помыслы.

— Я благодарен Геннадию Валерьевичу за то, что он развязал мне руки, дал полную свободу действиям, - говорит Калыбек Койчубекович. — С ним легко и интересно работать. К нему в кабинет я иду с удовольствием, считаю его своим лучшим другом. Но это не означает мою вседозволенность. Я даже мысли себе не могу допустить о совершении чего-нибудь противозаконного во имя моего личного блага.

С каждым днем все ближе и ближе то время, когда закончив книгу, уеду я, из ставшего мне родным, Канта. Но в моей памяти навсегда останутся эти прекрасные люди и среди них — Калыбек Койчубекович Сарыков, человек умный, деятельный, безмерно любящий свой народ и свой красивый город. Верю, что мечта его осуществится.

А уж если речь зашла о красоте и уюте города, да и вообще любого селения, то тут без истинного архитектора не обойтись. И в этом повезло моему главному герою. Речь идет о главном архитекторе района Ж.Джанусакове, выпускнике ФПТИ, что называется, образца 1977 года.

Когда речь зашла о том, что мне хотелось бы познакомиться с человеком, который смог бы найти в характеристике Давиденко что-то такое, о чем любой другой не осмелится сказать, мне посоветовали побеседовать с оппозиционно настроенным ко всем и всему Жаныбеку Орозоевичу. Он, мол, до такой степени докатился до вольнодумства, что стал аж членом партии "Асаба". При этом каких только эпитетов ему не присваивали! По словам некоторых он националист, и ищет темные пятна на самом Светиле.

Ну, думаю, была не была! Где наша не пропадала!

И вот передо мной сорокашестилетний мужчина приятной внешности, с улыбчивыми, добрыми глазами. Как я не старался, по крайней мере, рогов на его седеющей голове не увидел. И вскоре понял, почему о нем бытуют всякие кривотолки. Не любит он шептаться по углам и на всех уровнях защищает интересы той службы, во имя которой живет, больше того, во имя которой он

родился. Да, он считает свою профессию — архитектор, важнейшей из всех известных ему. Жилье человека должно быть уютным, добрым, красивым, предрасполагающим к жажде творить важное и прекрасное.

Как-то в Париже, общепринятом законодателе мод, в одной из своих зарубежных поездок кто-то спросил, кому обязан город за его столь неописуемую красоту у экскурсовода, показывающего важнейшие достопримечательности. Тот ответил однозначно — архитектору, который у них поставлен выше мэра французской столицы.

Такого ответа можно было ждать, потому что не может так творить человек, зависящий от кого-то, не имеющий самой высокой власти, ограниченный финансовыми возможностями. В доказательство важности своей профессии и должности Джанусаков привел еще один пример. Как-то, приехавший из Швеции его друг рассказал, что там в городе могут снести с лица земли любое здание, не жалея всех его семи этажей, только потому, что оно чем-то похоже на уже имеющиеся в этом городке. Значит там не допускается в строительстве серийность, которая до отказа заплонила наши микрорайоны, как капли воды, похожие друг на друга. Ведь это обязывает зодчих творчески подходить к своей работе. Значит, о них там помнят, считаются с ними, допускают их диктат.

Мы же не всегда знаем, что существует такая служба. А если и прибегаем к ее помощи, то только тогда, когда вдруг надумаем узаконить свою десницу, оставляя за собой право решать как лучше построить для себя дом или обыкновенную беседку в саду. И чтобы это опровергнуть, Жаныбеку иногда приходится срывать до фальцета. Вот и прослыл он в простонародье противозой, человеком, всегда чем-то недовольным. А, в принципе, не так уж много он требует. Ведь он же прав в том, что необходимо согласовывать с ним, как главным архитектором, любое, даже на первый взгляд кажущееся пустяком, сооружение.

Как-то надумал один горе-бизнесмен построить в самом центре, на самом оживленном участке дороги тандыр для выпечки самсы. Разумеется, место обещало быть доходным, но портила она своей убогостью вид города. И это было немаловажным, так как нередко по этой улице проезжают и высокие иностранные гости, и люди, понимающие толк в городской красоте. Джанусаков категорически запретил строительство этого мини-заведения. Но его хозяин, обойдя райархитектуру, добился у руководства города разрешения на строительство. Нескольким раз Жаныбек приходил к хозяину сооружения и предупреждал его, что это строение будет все

равно снесено. Но тот только похохотывал в ответ. У меня, де, есть разрешение, и пошел вон!

И вот, когда все было готово к презентации, главный архитектор нанимает группу удальцов, и они по кирпичику, по дощечке разбирают хибару, так и не ставшую чудом антиархитектуры. Конечно же, хозяин жаловаться ни к кому не пошел. Знал, что напрасно. Но злобу, видимо, в своем сердце затаил. И таких случаев было на веку у Джанусакова больше чем достаточно. Так как же после всего этого добрым словом вспомнить о нем, тем, кому он поперек горла стоит?

С горечью вспоминает Жаныбек первые дни работы с Давиденко. Тот или делал вид, что не замечает главного архитектора, а сам издали наблюдал за его действиями, или слышал слишком много негативного о нем как о руководителе, специалисте, наконец. Но явный неконтакт в их отношениях остро и больно ощущал зодчий долгое время. Но как всему, пришел конец и этому. Как-то после очередного отчета о своей работе, который он, как правило, сопровождал искусно сделанными настоящими мастерами своего дела макетами новых павильонов или прочих элементов малых архитектурных форм, оставшись с ним один на один, Давиденко немного смущенно сказал:

— А я сначала тебя не понимал, не думал, что ты специалист высокой пробы. Теперь я знаю, что мы сработаемся.

Вроде бы и ничего особого не сказал, но человека окрылило, и закипела в его маленьких кабинетах работа. Сегодня здесь ясно представляют как будет выглядеть вся главная дорога, пересекающая район. Без внимания не оставлен ни один ее изгиб, ни один холмик, вплотную примкнувший к ней. И все это на макетах, на карте, на схемах. Если хотите взглянуть на завтрашний день Ысык-Атинского района, заходите в районную архитектуру, и уверяю, будете с нетерпением ждать его.

А впрочем, зачем ехать в город? В каждой сельской управе района вы найдете стенд с рекомендациями архитекторов как сделать все села нарядными, уютными, неповторимыми.

Ну, а теперь немного о том, имеют или нет основания разговоры о том, что Джанусаков националист. Мне кажется, что в это не поверит никто, побеседовав с ним. А вот то, что он настоящий интернационалист, согласиться можно. Во-первых, он по-человечески переживал наблюдая, как от нас уезжает русскоязычное население. Но лучше всего выслушаем, что он говорит сам:

— Разве нельзя не восхищаться тем жизненным подвигом, который совершил для моего родного Кыргызстана Дмитрий Петрович Зубков? Сотни таких же смертных, как он, кыргызов, не сделали для

него столько, сколько сделал этот маленький, но великий человек. Такое богатейшее хозяйство, которое построил он, не найдешь не только по всей Средней Азии, но и по всему бывшему Союзу. А что для нас Илья Семенович Безсмертный! Он сумел сохранить в единственном числе крупнейшее предприятие Кыргызстана. Так почему же я их не должен уважать только потому, что они люди другой крови, чем я и мои сородичи?!

Вот и делайте вывод, кто он — главный архитектор Ысык-Атинского района.

Приведу более убедительный пример.

Как-то лет девять тому назад, служба свела его с одним, уже немолодым человеком, которого жизненная распутица завела в наши края без документов, без средств к существованию. Словом, бомж да и только. Один приятель посоветовал Жаныбеку взять его на время себе в работники, а там, между делом, если он это заслужит, выправить ему документы. Вообще, не дать человеку окончательно свалиться в болотную трясику жизни.

С первых дней понравился Володя, так, в семье стали называть россиянина Макарова. За что бы он не взялся — все сделает с отличным качеством. Честность и бескорыстность Владимира удивляли всех домочадцев, и ему стали доверять, как самому близкому человеку их семьи. Уезжая куда-либо — оставляли на него весь дом. Не было у них от русского мужика тайников. Он мог, не разбираясь, надеть хозяйскую рубашку, а хозяин семейства — его. К каждому дню рождения и Новому году, это уже обязательно, ему покупали новый костюм, да не какой-нибудь на китайской барахолке, а обыкновенный, в каком не стыдно и на люди показаться, и гостей встретить дома.

Похоже, что россиянин и не собирался уезжать в родные края. А уж если и потянет его к старым друзьям, провести с ними парутройку дней в пьяном угаре, пожалуйста! По возвращению отмоется, приведет себя в надлежащий вид, и опять жизнь пошла по наезженной за восемь лет дороге.

Как-то он ушел из дома в очередной раз и пропал. Ни слуху о нем, ни духу. Прошло несколько дней в томительном ожидании. А потом, решив, что больше Володя не вернется, понемногу стали забывать о нем.

Но как-то позвонили из районной больницы, сообщили, что нашли умирающего человека, который сейчас находится в реанимации. В бреду он называет имя главного архитектора.

Пулей помчался Жаныбек в больницу. Кое-как узнал он в умирающем дорогого ему Володю. Врачи сказали, что мужик жить не

будет. Лечить его не на что. Денег, мол, на лекарство у них нет. Так что решай, сам его похоронишь или это сделает больница.

Жаныбек вскипел:

— Как можно говорить о похоронах при живом человеке? Лечите! Считайте, что лечите меня. Денег, сколько надо, я дам. Не миллион же это будет стоить.

Врач составил длинный-предлинный список лекарств стоимостью в несколько тысяч сомов и отдал его архитектору. Несколько дней Жаныбек буквально не покидал своего друга. А когда тот пришел в себя, решил на время оставить его. И снова телефонный звонок, де, твой друг умер. И опять Жаныбек в больнице. Оказывается больной еще чуть-чуть дышал. Ему нужна срочная операция. У него внутреннее кровоизлияние желудка. Врач показал размер кровоточащей язвы, не сводя до конца своего большого и указательного пальцев. Вы, мол, не представляете, сколько это будет стоить. И снова то же заявление: денег не считайте. Для своего друга я готов на все.

И вот через несколько дней Макаров Владимир, гражданин далекой теперь страны — Россия, снова на ногах. Сейчас он живет у своего друга в Бишкеке, но время от времени приезжает в Новопокровку, чтобы погостить у человека, который спас ему жизнь. А когда нет его, скучают о нем в кыргызской семье. Как самого дорогого человека любят его здесь. И жена Жаныбека — Минара-хан, которая работает в отделе иностранной литературы в государственной библиотеке, и дети-студенты КГНУ Руслан и Наргиза, и Каныбек, который перешел в одиннадцатый класс, и будущая первоклассница Мээрим. И нет для них разницы, какая у него национальность. Главное, он просто хороший, добрый человек. Трое старших выросли на его глазах, а младшая родилась при нем.

Вот и судите сами после этого, какой националист Жаныбек Орозоевич Джанузаков — главный архитектор Ысык-Атинского района.

Большие задачи стоят сегодня перед этим районным учреждением. Но он считает, что сам по себе, без подчиненных, он ничто. Уже хотел перечислить всех, без исключения. Но пришлось укоротить рвение, сказав, что если перечислить всех ысык-Атинцев, которые достойны доброго о них слова, получится не книга, а телефонный справочник. Но все же не назвать Николая Ивановича Моргунова, нынешнего эксперта, бывшего начальника отдела капитального строительства и архитектора Акылбека Иманбаева он не смог. Это за ними будущее района. Это им предстоит сделать его таким, чтобы глаз радовал каждого жителя, каждого гостя.

А всеобщая неприязнь к блюстителю зодческого искусства понемногу проходит. И это тоже благодаря новому акиму, который дал понять всем, что должность главного архитектора — одна из важнейших, и лично сам с уважением относится к нему. Остальным лишь приходится следовать примеру главы района.

Но никакая красота не может быть в радость людям, если по городу или простому селению страшно пройти, потому как в каждом темном углу тебя может подстеречь какое-нибудь чудовище в человеческом обличье. Не знаю кому как, а мне лично город Кант показался тихим и спокойным. Много раз я бродил глубокой ночью по его затемненным улочкам, и ни разу меня никто не встретил, не придрался, найдя самый нелепый повод. Может это случайность. Но, читая сводки местного РОВД, не чувствуется в этом напряженки такой хотя бы, как в нашей столице. Ну, конечно, не без того, чтобы вообще не было здесь правонарушений. Их сегодня, к сожалению, всюду везде больше чем предостаточно. Но здесь явно ощутима тенденция к сокращению роста преступности. И в этом большая заслуга местной милиции во главе с ее начальником — полковником Ташыбековым Д.С.

В органы Дамирбек Сманкулович пошел сразу же по возвращению из армии. Служить довелось в Германии. Пришел он в райотдел, а там посмотрели на его осанку, статную и крепкую, и убедили попробовать силы на службе в органах. Поначалу взяли водителем в полк охраны. Дело понравилось, пришлось по душе. Поступил во Фрунзенскую спецшколу милиции. Закончил с отличием. В подтверждение сему — красный диплом. Затем Карагандинская высшая школа милиции. И снова прекрасная характеристика. А дальше оперативная работа. Сначала в Сокулукском РОВД. Чинов и званий подолгу дожидаться не приходилось. Вскоре был переведен зам.начальником отдела в Московский РОВД, затем начальником отдела Жайыльского РОВД. Перед тем как перейти в Ысык-Атинский район, работал начальником отдела по борьбе с экономической преступностью и коррупцией Чуйского УВД.

И вот он начальник Ысык-Атинского РОВД, которым стал год назад. Никогда не забудет, как был представлен главе райгосадминистрации. Взглянул он на него так, с высоты своего низенького роста, и сразу же понял, что кого попало к нему не прислали. Он так и сказал:

— Ну, хорошо. Будем вместе работать. Мне хороший начальник милиции — во как нужен!

Как уж он уловил это в первый же момент знакомства не узнает никто. А дела в милиции действительно пошли в гору. Теперь Дамирбек Сманкулович с некоторой грустинкой вспоминает:

— Начал с капитального ремонта списка личного состава. Без разговора уволил всех, кто хоть как-то скомпрометировал священное звание сотрудника милиции. Так что хапугам, рвачам и просто бездельникам у нас делать нечего. Я могу простить какую-то служебную оплошность, но явное преступление или попытку совершить его — никогда.

Попытался я во время знакомства с ним услышать что-нибудь героическое, о котором он мог рассказать. Но оказалось, что ничего героического он не совершал. Это он так считает! Да разве можно поверить в то, что человек, в наше-то время, дослужился до полковника и все было так гладко?

А мог бы вспомнить, как отрабатывался по его сценарию и под его руководством и личном участии захват целой банды, орудовавшей на перевале вблизи Сосновки, которая на дело выезжала на конях и была неплохо вооружена. Только об этом факте можно было бы снять неплохой приключенческий фильм.

Много тогда по этой дороге челночило мелких торговцев. И мало кому удавалось благополучно добраться до места назначения. Налетали бандиты, грабили и бесследно исчезали. Пришлось создать специальную группу. Переодели сотрудников под образ типичных торгашей и их жен. Долго ездили по указанному маршруту. Но бандюги словно чуяли липу и на контакт не шли. Кое-как зацепили двоих. А остальных выловить осталось лишь делом техники. Сейчас в этом ущелье и на самом перевале тишина.

Немало забылось, стерлось временем. Но никогда не забудутся те, что сложили свои головы, выполняя свой долг перед народом. Среди них Владимир Симраур. Не дождался он подкрепление и один на один вышел навстречу вооруженным, затаившимся в кустах бандитам. Погиб, как солдат в неравном бою. Представили милиционера-героя к награждению орденом. Но или не нашлось такого в высоких сейфах у правительства республики, или посчитали там, что одним милиционером больше или меньше будет, ничего не изменится и прислали на запрос лишь медаль. Представляю, как нелепо звучало постановление Правительства о награждении медалью посмертно. Юмор да и только! Что поделаешь, если в Белом Доме шутить не разучились, несмотря на трудное время.

Не только радикальную чистку своих рядов провел в райотделе милиции новый начальник. Добился строжайшего отношения к форме одежды своих подчиненных. Занятия физической подготовкой и тренинги по прикладным видам милицейской сноровки стали нормой жизни РОВД, а строевые смотры неотъемлемой частью

боевой выучки. И правильно. Разгильдяйство не должно допускаться ни в чем.

Перевод полковника Ташыбекова в Кант совпал с объединением двух районов в один — Ысык-Атинский. Это потребовало дополнительных усилий и, конечно же, средств. И эти деньги в сумме 100 тысяч сомов Давиденко нашел. Может кому-то на что-то отказал, а РОВД выделил. Он сердцем своим понимал, что на этом экономить нельзя, как нельзя экономить на поддержании боеготовности или на помощи бедным, голодающим людям. Так что по отношению к нынешнему главе района, кроме слов благодарности он не может сказать ничего.

Вспоминаются беседы с ысыкатинцами год назад, когда я только начал писать книгу. Заключение моих собеседников были идентичны: поживем — увидим. Вот и пожили. Вот и увидели. Вообще-то можно было и не встречаться ни с кем. Вполне достаточно было поговорить с одним начальником РОВД и получить исчерпывающую характеристику нынешнего акима. Да вот только на слова не очень охотливы люди в форме. Он о себе-то ничего не смог рассказать поподробнее, несую, мол, службу. Стараюсь четко делать свое дело. В семье, вроде, тоже порядок. Жена — Светлана — педагог. Четверо детей. Дочь Аида, студентка международного университета. Поторопилась отца с матерью дедом с бабкой сделать, наградив их внучкой. Урмат закончил среднюю школу. Хочет стать юристом, но только в милицию не пойдет. Считает, что одного милиционера в семье вполне достаточно. Назира перешла в девятый класс. А самый маленький — Кубат только в первый класс пойдет этой осенью.

На прощание еще раз разглядываю его еще молодое лицо, настойчиво пробивающуюся седину. И ничто не выдает в нем милиционера. Может быть в форме он был бы совсем иным, но "гражданин" ему очень идет. А может быть оно и к лучшему, что он не в форме. Наверное бы тогда задушевной беседы не получилось. Тут бы и чашка кофе, которую мне любезно предложил хозяин уютного кабинета, не помог. А сейчас мы расстались добрыми друзьями. И очень жаль, что нелепые обстоятельства впоследствии несколько охладили наши отношения. Но, надеюсь, что время рассудит, и все встанет на свое место.

Рассказать же о некоторых сотрудниках этого РОВД я считаю делом своего долга перед ними. Но лучше, если это сделают фотографии.

Разрабатываются версии. (В центре Д.Ташыбеков)

В Ысык-Атинском РОВД майор К.Исмаилов
считается одним из лучших.

Подполковник милиции — гроза и добрый защитник ысыкатынской
детворы Полина Федоровна Юрлова.

Молодые сыщики

Заявление принято

Егор Скобеев. Молодой, но лучший.

И все-таки оппозиционера, человека, который в меру своего характера белое называет только белым, а черное только черным, я нашел. Это президент межрайонного акционерного общества "Агрохимсервис" К. Рузахунов. В день знакомства с ним ему исполнилось ровно шестьдесят лет, поэтому встречу с юбилеем решили перенести на ближайшую пятницу.

Разговор наш был долгим и интересным. Каримахун Рузахунович оказался словоохотливым и практически не нуждался в моих вопросах. Чувствовалось, что недавно у него, по случаю юбилея, был корреспондент, и мои вопросы он мог просто предвидеть. Его ответы были весьма и весьма убедительны. Со многим просто нельзя не согласиться.

Ну как, скажем, можно не опровергнуть неправильность действий некоторых районных служб? Кто, вроде бы, стараясь сделать нашу жизнь лучше, порой делают ее невыносимой. Вспоминаю времена, когда едешь вдоль главной трассы села Новопокровка, да и других сел тоже, видишь, как напротив каждого дома стоит столик или табуретка, на которые хозяева вынесли то, что может хоть немножко облегчить их жизнь. Это, как правило, огурцы, помидоры, фрукты, яйца, молоко... Да и мало ли что может производить толковый крестьянин на своем миниатюрном подворье! Едешь, выбираешь, покупаешь. И не нужно тебе заезжать на базар, покупать то же самое, но дороже, чем у сердобольных старушек; готовых тебе продать продукт собственного производства почти даром. Кому это мешало? Ведь торгуют-то этой мелочью, как правило, глубокие старушки, которые, если даже согласиться с нашими законами, не должны облагаться налогами. А если и должны, то это очень глупо. Эти старушечки не блокируют подступы к зданиям местной администрации, законно требуя помощи и пополнения к своему семейному бюджету.

Сегодня мы их прогнали с улицы и поставили в очередь за подающими из дырявого бюджета. Некоторые еще из попытки, хоть как-нибудь уцепиться за жизнь, едут на рынок, тратя червонец только на дорогу туда и обратно и пятерку за место на самом дешевом базаре. Ну как же иначе?! Ведь при торговле у дома нужно разрешение тех же архитекторов, налоговиков, санэпидстанции, пожарных, Госстандарта и еще всякого рода "блустителей". А те из шкуры лезут вон, чтобы ободраť бедную старушечку, пугая ее даже не существующими законами и положениями.

А может быть все это отменить и разрешить тем, кто на основании действующего законодательства имеет право, что называется, безошлинно торговать и заниматься любым бизнесом в любом, удобном для них месте? Не нужно переживать, как при

коммунистах, бояться, что кто-то вдруг на этом разбогатеет и станет хоть чуточку жить лучше.

Об этом и многом другом подумал я после беседы с Рузахуновым. Вспомним ту же милицию. Разве мы не видим, как люди в форме придираются к запозднившемуся, прилично одетому, пешеходу, порой перешагнув отпетого выпивоху или разгулявшегося добра молодца в изодранной рубашке? С какой целью это делается? Нетрудно догадаться: что возьмешь у голого? И пусть, может быть в какой-то степени я взял грех на душу, показывая выше только лучшую сторону Ысык-Атинской милиции. Я располагаю данными, когда грех нужно относить в актив стражей порядка. А может лучше переадресовать его на тех, кто все это лицезреет и не сообщает куда надо о всех правонарушениях людей в форме. Не верю, что любое это сообщение останется бесследным.

Развелял Каримахун Рузахунович целый ряд высокопоставленных авторитетов, облаченных незаурядной властью. Не уважает он огражденных зубастой стаей, не дающей добраться до кабинета шефа. Нет у него среди них друзей и сомневается в том, что у тех они имеются вообще.

Что касается моего главного героя, то у Рузахунова тоже особое мнение. Бесконечно уважая его, как человека и руководителя, он дает ему более строгую оценку. При всей его компетенции и строгости, он проявляет мягкосердечность даже к тем, кому и голову-то носить противопоказано. Во вред она им! Ну, скажем, зачем она руководителям "Водоканала"? За что им платить деньги, если добрая половина населения систематически сидит без воды, особенно в летнее время, когда люди не могут досыта напиться, уже не говоря о том, чтобы искупаться. Куда они девают собираемые деньги? Может их мало?

Тогда повышайте расценки, но дайте этого божьего дара досыта всем! Ведь люди-то не хотят платить только из-за того, что платить не за что. А если есть оголтелые неплательщики, отрежьте им воду. Но пусть из-за них не страдают остальные.

С приходом Давиденко в район многое изменилось в лучшую сторону. Можно еще сделать многое, если в таком же духе Геннадий Валерьевич будет работать и впредь. Но лучше будет, если он еще больше повысит свою требовательность к тем, кто по долгу своей службы и должности обязан благоустраивать жизнь людей.

Особое отношение у Каримахуна к русскому населению. Сколько бессонных ночей провел он, наблюдая за процессом массового выезда людей, любить которых завещал ему и его братьям и сестрам отец. Поначалу пятый ребенок в семье Рузахуна никак не мог понять все преимущество этой нации. Правда, отец, прошедший

вместе с русскими солдатами всю войну, рассказывал, насколько преданы они своей Родине, насколько бесстрашны и неприхотливы в боях, больших и малых переходах. Остальное Каримахун понял, став уже взрослым человеком и объехав многие азиатские страны.

— Не верьте, что так богато живут китайцы, индийцы, пакистанцы, иранцы, иракцы и турки, — в азарте душеизлияния говорит он. — Побывал я в этих странах и понял, кто такие для нас русские. Я увидел голодных индусов, которые по двадцать человек бросаются на яблочный огрызок, сшибая друг друга с ног. Это только в центре своих столиц они делают вид всеобщего благополучия. А сверни от того же Пекина километров за десять-двадцать и увидишь там сплошную убогость и нищету. Живут в таких мазанках, что у нас, воспитанных русскими, и в сараях для скота чище. Полы никогда не моют, стены не белят. В домах ходят обутыми, спят на чем попало. Ничуть не лучше и в других странах. И мы были бы подобны им, если бы не соединили нашу культуру с русскими братьями. Очень жаль, что многие слишком поздно поняли это и допустили их эмиграцию. Знаю, с какой болью в сердце покидали они наши края, в которых родились сами, родились и выросли их отцы и деды. Много хорошего они взяли у нас. И не меньше дали нам.

Гляжу незаметно на его глаза и вижу искорку, набежавшей на глаза, слезинки. Так от души, откровенно может плакать только выдававший виды человек, расстроенный горькими воспоминаниями.

Пытаюсь успокоить, подбодрить его:

— Вот сколько я знаю уйгуров, у меня складывается о них только положительное мнение, как о людях повышенной чистоплотности, как в гигиеническом плане, так и моральном...

— Но и этому мы обязаны русским. А потом, я ни разу не встретил русского вора или мошенника. Все они трудяги и, если есть из них пьяницы, то пьют на свои. Ведь любо посмотреть как они работают. Право, рубахи трещат. И я не осуждаю за то, что они пьют.

Разумеется, согласиться с тем, что среди русских нет воров и мошенников, можно с опаской быть слишком радикальным, но лично мне известно много фактов, когда некоторые мотают свой срок в местах не столь отдаленных, выгородив кого-то, взяв чью-то вину на себя.

Не хотелось бы повторяться высказанной фразой из газетной зарисовки в районной газете в честь юбилея Рузахунова, но иначе его, как сына трех народов, не назовешь. Ведь в нем течет кыргызская, уйгурская и узбекская кровь. Об этом он несколько раз говорил во время нашей беседы. Но главная его боль в том, какую трудную жизнь уготовила уйгурам судьба. Было время, когда людей этой национальности в бывшем Союзе преследовали только за то,

что они уйгуры. Если бы у меня была возможность написать в фундаментальном произведении об этом особо, я бы назвал его "Уйгурская рапсория". Настолько это нескончаемая, безграничная народная тема, рассказать о которой не хватит слов песен и музыки.

Не меньше других выстрадала семья Рузахуна. Ведь как было. Вполне возможно было посадить в тюрьму или даже расстрелять без суда и следствия только за то, что ты уйгур. На них велась самая настоящая охота, как до недавнего времени в Африке на пигмеев — самых низкорослых людей на Земле. Пришлось Рузахуну доказывать в письме аж самому Молотову, что он не чистокровный уйгур, что мать его кыргызка. Только после того, как Вячеслав Михайлович дал личное распоряжение на его семью, прекратились гонения, и она получила кыргызское гражданство. Сам он женился на узбечке и потекла в венах детей кровь трех народов.

В сороковом году, за год до войны, родился у них пятый ребенок. Назвали мальчика Каримахун. После войны родилось еще двое. Но пятерых, что были мал мала меньше, непросто было прокормить. А уж об одежде и не мечтали. Так и выросли они, donaшивая друг за другом залатанную и перелатанную одежку.

Мать была искусной мастерицей печь колхозникам хлеб. За что и любили ее сельчане. Может быть благодаря этому и выжила семья. Вернувшись с войны, отец стал работать поваром. Постепенно получил должность заведующего столовой, а там и рестораном. За свое умение из ничего приготовить что-то очень вкусное, заслужил огромный почет и уважение. Даже детям в жизни было легче добиться чего-нибудь, если кто-то в каждом из них вдруг узнавал того самого Рузахуна. Таким образом, уже в зрелом возрасте Каримахун приобрел без всякой очереди, через очень высокопоставленного чиновника "Волгу", которую как святыню хранит по сей день. А случилось это так. Пришел он в Министерство по своим делам. Разговорился с Самим. А он смотрел на него, смотрел и спрашивает:

— Уж не Рузахуна — великого повара, ты сын?

И обрадовавшись такой нежданной встрече, тут же дал указание выдать ему легковушку.

Но это было уже потом. А задолго до этого — учеба во Фрунзенском политехническом техникуме. Затем служба в армии. Там он впервые приобрел настоящих русских друзей. Никогда не забудет он Гену Метлова, Володю Черных, Грачева. Все они были выходцами из знатных семей, и родители пророчили им большую военную карьеру. На этой почве разрешили им во время службы написать рапорта о том, чтобы дали "добро" поступить в военное училище. Но в самый последний момент сменили училище на гидромелиоративный институт академика Вильямиса. И правильно

сделали. Конкурсы в военные училища были такими большими, что не помогли бы никакие связи. Тем более русаки на учебу оказались слабенькими, а Кариму не хотелось отрываться от друзей. Да и при поступлении в институт учли то, что он уже был гидротехником.

Учиться в институте было ему легко. Ничего нового там он не узнавал. Все тоже, что и в техникуме, только на более высоком уровне. В этом вузе он встретил воочию тех людей, которых раньше знал только как авторов учебников. Так, соавтор проекта строительства БЧК, академик Шаров был его преподавателем.

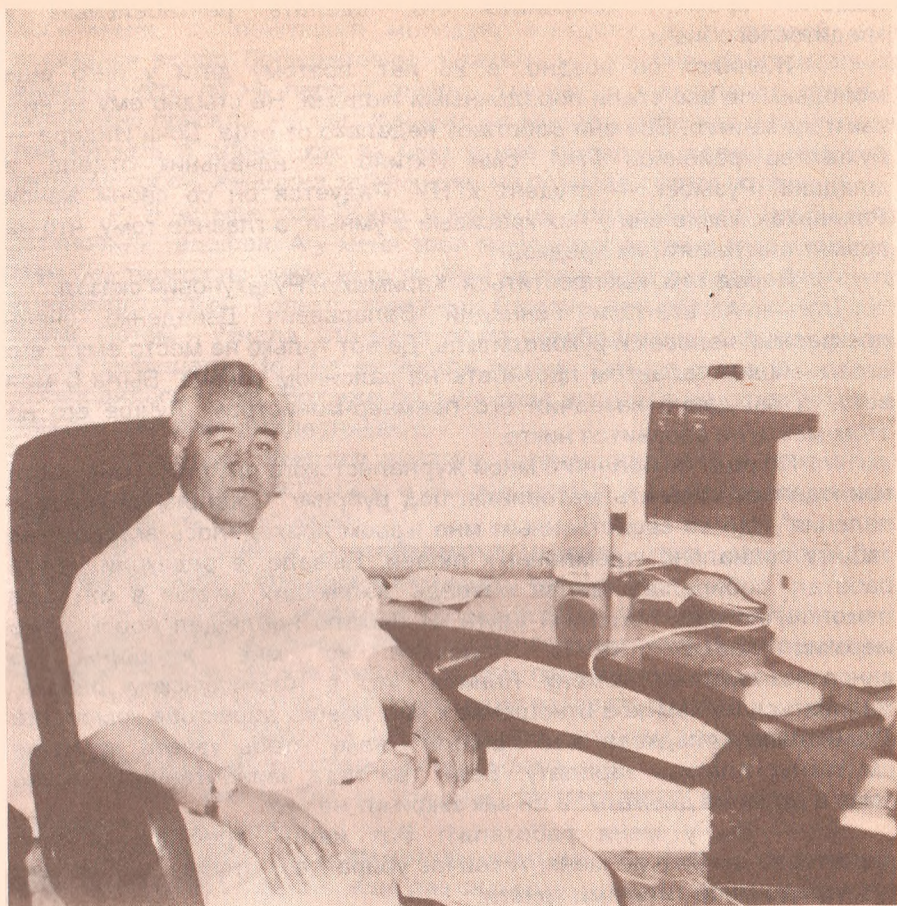
За активность и отличную учебу, еще будучи студентом, его избирают депутатом по Темирязевскому избирательному округу Москвы. Там он стал кандидатом в члены КПСС, и рекомендацию ему дал профессор Прокофьев. Только из-за смены места жительства кандидатский стаж протянулся более чем на два года.

После окончания института при распределении выбрал себе направление в Латвию. Потянула романтика приморских просторов. Но вскоре понял, что родина милей и вернулся в родные края, политые слезами и потом его родителей. Хотелось побывать и на этнической родине предков. Да законы тогда были еще жесткими. Но своего добился и в 1989 году впервые съездил в Китай. Встретив там убогость и нищету, вернулся домой. И для себя сделал вывод, что лучше Киргизии нет места.

Немало сменил мест, работая на различных инженерных должностях. Бок о бок трудился с Апасом Джумагуловым, которого шутя называл прорабом всех крупнейших строек кыргызской столицы. Но самым лучшим для себя временем Рузахунов считает те девять лет, которые он проработал начальником Кантского управления оросительных сетей. Сегодня восемьдесят процентов из них обслуживаются механизмами. И в этом не меньшая заслуга Героя труда Зубкова Дмитрия Петровича, тогдашнего директора Кыргызской МИС. Вместе они тянули оросительные артерии, осушали заболоченные поля, проводили гипсование. Пусть знают потомки-хлебоборы, что это они стояли у истоков нынешней плодородности здешних земель.

Сегодня Рузахунов с горечью смотрит на то, что осталось от бывших высокоурожайных земель, которым грозит вторичное засоление. Ведь если не прекратить перенасыщение земли водой, грунтовые воды поднимутся выше критической отметки и принесут агрессивные соли, превратив ее в сплошной бесплодный солончак.

Сейчас Каримахун Рузахунович работает председателем межрайонного объединения химизации и сельхозсервиса. 15 лет своей жизни отдал он этому многосложному предприятию. Сумел и в

наше-то время(!) сохранить его, сделать рентабельным и кредитоспособным.

Женился он поздно, в 28 лет, поэтому дети у него еще молодые. Но все стали порядочными людьми. Не стыдно ему за них, как и им за него. Все они работают недалеко от отца. Дочь Индира — бухгалтер районной ГНИ, сын Ихтияр — начальник отдела, а младший Рузыбек — студент КГНУ. Радует его со своей женой Рахпархан, какие они у них красивые и умные, а главное тому, что не срамят они памяти их предков.

Перед тем, как проститься, Каримахун Рузахунович сказал:

— А все-таки Геннадий Валерьевич Давиденко очень прекрасный человек и руководитель. Да вот только не место ему с его огромнейшим талантом прозябать на районном уровне. Была б моя воля, я бы давно назначил его премьер-министром. Лучше его на этом месте не справится никто.

По роду выбранного мной журналистского профиля, мне часто приходилось готовить материалы под рубрику "Социальной портрет явления", где со свойственным мне жаром приходилось вставать на защиту социально ущемленных людей. Бывало, в редакции, где я работал, собиралась целая очередь желающих, чтобы в их беде помог лично ваш покорный слуга. И немало наблюдал порой даже мерзких картин. Как-то приехали ко мне женщины из винсовхозкомбината имени Ленина, что в Аламудунском районе, жаловаться на хамское отношение к ним нового директора комбината Станислава Холодкова. Они пришли к нему, чтобы узнать, когда же им станут платить зарплату. Ведь три года заработанного честно сома в руках не держали, а он как закричит на них:

— Вы у меня работали?! Вот идите, требуйте от того директора, что был до меня. А сейчас убирайтесь отсюда вон! Нечего тут передо мной титьками трясти!

И случаев, подобных этому, было немало за сорок с лишним лет моей работы в различных газетах. Но вспомнил я об этом, побывав только один день в кабинете Геннадия Валерьевича. Не думаю, что это была с его стороны демонстрация для моего присутствия позы доброго дяди. Почему я пришел к этому выводу, убедиться нетрудно.

День не был специально отведенным для приема по личным вопросам. Просто нужно знать Давиденко, чтобы понять, почему двери его кабинета открыты для простых граждан всегда.

— Ну как я могу отправить его назад, если он добирался ко мне Бог знает откуда? Притом, едут-то, в основном, старики, да инвалиды, кому уж и рассчитывать-то больше не на кого.

Вот и сегодня, проведив до выхода своего очередного посетителя, он пригласил молодую женщину, вид которой ему показался особо болезненным. Оказалось, что она действительно инвалид чуть ли не первой группы. Кое-как она дошла до стола и осторожно присела, чтобы случайно не сделать себе хуже. Не успела она сказать и слова, как из глаз у нее полились слезы. Наконец, овладев собой, женщина заговорила, не скрывая своего волнения.

— Я четыре года бьюсь и никак не могу добиться, чтобы нам установили телефон. А у меня трое маленьких детей и муж инвалид. Нам без телефона никак нельзя. Уже четыре раза писала заявление и никакого толку. Только обещают. Раньше вот говорили, что нет точки. Потом я узнала, что одна точка освободилась. Пошла, и мне опять пообещали. Но подсоединили других. Сейчас снова у соседей освободилась точка. Вот уже больше года ею никто не пользуется, а нам все равно не устанавливают.

— Хорошо. Мне все понятно. Сейчас пройдете в приемную, там вам дадут ручку и бумагу, и Вы все изложите в заявлении на мое имя. Я обещаю Вам помочь.

Но женщина и не собирается уходить, хотя, казалось бы, разговор окончен. Геннадий Валерьевич повторил:

— Вы сейчас выйдите, пожалуйста, в приемную. Напишите заявление. Я поручу своему заму, чтобы он Вам помог. А потом лично сам проконтролирую, как выполнено мое поручение.

Женщина же и не подумала даже встать с места.

— Дело в том, что я уже четыре раза писала заявление и никто мне, не помог — сквозь слезы сказала она.

— Но мне-то Вы не писали. Я Вас вижу в первый раз. Напишите мне и я помогу.

Чувствуется, что аким уже выходит из себя. Но он, и не подав вида, собравшись с волей, еще раз сказал:

— Я же не могу сейчас встать и пойти проводить Вам телефон. Кому-то будет поручено. Пожалуйста, выйдите в приемную.

Тут женщина, помявшись немного, тихо, опять умываясь слезами, прошептала:

— Я писать не умею.

— Ну это не беда, — облегчено вздохнув, сказал Давиденко, — я сейчас попрошу, чтобы секретарша написала заявление за Вас. Вы только все ей расскажите, как мне. Потом это заявление подпишите и оставите. А завтра я узнаю, установили телефон или нет. Вам все понятно?

— Все. Но только я уже четыре раза писала...

Тут уж не выдержал и я. Насколько я, уже выдавший виды человек и отличающийся особым терпением, готов был схватить

бедную прихожанку и вытолкать из кабинета в приемную, где нервничала от нетерпения толпа ожидающих своей очереди. Но Геннадий Валерьевич встал и вежливо так проговорил:

— Пойдемте, я Вам помогу. Все будет хорошо...

— Но я уже четыре раза...

— Ничего-ничего. Теперь у Вас телефон будет. А пока, до свидания.

Следующей вошла симпатичная пожилая кыргызка.

— Вот все говорят, сынок, что ты всем помогаешь. Помог и мне. Скоро выпускной вечер в школе. Я хотела бы внуку что-то купить из одежды. Но нет денег. Вот и хочу попросить, чтобы Вы распорядились выдать мне пенсию за май...

По крайней мере я так понял. Разговор-то шел на кыргызском языке, который понимаю с пятого на десятое.

— Дорогая моя. Мы недавно выдали пенсию только за март, а Вы уже и за апрель получили. Не могу же делать исключения для всех, кто приходит ко мне. Если я дам сейчас распоряжение выдать Вам, завтра весь район будет у меня в кабинете. Так что извините, такой возможности у меня нет.

— Но может быть продуктами выдадите?

— Я не знаю, есть там сейчас продукты или нет. Но когда мы вам делали отоварку, все вы возмущались.

— Сейчас возмущаться не будем. Сахар-то на базаре по двадцать сомов за килограмм.

— А что вы думаете, мы будем выдавать, как и раньше, по десять сомов? Нет, цены теперь устанавливаем не мы, а рынок.

Дальше перевод стал для меня непосильным и я так и не понял, что же старухе надо. Она несколько раз доходила до дверей, потом возвращалась, снова садилась за стол, о чем-то любезно говорила акиму, снова вставала, шла к двери, разговаривала, возвращалась, садилась и снова вставала.

Такое мог вынести не всякий, уже уставший и без нее человек. С трудом выпроводив ее до двери, продолжая и в них отвечать на какие-то вопросы, он пригласил следующую. Ей оказалась женщина лет тридцати пяти, одетая в чистом, но во всем явно давно застиранном. Она выложила на стол для посетителей целую кипу каких-то справок и пытаясь выдавить из себя хотя бы слезинку, заговорила, как говорится в песне, навзрыд:

— Я мать-одиночка, и у меня хотят обрезать свет за неуплату. Сначала говорили, чтобы уплатила за весь год, а теперь и штраф добавили. А где я возьму деньги, если нигде не работаю. У меня ведь на руках ребенок.

— А где я? — морщась спросил Геннадий Валерьевич. Он первым унюхал разивший от нее самогонный перегар. — Кто же будет за Вас платить за свет?

— Но я же сказала, что я мать-одиночка, у меня нет денег. Я нигде не работаю.

— Почему? Что у нас негде найти работу? Вы ее искали? Вы обращались в Центр занятости? Нет? Так что же Вы хотите?

— Мне сказали, что Вы всем помогаете...

— Я помогаю тем, кого незаконно обидели. Но кто обидел Вас? Представьте себе, что должны не вы, а вам кто-то. Вы бы, наверное, предприняли все, чтобы должник рассчитался. Вот и энергетики тоже хотят, чтобы им платили за свет. И делают все, что в их силах. Конечно, штрафовать вас без решения суда никто не может. Сейчас я поручу своему заму и он разберется. Только уплатите свой долг, а уж потом они, как там решат, не знаю. Наверное, если заплатите, они на суд подавать не станут.

Словом, с трудом выпроводил он и ее. Собрав в сумку все свои бумажки, она была довольна хотя бы за то, что не придется теперь платить штраф. Между прочим, я бы на месте акима обязательно заострил свое внимание на то, что на самогонку деньги она находит, а вот за свет уплатить нет. Геннадий Валерьевич ответил:

— Ну как я могу сказать это человеку? Конечно, можно было бы и милиционера позвать и просто ее выставить за дверь. Люди-то идут сюда, в основном, с чистым сердцем... Конечно, есть и такие, что ссылаясь на мою, де, поддержку, и жизни не дают соседям.

Я вспомнил, что он имел в виду. Как-то дня два назад пришла к нему одна старушка из Новопокровки. Жаловалась, что сосед ее, бывший фронтовик, жизни не дает ей. Воду, когда захочет, откроет, когда захочет, прикроет. Вот и мучается старушенция с поливом. А тот фронтовик из себя выходит, посылает всех, вместе с руководителями местной власти и участковых подальше, мне, мол, аким лично приказал распоряжаться водой. Так что пришлось главе района звонить сельскому главе Тарakanову Анатолию Михайловичу и объяснять, что власть на селе он, а не райгосадминистрация.

— Вот ведь что делает, — возмущался Давиденко. — Да я этого вояку и в глаза не видел.

Словом, я хоть и сидел там больше наблюдателем, а голова у меня разболелась и нервы не выдержали. Отложив нашу беседу, ушел. А в коридоре еще сидели люди. Сима — секретарша его — успокаивала всех, что Геннадий Валерьевич не уйдет, пока не примет всех.

Потом уже узнаю, что и на том, когда он проводил своего последнего посетителя, его рабочий день не закончился. Перед ним лежала еще кipa бумаг, которые нужно было не только подписать, но еще и еще раз перечитать, обдумать правильно ли решили его замы, выступая перед ним с одним или другим ходатайством, как они оценили ситуацию и какое высказали по каждой из них свое мнение.

Вот одно из писем. Написала его старая учительница. У нее порок сердца или еще что-то в этом роде. Нужна сложная операция, для которой нужны огромные деньги. Замена только одного клапана обойдется в кругленькую сумму, так как цена этого клапана двадцать тысяч сомов. Ясное дело, что таких у нее денег нет. А откуда они у главы райгосадминистрации? Если бы государство имело такие деньги, то разве бы мы проклинали сегодняшнее положение дел? Да, мы нищие! Разве бы раньше, при советах кто-нибудь обратился к кому-то, что ему нужен искусственный клапан или даже почка? Врачи бы сами выполнили свой долг. Но разве виноват в этом он — Давиденко, что мы докатились до такой жизни?

По дороге домой он еще раз вспомнил об этой шестидесятилетней женщине и мысленно представил себе ее — худенькую, измученную тяжелым недугом. И сердце сжалось от мысли, что уже ничто не сможет помочь ей. И никто! Даже он, обладающий властью. Она просила, умоляла о помощи, и все это напрасно. Неужели больная действительно верила в чудо, способное ей помочь? Среди ночи он еще раз, проснувшись, вспомнил о ней. Да, ей шестьдесят, и она так хочет жить. Как утопающий хватается за соломинку, так и она за спасительную идею — написать главе района, который так помогает всем.

Да, всем! Но только не ей, как не смог помочь собственной жене, своей любимой Елене. Разве ей в ее пятьдесят лет, меньше хотелось жить? Но она не писала никому и ничего. Ничего у него не просила, не молила. Могла ли она понять в свои последние дни, что скорый конец неминуем? Может быть и она еще во что-то верила? Но надеяться она могла только на него. И он не оправдал ее надежды. А может быть что-нибудь еще можно было сделать, отвратить или хотя бы передвинуть навалившуюся на него всей своей тяжестью беду? Нет! Сделано было все, что в его силах. А может быть все это к лучшему, это пришел конец тому, что тяготило всю семью? Сколько бесконечно долгих лет ее страданий! Нет, не могла она понять, не хотела, что в душе у мужа к ней не осталось, не могло остаться ничего, кроме одного сострадания. Жалость к ней, такой когда-то родной и близкой, затенила, задавила все остальные чувства.

А между тем, где-то в подсознании зарождалась вторая огромная любовь. Она росла и крепла и готова была в любой момент выплеснуться наружу. Геннадий с ужасом думал: "А вдруг это действительно случится? Что скажут об этом люди? Поймут или нет его близкие и друзья? А как дети? Что будет, если они узнают о том, о чем он боится даже думать? Поймут ли они его или обвинят в предательстве также безмолвно, как безмолвна была его новая, и может быть даже более сильная, чем прежде, любовь?"

Он нехотя открыл глаза. В ярком свете луны четко вырисовывался прекрасный, милый профиль другой женщины. Она сквозь сон почувствовала его взгляд и тоже открыла глаза.

— Что с тобой, Гена? Ты не спишь?

— Да не спится что-то. Обдумываю детали прошедшего дня. Все ли сделал так, как нужно было.

— Брось ты эти тревоги. Отдохни хотя бы ночью. Завтра будет день...

— Новый день принесет новые заботы. Спи, моя милая... Я тоже постараюсь заснуть. Спокойной ночи. Потом, немного подумав, добавил: — Прости меня за то, что такой.

— Именно такой ты мне дорог.

После того Геннадий сделал вид, что заснул. Вскоре почувствовал, что Надежда Васильевна снова забылась в неспокойном полусне. А сам еще долго-долго вспоминал свою Елену Прекрасную, как иногда называл ее втайне от нее. А прекрасной она была действительно. Ее до безумия любила вся его семья: и родители, и брат, и сестра. Она с первого момента была принята в семью как самый близкий человек. Ей прощались такие, казалось бы недопустимые для женщины черты характера, как наплевательское отношение к своей внешности. Она была неприхотлива, и от нее никто и никогда не слышал даже слова жалобы на нелегкую жизнь жены казенного, до мозга костей, человека, в вечных хлопотах не о себе, не о ней и даже не о детях. Работа для него была всем. Все остальное лежало на ее плечах. Была она женщиной, крепко и ладно скроенной. Как говорят, знающие в женщинах толк мужчины, все было при ней. Ей шло все, чтобы она не одела. Видимо, она понимала это и не рвалась, как ее приятельницы, ни к косметологу, ни к парикмахеру. И кто бы мог подумать, хотя бы пятнадцать лет назад, что ее подстерегает беспощадная, полученная по наследству от предков болезнь, которая обременит всю семью на длительное время. И с каждым годом все хуже и хуже. Впоследствии начала прогрессировать слепота. И когда она почти совсем ослепла, прошел слухок, что в аэропорту приземлился американский самолет с группой офтальмологов. Друзья помогли деньгами, и операция

прошла успешно. Теперь она до конца дней своих могла хотя бы ориентироваться в своем доме и во дворе.

Затем открылись глубокие язвы на подошвах. Так, что ходить приходилось с великим трудом, преодолевая невыносимую боль. Дети старались не допускать ее длительных переходов. Одного ее жеста было достаточно, чтобы они принесли то, что ей требовалось. А когда они были в школе, как всегда в трудный момент около больной оказывалась все та же Вера Ефимовна, у которой когда-то жил Геннадий, учась в средней школе. Но "пришла беда — открывай ворота", — говорится в народе. Пришлось открывать их и в доме Давиденко. В необъяснимости ее некоторых поступков врачи-психиатры признали паранойю. Эта жуткая весть вскоре облетела всех ближних и дальних родственников. Теперь Лену уже нельзя было оставлять одну, чтобы она чего-нибудь не натворила.

Она по-прежнему узнавала всех, могла приготовить что-нибудь, помнила что, куда ложилась. Но у нее появилась потребность непременно что-нибудь сжечь или сломать. Но самое страшное, в ней обострилось чувство ревности. В Геннадии, как в муже, она не нуждалась уже давно, но даже и мысли не могла допустить о том, что у него могла быть другая женщина, что ему вообще нужна, как всякому другому нормальному здоровому мужчине, женщина, и не только как сожительница, а как друг, помощник в его нелегкой работе и в жизни, наконец.

И нужно отдать должное Геннадию Валерьевичу в том, что все ее опасения и ревности были напрасны. Кроме нее у него не было никого. Хотя и равнодушие к одной уже все отчетливее начинало проявляться, но довольно-таки странно. Женщина эта была замужем. Муж ее, не будем его так строго судить, был к ней абсолютно равнодушен.

Бесконечно так продолжаться, естественно, не могло, и Надежда потребовала развода. Но и теперь, когда уже ничего не могло помешать их чувствам, Геннадий со свойственным ему упорством сдерживался. Теперь уже в нем, кроме проявлений заботы о ней, появилось еще и чувство ревности. По несколько раз в день он звонил ей на работу или домой. И если не находил ни там, ни здесь с полчаса кряду, устраивал ей такие разносы, будто она его какая-то собственность.

— Где это ты находишься в рабочее время? — гневно говорил он ей по телефону. — Уже целый час тебя нет на рабочем месте!

Надя просто не знала, что ему отвечать. Кто он такой, чтобы командовать ею. Ну пусть что глава района. У нее частная фирма. Когда хочет, тогда и придет на работу, когда захочет — уйдет. И откуда у него такой командный тон? Какое бы мероприятие, связанное с чаепитием или приемом зарубежных гостей, не проводилось, она обязательно должна была присутствовать. Всем нравился ее талант дизайнера, который она особо проявляла при накрытии торжественного стола. Это Геннадий Валерьевич относил на свою личную заслугу и лестно принимал восторженные отзывы о том, как прекрасно убран стол. Это были его самые счастливые минуты в его беспросветной жизни.

А между тем кризис у жены стремился к его самой наивысшей точке. Уже было ясно, что жить ей осталось всего лишь несколько дней. Вообще-то, если считаться с прогнозами медиков, то уже года два назад минуты ее были сочтены. Но борьба женщины за жизнь и забота близких оттягивали это время все дальше и дальше.

В это время Геннадий Валерьевич получил новое назначение — в Кантский район. Под его руководством предстояло объединить его с Ысык-Атинским. Жена оставалась в Кара-Балте. Надежда Васильевна — в Беловодске. Он — везде. Прошел месяц. Он для Лены был последним в ее жизни. Не думал Геннадий Валерьевич, что у него так много друзей, когда все собрались разделить горечь его невосполнимой утраты. Все улицы города были буквально заполнены автомобилями с номерами Тюпского, Джайылского, Панфиловского, Московского, Кантского, Ысык-Атинского районов и г. Бишкека. Все те, кто когда-то с ним работал и работает сейчас, посчитали своим долгом в этот трудный день быть рядом с дорогим для всех человеком.

Рассказывает Анна Ефимовна:

— Я с болью в сердце постепенно смирилась с тем, что у Гены будет другая женщина. Лена для меня была самой родной, самой близкой. Но потом все-таки смогла убедить себя в том, что сыну нужен рядом человек, который будет помогать ему. Сами понимаете, какая у него работа. Он всегда должен быть ухожен, вовремя накормлен. Да и сколько ему можно мучиться? Вообще-то и Надя мне очень понравилась, и пусть она на меня не обижается, на мою временную прохладность. Она стала женой моего сына, и нравится мне или нет, это не касается никого. Теперь она моя дочь.

Все остальное сгладит время. Вот только не знаю, как дети отнесутся к их браку.

Что же касается внешности Надежды Васильевны, то я уже Геннадию Валерьевичу высказал комплимент, смысл которого заключается в том, что в женщинах он толк знает. Она какая-то божественно утонченная. Не приходилось мне видеть его первой жены и судить о ней не берусь, но то, что эта прекрасна, спору нет. А какая она хозяйка, так такую еще поискать надо.

Рассказать о человеке уровня моего главного героя невозможно, не показав его гражданской позиции. С думой об этом, встретился я с военным комиссаром Ысык-Атинского РВК майором Кубеновым, который с первого момента нашего знакомства показался мне умным и глубоко порядочным офицером. А, впрочем, мое мнение о нем не изменилось до самого последнего момента. Поняв о чем пойдет наш разговор, Улан Кутанович сказал:

— Геннадий Валерьевич обладает высоким, я бы сказал даже высочайшим, уровнем гражданственности. До нынешних времен я возглавлял Каракольский и Балыкчинский горвоенкоматы. Знал многих акимов и всяких руководителей. Но Давиденко сравнить с кем-нибудь из них просто невозможно. Это человек простой и доступный. Он не любит говорить много. Но все, что сказал, действительно, как говорится в нашем уставе, закон для подчиненных. Я ни разу не слышал его повышенного голоса. Всегда он говорит тихо и спокойно. Но не выполнить то, что он требует, вернее просит, просто невозможно.

Во всех военкоматах сегодня ведется огромная работа, требующая величайшего напряжения. Что тут скрывать! На юге республики в любой момент может произойти самое страшное, от которого зависит целостность нашего молодого государства. И нужно быть готовыми отразить самое чудовищное. А с другой стороны, далеко не все кыргызстанцы понимают серьезность обстановки. Всякий правдами и неправдами уклоняется от акта мобилизации. Хуже того, молодежь вообще не хочет служить в армии. Сказывается и полное отсутствие патриотического воспитания молодежи. Парни просто не хотят понять того, что знали наши далекие-предалекие предки, которые еще и разговорным языком-то не владели, что женщины являются хранительницами очага, а мужчины защитниками своего дома.

Огромный процент молодежи призывного возраста непригодных для службы в армии из-за состояния здоровья. Именно в военкоматах ощущается число больных такими заболеваниями, о которых раньше уже начинали забывать. Это туберкулез, бруцеллез и даже венерические болезни, которыми страдает значительная часть

нашего населения. И все это результат обнищания кыргызстанцев, их хроническое недоедание, невозможность своевременно обратиться к врачу.

Самая главная задача, которую решают сегодня военные комиссариаты, является повышение уровня мобилизационной готовности. Сорок восемь часов. Это время, отведенное для того, чтобы поставить "в ружье" все боееспособное население. Причем, уже через двенадцать часов с момента объявления мобилизации начнется поступление первых резервистов. Разумеется, при объявлении тотальной мобилизации будет проще в этом плане. Тогда будет все ясно. Если ты мужчина, то попробуй докажи, что ты невоеннообязанный. Но как быть при выборочной мобилизации, если каждый старается найти любую зацепку, чтобы уклониться? Тут, в первую очередь, необходимо чувство гражданственности каждого человека в отдельности. А оно само по себе не появляется. Нужна огромная военно-патриотическая работа. Вот о ней-то мы и позабыли.

Подумать только: у государства нет средств, чтобы выделить штатные единицы военруков во всех учебных заведениях. Тем более в школах. В лучшем случае — это физруки, которые на общественных началах, бесплатно, в меру своего осознания того, что нельзя не обучать молодежь военному делу. И обязанности в этом не требует никто. Так до чего же, ребята, мы в таких условиях можем докатиться, когда совсем рядом, по ту сторону нашей государственной границы, тщательно тренируются, я бы сказал даже, дрессируются самые отпетые головорезы? Что мы сможем противопоставить им? Разучившихся стрелять, огрузневших резервистов или не могущих пробежать одного километра, перелезть через забор или бросить гранату, новобранцев?

А какая убогость наших военкоматов и призывных пунктов! Нет элементарного: простой бумаги, средств мобильной связи, уже не говоря о GSM, учебных кабинетах, учебной (хотя бы) боевой техники. Добровольные общества содействия обороне или вообще отсутствуют или только числятся на бумаге.

Знаю такие военкоматы, которые не могут добиться хотя бы на время призывной или мобилизационной кампании автобуса, технических работников. Даже в этом раньше было проще, когда все предприятия были государственными, и ни у кого не болела голова — как платить привлеченным на госслужбу людям и за чей счет выделить и содержать призванные автотранспортные средства.

Конечно, в случае объявления чрезвычайного положения, когда вся власть перейдет в руки военных, будет проще. А, впрочем, будет ли, если все мы понемногу начинаем забывать, что

защищаться нам придется самим, а не российским парням, которым за это нужно будет платить?

Вот и сегодня испытываются руководители всех рангов на уровень гражданственности! И это испытание Геннадий Валерьевич проходит с наивысшей оценкой. Снова слово Ысык-Атинскому военкому:

— Давиденко сумел создать для нас максимум условий для нашей успешной работы, несмотря на то, что и без военкомата и его нужд в районе проблем по горло. В прошлом году, например, он на свой страх и риск выделил нам из районного бюджета сверх того, что нам положено по установленным смехотворным нормам, 217 тысяч сомов. А в этом году только за пять месяцев — 180. Это разве не глубочайшее понимание острой необходимости помогать нам, поддерживать нашу боевую готовность на самом высоком уровне? И я горжусь тем, что мне пришлось принять самое деятельное участие в ходатайстве о присвоении ему очередного воинского звания — полковника запаса. Он, как никто, больше достоин его.

Чувствуя высокую ответственность за судьбу своего государства, Давиденко во главу угла ставит решение проблем военного комиссариата. При первой же свободной минуте, а порой и с целевой задачей, заезжает он в военкомат. Смотрит как там идут дела в чем нуждаются служивые, советуется как можно провести какое-нибудь мероприятие для подъема военного духа у молодежи, сам лично принимает в них активное участие.

Где же он на все берет деньги, когда экономика трещит по швам? Да, невозможно бесконечно выворачивать карманы у бедного производителя.

И снова вспоминается разговор с главным налоговиком района. Вот что он говорит:

- Геннадий Валерьевич создал для нас такие условия, что мы полностью исключили возможность кому-то укрывать свои доходы. Вроде бы и небольшую сумму платят отдельные в виде налога. Порой это меньше полутысячи. Но собрав все вместе, получается солидная сумма. Так что в том, что район что-то может, есть и наша заслуга. Правда бывают еще моменты, когда налетает на нас солидная бригада из области и начинает рыться, дотошно проверяя отчеты, и находит кое-что. Но это копейки, которые никак не могут говорить о нашей бездеятельности.

Но вернемся к военкому — Улану Кутановичу Кубенову, казаху по национальности, которому до возраста Иисуса Христа еще три года лямку тянуть. При всей своей молодости он уже успел исколесить пол-России. Окончив Таллинское высшее военно-политическое строительное училище, он строил военные объекты на

Урале, в Сибири, в Подмоскowie. Есть его отметка и на Байкануре в Казахстане. Семья у него еще молодая. Жена Жаркын - студентка-заочница. Сыну - Бексултану только пять лет. Совсем недавно семейство пополнилось дочуркой. Назвали ее Дарикой. Что ж, красивое имя. Видимо, быть и ей красавицей, как ее молодые родители. Счастья ей на долгие годы, чтобы не пришлось никогда ее папе покидать дом родной и ехать куда-то на юг или еще куда-нибудь, чтобы с оружием в руках защищать целостность и неприкосновенность, ставшего им родиной, Кыргызстана. Чтобы не было для этого и малейшего повода.

А между тем, в качестве доказательства своей правоты в том, что организаторские способности моего главного героя достойны подражания, приведу еще один пример. Для этого приглашаю на заседание районной коллегии, которое ведет Геннадий Валерьевич. Начало декабря описываемого года. На повестке дня два вопроса. В первом речь идет о подведении итогов десяти месяцев общегосударственной программы борьбы с бедностью "Аракет". Второй — отчет государственного санитарного инспектора района, или, как принято называть, главного санитарного врача райсанэпидстанции. Заметьте, насколько переплетаются они в своем смысловом содержании. Первый раскрывает, второй заключает единую тему. Ведь без здоровья людей не может быть здоровой нации. И здоровье нации определяет ее жизненный уровень.

Главное, что достойно внимания, это темп проводимого форума. Если в других районах эта тематика могла бы развернуться во многочасовую дискуссию с самобичеванием и самовосхвалением выступающих, то здесь Давиденко в своем предисловии предупредил сразу:

— Прошу докладывать коротко. Чего мы добились положительного — знаем все. Главное, заострить внимание на нерешенных и нерешаемых проблемах, почему они не решаются и конкретные предложения. Кто в этом направлении ничего путного сказать не может, пусть лучше сидит на месте и не отрывает понапрасну время у всех. Оно у нас на вес золота.

Но несмотря на предупреждение, почти все выступающие были едины в том, что перечисляли — кто, кому и сколько помог, чтобы люди могли как-то сводить концы с концами. Наконец Геннадий Валерьевич не выдержал и сказал, дав понять, что разговор на том по первому вопросу закончен:

— Это хорошо, что все мы стараемся, как можем, помочь бедным людям. Кому угля подвезли, кому муку, сахар или риса дали. Но разве это самое главное?! Нужно дело поставить так, чтобы люди

могли сами себе добыть кусок хлеба, а не ждали, когда им пришлют очередную подачку. Для этого необходимо создавать дополнительные рабочие места, всячески поддерживать тех, кто желает что-то производить у себя дома. А ведь, порой, для этого просто нужна обыкновенная материальная поддержка. Решили, скажем, дед с бабкой развести кур. Помогите им сделать это. Дайте денег, помогите купить птицу, а затем организуйте покупку у них готовой продукции. Уверяю вас, что через год они и с вашим кредитом рассчитаются и сами на ноги встанут, и больше никакой помощи от вас не попросят.

Очень много исколесил я дорог в Ысык-Атинском районе. И всех больше поражало то, какие чистые и опрятные тут села. Почти в каждом заработала общественная баня, в большинстве из них работает водопроводная система. При этом, почти все колонки ожили буквально в последние год-полтора. Об этом я уже немало сказал выше. И никак я не мог подумать, что именно это проблема на коллегии будет высвечена как сплошная неразбериха со стороны местной власти и, конечно же, райгосадминистрации.

Дело в том, что при подведении итогов работы санитарной службой Чуйской области, ысыкатынцам было определено самое последнее место. Не имея здесь права слова, как приглашенный, я прекрасно знал, как обстоят с этим дела в других районах, возмущаясь внутренне. Ну что за чушь?! Да разве сравнятся с ними некоторые районы, где приходилось мне бывать? А причиной такого несоответствия с реальностью оказался отчет этого самого государственного санинспектора, который в угоду своих руководителей из вышестоящего эшелона власти, не сверившись с показаниями райбольницы, дал такую липу, что хоть стой, хоть падай. И вообще, интересно получается, как это можно, перепрыгнув через районную голову, о чем-то докладывать в область или даже в республику? Так что не думал и не гадал главный санитар района, а такую пилюлю поднес своему непосредственному руководству. Не буду называть фамилии и имени этого блюстителя здоровья района, так как по словам Давиденко, специалист-то он, в целом, прекрасный и немало сделал для района хорошего, но как он мог в своем отчете показать, что в районе работает всего лишь семь бань, когда лично я видел там их десятки? Да ведь и результат-то положительный имеется. Так, в районе четко наметился спад таких заразных болезней, как туберкулез, сифилис. А ведь по республике отмечался их значительный рост.

В общем, было о чем поговорить на коллегии по этому поводу. Кто готовил проект постановления по второму вопросу, рекомендовал коллегии применить к дезинформатору самые жесткие

административные санкции. Видимо, склонен к этому же был и сам глава района. Но, учитывая пожелания выступающих, Геннадий Валерьевич в своем заключительном слове подытожил решение в пользу ограничения решения серьезным предупреждением виновного в том, что район был незаслуженно унижен. Я полностью разделяю его возмущение в том, что отделы областного руководства, не выходя из своих кабинетов вот как, по отчетам, делают выводы о состоянии дел в области. Кому не ясно, что на бумаге все прекрасно лишь у того, кто вообще бездействует. На том заседании Давиденко повторился в своем требовании:

— Конечно, в том направлении нам нужно еще много и долго работать. И решая проблемы, поднятые во втором вопросе повестки дня, мы можем решить и те, что были затронуты в первом. Взять, к примеру, те же бани. Ведь это не только улучшение санитарного состояния сел, но и дополнительные рабочие места. Стройте, пусть небольшие, но так необходимые сегодня селу общественные баньки и передавайте их тем, кто сможет содержать их. Это и работа им, и здоровье для всех. Ведь сегодня далеко не каждая семья, даже имея собственную баню, в состоянии регулярно топить ее. Да и содержание водопроводов также решит много вопросов. Ищите ответственных за них людей. Пусть они поддерживают водопроводы в хорошем санитарном состоянии и собирают деньги у потребителей чистой воды. Это им и зарплата, и средства на эксплуатацию водопровода.

В этот день мне удалось поприсутствовать на заседании редакции местной "районки". На нем шло обсуждение номера газеты, посвященного Дню энергетиков. Но при желании сделать этот номер действительно праздничным, мешала боль виновников предстоящего торжества за то, что слишком велика задолженность перед ними потребителей электроэнергии. У некоторых она превышает пять тысяч сомов. Причем, у наиболее состоятельных она значительно выше. Скажем, бедная бабулька лучше не доест, но рассчитается сполна, вовремя. А толстосумам жалко раздавать свои тысячи на выплату долгов. И та же старушенция от этого страдает.

Но интересное здесь в другом. Заметно оживил свою работу районный совет социальной защиты населения из НПО. Везде, где надо и где не надо, суют нос эти самозванные защитники. Ну хорошо, если бы только там, где надо! Но когда речь идет о злостном неплательщике за электричество, тут бы следовало и подумать, чью же сторону нужно защищать? Разумеется, бабульке худо без света и тепла. А каково тому же рядовому электромонтеру, не получающему

зарплату по несколько месяцев подряд, легче?! И чьи тут требования законней?

Немало приходилось мне лично встречать подобных защитничков. Знал я в Аламудунском районе некую Арцебашеву. За всю свою жизнь она на работе ничего тяжелее ручки да пачки бумаги не подняла. В силу этого пенсию заработала себе соответствующую. А теперь хватилась — жить-то не на что. Вот и бегаёт по всем инстанциям, жалобы всякие сочиняет. Со своими болячками в ряде центральных газет выступает за копеечный гонорар. Другой раз такую чушь напишет, что ни в какие ворота не влезет. Как-то опубликовала заметку в газете "Республика" с благодарностью налоговикам, за то, что благодаря их ретивости в районе своевременно пенсию выплачивают. А редакция, не глянув в святцы, ударила в колокола. И невдомек ей, что на пенсию деньги добывают не налоговики, а отдел социальной помощи. Когда я был редактором газеты того района, всячески укрощал ее рвение очернить кого-то. За это потом хорошо поплатился. А она, войдя в доверие к Лидии Михайловне Фомовой, что создала и руководит поныне объединением соцзащиты, гремит во все колокола заученными фразами, как, де, людям живется плохо.

Да, глохо люди живут нынче и очень многие. Но не об этом сегодня трубить надо, а научить людей, как можно жить лучше.

Примерно с такой же "защитницей" встретился я и в Канте. Не успеет где-то завариться очередная интрига, а она уже там, в самом эпицентре. Скажем, недавно в центральной районной больнице создалась небольшая группа, примерно десятая часть от всего численного состава районных медиков, которую не устраивает по каким-то причинам главный врач. И полетели депеши в разные инстанции. Не нужно было иметь много ума, чтобы определить того, кто стал их идейным организатором и вдохновителем.

Может быть районной газете давно пора высветить эту "страдалицу за народные бедствия". Да и другим газетам, хотя бы той же "Республике" позаботиться не о ее чести, а о своей. Ведь публикуя непроверенные факты таких сигнализаторов, они наносят себе огромный, неповторимый вред, теряют в лице своих читателей авторитет, делают свою газету пустобрехом и интриганом.

Понимает Геннадий Валерьевич, что не подобные дамы делают погоду в районе, а те, кто всеми своими помыслами и делами обогащают его, поднимают на достойную себе высоту. Таких он может назвать десятки. Он ими гордится, приводит в пример другим. О некоторых я уже рассказал. И следующий мой рассказ о прекрасной семье, которую выбрало само время. Это семья Абасовых. В общем-то она судьбой своей чем-то схожа с семьей

Халилова, о котором сказано чуть раньше. Так же, как и последняя, появилась она в наших краях в начале тридцатых годов, как раскулаченные элементы. И также, через свой великий труд, смогла встать на ноги, воспитать достойную о себе память в лице детей, внуков, правнуков.

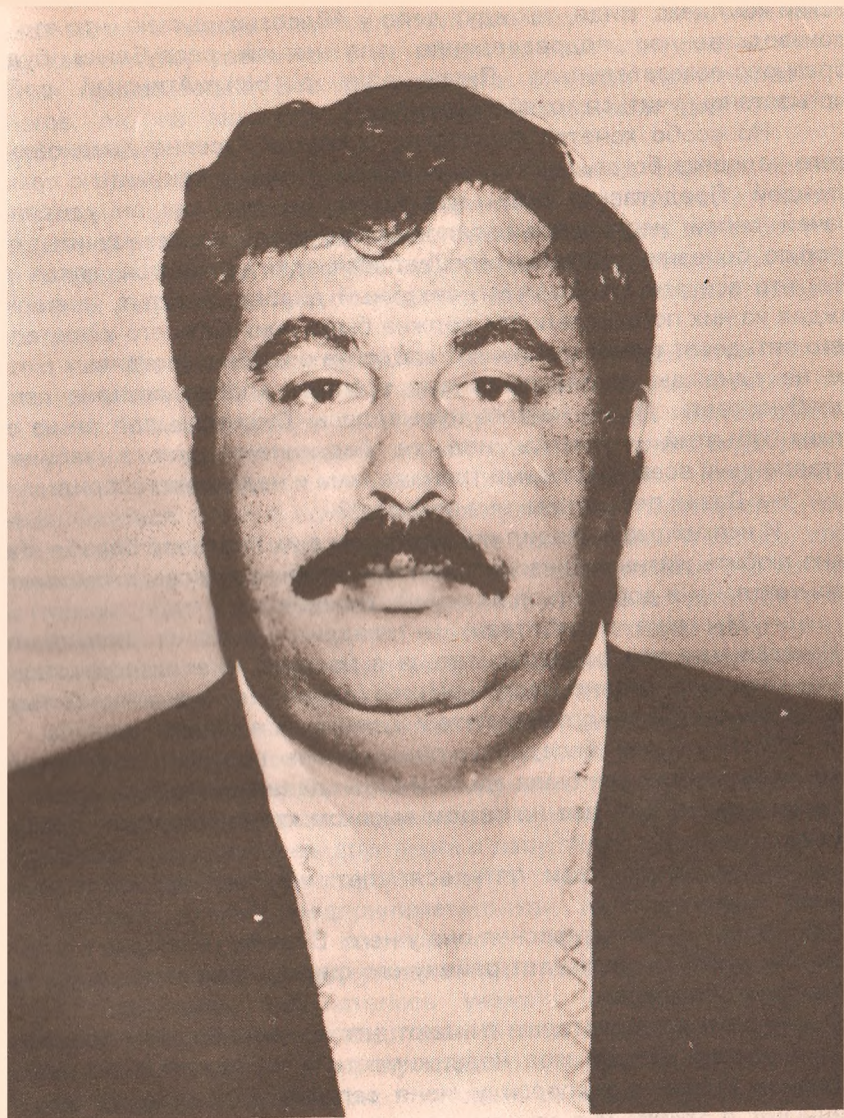
Всего род Абасовых в данном регионе насчитывает около тридцати семей, живущих как одно целое, неделимое, "держа и вздымая. — как говорил пролетарский поэт, — друг друга". Но основным ядром, вождем, если хотите, ее является Хусеин Хасанович. К нему идут все и за добрым словом, и за поддержкой в любом ценном начинании. А уж если понадобится это самому Хусеину, то его полуслова достаточно, чтобы и рабочие руки вмиг появились в необходимом количестве, и денег сколько надо. И живут Абасовы в полном достатке, ни в чем себе не отказывая. А, впрочем, запросы их не так уж и большие. В роскоши не нуждаются. Но без хлеба не сидят. Дома у всех добротные, хозяйством крепкие, личным транспортом обеспечены сполна.

Дождались они своего времени, когда каждый за свой ум и труд может довольствоваться в полную меру. Сегодня все они сами себя полностью обеспечили работой, да и другим дают заработать, что называется, на хлеб с молоком.

Но сегодня речь пойдет лишь о той части их рода, который по сути возглавляет Хусеин Хасанович Абасов. До недавнего времени их было семь братьев и сестра Рафида, которая работает сегодня заведующей детсадом, что при Министерстве автотранспорта. Теперь братьев осталось шесть. Старшего — Явера схоронили недавно. Не выдержало сердце — надорвался. Но память о нем семья сохранит на вечные времена. Так и висит его портрет в кабинете президента фирмы, которую они учредили все вместе. Смотрит он с высоты на всех своих близких и своим безмолвным одобрением поддерживает их в начатом ими великом деле.

Учредили все эти братья, сестра и жена Хусеина Вера Алексеевна Клычникова общество с ограниченной ответственностью с громким для наших мест названием "Ала-Тоо". Генеральным директором единодушно избрали Сабира. Его заместителем стал Эльбрус. Согласитесь, неплохо ведь звучит? Президентом фирмы, как и положено, является оставшийся теперь старшим — Хусеин.

В состав их фирмы входит три магазина, семь действующих и две строящиеся автозаправочных станции, сахарорафинадный и сырный цеха. В позапрошлом году разбили сад на двух гектарах. Высадили полторы тысячи саженцев яблонь и прочих фруктовых деревьев. В прошлом году присоединили к этому саду еще девять гектаров, на которых высадили еще три с половиной тысячи

саженцев. Имеется задумка построить собственный животноводческий комплекс. Видя, как идут дела у Абасовых, думаю, что это их производственное подразделение для нашей республики будет образцово-показательным. Пусть едут в Ысык-Атинский район кыргызстанцы учиться хозяйствованию.

Но особо хочется рассказать о самом Хусеине Хасановиче. Этого человека богатырского телосложения можно сравнить с самой легендой. Представьте себе, вот уже семь лет, как он удивляет врачей своей неопишуемой силой воли. Ведь если изучить его историю болезни, то любой специалист-медик усомнится, глядя на него, что все это его болячки: сахарный диабет, инсульт, инфаркт. Каждая из них по отдельности должна была приковать его к постели. В его пятьдесят с небольшим лет злодейка с косой в костлявых руках уже не однажды заглядывала ему в глаза, злобно оскалив свою беззубую пасть. Да не на того нарывалась. Вискальзывал он из ее цепких объятий и смеясь над ее бессилием, шел в кабинет, заставленный всевозможными тренажерами и надменно говорил:

— Давай посмотрим, чья возьмет!?

И всякий раз выходил победителем в их неравной борьбе. Как нужно любить жизнь и презирать смерть, чтобы при всем этом иметь какие-то планы и добиваться их осуществления!

— Мы еще поработаем, — говорит, улыбаясь, президент. — Некогда мне сейчас укладываться в постель. А если почувствую маленькое недомогание, могу немного отдохнуть, прилечь. Есть у меня кроме тренажерного кабинета и комната для отдыха, и сауна.

После нашей беседы он показал мне все свое заведение. Кроме указанных выше была здесь и бильярдная комната, и комната для приема гостей. И все на самом высоком культурно-эстетическом уровне.

— Что я за свои пятьдесят лет не смог заработать на хорошую жизнь?

Но не в этом прекрасная она у него. Вернее, не только в этом. Около ста рабочих мест дает району его фирма. При этом, люди на зарплату не обижаются.

— Есть люди, которые считают, что я очень богатый человек. Да, действительно, вся моя недвижимость исчисляется в немалых миллионах сомов. Но спроси у меня сегодня хоть немного денег наличными, я откажу. И в самом деле, денег у меня, как таковых, нет. А если появится тысяча-другая, я тут же вложу их в какое-то дело. Деньги должны делать деньги! И все это нужно не мне, не всей моей многочисленной семье. У нас уже есть все. Я и вся моя семья, весь наш род хотим жить в богатой стране, где не должно быть нищих и обиженных людей. И делаем для этого все возможное. Разве мы

мало выплачиваем налогов и делаем различные отчисления в соцфонд и на всякие благотворительные акции! И начинаем мы не так, как многие, урвав себе из общественной кормушки что-то во время приватизации. Все мы работали и могли претендовать на многое. Но не захотели связываться, посчитали для себя это недостойным.

И действительно, держала семья Абасовых, еще при советах, колбасный цех в селе Интернациональное. По всем канонам тогдашней рваческой страды можно было бы отсудить его себе. Но их не поддержал район. Не учли отлаженности их технологии. Целую канитель устроили и при отчуждении магазинов, которые выкупили уже потом.

— Да, у меня сегодня нет денег. Но понадобится, скажем, сегодня миллион, мне принесут родственники и друзья. Откажут себе во всем, но необходимую сумму дадут. Вот сейчас многие думают, что у меня есть сумасшедшие деньги, глядя, как много и добротню я строю. А оказывается — все очень просто. Когда начал разваливаться Союз я понял, что наступило то самое время, когда нужно действовать. Тогда и вложил все свои запасы и запасы своих родственников на покупку всего того, что стоит дешево. Это же один из главных принципов бизнеса. Тогда я одних только железобетонных конструкций за бесценок скупил столько, что и по сей день не могу израсходовать. Огромную поддержку мне оказывают и мои друзья. В свое время я многим помог, а теперь они мне платят тем же.

Так постепенно рассказывая о своем житье-бытье, президент переходит к рассказу о нынешнем акиме района:

— С Геннадием Валерьевичем у нас отношения ровные. Я бы сказал, что мы с ним просто единомышленники. Ведь цели и задачи у нас общие. Мы понимаем друг друга с полуслова. Ведь незаконного я ничего не требую. Благодаря ему у нас в районе всемерно поощряется всякая предпринимательская деятельность. Он, как никто, высоко ценит бизнесменов, видит в нас главную экономическую силу и поддерживает нас в чем может.

Признаюсь, не хотелось уезжать от этого прекрасного собеседника, умелого руководителя. В этом я убедился еще раз во время его беседы по телефону, видимо с прорабом или кем-то ему подобном. Меня поразил тон, с которым он давал указания кому-то, находящемуся на другом конце телефонного провода:

— Рафаэль Игнатьевич, тебе не кажется, что твоя стройка затянулась? — недовольным тоном начал он. — Ведь другую заправочную станцию начали строить намного позже и уже завершают. Так же ведь нельзя работать! В общем, давай поднажми.

От таких твоих темпов страдает дело. Да и людям же тоже хочется побольше поработать.

Дальше последовали какие-то указания, кому что привезти, кому чего передать. И все это хоть и в настойчивой форме, но без тени приказного характера. Мне, плохо соображающему в строительном деле, так вдруг захотелось поработать в его подчинении! Вот так, исполнять конкретные поручения, зная, что все уже вокруг обговорено, согласовано, оплачено. И невольно вспомнился другой пример.

С Камбарбеком Асипбаевичем Тенизбаевым я встретился впервые года два назад. Был тогда он прорабом в совхозе или в колхозе, точно не помню, "Жаны-Пахта", которым в то время руководил Имильбек Джолдошевич Мурзалиев. В это время он стал главой госадминистрации одного из районов Таласской области. В то лето по их краю прошел страшной силы ураган, нанеся огромный ущерб и его хозяйству. Особенно пострадали строения повышенной парусности. Среди них школа, где фактически снесло всю кровлю. Вот и пришлось строителям как следует потрудиться, чтобы к началу учебного года ликвидировать последствия разгулявшейся стихии.

Ясно было, что хозяйство не располагает такими средствами, чтобы рассчитаться за строительство и ремонт. Согласились на то, что расходы ремонтной бригады будут компенсированы поголовьем КРС. Ничего не подозревая, прораб получил на ферме восемь голов, на вид вполне исправных коров. Но не успели их развезти по домам, как начался падеж. И буквально через три-четыре дня сдохли все.

Оказывается Мурзалиев дал команду выдать все поголовье из приговоренного к утилизации гурта. Все они были заражены туберкулезом. Но чтобы придать им товарный вид, животноводы, как это иногда делают мошенники, накормили коров солью. Естественно, после этого они напузырились и стали выглядеть вполне прилично.

Конечно, такое деяние проявлением порядочности не назовешь.

Но наибольшие испытания на голову Камбарбека и его строительной команды, которую он создал уже в Бишкеке, пали тогда, когда он, как главный инженер строительной фирмы подрядился построить, вернее достроить девятиэтажный дом, что притаился в тени здания Октябрьской райгосадминистрации нашей многострадальной столицы. Первая его ошибка при заключении договора с ОсОО "Умут", которое в данном случае выступило как заказчик, была в том, что он не выяснил почему же отказались завершить строительство его предшественники. А это были такие солидные фирмы, как СМУ известной фирмы "Бишкек-Курулуш" и еще кто-то подобный. Дальше пошли сплошные обманы и просчеты.

Во-первых, договор составляется летом и никому почему-то в голову не пришло, что работы придется продолжать и зимой, когда и условия труда будут труднее и расходы больше. Кроме того, в смете расходов указывалось, что на каждый этаж будет израсходовано по тридцать три тысячи кирпича, а фактически, оказалось сорок. Понятно, что чем меньше кирпича, тем меньше денег в фонд зарплаты строителям.

Но это еще не все. Как говорится, все самое смешное впереди. Зарплату каменщикам, хоть и явно заниженную, платили более или менее своевременно. Делалось это с единственной целью, чтобы создать видимость высокого темпа строительства. Вот и видя, что дом растет как на дрожжах, от желающих купить себе в этом доме квартиру, не было отбоя. А ведь цена каждой из них двадцать пять-тридцать тысяч "зелененькими". В более трагичной ситуации оказались штукатуры-маляры. Им для начала выплатили по полторы тысячи сомов и на этом конец. Вот уже три месяца сидят люди без денег. Напрасно они пытаются выловить главного заказчика. Он, словно приведение, появлялся на объекте только тогда, когда там нет ни души.

И это не все. Из тех денег, что выплатили им с начала строительства, большая часть осталась в кармане жулика — Заказчика. К тому времени объем выполненной работы, согласно договора, тянул на семьдесят тысяч сомов. Но Заказчик сказал, что выплатит только тридцать, так как, по его личному мнению, работы были выполнены некачественно. Возможно какая-то доля правды в этом есть. Но посмотрели бы вы из какого материала ведется строительство! Кирпичи — сплошной бой. Видимо, где-то их выбросили, а он подобрал. Не соответствует принятым строительным нормам оснастка и прочий материал. О соблюдении хоть каких-то норм правил техники безопасности или санитарной гигиены, разумеется, и речи не ведется.

Но и на этом не заканчивается жульничество. Заказчик, чтобы заинтересовать каменщиков, выплачивает им деньги, минуя бухгалтерию исполнителя. Естественно, не учитывая налогов, отчисления в Соцфонд, прочие накладные расходы. Вот и приходится руководству строительной фирмы только и заниматься подсчетом пени, которые растут из-за несвоевременного расчета с государством.

Может быть я слишком отвлек читателя, на первый взгляд, несуразным примером? Но если вникнуть глубже, то можно согласиться с тем, что настоящий и тем более преуспевающий бизнесмен не станет жульничать и в конечном счете от этого будет иметь гораздо больше прибыли, чем мошенник. И доказательством

тому ОсОО, которым руководит Хусеин Хасанович и его братья. Все они видят перспективу своего развития на день, два, месяц и даже год вперед. Ежедневно собираются они в кабинете президента и тихо, как в порядочном семейном кругу согласовывают каждый шаг, каждый день своей жизни. Для них жизнь и работа — понятия неразделимые.

Не случайно в качестве негативного примера я вспомнил Камбарбека Тенизбаева. Дело в том, что еще потом пересеклись наши с ним пути-дорожки. На этот раз встретились с ним в приемной Давиденко. Он, как человек, желающий жить достойной для своего звания жизнью, постоянно находится в поиске. Параллельно со строительством занимается, как потомственный крестьянин, земледелием. Для этого три года назад взял в Ысык-Атинском районе в аренду из фонда перераспределения 32 гектара богары. Деньги от получаемого дохода не тратит на благоустройство своей семьи, а вкладывает, как и Абасовы, в расширение производства. Купил себе трактор, грузовик. Сейчас подумывает, как бы полученную землю придержать на более длительный период, так как определенный законодательством срок в пять лет уже на исходе. А хотелось бы какую-то часть огородить забором, хотя бы из колючей проволоки. Думает посадить тополиный лес. И еще хотелось бы богару свою сделать поливной, чтобы дохода от нее было больше. Но как можно вкладывать огромные средства в то дело, которое может быть прекращено каким-нибудь бюрократам, не пожелавшим продлить срок аренды. Больше того, он облюбовал поблизости со своей делянкой пустующее пастбище и сенокос. Вот с такими проблемами и пришел он к акиму. Быстро поняв ситуацию, Геннадий Валерьевич коротко объяснил:

— Это очень хорошо, что вы хотите заниматься серьезным делом. Но по закону мы пока еще не имеем права дать вам землю на более длительный период. Но вы не волнуйтесь. Обустраивайтесь там как хотите. Вкладывайте деньги и свой труд. Учитывая это, вам будут продлевать срок аренды до бесконечности. А если серьезно решили прибрать к рукам пустующие земли, пожалуйста, пишите заявление, и мы расширим ваш участок без всякой волокиты.

А узнав, что Камбарбек строитель и в его распоряжении строительная фирма, предложил:

— А не взять ли вам под свою опеку водопровод в селе или баню. Все деньги, что вложите в дело, мы возместим путем взаиморасчета по налогам. Эксплуатируйте, деньги себе зарабатывайте. Насчет рабочей силы не сомневайтесь. Безработных у нас, к сожалению, еще достаточно.

Ну разве это не дополнительный предмет высокой гражданской ответственности моего героя? Разве сегодня для работников его ранга не главная задача, связанная с аграрной реформой? Остается только сожалеть, что на местах и, в частности, в сельских управах еще недостаточно понимают ее сути и своих обязанностей. Вот, к примеру, живет в селе Дмитриевка восьмидесятичетырехлетний аксакал Рашидов — старейшина села. Два года назад получил он свою земельную долю. Привели его туда, вешки расставили и сказали:

— Пользуйся. Потом документ необходимый получишь.

И это "потом" протянулось на несколько месяцев. Собрал он урожай клевера, решил налог заплатить, а у него не берут. Покажи, где документ на право пользования землей. При этом объявили его чуть ли не самозахватчиком и штраф угрожают ему выписать. Больше того, в то время, когда он получил землю, оформление одного гектара обходилось в 71 сом, а сейчас более чем в тысячу. Откуда у пенсионера такие деньги?! Ну просто хоть отказывайся от своего участка. Вот и приехал он к Давиденко правду искать.

Я специально решил пронаблюдать ход принятия решения главы района. Для этого вместе с аксакалом и его сыном сначала съездил в районный отдел землеустроителей. Там на деда накричали за то, что он до сих пор не оформил документы на свой участок. Затем вызвали землеустроителя айыл окмоту и его главу. Те, привезя целую пачку бумаг, явно оправдывающих их недоработку, утверждали, что их вины нет в том, что у Рашидова нет документа, удостоверяющего право пользования землей. Аргументы, полностью оправдывающие их действенность, то бишь, невиновность их деяния. Но, подумайте, чем мог быть виновен крестьянин, который всю свою жизнь только и думал, как вспахать, посеять, взлелеять и, наконец, получить оплату с кормилицы земли нашей, вознаграждение за труд? А эти чиновники нашли! Я воробей стреляный и знаю, чего они хотели. Им, оказывается, мало того, что заплатит крестьянин за то, что положено. Явно вымогали большее. Словом, у меня не хватило ни силы, ни воли, чтобы до конца выслушать все эти, порой, глупые, оправдания. Сделав вид, что у меня есть дела более важные, "улизнул" в сторону.

Но когда, примерно через час, я встретил вновь Рашидова-старшего, но не главного, он встретил меня со словами самой искренней благодарности.

— Спасибо тебе, брат! Давиденко все поставил на свое место. Теперь будет у моего аксакала земля на самом законном основании.

Представьте себе, как я был рад такому истечению обстоятельств. Только боюсь до сих пор одного — не поймет мой дорогой читатель, не поверит.

Ну Бог нам судья!

Мне неоднократно удавалось присутствовать на различных форумах, где выступал с докладами Геннадий Валерьевич. Все они неповторимы в том смысле, что не делались по заранее заготовленным кем-то шпаргалкам. Возможно и использовал тезисы, но в них он, практически, не заглядывал. И это имело изумительную обратную связь с аудиторией. Примечательно и то, что во время его выступлений в зале стоит идеальная тишина. Может быть потому, что простое и доступное изложение касалось всех присутствующих, а может докладчик обладает каким-то сверх искусством проникнуть в душу своих слушателей. Зал прощает ему и некоторую толсто-языкость и остроту прямолинейности, никогда не опускающуюся до косноязычия.

Но то, что я увидел и услышал в этот день в ДК цемзавода "Алый парус" останется в моей памяти надолго. Это было неординарное собрание, которое рано или поздно должно было состояться. Как известно, раньше всеми делами молодежи занимался комсомол - самая массовая тех времен молодежная организация.

С переходом в новый общественный строй многие объединения сохранились, слегка переделав свои уставы и приспособившись к новым условиям жизни. Взять, к примеру, те же профсоюзы. Но молодые не связаны консерватизмом. Они поняли почему-то, что от старого им взять нечего, а новому их никто не научил. Вот и распался их союз.

А как он им был нужен! То там, то тут создавались различные объединения, порой, не имеющие определенной цели своей деятельности. Просто молодежь тянуло к единению, к поиску единомышленников.

И вот, не имея идеалов и вообще авторитетов, утрата само понятие о смысле жизни, мальчишки и девчонки начали кидаться от одной крайности к другой. Многие ударились в религию, порой даже не представляя ее сущности и даже античеловечности. И чем засекреченнее их сборища, тем они больше манили к себе, привлекали. Многие поддались алкогольному и наркотическому дурману. Нищета подталкивала на реализацию материальных потребностей любыми способами. Торговля своим телом стала делом отчаявшихся занять приличное место в обществе не только

девчонок, но и мальчиков. Отсюда и рост преступности, и бурное процветание тех болезней, о которых раньше-то и свет не знал.

Из этой ситуации оставался один выход. Выявить и объединить все молодежные организации и группы в мощную организацию, которой было бы под силу взять в свои руки важнейшее дело, воспитание тех, кому принадлежит будущее. К этому, наконец-то, пришли и в нашем, дорогом мне Кыргызстане. Последовав примеру других областей и районов, и ысыкатынцы понемногу стали создавать молодежные организации. Теперь они имеются буквально во всех селах, на каждом предприятии. Цели и задачи у всех разные. Но едины они в одном стремлении — остановить рост преступности среди молодежи, максимально трудоустроить молодежь. Ведь что получается. Всем предпринимателям и прочим работодателям нужны высококвалифицированные работники с большим производственным стажем. Где это взять тому, кому от роду-то только восемнадцать лет? А жизнь толкает на зарабатывание хлеба, порой, совсем еще мальчишек. Мы знаем много таких, кому еще ходить в школу, хотя бы начальную. Но их поджидает рынок дешевого труда. Кто защитит их законные права, кто поможет им встать на путь доброты, широкую дорогу знаний? Кто им привьет любовь к своей Родине, сделает горячее стремление, при необходимости, встать на ее защиту?

Молодежь никогда не любила, не любит, да и вряд ли когда-нибудь полюбит, чтобы кто-то вмешался в ее дела. И нашлись молодые люди, которые создали инициативную группу, подготовились к проведению форума. Для начала, чтобы помочь им, некоторую инициативу взял в свои руки районный акимат. Правда, это кое-у кого из горячих парней вызвало реакцию возмущения. Но об этом чуть позже.

Узнав о том, что этот форум состоится, я постарался прибыть на него чуть пораньше, чтобы кое-что дополнительно осмыслить. И уж никак не мог подумать, что на его организованную встречу прибудет ни много ни мало — 249 делегатов. И это в одном только районе! Значит имеются силы, значит это нужно людям.

В меру неумелости проводить подобные форумы, взявшая в свои руки бразды правления девушка, огласила состав президиума. Честно говоря, я уже побоялся, не будет ли здесь комсомольско-партийной заорганизованности. И все-таки ее элементы были ощутимы, что и вызвало негодование у некоторых делегатов.

Первое слово, после утверждения регламента, предоставили Геннадию Валерьевичу. Если бы кому-нибудь удалось застенографировать его выступление, то оно было бы ничуть не дольше того, что я сумел уловить и запомнить.

Поблагодарив присутствующих и поздравив их со смелой попыткой объединиться в единую молодежную организацию, Давиденко ввел небольшие коррективы в работу форума. Оказывается, никто не предложил огласить, а затем и утвердить, повестку дня. Заверив делегатов, что в их дела районное руководство вмешиваться не намерено, он выразил благодарность в том, что эта организация сможет объединить в своих рядах тысячи ысыкатинцев в возрасте от четырнадцати до тридцати пяти лет, и они заполнят ту нишу, которая появилась в суматохе перестроечных лет: государство забыло о тех, кто придет на смену сегодняшним парламентариям, членам правительства, бизнесменам. Словом, тех, кому принадлежит будущее. В доказательство этого он привел такой факт, что за девять лет существования суверенного государства не появился ни один сколь-нибудь серьезный закон, касающийся молодежи. И поэтому он сердечно рад, что молодые кыргызстанцы сами заявили о себе.

Особенно это отрадно потому, что ни один представитель какой-нибудь отдельной нации из тридцати девяти, которые живут на земле ысыкатинской, не заявил о себе особо, не показал свое преимущество перед остальными. Это значит, интернациональная заковка, вбитая может быть даже силой коммунистических идеалов, передалась от отцов и дедов нынешней молодежи. И это отрадно именно сейчас, когда нагнетается исламская идеология, идущая вразрез требованиям Корана и всем остальным истинным религиям и вероисповеданиям.

Не менее яркими и запоминающимися были и выступления делегатов, представляющих буквально все молодежные организации района. Не нужно быть слишком сентиментальным, чтобы без волнения слушать, как молодые, порой еще совсем юные ораторы, призывали всю молодежь района объединиться в мощную организацию, которой необходимо будет влиться в областную, а затем и республиканскую. Тогда ей будет под силу выходить на самый высокий уровень государственной власти и добиваться решения ее проблем. Главная же из них — признание молодежи, как равноправной части граждан республики. А это может быть и молодежным Кодексом и целым сводом законов о молодых кыргызстанцах. И это может решить проблемы занятости и защиты прав молодежи.

Обо всем этом можно было бы и не говорить, если бы не одно обстоятельство, при котором ярко высветился мой главный герой как организатор масс. И началось это тогда, когда начались выборы в координационный совет. Здесь-то и проявился элемент заорганизованности. Выбрали сначала районного лидера. А он,

выйдя на трибуну, стал по заготовленному ранее списку зачитывать состав будущего совета.

Тут возмущился один молодой, вполне симпатичный паренек. Зачем, де, нам навязывают какой-то список. Нужно, чтобы он родился именно здесь и сейчас. Многие делегаты поддержали его. Но как это сделать практически? Где гарантия, что в этом хаосе мнений и предложений подберется истинно дееспособный коллектив?

Тогда слово взял глава райгосадминистрации:

— Дорогие друзья, - приблизив к губам микрофон, начал он. — По всей видимости, инициативная группа неплохо поработала над тем, чтобы в координационный совет вошли представители всех слоев молодежи. На местах уже прошли подобные собрания, на которых были выдвинуты называемые сейчас кандидатуры. У нас нет основания не доверять первичным организациям. Вот тут мне сбоку подсказывают, если есть здесь такие ребята, которые по какой-то причине не выдвинуты на местах, то мы ими пополним предложенный список. Если предложено избрать двадцать одного человека, можно избрать и двадцать три. Количество членов мы же не утверждали.

Так просто и мудро предложил аким. И его предложение поддержали все. А того неумного паренька тоже под всеобщее одобрение избрали членом в совет. Избрали его также делегатом на областную конференцию.

Мне, как постороннему человеку, было неудобно вмешиваться в дела чужого района, где я, естественно, не прописан и не состоял на учете ни в каком органе. Но мне было жаль одну допущенную оплошность. На конференции не было ни одного представителя Вооруженных Сил. А ведь на территории этого района имеются воинские части и подразделения, где служат, в основном, молодые, и проблем у них ничуть не меньше, чем у тех, которые еще не надели погоны или уже сняли их. Думаю, что до этого координационный Совет дойдет и устранил пробел. Не мешало бы, чтобы в его состав вошел представитель органов внутренних дел.

Главное же в том, что есть уже такая организация в Ысык-Атинском районе, которая взяла на себя обязанность объединить всех молодых, которым предстоит взять на себя будущее страны. И чем она серьезнее, тем прекраснее оно будет, это будущее. Одним из ее организаторов стал Давиденко Геннадий Валерьевич, который в своем заключительном выступлении сказал:

— Я искренне рад, что решение проблем молодых, а их бесконечное множество, взяла на себя организация, состоящая из таких инициативных юношей и девушек, которые делегированы на эту конференцию со всего района. Двери моего кабинета всегда открыты для вас. Приходите ко мне со своими добрыми предложениями и мы

сообща будем решать все проблемы, которые не только ваши, но и наши. Поможем, чем можем. Но, в свою очередь, надеемся, что все ваши проблемы вы будете решать сами, сообща, с вашей деловой хваткой и энтузиазмом молодых. Теперь вы стали намного сильнее, потому что объединились и создали самую мощную в районе организацию. Доброго всем пути!

Шел я из ДК "Алый парус" одухотворенный идеей создания молодежной организации. Мне, которому сорок с лишним лет назад пришлось возглавлять солидную комсомольскую организацию, было понятно волнение выступавших с трибуны, стоящих у истоков рождения новой для нынешних времен организации, необходимость создания которой подсказала сама жизнь.

Не торопясь, бреду по чистым и уютным улочкам с воспоминаниями о недавней встрече с главным героем моей будущей книги, которую я уже практически начал писать. Книгу я решил назвать "Прости безгрешных нас, Земля". Посвящается она еще одному замечательному современнику кыргызстанцев рубежа двух тысячелетий Зубкову Дмитрию Петровичу. Герою труда, основоположнику и зачинателю Кыргызской машино-испытательной станции.

Много добрых слов я услышал о нем еще задолго до близкого знакомства. А все началось с беседы с Геннадием Валерьевичем. Как-то он сказал.

— Вот вы взялись писать обо мне, но напрасно. Есть столько замечательных людей, которые больше меня достойны, чтобы их имена навсегда сохранились в памяти людей.

— ???

— Ну вот, к примеру, Зубков Дмитрий Петрович. Это человек-легенда. Давайте, возьмитесь и напишите. А книгу мы издадим. Он этого достоин.

Иду я по указанному адресу и мысленно представляю, как это буду я с ним, с таким великим человеком, знакомиться. Может он и разговаривать-то со мной не станет. Представляю, выйдет сейчас ко мне крепкий старикан с косой саженью в плечах и посмотрит так на меня с высоты и скажет, мол, обо мне уже все написано-переписано. Так что, мне в мои девяносто лет без малого, покой нужен. Я его заработал.

Подхожу к обыкновенному особняку. Ничего особенного. Если бы не мемориальная табличка на заборе, ни за что бы не подумал, что здесь живет тот самый человек-легенда. Нажал на кнопку звонка. Молчок. Нажимаю еще раз, а из-за забора слышу такой добрый голос:

— Слышу! Слышу! Иду!

Распахивается калитка, и передо мной стоит, приветливо улыбаясь, маленький, щупленький старикашка, будто сошедший с экрана герой "Поднятой целины" — дед Щукарь. Ну вот копия и все тут! Спрашиваю:

— Мне бы Дмитрия Петровича Зубкова увидеть.

— Я вас слушаю.

— Это Вы-ы-ы? - широко раскрыв глаза и рот, спрашиваю.

— Да, это я. А вы каким меня представляли?

— Вообще-то думал вы ого-го какой.

— А мне все так говорят. Ну, проходите во двор, рассказывайте с чем пожаловали.

Кое-как овладел собой, поняв, что это именно тот, которого я разыскиваю. И начал, робко так:

— Меня послал к Вам Геннадий Валерьевич Давиденко. Хочет, чтобы я о Вас книгу написал. Если Вы, конечно, не против.

— Да ну? Неужели он и обо мне вспомнил? Вот видите, какой это замечательный человек.

— Голос у него слегка надтреснул, а на глазах предательски заискрились слезинки. — Я уже давно понял, что Давиденко очень добрый человек. Я уже думал, что про меня совсем забыли. Кому я теперь, старик, нужен? А, оказывается, нужен! Значит книжку про меня будете писать? Что ж, хорошо. Сам-то я написал несколько брошюрок. А вот обо мне все только в газетах писали да в журналах. Приезжал как-то журналист Калашников. Копался у меня в бумагах, в музее сидел долго. А вот книжки его я так и не увидел. Да и кому они сейчас нужны? Их же продать нужно, чтобы затраты вернуть.

— Ну, думаю, продавать не будут. Так раздарят тем, кому Ваше имя дорого. Район-то ваш не самый бедный. И книгу издадут и то, что мне причитается, отдадут. Так что давайте договоримся, как работать будем. Думаю, через месяц смогу приступить. Как Вы на это посмотрите?

— Что ж. Я согласен. Пусть хоть внукам-правнукам память будет. Какой у них был дед. Ой, да что мы стоим. Пойдемте хотя бы в беседку.

А беседка-то оказалась обыкновенным, рубленным по крестьянски, столом со старыми, чуть дышавшими стульями.

— Может быть Вы о нем сейчас пишете? Угадал? Так я Вас попрошу, напишите, как мы с ним познакомились. Это очень важно. Только этот факт может охарактеризовать его как большого человека.

О том, что в районе появился новый глава, Зубков узнал давно. Но никак не мог с ним повстречаться. Только по слухам понял, что этот человек всерьез взялся за дело. Порядок в районном центре

и в селах навел. Оживил несколько предприятий. А тут как-то пошел на кладбище и диву дался, как стало там чисто и уютно. Видит, там несколько человек все оградки без разбора поправляют. Бурьян вырубают. Спрашивает:

— Кто же это вас, добрые люди, прислал сюда на работу?

— Давиденко, — говорят. — Новый аким района. Нельзя, мол, забывать об усопших. Им, как и живым, порядок нужен. Негоже лежать в таком захолустье.

Это до глубины души растрогало героя. С уважением стал он относиться к новому главе, хотя и в глаза его не видел. Может быть когда и видел, да не придавал значения. А тут какое-то совещание большое было. Пригласили и Дмитрия Петровича. И очень большой руководитель из области подводит к нему Давиденко и говорит:

— Знакомтесь. Это Давиденко Геннадий Валерьевич, а это...

А Давиденко так запросто отвечает:

— Зачем меня знакомить с человеком, которого знают все не только в Киргизии, а во всем бывшем Союзе?

Вроде бы и простые слова, а как они за сердце тронули пожилого человека, посветившего всю свою жизнь людям.

Трудно что-либо добавить к статье, опубликованной на страницах Ысык-Атинской районной газеты, в период парламентского предвыборного марафона. Больно, очень больно то, что не выиграл Болот. Или строки эти не дошли до умов и сердец тех, кому они были адресованы, или кому-то из влиятельных мира сего было так необходимо, чтобы был избран другой.

Да и так ли уж нужно ему терять драгоценнейшее время, пробивать свою идею на самом высоком государственном уровне? Хочется верить, что прочтут это люди те, кому все под силу. И помогут молодому специалисту осуществить самую главную цель его жизни - накормить досыта свой народ. А это невозможно, не имея крепкой ветеринарной службы. Государственная же, практически, приказала долго жить. А если кто и остался в насиженных, засиженных мухами кабинетах госветстанции, то это лишь те, которых вполне устраивает нищенская зарплата да ничегонеделание. Многие, правда, попытались на широкую ногу поставить дело, да задавило их безразличие госчиновников и неумение найти себя в современных условиях. И, конечно же, их слабование.

Но другим человеком оказался Б.Асанов. И житейской мудрости у него достаточно, и профессионализма, и воли в достижении своей цели.

И мне удалось побывать в его кабинете и увидеть этот самый, выполненный в миниатюре золотыми руками мастеров главный корпус будущего центра ветеринарной службы области, а может быть целой республики.

А идея-то очень проста и доступна для понимания всех, кому это нужно. Во-первых, научить людей по-современному смотреть на новые условия жизни. Во-вторых, создать такую разветвленную сеть приобретения необходимых медикаментов и вакцин, вплоть до самого дальнего зарубежья, и их реализации внутри республики. Каждому хозяйству и даже району это, разумеется, не под силу. А государственный "Зооветснаб" изжил себя, как система. Может быть и можно было бы базироваться на ее территории. Но кому это нужно? И помещения уже не пригодны, и место расположения не самое удачное. Да и зачем тому же Болоту переезжать на новое место? Другого-то энтузиаста этого дела пока нет. Причем рынок сам по себе не может существовать без конкуренции.

Но ведь и это дело можно загубить бездушием. Самому-то Болоту не осуществить даже строительство спроектированного ветцентра. И району это накладно, хотя и Геннадий Валерьевич всем сердцем поддержал "Доктора Айболита". Для области, тем более для республики, необходимые сегодня три-пять миллионов — пустяк. И это в том случае, если там — наверху, кто-то заинтересован, чтобы мяса и яиц у нас было досыта, и молочные реки потекли. А то, что сегодня рынок завален животноводческой продукцией, это дело не вечное, да и зиждется оно на способности простого населения.

Сам же Болот и его жена Гуля произвели на меня приятное впечатление. Супругу можно считать просто красавицей. А его черты лица подтверждают утонченность, остроту ума. Они еще молодые. И детей у них только двое, что по азиатским меркам недостаточно. Но зато какие прекрасные дети: нянька и лялька. Няньке только двенадцать и перешла в седьмой, а ляльке уже аж целых пять. Но соображает он по-современному. Так и заявил отцу:

— Когда я вырасту большим, я стану крутым. И все у меня будет, и никого не буду бояться.

Что ж, прекрасно. Расти быстрее, малыш. Может тебе повезет в жизни больше, чем отцу? И не будет у тебя столько преград. И поймут люди, что дело, за которое сегодня борется твой отец, очень нужное, без которого просто не обойтись.

А пока — он приглашает нас трудиться и бороться.

Богатство страны — ее глубинка. Да, именно село. Где пашут и сеют, растят хлеб, заготавливают корма. бьются за каждую голову животного, дающего горожанину мясо, молоко. Где доярка встает в 3-4 утра, чтобы текли молочные реки. А ветеринарная служба

ответственна за то, чтобы реки эти не мельчали или хотя бы не иссякали.

Правда, с каждым днем это становится делать все труднее и труднее. С ветром "великих" перемен перестали мы бить в одну точку, резко разделившись на "новых" и "старых". Отчетливей стало проступать "кому топтать, а кому лопать". Кому из года в год (один срок, два, три) в парламенте заседать, а кому бессрочно зябь поднимать, в навозе копать. И за эту черту, смерд, — не моги. Да так эта дилемма въелась в наши умы, сердца и души, что будь хоть семи пядей во лбу — нет. Знай свое место! Ты не из новых, да и карман у тебя худой. Ну и что, что голова варит? А кто стоит за твоей головой? Видные деятели культуры, науки, политики, миллионеры и миллиардеры, хотя бы местного значения..?

— Народ стоит за тобой. — сказали Болоту Асанову коллеги, друзья, знакомые, родственники. — Иди, борись, может случится чудо, и за шумом, как от смерча (иногда сметающего все на своем пути, всасывающего как пылесос растерявшихся, неразобравшихся, а потом сожалеющих о своем выборе) сельчане-крестьяне услышат твой голос. Может посчастливится нашим Законам пахнуть землей, вырастая из нее зрелым, а не хилым колосом. И не гибнуть этим законам при первой же политической засухе. А за деньги не волнуйся. Хоть и немалая для нас сумма избирательного залога 30 тысяч сомов — соберем. Потом отработаешь тем, что будешь стараться делать так, чтобы детям жилось лучше нашего. Чтобы вернулись к ним вера и надежда в будущее, уважение к своим вождям, патриотизм к Отчизне. Чтобы не превращались они в голодную, никчемную толпу. А были личностями, достойными гражданами. Кредо их жизни уже определил Аскар Акаевич в своем новогоднем выступлении перед молодежью: "...Только вы сможете сохранить свободу и укреплять ее. Если вам это удастся — останетесь в истории как "золотое поколение", построившее новый процветающий Кыргызстан. У русского народа, — сказал Президент, — есть замечательная пословица: "Для себя жить — тлеть. Для семьи — гореть. Для народа — светить".

— Лучшего напутствия, — сказали друзья, — мы тебе не можем дать. Иди, Болот, иди.

Вот так и оказался в предвыборной гонке Асанов Болот Абдышевич — главный ветврач ОсОО "Ветинтерсервис" Ысык-Атинского района.

На наш вопрос: — А сам-то ты хочешь этой борьбы? — твердо ответил: — Да. Только вот сомневаюсь, как впрочем, и многие из простого люда, что можно быть избранным среди тех, кто знает все ходы этой политической схватки, у кого деньги не считаны, у кого

портфели, кресла, “крыши” и приставки “Экс”. Недавно я был на одной встрече с избирателями моего соперника, расстроился еще больше. Около двух десятков машин марок зарубежного модерна сопровождали его. А весь мой эскорт — старый жигуленок. Но, с другой стороны, берет досада. Ведь известно, что 90% депутатов нынешнего парламента включились в переизбрание. Представим, что все они снова выиграют, так что же тогда — народ проголосует за прошлое? Нет, нам надо в будущее! Ведь не зря же Аскар Акаевич 2000 эпохальный год объявил Годом молодежи и образования. Да еще подает надежды и то, что новый Кодекс о выборах, в котором ужесточены нормы для кандидатов, поохладил пыл многих толстосумов. И активность выдвиженцев вдвое меньше, чем в предыдущей парламентской гонке. Снята и депутатская неприкосновенность. Может пришла пора для таких как я? Нам ведь нечего скрывать и бояться. Все свое богатство ношу с собой — голова, руки и сердце.

Когда предложили ему рассказать электорату о том, что могут его голова, руки и сердце, Болот попросил:

— Только не употребляйте, пожалуйста, слова электорат, это не по мне. Я ГОВОРЮ: ЛЮДИ, НАРОД, ЗЕМЛЯКИ.

Не буду переписывать биографию моего собеседника. Назовем главные вехи его жизни.

20 лет он живет на кантско-ысыкатинской земле. Это были как раз годы его становления и возмужания. Высшее ветеринарное образование дало возможность ему быстро пробежать по всем ступеням специальности. Смышленного, трудолюбивого, грамотного паренька приметил в ту пору районный комитет комсомола. Но несмотря на скорое продвижение по служебной лестнице, он все же оставил эту карьеру ради любимого дела. Начинать опять пришлось все сначала. Сердце болело, когда из-за государственного бездельника хаяли всю службу.

Да. Болот честолюбив и при первой же возможности сколотил свою хозрасчетную группу.

— Отвечать и краснеть, так знать за что. За свои ошибки я сам буду отвечать. Чужих мне не надо, — решил он.

Но горячая рассудительная голова понимала и то, что надо учиться новым отношениям, маркетингу, менеджменту. Он заканчивает школу “Агробизнеса” при Кыргызском сельхозинституте и тоже с отличием. Работа, учеба и семья — одним словом, напряжение, как говорят, на полную катушку. Работа в прославленном коллективе Кыргызской МИС и районной ветеринарной станции ветврачом закрепили в нем уверенность, что выбор в жизни сделан правильно. Эти “университеты” окончательно

сформировали в нем не только классного профессионала, но и открыли талант руководителя.

Рыночные отношения, понял он, могут дать не только большой размах, отдачу, творчество, но и ответственность за то, что делают твои руки. Асанов решил, что созрел для совершенно самостоятельного пути. Набирает команду молодых, энергичных, способных ребят-специалистов и открывает фирму "Ветсервис-Кант". У него впереди научная деятельность по теме "Организация ветеринарного дела в условиях рынка". Открытие фирмы — не цель к наживе, а показать людям, что человек, если хочет, то всего может добиться. И что реально ветслужбе быть сервисной. Что греха таить, часто в госструктуры попадали случайные люди. И слова: — Бездельники, вы ничего не можете, — звучали чаще, чем "спасибо".

Теперь все иначе. За три с половиной года его служба обрела популярность далеко за пределами района. Сюда за содействием в приобретении препаратов ездят из Токмока, Бишкека, Кара-Балты, практически почти всей Чуйской долины. Пользуются посредническими услугами и коллеги из Ысык-Кульской, Таласской областей, близлежащих районов Казахстана. И понятно, ведь не у всех так налажены контакты с российскими коллегами-специалистами. В стадии разработки заключение договоров с российскими и зарубежными заводами-изготовителями и партнерами. Хлопотно. Да. Ведь можно было сидеть и довольствоваться тем, что есть. Зачем напрягаться? Но не такой Асанов человек.

Не надо лукавить. Не все было так гладко в становлении. Нарождающаяся в государстве частнопрактикующая ветеринария находилась в остром противоречии с госветслужбой, в связи с нежеланием госчиновников потерять свои командные позиции.

Сколько ему пришлось пройти препонов, чиновничьего непонимания! Их было много, о всех и не напишешь. Но то, что признание заслуг Асанова — окончательно и бесповоротно, говорит тот факт, что один из них, прежний руководитель ветеринарной службы района, ас и мэтр ветеринарии Волостнов Геннадий Алексеевич, сегодня стал доверенным лицом Болота.

— Меня окрыляет и понимание Давиденко — нынешнего главы района, — рассказал Болот.

Еще в 1998 году после отчета Асанова, на одной из сессий райКенеша, опытный, по жизни мудрый аким сказал обидчикам Асанова:

— Вот таким ребятам надо давать дорогу, а не мешать им. Не умеете работать сами, вот и боитесь конкуренции.

И сегодня у Болота новый прилив сил, взлет, отчаянно-творческая одержимость.

И еще один штрих к его портрету и биографии. Все частные фирмы и практикующие врачи сконсолидированы в Общественное объединение ветеринарных врачей г.Бишкек "Доктор Айболит". Так вот все и думали, что поэтому называют в районе Болота "Доктором Айболитом". И только в процессе подготовки данного материала, общения с людьми, знающими Асанова не по наслышке, понял, что это не так.

Благотворительная деятельность фирмы имеет свои весьма своеобразные формы. Здесь не практикуют одноразовое спонсирование большими суммами.

— Помощь, пусть даже маленькая, должна быть строго адресной, — считает Болот Абдышевич. — Бесплатная услуга пенсионеру, многодетной семье, инвалиду, да и любому социально незащищенному человеку, оказавшемуся в безвыходном положении, сегодня, сейчас, сию минуту куда больше принесет пользы. И надо отметить — сумма набегает в году немалая. А постоянные клиенты могут полечить животных со своего подворья и в кредит. Не было случая, чтобы здесь кому-то отказали в экстренной помощи. Звонят на фирму, звонят домой. Знают — в любое время суток приедут, помогут. Вот и закрепилось за Асановым, как за палочкой-выручалочкой, это достойное народное звание "Доктор Айболит".

Болоту Асанову 37 лет. Это как раз тот возраст, когда человека еще не покинули запал и дух молодости. Но опыт прожитых лет, если, конечно, ты их прожил не напрасно, уже позволяет ему выйти на стезю мудрости, опыта, созидания, борьбы за правое дело.

Вот эта концепция и просматривается в программе нашего кандидата в депутаты Жогорку Кенеша. Его лозунги: БУДУЩЕЕ ГОСУДАРСТВА — ЭТО МОЛОДЕЖЬ! ЭТО ОСНОВА ГОСУДАРСТВА. ЭТО ЗДОРОВЬЕ НАРОДА. ЗАЩИТА МАЛОИМУЩИХ, ДЕТЕЙ-ИНВАЛИДОВ, ПЕНСИОНЕРОВ.

Прошу его одной строкой прокомментировать лишь малую толику вопросов его программы.

Например:

— способствовать обеспечению занятости молодежи, вести борьбу против безработицы за счет подъема и развития сельского хозяйства;

— всемерная поддержка сельских товаропроизводителей и создание им соответствующих условий для распродажи продуктов своего труда;

— всяческая поддержка частной приватной ветеринарной службы. Реформирование ветеринарного обслуживания животноводства в соответствии с современным ведением хозяйства;

— охрана здоровья населения от болезней, общих для человека и животных (туберкулез, бруцеллез, эхинококкоз, ящур и др.).

— целенаправленная работа с молодежью по подготовке кадров для сельского хозяйства.

— Меня, как и всех вас, — добавил Болот, — глубоко беспокоит нынешнее тяжелое состояние экономики республики. Но проблемы решить можно, пополняя финансовые ресурсы, развивая средний и малый бизнес. Это я знаю не только из книг и теории. **ВЕДЬ ВСТАЛ ЖЕ Я НА НОГИ — НАУЧУ И ПОМОГУ ДРУГИМ.** Сейчас я впервые обращаюсь к вам, мои земляки-избиратели. **ДАЖЕ ЕСЛИ ВЫ МЕНЯ НЕ ИЗБЕРЕТЕ, Я ВСЕ РАВНО ПРИГЛАШАЮ ВАС ТРУДИТЬСЯ И БОРОТЬСЯ. ПОДНИМЕМ СЕЛО — ВСЯ СТРАНА ВСТАНЕТ НА НОГИ.**

Основной его избиратель живет в глубинке. А этот народ, с натруженными руками, волнует больше всего интересы дела, а не происхождение и должность человека.

На одной из встреч с избирателями спросили весьма преклонного возраста человека: — Как вы думаете, аксакал, нужны ли парламенту такие люди, как Асанов?

— Не могу ответить по-научному. Но скажу, чтобы и вы поняли, и такие, как я. Из одного, даже самого хорошего жирного мяса бешбармак не сваришь, нужны все компоненты, чтобы гордиться перед любым гостем своим национальным блюдом.

ВОТ УЖ, ПОИСТИНЕ, ЧТО СВАРИМ, ТО И ЕСТЬ БУДЕМ!

Мне запомнилась районная конференция ветеранов войны и труда, которая проводилась во Дворце культуры цементников. Собственно, ничего неожиданного там для меня не произошло. Нетрудно представить как ведут себя старики, добравшиеся до трибуны. Порой их просто силой нужно оттащить от любимого места, с которого так хочется им выплеснуть наружу то, что накопилось на душе. Тут уж никакой регламент не регламентирует это душеизлияние. Как-то спасало только одно обстоятельство — присутствие главы райгосадминистрации, так как все знали то, что он не любит пусто- и многословие.

Высказываемые с трибуны болячки были такими общеизвестными, и решить большинство из проявленных проблем не могли ни в районе, ни даже в республике. Скажем, нерегулярное обеспечение льготным углем, газом и слишком дорогое лекарство. Цену на порошки и таблетки регулирует не государство, а частные аптеки, которые тоже не из прихоти взвинтили их до "не могу".

Отпускаемые государством четыреста сомов в пересчете на среднего льготника в год никак не могут никого удовлетворить. А с другой стороны, поднять эту сумму государство просто не в состоянии, так как и без того бюджет трещит по всем швам. По этой причине не за что купить уголь и газ. Тут хоть тресни, а положение не изменишь, пока не повысится доходная часть госказны.

Однако, сквозь все выступления высвечивается тенденция резкого снижения разрыва с календарем срока выдачи пенсий. На момент данного форума этот разрыв практически не превышал полутора месяцев. И все это благодаря тому, что для Геннадия Валерьевича святей святыни считается забота о слабых, незащищенных, порой, даже самим государством. Если до его прихода бюджет заставлял пенсионеров до полугода дожидаться своего единственного для многих источника существования, то теперь, как уже показано выше, дело сдвинулось с мертвой точки в положительном направлении.

Хаять все и вся для пенсионеров дело обычное, ставшее даже нормой жизни. Так что не зря, присутствующий на конференции председатель областного совета ветеранов, в своем заключительном слове обвинил в необъективности многих выступающих огульно сыпать свои нападки и на районное руководство, подчеркнув:

— Вы, наверное, уважаемые ветераны, позабыли как к вам относились прежние районные акимы, как до полугода приходилось дожидаться пенсии, и что при этом не могли найти крайнего. Посмотрите, что творится сегодня в ряде районов. Да вам просто нужно благодарить Геннадия Валерьевича за подчеркнутую заботу о вас. А в своих выступлениях что-то вы позабыли про это.

Разумеется, жалоб было много таких, которые можно было принять к действию не медля. Так было указано главному врачу на недопустимость действий ее подчиненных: требование врачей "скорой помощи" оплаты денег за вызов. Выяснилось также, что в районной больнице неотложные операции делают совершенно бесплатно. Другое дело, лекарства и инструменты. Да и то, при необходимости, медики могут выкрутиться за счет личных пожертвований более состоятельных, благодарных за спасенную им жизнь, пациентов.

Но были претензии и похлеще. Некоторые старцы жаловались, что в их селах работники Соцфонда заявляли, что выплата пенсий на их территории будет осуществляться в последнюю очередь. Казалось бы, претензии обоснованны. Ведь свою трудовую лепту в жизнь государства все вносили одинаково. Но тут Давиденко внес ясность:

— Я считаю, что это требование просто вынужденное, потому что иначе просто нельзя. Почему, скажем, пенсионеры из Октябрьского айыл окмоту должны получать пенсию наравне с теми, что живут в Интернациональном, если хозяйства первого заплатили все налоги уже за половину будущего года, а вторые должны еще за прошлый год? В свое время меня в области обвинили в местничестве за то, что я не хочу чинить бюджетные дыры в других районах. Я считаю, там, где лучше работают, там и лучше должны жить пенсионеры и прочие бюджетники. Так что требуйте от свих местных руководителей и бизнесменов, чтобы они лучше работали, создавали больше рабочих мест, поднимали экономику.

Ну как с этим не согласишься? Хорошо потрудились в этом году ысыкатинцы, реанимировав ряд погибающих предприятий, заработали новые заводы, получили прекрасный урожай. И какое им дело до того, что не хотят работать их соседи в том же Кеминском районе, где ликвидирована большая часть поголовья сельскохозяйственных, пустуют необработанные поля. Именно сейчас мне вспомнилось то, как я возмущался, зачем, де, аким района вмешивается в личные дела хозяйствующих субъектов. Тогда он сказал мне, что делает он это для того, чтобы осенью к нему не шли люди просить кусок хлеба, а имели достаток его, по мере возможности, полный.

И больше всех, пожалуй, мне понравилось выступление председателя ревизионной комиссии Совета ветеранов, бывшего педагога Марии Ивановны Прядко с сорокачетырехлетним производственным стажем. Говорила она с болью в сердце, упрекая своих ровесников в иждивенческих настроениях:

— Мне порой просто стыдно, — сказала она, — видеть, как многие пенсионеры, которые еще как-то могли бы где-то прирабатывать, не дожидаясь этой стоклятой и даже позорной для нас "гуманитарки" из-за границы. Помню, как раздавали банки с компотом. С какой жадностью расхватывали их пенсионеры. А ведь у каждого селянина есть свои огороды и даже сады. Что нельзя было этот компот сделать самим? Просто лень заела многих из нас и надежда на подачку.

Как она права. . . Я считаю, что в любом хозяйстве, даже в самом маленьком, можно прокормить пяток-другой тех же кур. Да что их кормить. Они и сами прокормят себя. Вспоминаю, как в детстве я приезжал в гости к своей бабушке, которая и ноги-то кое-как переставляла. И уезжая от нее, всегда вез с собой целую сумку бабушкиных гостинцев. И чего греха таить, многие, я бы сказал, большинство пенсионеров, живут в более лучшем материальном

положении, чем те, которым до пенсии, как медному котелку до переплавки.

Мне лично приходилось видеть, как пенсионерки-бабульки сжигали в печи свои старые или даже немодные тряпки, а сами шли на пункты выдачи зарубежного тряпья, чтобы выбрать себе что-нибудь получше. И таких, которые каждый лоскуток хранили, а потом вязали из них напольные коврики и высылали их своим родственникам, дарили молодым. Беда только в том, что мы — писаки, мало пишем об этом, не учим рациональности, не ставим в пример тех, кто изловчается и при нынешней нищете сводить концы с концами.

После конференции, что в общем-то прошла буйно и интересно, аким района пригласил всех собравшихся на обед, где проявил себя рачительным хозяином и веселым, простодушным человеком, могущим себя держать на равных и с министрами и с теми, от кого его личная жизнь уже не зависит ни в коей мере.

Главная цель, которую поставил я перед собой, собираясь писать книгу, — сделать ее учебником не только гражданственности, но и элементарного умения руководить таким многохлопотным хозяйством, как район. С этой целью приведено немало конкретных примеров. В них говорилось, как Давиденко удастся сохранить, не дать развалиться не только мелким хозяйствам, но и крупным предприятиям. Приведу еще один пример. В моем присутствии позвонил ему директор замершего на неопределенное время нефтеперерабатывающего завода. Я понял, что зовут его Анатолий Иванович. Он жаловался, что энергетики отключили электричество даже от системы ночного освещения. И теперь этот так нужный завод просто-напросто растащат по кирпичику, по железе.

Геннадий Валерьевич позвонил начальнику РЭС. Он не требовал, не кричал, а просто по-человечески попросил:

— Дорогой мой. Я понимаю, что они должны, что не платежеспособны. Но ведь рано или поздно он сможет заработать и вернет вам долг. Но а если его растащат, кому от этого будет лучше? Поэтому я просто прошу тебя, пожалуйста, не отключай освещение.

Но разве в такой просьбе можно отказать?! Так что, не выходя из своего кабинета решил и этот, казалось бы, безнадежный вопрос.

Долго думал я после беседы с депутатом Законодательного собрания Жогорку Кенеша от ысыкатынцев Токон Асановой, как подать мне ее высказывание по отношению к Давиденко. Или дать его врезкой, или завязать в драматический узел, ведь с одной стороны, она член парламента, а с другой — ее

подопечное предприятие — Кантский рынок находится на территории, подотчетной Геннадию Валерьевичу. Сам же Давиденко сказал мне, что для него она просто такая же, как тысячи других ысыкатынцев, и никакой она ему в его деятельности не указ.

— Так как же получилось, — спросил я у нее, — что вы вдруг начали благоустраивать свой рынок?

Она, немного подумав, сказала:

— Когда меня избирали, я обещала сделать наш рынок на уровне передового трудового предприятия. Ведь это, прежде всего, сотни рабочих мест, которые так нужны району. Что же касается Геннадия Валерьевича, то я не скажу, что он не вмешивался с напоминанием о моем обещании. Но уважаю я его за другое. За всю свою жизнь я не встретила еще подобного человека, который бы так душой болел за вверенное ему дело. Зато я знаю много глав администраций, которые прорвались к власти с единственной целью — разбогатеть! Может быть только поэтому у него так прекрасно идут дела. Его уважают люди. Его просто нельзя не уважать. Мне просто представляет удовольствие работать вместе с ним. Я рада, что именно он сегодня работает в этом районе, который я представляю в парламенте.

В наш разговор вмешались две дамы, дожидавшиеся приема к главе райгосадминистрации, которые посчитали возможным не называться:

— Вы, наверняка, интересуетесь, почему мы решили обратиться именно к нему? Да с ним хоть можно поговорить как с человеком. Плохо только, что не учит он этому своих замов. Ведь вопрос, с которым мы идем, мог бы свободно решить его заместитель по социальным вопросам Абыкеев. Но разве ему понять, что мы люди?! Вы бы послушали, как он орет на нас, как по-хамски ведет себя — Я, — говорит, — вас в тюрьму посажу. Милицию вызову! Да разве к такому можно идти. Да и сколько можно нам ходить?!

Думая, что я тоже иду на прием к акиму, женщины стали упрашивать пропустить их. Им нужно только пять минут. Но вышли они от него буквально через две минуты. И при этом были такие счастливые.

— Вот, видите? Вопрос решился мгновенно. Спасибо вам, что пропустили нас

Но думаю, в данной ситуации нужно внести некоторую ясность. Все-таки мне удалось в дальнейшем познакомиться с Абыкеевым. И, конечно, я убедился, что человек этот прямая противоположность данной этими дамами его характеристики.

Алмазбек Кенешевич оказался человеком вполне приятным и доброжелательным. И думаю, не надо так строго судить ходяков за

столь нелестный отзыв о заместителе районного главы. Понимаете сами, народ, измученный навалившимися на него проблемами, винит порой все и вся, метя под одну гребенку всех без разбора.

Так что, уважаемый читатель, пусть у тебя все же сложится доброе чувство к невинно пострадавшему от крикливых дам человеку.

Познакомился с ним поближе в тот самый момент, когда он решал вопрос с заместителем председателя Совета ветеранов Евдокией Никитичной Коробченко, пожилой, но еще деятельной бабушкой, которая по сей день помнит запах фронтового пороха.

Дело в том, что во время проведенного по инициативе райгосадминистрации марафона, направленного на оказание поддержки названного Совета ко дню 55-летия Победы, была собрана солидная сумма денег. Часть из них пошла на проведение праздничной церемонии. Вообще-то нужно отметить, что в этом районе праздник удался на славу. До семи тысяч участников демонстрации прошли только мимо главной трибуны района. А если учесть всех, кто принял участие в разного рода манифестациях и митингах всей Ысык-Аты, то вряд-ли кто остался безучастным к важнейшему событию года.

И все же основное было именно в Канте. Мимо трибуны, вслед за коробкой бодрящихся и с достоинством тряхнувших стариной фронтовиков, отпечатали чеканный шаг воины местного гарнизона в боевой омунии с оружием в руках и празднично одетые сотрудники РОВД. Правда, последних было очень мало. Что же подделаешь, такие праздники пока что не для них.

Но кульминацией торжества было небо, расцвеченное сотнями ярких шаров и листовок, выброшенных из взлетевших боевых самолетов. Это нужно было только видеть! Да разве трудно понять, что нужно было сегодня это людям, уставшим от своих нескончаемых проблем?

Оставшихся денег хватило на оказание, пусть небольшой, но все же помощи особо нуждающимся бывшим защитникам Отечества, и еще осталось более шестидесяти тысяч сомов. Вот и решил Совет использовать их для ремонта домов тем, кому самим не под силу. Обошли дома с мемориальными табличками. Составили смету. Естественно, что этих денег оказалось — мизер. Но по одежке протягивают ножки.

Решили, то что можно из строительных материалов купить в районе по самым низким ценам, приобрести централизованным порядком. Благо есть там свой цементно-шиферный комбинат, располагающий, так называемой, некондицией. А остальное дать людям деньгами. Ремонт же фронтовики, с помощью друзей и соседей, сделают сами.

Вот в этот самый момент я и зашел в кабинет к заместителю акима по социальным проблемам, то бишь к А.Абыкееву. И мне очень понравилось, как умно он решил растянуть "короткое одеяло", чтобы всем хватило. Словом, расстались они с Евдокией Никитичной полностью удовлетворенные своим решением.

Беда только, что не дали нам толком побеседовать, то телефонные звонки, то просто заходившие ежеминутно вечно куда-то спешащие, нуждающиеся в социальной поддержке ысыкатицы. Одному телефон никак не могут установить.

— Хорошо, Павел Федорович, проблема ваша нам под силу. Решим.

Другому, третьему... В общем, вынь и дай! Не настаивают люди. Понимают, что трудно. Но уходят с надеждой, что все уладится.

Да разве на такой работе смог бы удержаться человек, подобный тому Абыкееву, на которого негодовали старухи в приемной у акима?!

Видя, что главный вопрос, с которым я зашел к этому заму, решился сам по себе, спросил:

— Как началась у вас совместная работа с Давиденко?

— Раньше я о нем знал только понаслышке. Один раз видел на каком-то форуме. Мне он понравился за принципиально поставленные им вопросы во время выступления. И поэтому, когда прошел слухок, что его переводят к нам в район, я обрадовался. О предыдущем акиме сказать ничего плохого не могу. Но Геннадий Валерьевич внес в жизнь района какое-то новое дыхание. Если раньше мы получали задание у своего шефа лично, один на один в его кабинете, то Давиденко ввел еженедельные планерки, явка на которые строго обязательна. Ну посудите сами. Когда речь идет один на один, тут, как говорится, было бы сказано, забыть недолго. Другое дело, когда задача ставится прилюдно, в присутствии всего коллектива, причем она запротоколирована. Тут уж не выкрутишься. Даже если шеф и не напомним, не поднимет. Все равно от людей

неудобно. Знаете, я сначала просто возмущался, что это он все ругает, да ругает меня. А потом понял, что не зря. Я ведь еще молодой, кстати, самый молодой заместитель акима, считай, во всей республике. Ведь это же он меня к большой работе натаскивает. И вот теперь я с благодарностью воспринимаю все его разносы.

Да, действительно, у Алмазбека всего лишь возраст Иисуса Христа — 33 года. И жизнь поначалу он решил посвятить тому же, чему посвятил великий кумир христианства — лечению людей. Окончил медицинский институт. Потом понял, что это не его жизненное амплуа. Не удержали его и стены НИИ. Решил заняться бизнесом. Вскоре понял, что сегодня без юридического образования таким как он нельзя. Вот и заканчивает юрфак КГНУ. Перешел на общественную работу. Да и дело подобралось ему чем-то схожее с медициной — врачевать социальные проблемы. Это ведь тоже очень важная профессия. И на первый взгляд, это дело тоже не по нему. Такой уж он огромный, что скальпель, пусть даже и социальный, не к его ручищам. А на деле оказалось, что очень даже к его.

Между тем, он продолжает свой рассказ о Давиденко, словно так долго ждал себе собеседника на эту тему:

— Наряду с феноменальной памятью, достоинство Геннадия Валерьевича в умении предсказать результат любого дела, за которое кто-то берется из нас. Это просто природный дар.

Ну, думаю, предсказать сегодня не очень-то трудно. Достаточно немного логики и все можно предвидеть. Недавно и у меня проявился такой талант. Все мы помним, с какой радостью мы восприняли открытие движения после капитального ремонта по столичной улице Московской. Глаз радуется, под яичко отшлифованное асфальтовое покрытие, со спящей белизной дорожной разметки. Иду я с другом своим и говорю:

Красота-то какая! Значит скоро здесь начнут долбить канавы под кабель или канализации.

— Что-ты! — удивился приятель. — Разве у кого рука поднимется такое крушить?!

А через три дня он мне звонит.

— Слушай, Андреянович, ты оказался прав. В районе пересечения с улицей Гоголя, действительно долбят дорогу сразу в нескольких местах.

Вот вам и предвидение!

А то, что Геннадий Валерьевич — прародитель многих начинаний в республике, не согласиться нельзя. Все мы видим, как сегодня облагораживаются автобусные остановки. Естественно, это

самые многолюдные места и для предприимчивых людей. Лучшего места для комков просто не придумаешь. Вот и решили власти дать возможность поселиться у главных магистралей всем желающим, но при условии. Комок этот должен быть частью остановки, да только неповторимо прекрасной. И порядочек что б на ней постоянно был идеальный. Здорово, правда ли?!

Но кто знает, что инициатором этого дела был именно Давиденко еще тогда, когда он работал в предыдущих районах.

Еще одно его хобби — водопроводные системы. Не успел он в новом районе и рта раскрыть, как все занялись именно ремонтом этих водоносных магистралей. А кто сам до этого не додумался, подсказал, помог. И сегодня во всех селах Ысык-Атинского района, даже во многострадальном Интернациональном, проблемы с водой практически нет.

И за чистоту сел борются не в угоду акима, а просто пример хороший получили в других районах, где некогда работал их шеф. И дело это всем по душе пришлось. Вот тебе и предвидение.

— Будет и у нас кругом порядок, вот увидите, — сказал как-то Давиденко.

Ну просто как в воду смотрел!

Много часов пришлось просидеть в приемной главы района. Сотни людей прошли мимо меня на прием. И не помню случая, чтобы кто-то вышел из его кабинета, не решив своего вопроса. А ведь буквально три-четыре года назад в этой же приемной, бывало, не увидишь и души. И только теперь я понял почему. Просто никто не хотел заходить к тому, кто все равно не решал никаких вопросов, в лучшем случае, просил вежливо так:

— Зайдите, пожалуйста, на следующей неделе.

И еще одну черту, отличающую Геннадия Валерьевича от других руководителей, заметил я, присутствуя на всех его встречах с народом. Он очень внимательно, больше того, подчеркнуто внимательно, слушал выступающего. Ни на миг не отвлекаясь даже записыванием чего-то себе на память. А при подведении итогов беседы обязательно вспоминал все важные моменты и тут же делал необходимые указания своим заместителям. Так что можно было обходиться без письменных официальных заявлений. Ничто существенное не оставалось без внимания и без принятия немедленных мер. С этой целью во всех его встречах кто-то из работников аппарата обязательно стенографировал все выступления

и уже потом, но не позже двух дней с момента записи, проверял, как отреагировали на них те, к кому они были обращены. В первое время, когда его подчиненные, по старой привычке, пропускали мимо своих ушей, Давиденко, неожиданно для них спрашивал, что было принято по такому-то высказыванию того-то, хотя и знал, что не было никакой реакции. В таком случае он резко менял свой доброжелательный тон на более высокую тональность, не допускающую возражений.

— Для чего мы тут с вами сидим, — говорил в таком случае он. — Едим народный хлеб, если мы не хотим работать на того, кто нас кормит?

Другой бы руководитель добавил к этому, намекнув, что если не хотите работать или не можете, освободите место для другого, кто и смог бы, и захотел. Этого делать, он считал, не обязательно, так как работать могут все, только нужно уметь заставить, убедить, наконец, в своей правоте. А если кому не нравятся его требования, уйдет сам. Но последних было очень мало. Да и были ли они вообще? С кем бы мне не приходилось беседовать, все говорили, что работать с Давиденко сплошное удовольствие. Людям, привыкшим за многие годы своей работы заходить в кабинет к своему начальнику с содроганием коленок или с неприятным ощущением пугающей неизвестности, шли к нему как к доброму другу и доброжелательному советчику. Все знали его огромный опыт работы с людьми и не сомневались в том, что, даже за их промах в каком-нибудь самостоятельном решении им не будет выговорено о несоответствии занимаемой должности. В самом худшем случае он просто скажет:

— Думать же надо. Соображать!

Таким образом, кропотливо, по крохам создавал он огромные, думающие коллективы. В этом, пожалуй, один из главных принципов его руководства — успех целого, вернее целых регионов районного масштаба, которые он в разное время возглавлял.

Как-то в задушевной беседе я спросил его, не надоело ли ему так вот врачевать районы. Не пора ли подумать о более масштабной перспективе? Он уклончиво ответил:

— Думать об этом не моя задача. Пусть думает мое руководство. Ему виднее. Но, по крайней мере, отведенные законом четыре года работы на этом посту я дотяну до конца, если, конечно же, не снимут. А там видно будет. Может быть, но только после указанного мной срока, я соглашусь баллотироваться в кандидаты депутата парламента. Но это только в том случае, если моя кандидатура будет кем-то выдвинута. Сам я, понимаете ведь, себя выдвигать не буду. Да и откуда у меня деньги на проведение такого дорогостоящего мероприятия, как агитация за себя?

Я поверил искренности этого заявления. Насколько приятно мне работать над созданием литературного образа этого человека, настолько и трудно. Редко за всю свою журналистскую деятельность встречал таких, которые не хотели бы подчеркнуть свое величие в любом, даже пустяковом деле. А Геннадий Валерьевич, столько много сделавший для нашей республики, и это признают все, даже его враги, которых у него, как и у любого порядочного человека, множество, считает, что об этом говорить не следует. Ведь он, де, делает только то, что ему положено, для чего он занимает свое рабочее место. Тут, видимо, уместно еще раз привести высказывание о нем Токон Асановны Шайлиевой:

— Если бы так работали, как Давиденко все, то не было бы в мире страны, равной нашей. Он достоин самых высоких наград, самого высокого звания. Я горжусь тем, что работаю вместе с ним, что вот так просто могу встречаться с таким замечательным человеком. И об этом нужно писать, кричать во все рупора!

И мнение столь известной в республике женщины значит многое. Вспоминается ее предвыборная платформа на предыдущий созыв в Жогорку Кенеш:

— Я не буду много обещать, — говорила она со всех предоставленных ей трибун. — Я буду действовать! Буду настойчиво бороться за улучшение условий вашей жизни.

Как это у нее получилось, мы знаем. Многого она не сумела добиться, став наглядным примером для женщин, борющихся за равное с мужчинами право борьбы за свою судьбу.

О самой тоже можно сказать немало. Ведь она президент АО "Кант", президент АО "Каныкей", президент фирмы "Супер-Маркет "Каныкей", президент общества дружбы "Америка-Кыргызстан", председатель демократической партии женщин Кыргызстана.

Эта деловая женщина имеет четверых детей, которые уже неоднократно награждали ее внуками. Она человек беспокойный, предприимчивый, необычайно работоспособный, настоящий патриот своей республики. Она решила прославить нашу столицу торговым комплексом "Супер-Маркет" и ей это удалось, что стало примером для подражания многим бизнесменам.

В это трудное время, когда всем живется нелегко, Токон Асановна оказывает материальную помощь тысячам малоимущих кантовчан, значительные суммы выделяет на нужды медицины и народного образования. Безвозмездно передала под начальную школу. в селе Интернациональное здание, принадлежащее АО "Каныкей".

Побольше бы нам таких женщин!

— Да простят меня мужчины, — как некогда говорил Аркадий Райкин, — речь пойдет о женщинах.

И не просто женщинах, а именно тех, кто определяет и нашу дальнейшую судьбу, путем формирования будущего нации, нашего государства. Не трудно догадаться, что это будут педагоги, руководители лучших учебных заведений Ысык-Атинского района.

Наталья Георгиевна Демиденко, директор профессионального лицея № 25, высокая, статная, красивая. Словом, точно такая, какую нарисовал казачку в одном из своих бессмертных произведений Лев Толстой. Руководит она этим учебным заведением, что находится в Канте, всего лишь десять месяцев, а работает в нем, недавно отметившем двадцатилетие, с 1994 года. До этого была на общественной, партийной работе обкомовской значимости.

С Геннадием Валерьевичем знакома постольку, поскольку территориально лицей подчиняется вверенному ему району. Несколько раз пыталась обратиться к нему за материальной поддержкой. Но с первых же минут разговора поняла, что ему сейчас не до бюджетников другого ведомства. Конечно, мог бы он и проявить заботу о будущих специалистах, ну хотя бы тем, что заменить выделенный земельный участок на более плодородный. Но у кого его заберешь? Да и сама директор понимает — ни к чему он им. Специалистов по обработке нет, техники — тоже.

А повлиять как-то на налоговиков, госстандартников и прочих, призванных загубить любое полезное дело в зародыше, не позволяют существующие законы и положения.

Ну посудите сами, какую прибыль может дать заведению производственная деятельность? Учащиеся только делают пробные шаги, поэтому очень большой процент брака, что, несомненно, влияет на себестоимость продукции. Так что она неконкурентоспособна. Нужны, но дорогие их швейные изделия и сварные работы. Мало желающих оплатить и за труд будущих парикмахеров. Мало ли что они могут натворить с твоей прической!

Проблема даже в направлении учащихся на практику. Берут их кое-как. Да и то, при условии оказания услуг мальчишек и девочек бесплатно. Правда, цемзавод выделяет минимальную оплату. Но это же только десять человек, не больше. Да и то нужно делить напополам. Так что не разбежишься, не развернешься.

Вот уже десять лет училище, назовем его так по-старинке, не получило ни копейки ни на ремонт, ни на производственный процесс. Оплата идет только по четырем статьям: зарплата, стипендии, питание, энергоносители. А об остальном пусть болит голова лишь у директора.

А тут еще придумали один орган: Госкомитет по закупкам продукции. Он решает — что, сколько и по какой цене покупать. Например, мясо можно приобретать не более, как за шестьдесят сомов за кг, молоко — четыре. И т.д. А где же взять за эти деньги, что купишь сегодня? Что же делать? Занижать цену закупленного путем фальсификаций объема? Или кормить детей дохлятиной? Но ведь есть другие органы, которые за подлог могут взыскать по первое число. Так что ходи и оборачивайся — не бредут ли за тобой ребята с “железными браслетами”.

Попытались запустить свою мельницу. Но не успели все как следует обмозговать, как госстандартники уже тут как тут. Уплати за идею и за разрешение. А где взять деньги, если производство еще не запущено? Да и налоговики не заставили себя долго ждать. А там и санинспекция, и пожарники, и прочие, и прочие.

Так что преподавание ведется на давно устаревшем и физически, и морально оборудовании. И кому же нужны такие выпускники, которые современных станков и агрегатов в глаза не видели?

А ведь давно бы государству следовало подумать о его будущем, тех, кому вступать в век двадцать первый!

И главное, эту проблему можно было бы решить очень просто. Дать всем учебным бюджетным заведениям полную свободу производственной деятельности по их профилю. Пусть ломают, портят, но учатся! Ведь дети, разрушая, созидают!

Главное, это же конечная цель, которая будет достигнута только таким путем.

Так что не легко сегодня Наталье Георгиевне и ее помощникам, и всем тем, кто не спит, как и она ночами, думая, как же сделать наше государство богаче, крепче, как подготовить для этого высококвалифицированные трудовые резервы?

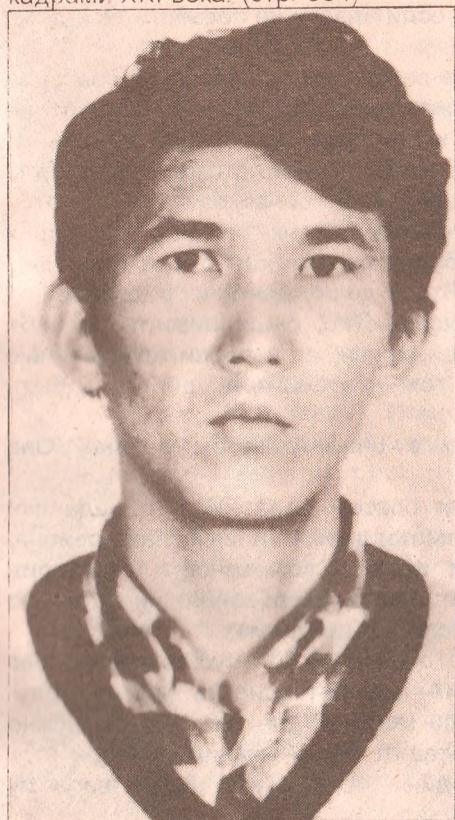
Но все же, не хочется заканчивать свой рассказ об этой замечательной женщине и ее трудовом коллективе на столь печальной ноте. Ведь, несмотря ни на что, сделано ими немало. Доказательство тому то, что все же именно за счет строжайшей экономии в производственно-хозяйственной деятельности смогли приобрести восемь компьютеров, пусть не самого последнего поколения. Но это позволяет готовить так нужных сегодня специалистов

А посмотрите, какая там повсюду чистота, порядок! Все ухожено; отремонтировано. Прекрасно решается одна из самых больших проблем учебных заведений подобного типа — посещаемость контингента.

В день моего знакомства с лицом ребята привезли с областного соревнования допризывников два почетных диплома, оставив далеко позади своих ровесников из других училищ. Это значит — не забывают здесь о военно-патриотическом воспитании. И, как видно, делают это вполне успешно.

На снимке Н.Демиденко среди тех, кому предстоит стать кадрами XXI века. (стр. 304)

Много добрых слов хочется сказать о людях, которые оказали всякое содействие в написании и издании этой книги. Среди них и ведущий специалист Ысык-Атинского Центра по аграрно-земельной реформе Русланбек Джапаркулович Шурбеков. С ним мне пришлось исколесить немало дорог Чуйской долины.

И свое добровольное оказание мне помощи он объясняет тем, что всем сердцем желает, чтобы обязательно вышла книга о Геннадии Валерьевиче, так как считает его человеком, достойным высоких похвал. Видимо, достоин он этих похвал и сам, безотказно вертящий баранку своей легковушки, разыскивая нужных мне людей в самых отдаленных районах.

Небезучастным при этом оказался и его шеф — Мурат Курманкулович Байдылдаев, который отпускал по мере возможности своего помощника “на все четыре стороны” во имя так необходимого, по его словам, дела.

Следующая моя героиня занимает не такой уж высокий пост, чтобы о ней знали все или, хотя бы, многие. Да и имени своего она просила не называть. Но ее мужеству не поражаться нельзя. В то утро 26 апреля 1986 года, когда дыхнул своим смертоносным зевом четвертый энергоблок на Чернобыльской АЭС, она оказалась в самом пекле неповторимых событий. Она была рядовым бойцом войск специального назначения. Через ее руки прошли все те тысячи бойцов-добровольцев, что по приказу своего сердца бросились на ликвидацию последствий страшнейшей катастрофы уходящего века.

В ее обязанности входило принимать этих молодых и еще тогда здоровых ребят. Выдавать им спецодежду и после смены вахты переодевать их в гражданку. Тогда еще особой трагедии мало кто

ощущал на себе. Но все равно девушку поражало отношение к ним со стороны правительства. Все старались убедить добровольцев, что ничего страшного не произошло. Обычная стандартная ситуация обычной аварии.

Только, зная всю чудовищность происходящего командеры, убеждали всех попавших под облучение пить как можно больше вина. Но где его возьмешь, если власти не позаботились даже об этом.

Среди тех, кто оказался на самом переднем крае борьбы за жизнь или смерть, были и ысыкатинцы. Их немало, хотя и не настолько много, чтобы сегодня им нельзя было всем помочь. И нужно сказать, что черное чудовище взбешенного атома не обделило "вниманием" никого, кто хоть немного соприкоснулся с этой невиданной доселе силой. Эхо Чернобыля докатилось и до наших мест. И еще долго, очень долго будет напоминать о нем грудящим поколениям, делая калеками детей еще до рождения их родителей.

Что не смогло сделать государство, решили взять на себя сами черновобильцы. Они объединились в неправительственные организации и открыто заявили о том, что они есть, добились быть услышанными.

Есть такая организация и в Ысык-Атинском районе. Она назвалась "Эхо Чернобыля".

Создалась эта организация совсем недавно. К сожалению! Идею ее образования всем сердцем поддержал новый глава района. Вопреки своим предшественникам, изыскал возможности и выделил помещение для самостоятельного формирования и прочую необходимую моральную и материальную поддержку.

— Я не представляю как бы мы могли существовать без поддержки Геннадия Валерьевича, — говорит одна из них. — Подумать только, в его сердце нашлось место и для нас. Как же нужно сильно любить людей, чтобы не оставить без внимания никого!

И это всего лишь еще один штрих к его нерукотворному портрету.

Много раз в беседах со мной Давиденко называл имя, того, кто способствовал его физической закалке, бойцовских качеств.

— Кто же он? — спрашиваю я.

— Это Эсен Жумазович Исмаилов — мой тренер. Мой самый главный тренер.

Как-то очень долго я все не мог найти этого человека. Но тут получилось само собой. Я находился в кабинете редактора районной газеты. В это время зашел сложенного телосложения азиат. С

первого взгляда я даже не понял, какой он национальности. На кыргыза не похож. Но что-то было в нем китайское. Наверное, дунганин, подумал я. Но где я мог видеть это так знакомое лицо? А ведь не думал, что это тот самый Исмаилов.

Наконец-то вспомнил. Я его видел на больших красочных плакатах, агитировавших ысыкатынцев по Ноорузскому избирательному округу № 38 отдать на выборах предпочтение именно ему. Еще тогда я подумал: зачем же тут агитация? Разве можно было отдать голоса за кого-то другого? Пожалуй, равного-то человека найти трудно, уж не говоря о более достойном.

А как же иначе?! Ведь это же уникальный, всесторонне развитый человечище! Он депутат палаты народных представителей Жогорку Кенеша, заместитель председателя комитета по Международным и Межпарламентским связям, заслуженный деятель культуры, композитор, народный артист Кыргызской Республики, академик Международной Академии творчества, занесен в книгу "Человек года" в 1998 году Международным Кэмбриджским Биографическим Центром.

В его большой семье воспитывается 12 детей.

Есен Жумазович Исмаилов родился в 1949 году в многодетной крестьянской семье. Дунганин. Окончил Кыргызский Государственный институт искусств имени Бейшеналиевой.

Трудовую деятельность начал трактористом в совхозе имени Димитрова Ысык-Атинского района. Служил в рядах Советской Армии в городе Владивостоке. Работал художественным руководителем Дворца культуры, оперативным работником ГОВД, учителем школы, бригадиром свекловодов, директором районного Дома культуры, старшим тренером по каратэ сборных команд СССР и Кыргызстана.

Он являлся председателем Совета тренеров СССР по ушу и комитета спорта Ысык-Атинского района. В 1988-1991 годы — президент Федерации "Кунфу" СССР. С 1990 года — президент Международного центра по восточным видам единоборств, президент Международного центра по охраняемым мероприятиям "Восток".

В 1994 году избирается президентом Ассоциации дунган Кыргызской Республики. Он является главным консультантом по культуре и спорту Северо-Пекинского университета, председателем правления ОсОО "Годун" по развитию агропромышленного комплекса Кыргызстана.

Как композитор написал более пятидесяти песен и несколько симфонических произведений, художественный руководитель и спонсор эстрадного ансамбля "Чунтян" и шоу-группы "Есен-Д".

Имеет Черный пояс VI степени по каратэ, награжден медалью "Данк", множеством Почетных грамот министерств культуры Кыргызстана и Казахстана.

Это только краткая характеристика его достижений и заслуг.

Трудно сказать, как получилось, что нооружцы избрали не его, а какого-то железнодорожника, который даже не прописан в той местности, которую решил представлять?

Думаю, суд и время и это поставят на свое место.

С волнением дожидаясь в приемной Е.Исмаилова, что находится в здании Минавтошосдора. Как тут не волноваться! Даже нам — журналистам, не так часто приходится встречаться с такими знаменитостями. Как он меня примет? Наверное, обусловит встречу ограниченностью времени. Заранее продумал вопросы и сочинил возможные варианты ответа на них. Но никакого интервью не получилось.

Он запросто, по-свойски вышел из-за своего шикарного стола. Оказывается запомнил меня во время минутной встречи в районной редакции. И так просто сказал:

— Ну чем я обязан вашему визиту?

Сначала я растерялся. Спутались все мои конструкции беседы, и я запел затренированную до дыр песню о том, что пишу книгу о Давиденко.

— Как это здорово! — обрадовался он. — Я вам могу столько наговорить про него. Но только, наверное, новенького вряд ли что добавлю. Вы ведь уже со многими встречались?

— Да-да, конечно. Но я хотел бы от вас услышать то, каким он был воспитанником. Вы ведь были его тренером.

— Да, мне посчастливилось поработать с ним. Но кроме удовольствия от наших занятий я не получал ничего. Это был прекрасный ученик. Мгновенно, на лету схватывал все. Он построен был будто из резины, залитой свинцом. Его бойцовские качества были неповторимыми. Я просто по-человечески любил его. А сейчас он для меня один из самых уважаемых людей. Время уже стерло в памяти что-то конкретное о наших занятиях, но навсегда осталась та благодарность ученика своему учителю, которой до сих пор вознаграждает меня при каждой нашей встрече.

Подумав немного, он вырзил явное сожаление, что наш разговор не бесконечный и добавил:

— Знаете, наверное, все-таки нам надо встретиться как-нибудь с ним втроем. Ох и наговорим же мы вам, бумаги не хватит все описать.

— Дело в том, что книгу эту я уже практически закончил...

— Ну, не беда. Одну закончил, начнешь другую. Нам ведь с Геней есть что рассказать, есть чему поучить других.

На этом и расстались, договорившись, что наш разговор не закончен. Почти в дгонку Есен Жумазович сказал:

— Хотелось бы, чтобы в своей книге обязательно отразили то, с каким глубоким уважением мы с Геней относимся к нынешнему президенту — Аскару Акаевичу. Нужно, чтобы не повторилась ошибка избирателей, какую допустили по отношению ко мне. Ну, скажите, зачем сегодня нам нужен другой? От добра — добра не ищут. А Давиденко — это интернационалист самой высокой пробы. И ко мне он относится, мне кажется, очень доброжелательно, подчеркнуто доброжелательно.

Как бы продолжая начатую им мысль в унисон сказанному, хотя и несколько позже, и в другом месте, говорит председатель дунганского сельхозобъединения, что находится в селе Милянфан:

— Мне кажется, что больше всех он любит дунган. И это за нашу любовь к земле, за наше трудолюбие. Ведь этим он чем-то похож на нас. Да нет, пожалуй, наоборот — мы похожи на него. Он столько сделал для нашего села, сколько не сделали все вместе его предшественники. Вот уже много, может десять, может быть пятнадцать лет, как наше село жило без питьевой воды. Не было средств, чтобы купить оборудование для строительства водонапорной башни. А он нашел все и, буквально, в самые первые месяцы своего прихода в наш район. С того момента, как у нас построили школу, она ни разу не ремонтировалась и не отапливалась. Такая же участь пала на долю сельского ФАПа. Теперь тепло, уютно и там, и там.

Уже потом, из разговора с Геннадием Валерьевичем, я узнал, почему все было сделано с такой поспешностью, и где нашлись деньги. Он мне сказал:

— Ну ты представь себе, как это можно целое село держать без чистой воды? Это ведь и болезни, и целый ряд других проблем. О каком учении могла идти речь, если дети сидят в нетопленных и грязных классах? Как можно лечить людей в антисанитарных условиях? Разве я мог спокойно спать, если знал о бедствии тысяч людей только в одном селе? Притом именно в том, где наивысшая производительность труда, огромные резервы. Пришлось временно в чем-то урезать то, что еще могло чуточку потерпеть. А рассчитались за это почти сами же селяне, теми же налогами, которыми были зачтены все издержки. Сумел убедить райКенеш в необходимости поступить именно так. Словом, и волки сыты, и овцы целы.

Точно также поступили, как уже говорилось, и в других сельских школах и медицинских учреждениях не только данного района, но и в других, которые возглавлял Давиденко. Разве это не урок наивысшей гражданственности? Разве не пример для подражания другим акимам республики?!

С некоторых времен я о достатке того или иного района сужу по районному рынку, села — по сельскому. Съездите, пожалуйста, в город Кара-Балта — райцентр Жайыльского района или в Беловодское — центр Московского. Вы обязательно обратите внимание на их рынки. И убедитесь, какими, порой, шикарными вещами там торгуют. Иногда даже в Бишкеке такого не встретишь. А торгуют ими там потому, что их покупают. Это значит, бюджет местных жителей позволяет некоторую, хоть и весьма относительную, роскошь. Затем поезжайте по селам этих районов и увидите, что и хозяйства там, в основном, крепкие и села опрятные, и нет нужды как в целом ряде других районов.

Отрицательным примером тому может служить, ну хотя бы Сокулукский район. Назовите там хоть одно крепкое хозяйство. Есть там, конечно, одно — это ОКХ "Рассвет", которое возглавляет Екатерина Андреевна Бычко. О ней я уже рассказывал. А что творится в других хозяйствах и селах! Ведь и здесь были когда-то богатейшими сельскохозяйственные и промышленные предприятия. Ну, хотя бы "Жаны-Жер" или его сосед "Жаны-Пахта". А разве не гордилась наша республика заводом, что изготавливал молочные фляги, который располагался в селе Нижне-Чуйское того же района? Где теперь их слава, что осталось там, кроме обнищавших селян? А сейчас посмотрим на центральный рынок этого района, и чем там торгуют люди. Просто больно и стыдно говорить об этом. Сплошные кучи ветоши и прочего утиля, которые по карману только нищим. И все это, казалось бы, непригодное к эксплуатации барахло, разложено на рваных полиэтиленовых подстилках, на грязной в ненастье и пыльной в жару площади, огороженной невесть чем, называемой районным рынком. Бойко торгуют там прямо в магазинах мутной жидкостью, называемой в простонародье самогонкой весьма сомнительного качества. И пользуется она у населения огромным спросом, поскольку на другое зелье у большинства и денег-то нет.

Не было раньше добротного рынка и в Канте. Но начали люди жить чуточку лучше, повысился и спрос. А за ними и предложения. Увеличился оборот, в целом, всего рынка, повысились поступления в базарком. Вот и появилась возможность лучше оборудовать рабочие места для торговцев. Конечно, еще очень далеко до совершенства

торгового обслуживания. Но появилась тенденция стремления к этому. И не за горами то время, когда здесь будет гораздо лучше, чем в названных выше райцентрах. И есть такая задумка у главы района. Значит так оно и будет. Превращается ведь, и очень быстрыми темпами, захолустный некогда городишко, в опрятный южный асфальтовый городок. И всему этому немало внимания уделяет Геннадий Валерьевич — основной гарант благополучия и этого района.

Но вернемся в Милянфан, о котором прервал я рассказ, так как к слову пришлось некоторые мои размышления и, в первую очередь, именно о председателе этого объединения крестьян.

И еще хочется сказать несколько добрых слов о другом, вернее о третьем хозяйстве, которое также возглавляет дунганин. Оно находится в том же районе, что и Милянфан, и расположено в селе Бирдик с чисто крестьянским названием "Дыйкан". Вот уже пятый год здесь у руля правления стоит Рамазан Мацунович Эрса. В его подчинении 282 человека. При необходимости может быть в несколько раз больше. Мало ли в наше время желающих раздобыть, по мере возможности, дополнительный сом на пропитание.

По специальности здешний председатель ветеринарный врач. Закончил, как почти все специалисты и руководители-сельхозники "Скрябинку". Ему 43 года. Женат. Имеет пятерых детей и четыре внука. Неплохо, неправда ли, в его-то возрасте? Селяне когда-то поддались на неумелую пропаганду "разбежаться, во что бы то ни стало". Разбежались. Ну и что? Почти все пожалели об этом. Кто до этого дошел раньше, постарались вновь объединиться. Да вот только со скотом проблема вышла. Земельный-то пай вернуть было легче. А вот коровок-то, барашков жаль. Некоторым! Это тем, кто своей скотине доброе применение нашел. Место для проживания определил, корма заготовил. А некоторые поступили чисто по-русски. То бишь, "водку продали, а деньги пропили". А если и не пропили, то просто промотали. Машин легковых понапокупали, тряпок шикарных. По гостям проездили. Так что пришлось вновь избранному председателю поднимать животноводство с нуля.

И замычали в оживших, и еще не до конца разграбленных базах, вечно чем-то недовольные парнокопытные. Особой гордостью наделил себя Рамазан приобретением монокопытных. А может от былых времен удалось сохранить. Но залюбуешься их статностью да отточенностью. Заинтересовались и иностранцы. Деньги большие дают. Что поделаешь, нужда заставит делать не то, что хочется. Видимо придется во имя спасения всего остального чем-то пожертвовать.

Главное, удалось сколотить коллектив — людей, желающих лучше жить, а, следовательно, хорошо трудиться. И дела пошли в гору. В этом году получили неплохой урожай овощей. А зерновые вообще вышли на славу — 41,1 центнера дал каждый средний гектар.

Своевременно посеяли озимые. Уже весело зазеленели поля. Это и радует председателя, и приносит немало хлопот. В день, когда мне удалось побывать в хозяйстве, ему, вместе со своими главными специалистами, пришлось заниматься не очень-то крестьянским делом: гонять с полей чей-то безнадзорный скот. Что называется, до выяснения личности, придется загнать их под надзор своих работников. А там разберутся, кому отвечать за потраву.

И все-таки, каким нужно быть бессовестным человеком, коими являются хозяева этих телок и бычков! Как не жаль им чьего-то труда. Ну хорошо, если бы это были старые времена. Когда это было все советское, а значит — ничье. А теперь же каждый надеется только на то, что вырастит своим трудом, польет собственными слезами и потом. В этой связи пора, думаю, парламенту нашему принять самые жесткие законы к тем, кто хочет нажиться за чужой счет. Ну разве потрава — не прямое воровство, не грабеж среди бела дня? Значит нужно так же поступать и в данной ситуации.

— Если так пойдет дальше, — сказал Мацунович, продолжая наш разговор во время первого знакомства с ним, — то жить мы сможем. Подумать только — одного зерна нынче собрали мы сто десять тонн. Ну-ка, разбросайте их на число наших дворов и сравните с показателями отсоединившихся. Никакого сравнения! Ведь от черной зависти они запускают на наши поля свою скотину.

А жить лучше нам помогает Геннадий Валерьевич Давиденко — наш глава райгосадминистрации. Теперь нет у нас в селе проблемы ни с электроэнергией, ни с водой. Ожили люди, появилась у них уверенность в завтрашнем дне. Значит и работать будут лучше, и жить. Спасибо большое ему. Пропал бы наш район без него.

Его последние слова я акиму не рискнул повторить во время очередной беседы. Страшно не любит он таких возвышений его заслуг, считая, что ничего сверхъестественного не делает. Просто выполняет свои служебные обязанности, как все.

Эх, если бы все так их выполняли!

И снова слово о нынешнем руководителе района Рамазану Мацуновичу:

— Главное, за что я уважаю Геннадия Валерьевича, это то, что он всем сердцем поддерживает любую ценную инициативу. Не успеешь, бывало, высказать что-нибудь дельное, а он уже начинает подбадривать. Делайте, мол, дело это стоящее. В чем могу, помогу. И это не голые слова. Недавно сгорел у нас трансформатор. Ну,

думаю, конец всему. Где же я смогу достать другой? На всякий случай сообщил о своей беде акиму. И он, представьте себе, помог! Раздобыл где-то или выпросил у кого, но сегодня нет у нас этой проблемы.

Что это, действительно особое отношение к дунганам? Казах — председатель сельхозпредприятия "Россия" из Московского района считает, что именно к его нации особое внимание уделяет Давиденко. Но спросите у любого руководителя-кыргыза и услышите, что Геннадий Валерьевич наиболее расположен к ним. В этой книге мне удалось рассказать о людях более десятка национальностей, которые не чувствуют дискомфорта в отношении к ним нынешнего руководителя Ысык-Атинского района. По этому поводу Давиденко как-то сказал:

— Не национальность определяет мое отношение к людям, а их отношение к работе, их добропорядочность.

И это не жест на показуху, не пафос, а демонстрация истинного интернационализма. Много раз я пытался открытым текстом, как говорят мои соплеменники по перу, назвать фамилии и должности конкретных господ, которые вполне заслуживают того, чтобы указать их, порой, беспардонное отношение к людям, интересы которых они призваны защищать. Но Геннадий Валерьевич категорически против этого:

— Не боюсь я их! Что они могут сделать мне? Просто заблуждается человек. Он и сам когда-то поймет это. Так зачем клеймить его позорным пятном на всю жизнь?!

И с этим трудно не согласиться. Запачкать человека, действительно, нетрудно. А потом очистить, отбелить, порой, просто невозможно.

Но в таком случае, как мне вскрыть оппонентов моего героя? Ведь с их помощью можно лучше рассмотреть Давиденко, показать его обратную сторону. Не поверит мне читатель, что он выглядит только в розовых тонах, в которых я его изображаю. Не может быть идеального человека. А разве я недостаточно ярко показал его срывы, ошибки, просчеты! Разве мало фактов его неправоты? И — заслуга в том, что он находит в себе силы, даже публично признать свою неправоту и, при необходимости, извиниться, не посчитать это за унижение или самооскорбление. Хотя всем известна истина, что тот больше прав, у кого больше прав. Она написана не про него!

Но если же Давиденко в чем-то прав, то свою позицию он будет сохранять до конца. Не побоится ни чинов, ни рангов. Много раз мне приходилось присутствовать, когда Геннадий Валерьевич по телефону отстаивал справедливые, законные интересы перед теми, имена которых даже и назвать-то боюсь. Но держал он себя

спокойно, без тени заискивания или мольбы о помиловании. Все его убеждения сводились к одному:

— Вы там создаете указания и предписания всякие. Так думайте же, не противоречьте сами себе! Сначала согласуйте с кем следует на своем уровне, выработайте единую концепцию, а уж потом требуйте твердо, будучи уверенным в своей правоте. А то что получается: требуете все и каждый свое. А нам-то тут разорваться что ли?

Особенно много у него неприятностей с вышестоящими руководителями, когда речь идет о защите прав неприкосновенности, оставляемой району финансовой доли. Тут уж у многих разгораются глаза, когда они видят, что район постепенно переходит на полное самофинансирование. К примеру, буквально через полгода после того, как он принял Ысык-Атинский район, из республиканского бюджета уже перестали испрашивать деньги на пенсионное обеспечение граждан района. И сегодня, если бы никто не запускал руку в районную казну, можно было бы платить пенсию месяц в месяц, не было бы проблем и с зарплатой бюджетников.

Мудро поступили здесь с натурооплатой пенсий после того, как собрали урожай. Раньше эта практика обоснованно считалась абсурдной. Но сейчас, когда люди на себе ощутили, что необходимо создать запас муки, сахара и прочей продукции сельского хозяйства, этот прием расчета с пенсионерами оказался оправдываемым. Ведь далеко не все пенсионеры одиночки. Во многих семьях есть и кредитоспособные члены. И сельхозпродукты, да еще взятые впрок, ничуть не помешают. Ну, а желающие могут получить пенсию и наличными. Только в этом случае ее придется немного подождать.

Много еще раз мы встречались с Рамазаном Мацуновичем. А прощаясь тогда, он попросил меня рассказать побольше о его людях. Я обещал. Только жаль, что не смог со многими из селян встретиться. Вот и решил о каждом рассказать словами председателя профкома и инспектора отдела кадров, не меняя и не добавляя ничего. И почему-то они начали именно с Эрсы, о котором я уже вкратце рассказал. Ну ничего, кашу маслом не испортишь. Так что слово им.

Эрса Рамазан Мацунович родился 15 июля 1957 года в селе Бирдик Кантского района. После окончания Красно-Милянтанской СШ поступил в Киргшелкский совхоз-техникум по специальности веттехник. После окончания — работа в колхозе имени Фрунзе Кантского района. С 1978 года трудился в колхозе им. Кочкорбаева Иссык-Атинского района заведующим ЛПС, ветврачом, главным ветврачом, начальником цеха животноводства.

В 1991 году закончил Кыргызский ордена “Знак Почета” сельскохозяйственный институт имени К.И.Скрябина. В 1990-ом был назначен директором совхоза имени Димитрова, где проработал до 1992 года. С 1992-го — директор малого предприятия “Темп”.

В 1995 году был назначен председателем АДК “Дыйкан” Кантского района. В 1996 году — главой Бирдикского айыл окмоту. Под его руководством самое отсталое хозяйство района постепенно наращивает темпы производства. У тружеников появилось чувство уверенности в завтрашнем дне.

Обладает хорошими организаторскими способностями. Умеет работать с людьми, постоянно занимается вопросами благоустройства сел. Построил мельницу, работает баня, сауна. Открыл секцию каратэ для школьников, бильярдный зал для молодежи. Воспитывает пятерых детей.

Сулеев Губар Шысырович — родился в 1959 году в этом же селе. После окончания средней школы учился во Фрунзенском финансово-кредитном техникуме. Работал на различных должностях в системе Госкомнефтепродуктов. С 1994 года занимается предпринимательской деятельностью, а с сентября 1997 года является генеральным директором СП ОсО “Кайди ЛТД”.

С момента создания Ассоциации дунган Кыргызской Республики Сулеев Г.Ш. постоянно участвует в общественной жизни дунганской диаспоры Кыргызстана. Избран членом правления ассоциации. Регулярно оказывает содействие и помощь в подписной кампании на газеты не только в своем селе, но и во всем регионе.

Его отличает инициативность, умение найти общий язык с коллегами, прийти к человеку на помощь по первому зову. Жителями села избран депутатом Бирдикского айыльного Кенеша. Воспитывает пятерых детей.

Миншанло Дунлаз Саваевич — родился в 1952 году в селе Красный Милянтан Кантского района. Среднее специальное образование получил в Киргшелкском совхоз-техникуме. Трудовую деятельность начал в 1970 году в Ак-Кудукской восьмилетней школе учителем физкультуры. Работал секретарем исполкома Бирдикского сельского Совета, инструктором орготдела Кантского райисполкома. В 1989 году пришел работать в сельскохозяйственный кооператив “Бирдик” бригадиром овощеводческой бригады, заведующим фермой хозяйства, а с 1993 года — заместителем председателя ОКХ имени Кочкорбаева. Награжден Почетными грамотами. Активный участник общественной жизни села. Неоднократно избирался депутатом местного Совета народных депутатов трудящихся. Много сделал для улучшения социально-бытовых условий односельчан.

Байдавлетова Клара Носуновна — родилась в 1929 году в Хабаровском крае. В 1937 году приехала в Киргизию. После школы поступила в медицинское училище. Трудовой стаж начала в Ак-Кудукском сельском Совете заведующей фельдшерско-акушерского пункта, где проработала до пенсии. В 1985 году, выйдя на заслуженный отдых, работала еще два года в детском саду медсестрой. Неоднократно награждалась грамотами и ценными подарками.

Хабибулин Хазбулат — родился в 1933 году в г.Сулюкты Ошской области. В 1940 году приехал в с.Бирлик. До 1942 года работал скотником, выучился на тракториста и работал механизатором. Армию отслужил в г.Ставрополе. А после вернулся в с.Бирлик и работал возчиком на свиноферме. В 1960 году перешел на должность тракториста, где проработал до пенсии. Наставник молодежи. Умер в 1998 году.

Лосы Дадже — родилась в 1904 году в городе Токмаке. Образование начальное. Воспитала сына и дочь. С малых лет работала свекловичницей и звеньевой в колхозе имени Жданова Кантского района.

В 1950 году была избрана депутатом третьего созыва Кантского райсовета депутатов трудящихся Фрунзенской области от избирательного округа № 32. Указом Президиума Верховного Совета СССР в 1951 году награждена орденом “Знак Почета”.

В 1953-ем — депутат четвертого созыва Кантского райсовета Фрунзенской области. В 1954 году была участницей ВДНХ в г.Москве. До самой пенсии работала в колхозе. Вся ее трудовая жизнь связана с земледелием. Умерла в 1990 году.

Кадралиева Гуляй — родилась в 1929 году в колхозе Орто-Сай. Окончила 4 класса Чон-Арыкской средней школы. В 10 лет осталась без матери. В 1948 году приехала в колхоз “Бирдик”, где всю жизнь проработала свекловичницей. Неоднократно получала грамоты и денежные поощрения. К 100 летию со дня рождения В.И.Ленина награждена медалью “За трудовые заслуги”. В 1986 году ушла на заслуженный отдых.

Джамантаев Абир — родился в 1913 году. Не учился, с малых лет начал работать в колхозе. 23 июня 1941 года ушел на фронт. Во время войны награждался орденами и медалями различной степени, был ранен. В 1945-ом возвратился в Победой домой и сразу же начал работать в родном селе. Не единожды награждался грамотами и ценными подарками. С 1973 года — на заслуженном отдыхе.

Хеймамов Борис Шарович — родился 20 марта 1922 года в селе Каракунус Курдайского района Джамбульской области. Окончил

8 классов. Участник Великой Отечественной войны. Имеет государственные награды.

За участие в боевых действиях против японских империалистов гвардии ефрейтор Хеймамов Б.Ш. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30 сентября 1945 года награжден медалью "За Победу над Японией", "За доблестный и самоотверженный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг."

Награжден юбилейной медалью "Тридцать лет Победы в Великой Отечественной", орденом Отечественной войны II степени, юбилейной медалью "60 лет Вооруженных сил СССР", медалью "70 лет Вооруженных сил СССР". До пенсии работал в Кантском ГКО "Живпром". Воспитал 9 детей. Умер в 1994 году.

Бочарова Валентина Егоровна — родилась в 1927 году в селе Узун-Агач Джамбульского района Алма-Атинской области.

Трудовую деятельность начала по направлению в селе Красный Милянтан. 54 года проработала учительницей начальных классов в Красно-Милянтанской средней школе. Избиралась депутатом сельского Совета народных депутатов. Неоднократно награждалась медалями и Почетными грамотами, ценными подарками. Заслуженный работник народного образования. Награждена медалью "Ветеран труда". Воспитала сына. Умерла в 2000 году.

Нуров Тащыр Нурович родился 21 декабря 1922 года в г.Токмаке Киргизской ССР. В 1939 году вместе с родителями приехал в село Красный Милянтан. Трудовую деятельность начал в 1939 году в колхозе "Дружба" Ак-Кудукского сельского Совета. Был учетчиком полеводческой бригады, затем работал учеником МТФ и секретарем партийной организации колхоза "Ленинский Комсомол". В 1951 году избран председателем колхоза. С 1959 года — заместитель председателя, затем председатель колхоза имени Жданова. За период работы под его руководством были построены в селе Ак-Кудук начальная школа, магазин в селе Хунчи, средняя школа, клуб, мельница, баня, жилые дома для специалистов. В селе Красный Милянтан — средняя школа, магазин, тракторный парк, хорошие помещения для МТФ. Был депутатом сельского и районного Советов, членом Кантского райкома партии. За достигнутые успехи колхоза дважды награжден юбилейными медалями, медалями за трудовую доблесть 1966-1970 гг. В 1966 году был награжден юбилейными медалями "20 лет Победы в Великой Отечественной войне", "За доблестный труд" в ознаменование 100 летия со дня рождения В.И.Ленина, юбилейной медалью "50 лет Вооруженным Силам СССР". В 1957 году являлся участником всесоюзной сельскохозяйственной выставки и награжден медалью участника

ВДНХ в г.Москве. Был отличным семьянином, вежливым и отзывчивым руководителем. Работал до 5 декабря 1973 года председателем колхоза. Умер в 1973 году.

Тагаев Куттубек Тагаевич — родился в 1947 году в с.Денисовка Кантского района. Высшее образование получил в Киргизском сельскохозяйственном институте имени Скрябина. По специальности — зоотехник.

Трудовую деятельность начал с 15 лет учетчиком на ферме родного села. Работал заведующим библиотекой, секретарем исполкома Ак-Кудукского сельского Совета народных депутатов. Затем перевелся в Киргизскую МИС заведующим МТФ № 5, зоотехником-селекционером, главным зоотехником.

По направлению райкома был направлен в село Милянфан, где проработал 3 года. Затем перевелся в Кантский откормсовхоз бригадиром полеводства, главным зоотехником. С 1986 года возглавил совхоз “Бирдик” Кантского района. Всю жизнь посвятил развитию сельского хозяйства Кантского района. С 1992 года переведен в управление сельского хозяйства района заместителем начальника управления, затем начальником.

Многokrатно избирался депутатом сельского, районного и областного Совета депутатов трудящихся.

За активное участие в развитии народного хозяйства награжден грамотой Верховного Совета Киргизской ССР. В 1995 году — Почетной грамотой Кыргызской Республики. За долголетний добросовестный труд, успехи в работе и в связи с 70-летием со дня образования Министерства сельского и водного хозяйства Кыргызской Республики награжден Почетной Грамотой, в ознаменование 90-летия со дня рождения Героя Советского Союза Мансуза Ванахуна (1907-1997) награжден Почетной грамотой, в 2000 году — медалью “Данк”, орденом “Манас”.

Воспитывает пятерых детей.

И вот, когда, казалось бы, книгу пора заканчивать, что, в основном, тема исчерпана, совершенно неожиданно и незапланированно я попал в тот самый “Алый парус” на торжество, посвященное теперь уже Дню учителя. Это оказалось не только чем-то незабываемым, но и совершенно не похожим на аналогичное, видимое мной раньше.

Нет, это было не помпезное шоу во славу главного руководителя района. Собственно его имя называлось довольно-таки редко. Ошеломляющими были цифры, произнесенные как-то нецеленаправленно, мимолетно. Некоторые могли даже пролететь

мимо ушей. Ну, скажем, если в области всего действует 38 детских садов, то 19 из них Ысык-Атинские. Или на содержание детских молочных кухонь из местного бюджета выделено триста тысяч сомов.

Какой глубочайший смысл заложен в эти цифры! За ними огромный труд тысяч ысыкатицев, несоизмеримая ни с чем организаторская работа районного руководства во главе с акимом. Вряд ли другой какой районный глава может похвастать такими показателями. А, впрочем, Геннадий Валерьевич, никогда, по крайней мере в моем присутствии, ни слова не сказал об этом.

И, действительно, войдите в любое дошкольное детское учреждение этого района и вы увидите, насколько они — каждое по себе, оригинально, неповторимо художественным оформлением, теплотой, уютом и в какой-то степени комфортом. Смотришь на экран, представленного по случаю праздника фильма, снятого местными самими себе режиссерами и не веришь глазам, что все это не из зарубежной кинохроники. Но когда узнаешь увиденных на экране героев, что поднялись на праздничную эстраду за получением высоких наград, пусть даже районной значимости, убеждаешься, что все это действительно в Ысык-Атинском районе, и все это в наше, голодное время.

И все же главная речь шла о школах, о влюбленных до бесконечности в свое святое дело учителях. Переполненный до отказа представителями полуторатысячного педагогического коллектива района зал несколько раз взрывался дружными аплодисментами по случаю награждения в честь праздника лучших из лучших. Кажется, что никто из присутствующих виновников торжества не остался без букета, а то и целой охапки цветов.

А такие проникновенные до слез, краткие, но убедительные речи выступающих и поздравляемых могут быть только тогда, когда на душе именно праздник, за которым порой неблагодарная и тяжелейшая работа, которую нужно выполнять не только умом, но и сердцем, чистой и бескомпромиссной душой.

Наверное, до конца дней моих останется в памяти и, подготовленный по случаю события, концерт учеников и преподавателей школ. Огненные, отточенные до профессионального мастерства танцы, сменяются веселыми музыкальными миниатюрами. Звучат кыргызские, дунганские и русские мелодии. Никогда не забудется выступление учащегося выпускного класса из Кантской средней школы № 4, исполнившего под воспроизведенную запись, арию замученного ученика. Хохот ну прямо валил с ног зрителей. Учительские страдания, исполненные "малюсенькими" девочками-припевочками, которых так и представили, из платья каждой из которых можно найти по дюжине школьных форм

первоклашек, неоднократно вызывали повальный хохот зала. Да и десятилетней исполнительнице русской народной песни "Уморила" позавидовала бы сама народная артистка России Лидия Русланова.

И снова приветствия, снова поздравления.

Но явно чувствуется, что зал ждет чего-то главного, самого важного.

И вот на сцену приглашен глава райгосадминистрации. За много лет в течение которых я знал Геннадия Валерьевича, никогда не видел его таким смущенным. В надежде услышать от него яркую, короткую, но запоминаемую речь, я был еще тронут кажущейся поначалу бессвязной речи. Постараюсь как можно ближе к тексту воспроизвести ее.

— Наверное, учитель — это самая главная профессия, которую придумали люди. Я до сих пор помню поименно всех своих учителей. (Называет лишь нескольких, видимо из-за ограниченности времени). И если что-то есть лучшее во мне, то этим я обязан только им.

Дальше идет нестандартное поздравление. И, наконец, самое главное. От имени и по поручению Президента награждает медалью "Данк" и надевает красную ленту-кавалерию самой лучшей учительнице района — Стахарновой Любви Игнатьевне — директору Кантской школы № 5 с профуклоном.

Нужно было только видеть глаза и слышать рукоплескания, переходящие в продолжительные овации присутствующих. Все это говорило о том великом уважении Ысык-Атинцев, своего акима.

Ну подумайте только, разве вы сегодня найдете в нашей республике такой район, где все школы вот уже вторую зиму проведут в теплых, отремонтированных помещениях, где вопрос регулярного посещения занятий каждого ребенка, даже из самой бедной семьи, решается на уровне администрации. А это значит, что в Ысык-Атинском районе нет таких детей, которые желают, но из-за недостатков в семейном бюджете, не могут ходить в школу.

Проедьте по селам этого района и попробуйте найти хоть одного малолетнего попрошайку, которых сегодня в других местах можно найти повсеместно. Не забывают здесь и о детях-сиротах. На территории района два интерната для детей, не считая дома-интерната для инвалидов и престарелых. И значительная часть на их содержание идет из местного бюджета.

Не забывают о них ни на малых предприятиях, ни на более крупных, уже не говоря о сельскохозяйственных объединениях. И когда-то, всего лишь один раз Давиденко обратился ко всем с просьбой всем миром помогать тому, кому сегодня не может помочь сам Господь Бог. Да и сам он там бывает не гостем, а добродушным,

хотя и не всемогущим, хозяином этих мест. Проявляя особую заботу не только, так называемому, переменному составу этих учреждений, но и к тем, кто там трудится. Разве не с этой целью здесь отлажена четкая работа налоговиков и отдела социального обеспечения?!

Мне слишком мало была предоставлена возможность присутствовать на форумах не только районной, но и областной значимости, и в этой связи мало я слушал выступления Г. Давиденко. Не было меня и на слете свекловодов, на который съехались представители этой очень трудоемкой и в то же время самой рентабельной отрасли земледелия. Но потому, что проводился он именно в Канте, не отрицаю возможности его инициирования именно здешним главой госадминистрации.

И боль его, как и других акимов свекловичных районов, вполне понятна. Вспоминаю, как многократно объезжая район, Геннадий Валерьевич радовался, видя, как работают люди. Без райкомовской палки в виде всевозможных уполномоченных, без алеющего на горизонте флага, припасенного для победителя. Словно огромный, без конца и края муравейник копошился на изумрудных плантациях. И вот, в то время, когда земледельцы почесывали ладони, предвкушая получить заработанное за свой огромный труд, оказалось, что все они остались с носом, не заработав ничего, разумеется, кроме болей в пояснице от непомерного труда, да целого букета простудных заболеваний.

Оказывается, наши законы позволяют диктовать не производителю сырья, а его переработчику. С точки зрения рыночной ориентации, когда производителей тысячи, а переработчиков только два, то и диктовать должны последние. Ну, а с человеческой, общезначимой, государственной, наконец, точки зрения, кто же тут прав? Представьте себе, Кыргызстан по своим природно-почвенным условиям мог бы стать крупнейшей сахарницей в мире. Но что стоили бы наши, пусть даже ультрасовременные сахарные заводы, если бы крестьяне перестали выращивать свеклу? Ну, ладно. В этом году переработчики сумели обмануть крестьянина. Вынудили его продать им свою продукцию в убыток себе. А что будет на будущий год? Кто будет производить что-то в убыток себе? Никто? Так что вылетели в трубу те, кто вложил в строительство заводов и в их приобретение миллионы, выгадав гроши, заработанные трудом всепрощающих рабов земли.

Но если первым так и надо — виноваты сами, то работу потеряют десятки, а может быть и сотни тысяч селян. Неужели это никого не волнует? Сегодня крестьянин воспрял духом. Нашлась

работа на плантациях трудоемкой культуры, которая по логике должна быть оправдана высокой ценой производимого сырья. А что он будет делать завтра? Влиться в ряды и без того забытых до отказа стихийных бирж труда, что мурашат на перекрестках почти всех больших и малых дорог?

А может быть взяться за булжник, как оружие пролетариата? Но это уже пахнет уголовщиной. Это подтверждает и статья Уголовного Кодекса КР, где в главе 7 ясно и недвусмысленно сказано: "...соучастниками преступления, наряду с исполнителями, признаются организаторы, подстрекатели и пособники". Так что, кто в данной ситуации является последними, кто принуждает народ встать на борьбу за свое выживание, за выживание своих детей и стариков?

Жаль только, что нет пока статьи, или не так она доступна для всеобщего понимания, что уголовнонаказуемым является и тот, кто своей бездеятельностью или недальновидностью допускает создание свехбарыша одних за счет обнищания других. И это не в меньшей степени является пособничеством в совершении преступления или принуждения к противозаконным деяниям вплоть до применения насильственных действий.

Вообще-то, даже при радикальном складе моего характера, я никогда не опускался до уровня стукачества или требования кого-то казнить, кого-то наградить. Только поэтому и пишу эти строки. Не может быть, чтобы они не дошли до того, кого касаются в первую очередь.

Вот и сторонники Геннадия Валерьевича тоже пришли к выводу, что эту проблему можно решить, что называется, без кровопролития. Мирным путем! Поэтому и написали они Президенту Акаеву письмо, или резолюцию своего слета, принимайте, как хотите. В этом документе, подписанном главами всех свекловодческих районов Чуйской области, в сжатой форме заостряют внимание Аскара Акаевича на этой самой большой для них проблеме.

Пользуясь правом автора повести-размышления, решил поделиться своими соображениями по этому поводу, так сказать, с самым большим размахом. А что если придать, вернее восстановить, Кыргызстану статус, уж если не Всесоюзной, как было раньше, а евроазиатской сахарницы? Здесь уж гарантируем на главную статью экономики больше, чем, скажем, о придании ей статуса "второй Швейцарии". Только, конечно, не допустить ошибки, что была допущена при Советах, когда свекла была превращена в монокультуру. Для этого вычислить научнообоснованный севооборот и прочие облагораживающие землю агротехнические приемы.

Нужен в масштабе государства, с привлечением инвесторов, как внутренних, так и зарубежных, синдикат, чтобы от производства

сырья до реализации конечного продукта (сахар, спирт, фураж) были сосредоточены в руках одного мощного центра. Он был бы заинтересован в доходах и крестьянина-производителя, и экспортера самого, что ни на есть конечного продукта.

Такой бы орган заботился о постоянном наращивании производства сырья, максимально заинтересовав его в результатах своего труда. На базе этого необходимо будет создать огромную систему агротехнического комплекса, где крестьянину бы отводилась самая узкая специализация — посеять и вырастить. Все остальное — дело партнеров. И никакой ему головной боли. Урожай продается прямо на корню и тут же высчитываются их затраты, причем все же львиная доля отдается хозяину земли и тому, кто с мотыгой в руках выращивал и лелеял урожай.

Хотя до всего этого я додумался сам, но все-таки думаю, что идея эта принадлежит не мне. На такие размышления натолкнул меня Геннадий Валерьевич, когда я ездил с ним по полям района и он, глядя на прелестные ухоженные свекловичные рядки, говорил:

— Мы еще заживем! Вот посмотришь. Не мешать бы только крестьянину, а помогать. Тогда не будет ни одной не сжатой полосы, ни одного незасеянного клочка земли.

Именно о нем, о крестьянине, думал он и тогда, когда бился за то, чтобы довести до ума Беловодский крахмало-паточный комбинат. Но не хватило у него ни сил, ни понимания тех, кто все видит сверху, да мало в чем разбирается.

Как мне хотелось удовлетворить просьбу Геннадия Валерьевича не вспомнить больше на страницах этой книги о В.Мурзове! Но никак не могу умолчать о том, что по его словам, Давиденко выпячивает себя “ценнейшими начинаниями” во всякого рода “пилотных” проектах. И на память эта его бумагомарательная публикация пришла тогда, когда под личным руководством акима и по его инициативе состоялся первый районный слет предпринимателей и конкурс-выставка достижений лучших из лучших.

Побывал я на этом мероприятии и диву дался, чего может добиться раскрепощенная предпринимательская деятельность людей, не желающих заглядывать в государственный карман и стоять в бесконечной очереди Центра занятости населения. Они буквально на голом месте, не имея за душой ни гроша, создают личное благополучие и рабочие места для других.

За самое кратчайшее время в Ысык-Атинском районе зарегистрировано 450 предприятий среднего и малого бизнеса, которые создали более десяти тысяч рабочих мест. Нашлись люди, которые выращивают цветы и продают населению чудо-букеты,

делают резную мебель на зависть заморским производителям и строительную столярку, вина и напитки десятками наименований, кондитерские и колбасные изделия, содержат ветеринарный сервис и салоны красоты, не хуже чем в столице места отдыха и спортивно-оздоровительные комплексы, шьют одежду на вкус самых привередливых модниц и оказывают всевозможные коммунальные и торговые услуги.

Здесь на один уровень поставлен пахарь и торговец частного киоска, доярка и парикмахер, каменщик и содержатель бара. Потому что все они делают одно самое важное дело — создают нормальную жизнь своих земляков, вселяют в них уверенность в возможность лучшей жизни. И чтобы это увидеть и всемерно поддержать нужно быть не только хорошим руководителем, но и обладать тонким чувством дальновидного политика. И это — человек, который находится в эпицентре этого повествования.

Фойе все того же “Алого паруса” было буквально заставлено витринами, стендами и помостами, на которых выставлена нарядно упакованная продукция. Сгущенное молоко в традиционных белоголубых металлических баночках и в пластиковой упаковке, сыры, масла и все прочее, что можно сделать из молока, получаемого в крупных сельскохозяйственных предприятиях, на частных фермах и личных подворьях селян, торты от самых маленьких до таких, что поднять не под силу каждому, лимонад многих наименований, вина-шампанские, искристые, шипучие... Да разве все перечислишь, на что способны местные умельцы и предприниматели!

Но больше всего поразил, превратившийся в грандиозное шоу, конкурс демонстрации всех этих изделий. Разумеется тех, что можно было поднять и пронести мимо жюри. А в заключение получившегося в этот холодный октябрьский день прекрасным, радостным и теплым праздником, всех собравшихся в переполненном зале порадовал конкурс красоты, где соревновались парикмахеры и швеи.

Видимо, немало времени понадобилось, чтобы научить девчонок и мальчишек, собранных буквально на улице, и вполне солидных дам, и поистине настоящих джентельменов, чтобы превратить их в живые модели для демонстрации причесок и коллекций специалистов, показав их высокопрофессиональный уровень мастерства.

Мне, человеку в летах, трудно судить, насколько все это прекрасно в современном стиле, и каждая прическа на меня наводила просто ужас, но залом встречалась громом аплодисментов и знатоками парикмахерского дела оценивалась на порядочном, а то и высочайшем уровне.

И вот, подведение итогов. Неважно, кто занял первое место. Старались все и трудно судить и спорить о вкусах, но итог можно подвести один. В районе хотят, чтобы как можно больше жителей скорее адаптировалось в рыночных условиях жизни, когда право на жизнь имеет только тот, кто ищет выход из своего трудного материального бытия и находит его, проявляя ум и трудолюбие. Конечно, есть и другие "предприниматели", которые ищут этот выход на поприще попрошайничества, вымогательства, мошенничества и прямого воровства. Но для порядочного человека это ни к чему. Он знает, что ворованное счастья не принесет.

Зато какими счастливыми были те, кто принял участие в конкурсе! Это нужно было видеть! Это нужно было районному руководству показать.

Не забудется и первая часть празднества, когда подводили итоги своей трудовой деятельности полеводы и животноводы района. Несмотря на засушливую весну и летнее маловодье, буквально все районные показатели были выше на 10-15 процентов прошлогодних. Но все еще впереди, как отметил в своем выступлении глава райгосадминистрации:

— Достигнутое нами — не предел. Мы должны и можем жить лучше. Для этого нужно лучше работать, и не только руками, но и головой.

Именно так и сказал: "достигнутое нами". Не "вами", так как он обращался к сельхозникам, а "нами". Потому что он и себя, и всех своих помощников относит к числу тех, кто не покладая рук пахал, сеял, убирал, кормил животных, доил коров и молол зерно. Потому что так оно и есть! Вспомните, как на планерках и заседаниях он требовал, выслушивал отчеты, подгонял, поджимал и радовался каждому достижению, каждой, даже самой маленькой победе. Словом, делал все то, что делал всегда. Вот за это ему Честь и Слава! Вот поэтому о нем и о тех, кто с ним и под его руководством работает, написана эта книга.

Да разве только она!

Сотни публикаций на страницах газет, в радиопередачах и на телеэкране — многократное подтверждение этому. Как хотелось бы собрать все их воедино. Сколько бы понадобилось для этого томов! Но это просто невозможно. И все же одно интервью, которое дал Давиденко корреспонденту газеты "РИФ" не привести просто не могу.

ГЕННАДИЙ ДАВИДЕНКО:

**"В СЕГОДНЯШНЕЙ ЖИЗНИ ВИЖУ КРЕПКИЕ РОСТКИ
ЗАВТРАШНЕГО ДНЯ"**

Более 20 лет работает на руководящей должности Геннадий Давиденко. Последние два с половиной года он является главой

Ысык-Атинского района. Г.Давиденко посетил редакцию газеты "РИФ обозрение" и дал эксклюзивное интервью ее главному редактору Х.Мустафаеву, которое мы предлагаем нашим читателям.

Х.М.: — Геннадий Валерьевич, прошло уже больше года, как были объединены Кантский и Ысык-Атинский районы. А значит накоплен уже какой-то опыт, выявились отрицательные и положительные моменты.

Г.Д.: — Конечно, за год работы много стало ясно. Наши районы при объединении находились на разных экономических уровнях. Кантский традиционно считался богаче по семеноводству, да и земли там лучше. При объединении мы постарались сохранить урожайность базового района, т.е. 30-35 центнеров с гектара. Ысык-Атинский район всего давал по 17-20 центнеров. Сегодня уже можно определенно сказать, что рост урожайности наблюдается и в той, и в другой зоне. Есть отдельные хозяйства, которые дают по 48 центнеров, в более слабой Ысык-Атинской зоне некоторые хозяйства подтянулись до 25-30 центнеров с гектара. И все это за счет правильной культуры земледелия.

Да и Кантскому району есть чему поучиться у ысыкатынцев. Посмотрите, какой урожай сахарной свеклы они получают. А ведь там хозяйств больше индивидуальных, частных.

Вот как раз на примере частника ясно видно, как меняется отношение людей к труду. Меняется психология, рождается настоящий хозяин земли, умеющий думать и действовать самостоятельно. Ему уже не надо ежеминутно подсказывать, ему надо помогать, причем решать вопросы на государственном уровне.

Х.М.: — И тем не менее, хотя есть Указы президента, решения правительства о том, чтобы помочь фермерским, крестьянским, коллективным хозяйствам, проблемы на селе все-таки остаются.

Г.Д.: — Пожалуй, одна из главных проблем — это организация сервиса для крестьянских хозяйств. Пока нам не все здесь удастся. Не всегда мы можем по заявке крестьянина вовремя подать ему трактор или сеялку. Но и эту проблему, я уверен, мы сумеем решить, если будем подходить к ней разумно, по-хозяйски. Вспомните, какое отношение к той же земле, технике, оборудованию было в советское время? Сколько техники валялось бесхозно, сколько списывалось. Сейчас такого нет, подобран весь металл, машины в порядке содержатся, т.е. реформы через разум идут, через сознание, а не как раньше — наскоком, да с шашкой в руке.

Сегодня каждый крестьянин понимает ценность техники. Кроме того, мы постарались сохранить базовые хозяйства, которые оказывают услуги техникой. Это "Кировец", МИС, "Сын-Таш", "9 Мая".

Причем они обслуживают не только свою землю, но и индивидуальные хозяйства.

Появилась техника и у частников. Сейчас в их руках 17 комбайнов, тракторы, которые тоже оказывают услуги, зарабатывают деньги.

Кроме того, есть служба "Агротехсервис", которая всю эту технику ремонтирует.

Х.М.: — И еще один любопытный вопрос. Читая прессу, я иногда сталкиваюсь с тем, что журналисты не всегда объективно пишут об Ысык-Атинском районе. Что Вы думаете по этому поводу?

Г.Д.: — К прессе я отношусь положительно, считаю, что она играет важную роль в развитии всего общества. Другое дело, если за материал берется горе-журналист, который не может разобраться в ситуации, увидеть проблему и пытается судить. Иногда это выходит смешно, иногда — глупо. Но когда газета поднимает какой-то вопрос, привлекает к его решению специалистов, то это можно только приветствовать. Вот наша районная газета "Знамя Победы" сначала имела тираж 200 экземпляров, сейчас мы печатаем уже 3,5 тысячи. Все ее читают, потому что в ней — правда, она барометр нашей жизни.

Х.М.: — Геннадий Валерьевич, кроме сельского хозяйства в районе есть и промышленные предприятия. Каковы их перспективы?

Г.Д.: — Это вопрос сложный. Некоторые предприятия надо перепрофилировать. Для этого нужны средства. Ищем инвесторов. Например, продукция силикатного завода обходится ныне дорого, надо переходить на шлакоблок.

Механический завод выпускает вагоны, а потребности в них нет, обдумываем, как запустить новую продукцию. Есть у нас завод по выпуску кирпича, но мы решили поставить еще одну линию, которая даст более дешевый кирпич и создаст тем самым здоровую конкуренцию первой.

Есть задумки по созданию картонной фабрики в Ивановке. Прорабатываем вопрос о производстве собственной фанеры. Другими словами, мы хотим создать для инвесторов самые благоприятные условия.

Х.М.: — А как складывается нынешний год в сельскохозяйственном производстве?

Г.Д.: — Говорят, что крестьяне любой год считают тяжелым. Я стараюсь быть объективным. По-настоящему трудные годы бывают, может быть, раз в 10 лет. Но всегда есть какие-то сложности. Вот нынче засуха одолела и богара сгорела. Но на поливах мы получили до 45 центнеров, на опытных участках — до 100 центнеров, на 300 га — по 85 центнеров. Так что год у нас получился неплохой, просто

надо работать. В прошлом году мы получили 61 тысячу тонн зерновых с площади 19 тыс. га. В этом году мы увеличили площадь, а урожайность не упала. Всего предполагаем собрать 66-68 тысяч тонн зерна.

Х.М.: — Каковы, на ваш взгляд, перспективы Ысык-Атинского района?

Г.Д.: — Меня называют оптимистом. Но это не от наивности или слепой веры в счастливое будущее. Я оптимист потому, что уже в сегодняшней жизни вижу крепкие ростки завтрашнего дня.

Думаю, весьма кстати интервью, данное им и для Чуйской областной газеты, которое взял у него корреспондент Ж.Абдрахманова. Вышло оно 13 августа 1999 года под рубрикой "Экономика и мы".

В заголовок ее вынесены слова Г.Давиденко: "Главная задача: сохранить наше основное богатство — землю".

Все-таки, наверное, повезло ысыккатынцам с главой. Настоящий хозяин, истинный профессионал своего дела. Столько лет верой и правдой служит он своему народу. За это и уважают его люди. Да и он не из кичливых: и с аксакалом побеседует, и с мальчишкой запросто, на равных, пообщается. Причем, и здесь он во всеоружии — на языке предков. Во всем у него чувствуется мера: умеет и шутку вовремя поддержать, а когда требуется, и строго спросить с нерадивого подчиненного. Суров, но справедлив. А как же, земля, она равнодушных не любит, строго спросит за каждый день безделья. А к земле у него отношение особое, трепетное. Она — кормилица, основа основ.

Вот и сейчас предстоит ему поездка в дальние края. Накануне отъезда нам удалось встретиться с ним, где он любезно поделился своими мыслями и планами.

— Геннадий Валерьевич, нам стало известно о вашей предстоящей поездке в КНР, какие цели она преследует?

— Буквально завтра делегация Чуйской области выезжает в Сыньцзянь-Уйгурский автономный округ Китайской Народной Республики для участия в международной выставке-ярмарке сельскохозяйственных, промышленных товаров. Визит этот продлится 3 дня, возглавлять делегацию будет президент ассоциации дунган Кыргызстана Э.Ж.Исмаилов, т.к. эта организация является основным связующим звеном в кыргызско-китайском сотрудничестве, и это, в общем-то, их идея, а официальным представителем от области едет З.Ж.Нурмухамбетов.

— Будет ли на выставке представлена продукция чуйцев?

— В настоящий момент нет, пока мы едем только изучать продукцию китайских производителей. Хотя, если нас заинтересуют какие-либо предложения, вполне возможно, заключим договора на взаимовыгодных условиях, обсудим условия поставок. Особо будем интересоваться техникой по переработке овощной продукции. Мы выиграли два тендера на создание производства по переработке овощей, сейчас обладминистрация помогает в оформлении надлежащих документов. Это будет совместное кыргызско-германское предприятие. В Китае мы надеемся приобрести недорогое оборудование.

Так как временные рамки у нас будут чрезвычайно сжатыми, сконцентрированными, наша основная цель — максимально и с наибольшей выгодой использовать эти дни, чтобы поездка принесла практическую выгоду нашему району и области.

По моему глубокому убеждению любая поездка за границу и почерпнутая там информация, опыт, должны претвориться в жизнь.

— Конечно, эффективное развитие любого сектора экономики невозможно без расширения его географических границ. Вы упомянули о ваших международных связях. В данном случае выбор пал на "великого южного соседа". Чем он обусловлен?

— Это прежде всего связано с тем, что у нас давние традиционные и вполне отлаженные взаимоотношения с КНР, в особенности с Синьцзянь-Уйгурским автономным округом. Второй немаловажный момент, что посредником между нами, как я уже упомянул ранее, является наша многочисленная дунганская диаспора, и в частности ее руководитель Э.Ж.Исмаилов, все контакты идут через него. На сегодня у нас создано совместное предприятие "Ю-Хо" по развитию птицеводства в Нурманбетском айыл окмоту на базе Ысык-Атинского госплемптицефабрики. Сейчас там насчитывается около 100 тысяч птиц. Предприятию на днях исполнится год, и оно уже обеспечило все точки общепита и рынки г.Бишкека своей качественной продукцией. С нашей стороны директором предприятия является Ж.Турсункулов, с китайской — господин Ян Жень. Могу с уверенностью сказать, что помимо создания новых рабочих мест, для наших рабочих созданы все условия для нормального труда, т.е. вовремя выдается заработная плата, организовано питание, и даже после трудового дня, как и в прежние времена, развозят по домам. Конечно, пока еще не все так быстро удается, как хотелось бы, но руководство СП делает все возможное, а в будущем даже планируется создание областной координирующей ассоциации птицеводов Чуйской области.

Помимо этого, на базе Кыргызской МИС также работает группа китайских специалистов, которые организовали свиноферму,

поголовье которой уже сейчас достигло 1000 голов. В с. Милианфан китайские коллеги оказали неоценимую помощь в уборке урожая зерновых колосовых, прислав 10 комбайнов. Сейчас они, закончив работу, уехали на подмогу в Кеминский район. Плюс к этому в вышеупомянутом с. Милианфан проводятся изыскательские исследования по возможности организации производства жженого кирпича.

Но сотрудничаем мы не только с китайцами. Так, к примеру, я был в составе делегации ассоциации водопользователей, и вот, пожалуйста, результат: на сегодняшний день у нас создано 4 ассоциации по этой отрасли. Продолжаем работать и над другими проектами.

— По каким приоритетным направлениям вы намерены сотрудничать с зарубежными партнерами?

— Как вы наверное поняли, первые шаги мы уже сделали — это птицеводство и свиноводство. Есть задумки более широкие — строительство теплиц без отопления, подобные теплицы — это получение новых видов зерновых. Можно попробовать сеять ячмень с низким содержанием белка. Эта культура пригодная для производства пива и пивоваренной промышленности. Сейчас у нас расширился клин, и мы могли бы отдать больше площади под посадку кукурузы.

В прошлом году кукурузы мы засеяли 2,5 тыс., в этом — 4 тыс. га. А насколько эта культура экономически выгодна, думаю известно всем. Если мы наладим переработку некоторых видов овощей, тем же методом сушки, то конечную продукцию можно было бы отправлять в любую точку СНГ. Такой пример есть: действует у нас в районе одно такое предприятие по сушке лука, которое имеет “завязки” с Санкт-Петербургом, Москвой, но темпы производства еще ничтожно малы — работы всего на сезон, лука перерабатывается в сутки 5-6 тонн. А ведь можно и даже нужно наращивать подобные виды производства.

Стоит вообще пересмотреть и структуру земледелия. Пока обращаемся мы с ней еще по-варварски.

Вот в этом году мы построили 11 км новых, очистили 35 км старых дренажных сетей. В этом направлении работаем по двум проектам — один осуществляется по линии Всемирного банка, другой — совместно с Азиатским банком реконструкции и развития. Эти международные институты выделяют нам кредиты по линии ассоциации водопользователей для ремонта оросительных сетей и мелиоративных устройств.

— И в заключение. На ваш взгляд, каковы дальнейшие перспективы внешнеэкономического сотрудничества Ысык-Атинского района?

— Самое главное в нынешних условиях — удержаться на плаву, получить конечный вид продукции, который был бы реально конкурентоспособным на мировом рынке. Если такой результат будет достигнут, тогда, я думаю, мы с уверенностью сможем и дальше продолжать двигаться в этом направлении.

Ж.Абдрахманова.

Как видно, рассчитывая на русско-кыргызское "потом", значительную часть материала пришлось дошлифовывать, доводя до нужной кондиции уже тогда, когда полным ходом шла в типографии отпечатка начальных "тетрадей" книги. Да и время это совпало с мощным потоком бурных мероприятий. Главное из них, конечно же, заключительный этап предвыборного марафона за президентское кресло.

Поэтому, сегодня все газеты, без исключения, пестрят призывами голосовать то за одного из шести кандидатов, то за другого. Но газета, как говорится, живет только один день. Книга же, не имеет конечной точки своего существования. Вот и решил я увековечить их имена, тем более, что все они являются нашими современниками. А кто получит предпочтение народа рассудит 29 октября 2000 года.

Пусть же наши потомки помнят их.

АСКАР АКАЕВ

Родился 10 ноября 1944 года в селе Кызыл Байрак Кеминского района Чуйской области. Кыргыз.

Образование высшее, закончил Ленинградский институт точной механики и оптики.

Президент Кыргызской Республики.

Место жительства — г.Бишкек.

Выдвинут собраниями избирателей.

Трудовую деятельность начал в 1961 году слесарем завода "Фрунземаш".

После окончания в 1968 году Ленинградского института точной механики и оптики учился вначале в аспирантуре этого вуза, после окончания которой защитил кандидатскую диссертацию, а с 1973 по 1976 год — в докторантуре.

С 1976 по 1986 год работал во Фрунзенском политехническом институте — сначала на кафедре "АСУ и вычислительная техника" старшим преподавателем, доцентом, заведующим кафедрой, а в 1982 году открыл специализированную кафедру "Электронные вычислительные машины", которой руководил до 1986 года.

В 1986 году был избран в состав ЦК Компартии Киргизии, утвержден на должность заведующего отделом науки и учебных заведений ЦК Компартии Киргизии, где работал до июля 1987 года

В эти же годы был избран членом-корреспондентом Академии наук Киргизской ССР.

В 1987 году избран академиком Академии наук Киргизской ССР, где до 1990 года работал сначала вице-президентом, а затем — президентом.

27 октября 1990 года из 12 кандидатов на сессии Верховного Совета Киргизской ССР был избран Президентом Республики Кыргызстан. В октябре 1991 года на всенародных выборах и в январе 1994 года на референдуме народ Кыргызстана подтвердил и закрепил его президентские полномочия, а 24 декабря 1995 года, на основе новой Конституции, был всенародно избран Президентом Кыргызской Республики.

Действительный член Нью-Йоркской Академии наук, член Исламской Академии наук, Почетный профессор Московского государственного университета, Московского государственного института международных отношений и ряда других вузов стран СНГ и мира.

В 1977 году удостоен премии Ленинского комсомола Киргизии, позже награжден орденом “Знак Почета”, орденом Латинской Америки “Гранд Кросс за свободу и единство”, двумя медалями.

Женат, имеет двух сыновей и двух дочерей.

ТУРСУНБЕК АКУНОВ

Родился 18 июля 1959 года в селе Кулунду Ляйлякского района Баткенской области. Кыргыз.

Образование высшее, окончил Кыргызский сельскохозяйственный институт им.Скрябина.

Председатель правления Правозащитного движения Кыргызстана. Координатор Конгресса по правам человека стран Центральной Азии.

Место жительства — г.Бишкек.

Выдвинут путем самовыдвижения.

В 1981-1983 годах работал ветеринарным врачом Нарынского конезавода № 53, с 1983 по 1984 год — ветеринарным врачом и одновременно секретарем комитета комсомола этого же конезавода.

С 1984 по 1987 год был заместителем секретаря комитета комсомола Кыргызского сельскохозяйственного института им. К.И.Скрябина.

В 1987-1988 годах работал младшим научным сотрудником Академии наук Киргизской ССР.

С 1988 по 1990 год был безработным. Создал неформальную организацию "Союз активистов".

С 1990 по 1991 год работал специалистом Кыргызского научно-исследовательского института ветеринарии.

С 1991 по 1992 год был ответственным секретарем Демократического движения Кыргызстана и тогда же, в 1991 году основал Комитет по защите прав человека, позже переименованный в Правозащитное движение Кыргызстана.

Женат, имеет троих сыновей.

АТАМБАЕВ АЛМАЗБЕК ШАРШЕНОВИЧ

Родился в 1956 году в селе Арашан Аламединского района Чуйской области. Кыргыз.

Образование высшее, окончил Московский институт управления.

Председатель совета директоров промышленной группы "Форум".

Место жительства — Бишкек.

Выдвинут собранием избирателей.

Трудовую деятельность начал в 1980 году инженером Минсвязи Киргизской ССР. В 1981-1983 годах работал главным инженером ДУ-4 г. Фрунзе.

С 1983 по 1987 год работал на ответственных должностях в Президиуме Верховного Совета Киргизской ССР, а затем два года — заместителем Первомайского районного Совета народных депутатов города Фрунзе.

В 1989 году организовал и возглавил научно-производственную фирму "Форум".

В 1995-2000 годах был депутатом Собрания народных представителей Жогорку Кенеша Кыргызской Республики.

С 1997 по 1999 год работал генеральным директором АО "Кыргызавтомаш".

С 1999 года возглавляет советы директоров промышленной группы "Форум", АО "Кыргызавтомаш", АО "Электротехник", АО "Конструкторско-технологический институт "Агромаш".

В 1999 году награжден медалью "Данк".

Женат, имеет трех сыновей и трех дочерей.

БАКИР УУЛУ ТУРСУНБАЙ

Родился 17 марта 1958 года в г. Кара-Суу Ошской области. Кыргыз.

Образование высшее, в 1984 году окончил исторический факультет Кыргызского государственного университета, в 1990 году

— аспирантуру Киевского государственного университета им. Т.Г. Шевченко. Кандидат философских наук.

Депутат Законодательного собрания Жогорку Кенеша Кыргызской Республики двух созывов — 1995 и 2000 годов.

Место жительства — г. Бишкек.

Выведен путем самовыдвижения.

Трудовую деятельность начал в 1975 году бетонщиком Ошского СМУ-3, затем работал формовщиком домостроительного комбината Бишкекского завода ЖБИ, мастером Ярославского опытно-экспериментального завода Министерства обороны России.

В 1977-1984 годы — студент Кыргызского государственного университета.

С 1984 по 1987-й работал преподавателем кафедры общественных наук Ошского государственного университета.

В 1987-1990 годы — аспирант философского факультета Киевского государственного университета им. Т.Г. Шевченко.

С 1991 по 1995 год работал старшим преподавателем историко-юридического факультета Ошского государственного университета.

В 1998 году ему присвоен дипломатический ранг Чрезвычайного и Полномочного посла Кыргызской Республики.

В 1999 году совершил паломничество в Мекку (хадж).

Является Председателем Комиссии по правам человека при Президенте Кыргызской Республики.

Возглавляет Политический совет Прогрессивно-демократической партии “Эркин Кыргызстан”.

Награжден Почетной Грамотой Кыргызской Республики, медалью “Манас-1000”.

Женат, имеет трех сыновей и двух дочерей.

ТЕКЕБАЕВ ОМУРБЕК ЧИРКЕШОВИЧ.

Родился 22 декабря 1958 года в селе Акман Базар-Коргонского района Джалал-Абадской области. Кыргыз.

Образование высшее, закончил в 1981 году физический факультет, в 1994 году — юридический факультет Кыргызского государственного университета.

Заместитель Торага Законодательного собрания Жогорку Кенеша Кыргызской Республики.

Место жительства — г. Бишкек.

Выведен путем самовыдвижения и собранием избирателей.

В 1981-1983 годах проходил службу в рядах Советской Армии на Украине.

С 1984 по 1991 год работал в системе народного образования.

С 1991 по 1994 год работал председателем Комитета по поддержке предпринимательства и антимонопольной политики в государственной администрации Джалал-Абадской области, затем — заместителем главы государственной администрации Джалал-Абадской области.

В 1990 году избирался народным депутатом Верховного Совета Республики Кыргызстан двенадцатого созыва, членом Комитета по юридическим вопросам Совета Республик Верховного Совета СССР.

В 1995 году избирался депутатом Законодательного собрания Жогорку Кенеша Кыргызской Республики. Являлся председателем Комитета по государственному устройству и законности Законодательного собрания Жогорку Кенеша Кыргызской Республики.

В 2000 году вновь избран депутатом Законодательного собрания Жогорку Кенеша Кыргызской Республики.

Председатель Социалистической партии “Ата-Мекен”.

Заслуженный юрист Кыргызской Республики.

Женат, имеет сына и дочь.

ЭШИМКАНОВ МЕЛИС АСАНАЛИЕВИЧ

Родился 9 декабря 1962 года в селе Казарман Тогуз-Тороусского района Джалал-Абадской области. Кыргыз.

Образование высшее, окончил отделение журналистики факультета кыргызской филологии Кыргызского государственного университета.

Место жительства — г. Бишкек.

Выдвинут путем самовыдвижения и Народной партией.

Трудовую деятельность начал в 1979 году рабочим завода.

С 1985 по 1989 год работал сначала собственным корреспондентом, зав. отделом газеты “Ленинчил жаш”, затем — ответственным секретарем газеты “Комсомолец Киргизии”.

В 1990-1991 годах — инструктор идеологического отдела, зав. сектором печати ЦК ЛКСМ Кыргызстана.

В 1991 году на альтернативной основе избран главным редактором газеты “Жаштык жарчысы” (бывшая газета “Ленинчил жаш” и нынешняя — “Асаба”).

С 1996 года — политический обозреватель, менеджер, а с 1998 года по решению трудового коллектива — учредитель ОсОО газеты “Асаба”.

В 1995 году основал Народную партию (обездоленных), является председателем ее Политического совета.

Лауреат премий Союза журналистов СССР и Кыргызстана.

Женат, имеет сына и дочь.

В эти дни трудно кого-нибудь в райгосадминистрации застать на месте. Все куда-то спешат, решив перенести на "потом" другие дела. Это "потом" очевидно будет уже после выборов.

— Ну какое отношение имеете вы, ведь выборы вас касаются постольку-поскольку? — спрашиваю у заместителя главы А.Абыкеева.

— Очень даже прямое, — отвечает. — Разумеется, агитацией за кого-либо мы не занимаемся. Не положено. Но с другой стороны, мы обязаны, чтобы эти выборы прошли на самом высоком организационном уровне. Нужно, чтобы на избирательных участках было светло, тепло, уютно. И в селах, и в городе нужно навести образцовый порядок. Нужно создать людям праздничное настроение. И не дай Бог, чтобы в этот день сгорел трансформатор или были перебои с водой, теплом и телефоном. Необходима четкая работа всех служб, чтобы ничто не омрачало праздника. Тем более, будет немало гостей из числа наблюдателей и доверенных лиц от кандидатов. И этим все мы занимаемся.

Да, с этим трудно не согласиться. Вспоминаю, как район готовился к встрече избирателей с кандидатами. Буквально во всех селах висели красочные объявления о том, что 11 октября, в среду в 12 часов в Доме культуры села Люксембург проводится названная встреча. Аким потребовал от всех руководителей селений обеспечить на этот форум явку всех желающих. К назначенному времени площадь у очага культуры была заполнена автомашинами. Зал до отказа набит людьми. Но только два кандидата прибыли на место встречи. Вернее — один. Это Турсунбек Акунов. А Аскар Акаев прислал своего представителя в лице Советбека Абласова, которого читатель знает. Подождав еще немного, встреча все же состоялась.

Разочарованные ысыкатинцы активность все же проявили. Если после короткого, но весьма конкретного выступления Совета Абласовича у присутствующих не возникло вопросов, то в адрес его оппонента их было задано много. Среди них такие:

— Как Вы думаете рассчитаться с уже полученными кредитами и куда собирается потратить новые?

— Почему Вы считаете, что лучше Акаева сможете справиться с обязанностями Президента?

— Вы уже сумели показать себя прекрасным миротворцем. Может быть следует и продолжать в таком же духе, возглавляя созданный Вами Совет по защите прав человека?

С присущим ему юмором он ответил на них, считая, что А.Акаев при всем своем обаянии и высокой интеллектуальности не проявляет необходимой для главы государства твердости и жесткости характера.

Естественно, не мог он сказать, что народные деньги будет пускать на ветер, а самым рациональным образом будет расходовать полученные кредиты.

Что же касается того, кем лучше ему быть, он сказал, что морально уже готов заняться более серьезным делом, нежели творить чудеса миротворства.

Интересным в его выступлении было то, что фактически, находясь в оппозиции, он тепло отзывался о нынешнем Президенте, считая, что тот много сделал хорошего для Кыргызстана... И только из-за того, что Акаев десять лет нес столь тяжелую ношу, устал, кандидат хочет помочь ему нести ее дальше.

Зато не очень лестно отзывался об альянсе "Текебаев-Кулов", не считая, что их единение сможет повернуть республику в лучшее русло.

— Социализм мы уже видели, — сказал он. — А нового, в сущности, они ничего не предлагают. Парламентское же правление Кыргызстану, с его экономическими особенностями, не подходит.

Далее высказал желание встретиться на ринге, предложенном Текебаевым Акаеву, где ему есть что сказать в защиту своих позиций.

В заключение он призвал всех ысыккатынцев во время голосования отдать предпочтение ему, шутя добавил:

— Если у Акаева есть серьезный конкурент, то это только я. И если изберете Акаева, то в этой трагедии не будет. Но лучше, если изберете меня.

Покидая зал, все спрашивали друг друга:

— Что бы сказали другие претенденты? А может им сказать нечего...?

Важным событием этих дней для района было и награждение лучших сельхозников высокими правительственными наградами. Медалью "Данк", что в переводе означает "Слава", был награжден уже известный читателю президент АО "Агрохимсервис" Каримахун Рузахунов. Такой же награды удостоен заведующий МТФ-1 СХК "МИС" Бакий Каримович Рустамов.

Куттубеку Тагаеву — начальнику Ысык-Атинского райсельхозуправления присвоено звание "Заслуженный работник сельского хозяйства". Это звание он поделил с главным зоотехником-селекционером АДК "Эмгек" Виктором Черкасовым.

Кому не ясно, что произошло это не без вмешательства главы района? А ведь давно и результативно трудятся эти люди района. Но ни у кого раньше до этого руки не доходили. Да что там руки! И мысли

такой не было, что за хороший труд нужно благодарить людей. Не только во славу им, а в пример другим.

И опять же припоминаю случай. Думаю не буду называть ни имени того, кого наградили, ни того, кто представил район, в котором это произошло. Кого это касается, поймет и сам, и может быть ему станет стыдно за свои действия.

Словом, как в старые, добрые, хотя и партийные времена, в район пришла та самая, злополучная разнарядка: представить такого-то, такого-то к награждению медалью. Далеко не стали бегать, искать, а оформили бумагу тому, кто этажом ниже. Весь район потом в кулуарах поражался бездумию главы, но сказать никто не посмел в глаза ему правду — побоялись. И именно эта “слава” окончательно растоптала в грязи этого не очень-то заслуженного человека.

А Геннадий Валерьевич, не стыдясь своего решения, под истинные одобрения работников районного управления торжественно объявил о наградах, и этим он был счастлив, видя настоящую поддержку всех. И я уверен, была бы у него возможность, то наградил бы еще, и даже более высокими наградами многих. Потому что, как бы не было трудно, люди идут за ним.

В рамках месячника пожилых людей, в селе Дмитриевка на базе районного УОС было проведено незабываемое мероприятие, на которое пригласили всех своих бывших работников, находящихся на заслуженном отдыхе. Не забыли и сельчан, оставшихся на старости лет наедине со всеми своими бесконечными проблемами. Их в этом селе 14 человек.

Справедливости ради стоит сказать, что их водохозяйственники не забывают никогда. И при первой возможности помогают — кому дом подремонтировать, кому овощами, что выращивают на своем подходе, кому мучицей, так же собственного производства, кому деньгами. А уж к самым главным праздникам готовят подарки для всех без исключения.

Вот и в этот день за большим столом собрались они: и молодые, и пожилые. По заведенной традиции молодые отчитались перед теми, кто зачинал в районе эту службу, кто в рваных сапогах, а то и вообще босиком, утопая в болотной трясине, делал разметку будущих каналов и водосборов. А ветераны в своих ответных выступлениях просили, нет умоляли (!) сберечь то, что создано непосильным трудом первопроходцев.

Ысык-Атинское УОС — крупнейшее в республике. Почти шестьдесят тысяч гектаров орошаемых полей находятся под их неустанной заботой. Их воду ждут шесть ассоциаций водополь-

зователей. Лучший показатель их труда, разумеется, проценты. И они не могут не радовать. На 104 процента выполнен план капитального ремонта гидросооружений, на 164 — текущего ремонта. А механическая очистка водных артерий — на 178 процентов.

Не забыли гостеприимные хозяева, что именно в этот день их бывшему коллеге Жумабеку Сыдыкову исполнилось 70 лет. В честь этого события ему подарили традиционный чапан, колпак и камчу. Особое внимание было уделено бывшему начальнику УОС Степану Ивановичу Лященко. Несмотря на свой почтенный возраст, ветеран чувствовал себя довольно-таки бодро. Его просто удивил показатель, о котором раньше и речи-то не велось. Это то, что водопользователям было отпущено воды на 7263000 сомов. Раньше-то никто и не подозревал, что вода тоже стоит деньги. Но рынок есть рынок.

А он обязывает учиться у тех, для кого даже такой факт — давно пройденный этап. Не зря пришлось начальнику УОС Молдобеку Аяновичу Тюбееву вместе с главой райгосадминистрации Геннадием Валерьевичем Давиденко съездить в Турцию, чтобы увидеть как отлажена эта работа там и выяснить, что приемлемо в наших краях.

Праздник получился на славу. Не обошлось и без “наркомовских” и, конечно же, “Катюши” и возможности тряхнуть стариной в огненной “цыганочке”.

В качестве подарка на сей раз выдано каждому гостю по 25 кг муки и 2 кг мяса. Тем, кто не смог приехать или прийти на праздник, все это было развезено по домам.

Хочется верить, что данное торжество останется нормой жизни этого предприятия, которое изыскивает возможности не забывать о тех, кому сегодня особенно трудно.

Примечательно то, что коллектив УОС в этом направлении работает вместе со своим аильным кенешем, который возглавляет А.А.Азимов и всячески поддерживают друг друга во всех ценных начинаниях.

И еще одна, теперь уж видно совсем последняя, встреча состоялась у меня с одним предпринимателем. А вдохновила меня на нее, описанная выше выставка продукции предприятий среднего и малого бизнеса. Заинтересовался я тогда фирмой “Кант-Сут” и решил обязательно побывать там. Но первое впечатление о нем у меня сложилось не очень приятное. И смущало единственное. Из двух высоченных труб валил такой черный дым, что мне стало жаль людей, живущих поблизости.

Но все же решил познакомиться с директором хотя бы для того, чтобы выяснить как долго еще он собирается коптить кантское небо.

И вот встреча состоялась. Как мне сказал хозяин кабинета, он же и директор фирмы — хорошие люди всегда успевают к обеду — так что ретироваться было некуда, да и не к чему. Мы, журналисты, вообще-то такой народ, что от скромности с голода не помрем. И даже ничуть не упрямясь, сразу же, по первому приглашению присел к журнальному столику, который мгновенно был пересервирован на троих. (Кроме директора там был еще один господин, видимо партнер из другой фирмы).

В контакт вошли сразу же. Сказав кто я и объяснив цель моего визита, услышал:

— Ну, давайте, познакомимся. Я ждал вас. Мне бухгалтер передала вашу записку. Я директор — Арли Илиязович Машанло. Меня друзья в шутку называют иссыккульским хохлом, потому что фамилия заканчивается на "о".

Разговор "по-существу" продолжился, когда мы остались вдвоем.

— Геннадия Валерьевича я знаю еще с тех пор, когда он работал в иссыккульской области председателем Тюпского райсовета. Я тогда был зампредом облпотребсоюза. Хотя мы не были по отношению друг к другу в зависимости подчиненности, с ним встречались часто. Ничего, кроме хорошего о нем сказать не могу. Нового тоже. Но сейчас наши пути-дорожки соединились, и я рад, что именно Давиденко сегодня возглавляет этот район. Дело-то я задумал огромное и без поддержки "сверху" его не одолеешь. Уже сегодня мы получаем из молока всё, что из него можно сделать. Начинаем с простого кефира, заканчиваем казеином, который идет на экспорт. У нас есть договор с Польшей, которая эту продукцию у нас берет с удовольствием. Но планы у меня огромные. Сегодня я мечтаю приобрести несколько сотен высокопродуктивных коров и раздать их населению. Конечно, кому попало давать не будем. Каждый должен внести какой-то залог на случай пропажи скотины. Поэтому с беднотой связи иметь не собираюсь. Кроме того, хочу приобрести животноводческий комплекс, где можно будет заниматься воспроизводством стада, оказывать ветеринарные и зоотехнические услуги населению, которое будет арендовать у нас поголовье.

"Вот тебе и раз!" — подумал я и вспомнил как на подобный шаг посмотрели бы лет двадцать назад при Советах.

Есть в моей трудовой книжке одна неприглядная запись: "Уволен по ст.24 за грубое нарушение служебных обязанностей". Была такая статья в трудовом законодательстве. Было на это и основание. Оно заключалось в том, что принял я животноводческий комплекс в самый разгар зимы, когда на там практически не оставалось сена. Вот и решил я раздать своим рабочим молодняк по

весу с тем, чтобы осенью мне поголовье вернули и получили деньги за привес. В рамках логики это имело смысл. Но оказывается, правильным было бы то, если бы весь скот передох. Тогда бы меня не судили и ни в чем не винули. А тут такое неслыханное самоуправство! Счастье скотины в том, что о данном факте "уголовно наказуемого преступления" узнали по весне, когда можно было уже пасти скот. От тюрьмы меня тогда спасло то, что были у меня перед государством определенные заслуги. Но главное то, что еще не закончилось следствие, когда началась повсеместная раздача молодняка на откорм в частные руки.

Многих тогда за это наградили, а передо мной даже не извинились и в "трудовой" запись не исправили. Так и живу по сей день, как опасный преступник.

— А вы знаете, — продолжает Арли Илиязович, — идею эту подсказал мне Геннадий Валерьевич. Впервые в нашей республике это было опробовано в Московском районе, где по его инициативе и при непосредственной поддержке был роздан скот, материально привязав его к Беловодскому молзаводу. Только это и дало ему тогда выжить, а сегодня способствует его процветанию.

— Так на это же нужны колоссальные капиталовложения, — говорю. — Где вы столько денег возьмете?

— Но это же только планы. Сейчас мы переживаем этап становления. Думаю года через четыре достигнем и этого. А название вашей книги "Ваять судьбу свою", думаю слишком символическое. Судьба записана человеку в четыре месяца его внутриутробной жизни. У русских есть поговорка: "Кому суждено сгореть — не утонет".

— Ученые уже разгадали жизненный код. И недалеко то время, когда всякий сможет, что называется, вовремя подстелить соломку, где суждено упасть. Так что сейчас самое время каждому строить свою судьбу по собственной модели.

Дальше началось наше соревнование в знании философии. Но итог был один: Давиденко тот самый человек, который уже давно сам управляет своим жизненным кодом и учит этому других.

— И неплохо это у него получается, — подытожил мой новый знакомый.

А насчет того, что слишком дымят его трубы, он с сожалением сказал:

— Мы и сами болеем за это. И делаем все возможное, чтобы в самое ближайшее время это прекратить. Сейчас мы переходим на газовое отопление. Это и дешевле, и экологически чище. Останавливать пока наш завод мы не можем. Видите у нас какая очередь горожан с бидончиками. Они сдают нам молоко со своих

подворий. Этим и живут. А заработаем во всю мощь, тысячи кантовчан станут нашими партнерами.

Вряд ли кто может похвастать такой перспективой во благо людей.

И еще об одном замечательном событии этих дней я не могу умолчать. Его ждали в Новопокровке семьдесят лет. В далеком, тридцатом году была создана на их земле сельхозартель "Сеятель". Вместе со всей страной поднимались на ноги, а когда позвала Родина, встали на ее защиту. Женщины, старики, да дети заменили ушедших на фронт отцов, мужей, братьев. Пахали, рыли каналы и с ужасом встречали почтальона, жадно вглядываясь в его глаза, пытаюсь узнать, что в его черной сумке. Много героических профессий, отмеченных скульптурными изваяниями. Это и летчики, и танкисты, и просто пехотинцы. Есть памятники даже лошадям, собакам. Но есть ли где памятник почтальону? Между прочим его профессия одна из самых героических. Ведь далеко не каждый способен вручить старушке-матери, заждавшейся весточки от самых дорогих ей людей на свете, сразу три похоронки. Были такие случаи и в Новопокровке.

Но не о них говорили сегодня на столь выдающемся торжестве. О них думали. Было здесь о чем поговорить в этот день. Были взлеты! По 600 центнеров сахарной свеклы и более в отдаленные годы получали новопокровцы. Более четырех тысяч килограммов молока на круг получали от каждой буренки. Все это было! Но где все теперь? По 120 центнеров свеклы всего лишь поимели в прошлом году. Нет такой позиции, которая бы сегодня принесла радости селянам.

А, впрочем, есть!

Видимо, не зря Геннадий Валерьевич именно Новопокровку выбрал для строительства районного ипподрома. Мальчишка из этого селения принес не только селу и району, а и всей области великую славу. На праздновании 3000-летия города Ош в скачках на 20 километров ысыкатинцы завоевали два первых места. Это 12-летний Жайлообек на своем Джигите стал обладателем первого места и пригнал в Новопокровку новенькую "Волгу". А Саша Пугин из села Красная Речка привез телевизор, который он завоевал вместе со своим любимым другом Диффузором.

И все же для особых огорчений повода нет. Уже наметился сдвиг в лучшую сторону во всех отраслях сельскохозяйственного производства. Значит буду еще победы! Значит будут люди жить лучше! Главное, нужно работать, работать и еще сто раз — работать!

Не думал я, что Давиденко приедет на этот праздник, так как знал, что он крепко приболел. И как я был рад, приехав с опозданием, что на первом ряду сидел он, и никто даже не мог подумать, что он нездоров. Держался на все сто. И в рабочем президиуме, куда был единодушно избран собравшимися, и во время своего краткого выступления не подавал вида, что у него высокая температура. Но когда торжественная часть закончилась, смущенно извинившись, что не может остаться на дальнейшем праздновании, поспешил домой.

Нет, это не пустяк. Это очень важный штрих к портрету настоящего человека.

К слову сказать, не оплошали и соседи по селу из хозяйства "Кировец". Целая делегация — человек 20-30 прибыли на торжество и подарили именинникам цветной телевизор. Их председатель, Олег Григорьевич Станиславчук, пожелал виновникам торжества всех благ, призвав и в дальнейшем жить по-соседски дружно, помогая друг другу во всех добрых делах.

И хочется закончить это повествование так же материалом ысыкатинской районной газеты, одним из которых я его начал. На сей раз слово предоставляется моему коллеге и старому другу Айталы Калиевичу Баястанову.

Теперь уже не за горами то время, когда он отметит свое семидесятилетие. Но он такой же подвижный, как и пятнадцать лет назад, когда я с ним постречался, работая корреспондентом Аламединской районной газеты, где он был заместителем редактора по кыргызскому варианту. Ушел он из нее уже в пенсионном возрасте с должности редактора.

Я прекрасно знаю всю его семью, внуков. У них я, к сожалению, редкий, но к счастью, желанный гость. Вырастил он вполне порядочных детей. Дочь — Гуля, сотрудник милиции, занимается лабораторными исследованиями криминалистического направления. Сын — Шамиль, лично у меня пользуется авторитетом. Как бывший комсомольский работник был среди посланцев Кыргызстана на успокоение разбушевавшегося энергоблока Чернобыльской АЭС. Особенно рада моему приезду хозяйка дома — Зулайка, которую до сих пор помнят и любят в центральной поликлинике МВД, где она профельдшерила всю свою трудовую жизнь, а селяне с уважением называют сегодня ее своим доктором. Такая уж эта небогатая, но известная в селе Боз-Бармак семья, в которой глава, то бишь Айталы, сын известного во всей округе почетного гражданина села — Кали Баястанова, о чем говорит табличка, бережно прибитая кем-то на стене дома со стороны парадного к нему подъезда.

Рассказывают, что этот человек до самого последнего вздоха не выпускал кетменя из рук. Как-то он поехал на курорт. Колхоз послал его туда за особые заслуги. Так вместо того, чтобы там отдохнуть, он, вооружившись своим самым любимым сельхозорудием, навел там порядок на всех газонах и аллеях. Все кругом прополол и обильно полил. Так что кто-кто, а деревья и кустарники, которые он тогда облагородил, помнят его до сих пор, если, разумеется, они еще живы. Сами понимаете, время сейчас какое, не такое загубили.

В отца пошел Айталы, а его дети — и в него, и в деда, такие же трудолюбивые и бескомпромиссные. Трудно живут, но честно, потому и спят спокойно.

А его интервью с Геннадием Валерьевичем я выбрал не случайно. Разговор шел на чистом кыргызском языке, и Давиденко просил не переводить его на русский. При этом так и сказал:

— Кому интересно о чем мы тут с тобой поговорили, пусть изучают наш язык. Нужно знать язык государства, в котором живешь!

И как лично он его знает, доказывает это интервью, взятое у него в канун Дня независимости в 1999 году.

Г.Давиденко: “ЭМГЕК ЖАНА ЭМГЕК — ЭЛИБИЗГЕ БАЙЛЫК АЛЫП КЕЛЕТ”

Жаш мамлекетибиздин улуу майрамы — эгемендүүлүктүн даңазалуу күнү босогобузда. Ушуга ылайык районубуздун мамлекеттик акимдигинин башчысы Геннадий Валерьевич Давиденко менен ой бөлүшүү максатында кездешүү болду. Ал маекти мамлекеттик тилде берсең ылайыктуу болоор деди. Себеби Геннадий Валерьевич кыргызча эркин сүйлөйт. Ушуга байланыштуу чоң салтанат алдында “Жеңиш туусу” газетасынын атайын кабарчысынын суроолоруна Г.В.Давиденко кыргызча жооп кайтарды.

— Эгемендүүлүк бизге зарылдык беле, же тарых дөңгөлөгү жеткизген мезгил шартыбы?

— Жалпысынан алганда тарыхтын дөңгөлөгү чимирилип олтуруп жеткирген бир бурулуш. Советтер Союзу түбөлүк жашай бере турган зор мамлекет көрүнгөнү менен, ички маңызы боюнча барган сайын мууну бошогон империя болучу. Советтер Союзунун келечеги жөнүндө менин билишиме караганда “Чоң үйдө” жабык дискуссия көп боло турган. Эгерде реформа болбосо, эртедир-кечтир

системанын өзү, аны менен кошо Союз да кулайт деген жыйынтык элүүнчү жылдарда эле болгон. Акыры биздин жерге эгемендүүлүк келип жетти.

Кыскасын айтканда тарыхтын буйругу менен эгемендик алдыбызга келип түшүп калды. Ошондуктан кээ бир адамдар эгемендиктин бизге эмне кереги бар эле деп эмдигиче кабыргасы кайышып жүрбөйбү. Бекердин баасы жок болот да. Адам үчүн эркиндиктен, эл үчүн эгемендүүлүктөн кымбат эмне болушу мүмкүн? Эгемендүүлүккө ээ болуу өтө жоопкерчиликти талап кылат. Тарыхтын сабагын билген эл эгемендүүлүк өз аягына тургуча сабырдуулук кылат, убактылуу кыйынчылыктарды көтөрө билет.

— “Кыргызстан — биздин жалпы үйүбүз” деген сөздү кандай чечмелөөгө болот?

— Биздин өлкө көп улуттуу, биз титулдуу улутпуз, өлкөнүн келечегине жооп бере турган биринчи иретте бизбиз. Өлкөбүздө жашаган башка улуттар биз үчүн чоочун эмес. Алардын көбү ушул жерде туулгандыктан биздин эле адамдар деп айтууга болот. Эгемендүү мамлекетти ошол улуттар баары биригип курушу керек. Аны үчүн ар бир улут Кыргызстанды өз туулган жерим, мекеним деп сезип, анын өсүп-өнүгүшүнө кызмат кылышын күтөбүз. Канткенде да аларды өз боорубузга тартып, кыргыз болобуз дегенди кыргыз деп эсептеп, Кыргызстандык болобуз дегенди колдоп, мекендеш болуу түшүнүгүн калыптоо биздин милдет.

— Экономика өнүгүүнүн башаты деп жүрөбүз. Ушуга карата Сиздин көз карашыңыз?

— Экономиканы өнүктүрүүнүн негизги эки жолу бар. Биринчиси — мамлекет болгон каражатты топтоп өндүрүшкө зарп кылат. Ишкана мамлекеттин колунда болот. Мындай учурда мамлекет — бай, букара — кедей. Экинчи жол эл — бай, мамлекет — кедей. Анда экономика эркин өсөт. Биз азырынча экинчи жол менен баратабыз, бирок жөнгө сала

турган иштер көп. Эл да бай, мамлекет да бай болушу керек. Бул акыйкат.

— Сиз эгемендүүлүк келгенден бери эң орчундуу маселе деп кайсыны айтаар элеңиз, 8 жыл ичинде кайсы урунттуу нерселер болду?

— Кыргызстандын мамлекеттик көз карандысыздыгы. Кыргызстандын Бириккен Улуттар Уюмуна кириши, Жер реформасынын кулач жайышы, Кыргыз Республикасынын Конституциясынын кабыл алынышы. Манас Бабанын 1000 жылдыгы, жакында өткөн Шабдан Баатырдын 160 жылдыгы.

— Алгачкы Президентибиз Аскар Акаевдин жүргүзүп жаткан иштери тууралуу оюңуз?

— Тарыхта биринчи болуп жол баштоо ар дайым кыйын да, жооптуу да болуп келген. Эгемендүү болгон өлкөнүн тунгуч Президентинин иши өтө түшүнүктүү болгону айгине. Ачык айтсак, ак сүйлөсөк президент жагынан биз жолдуу болдук. Ак ниет, билимдүү, аналитик, кыраакы. Андан башка да сапаттары Президенттик кызматка төп келип турат. Биз анын негизги сапаттарын көрө билип, ага баа бере билишибиз керек. Жакшыны тансаң, жаманга кор болоорсуң дейт эл. Анын ат көтөргүс эмгегин көрбөй, майда мүчүлүштөрүн көтөрүп чыгып, айгайлаган адам өзүнүн алысты көрө албагандыгын гана далилдейт.

— Эгемендүүлүккө шек келтирбей, келечек үчүн алга жылуунун критерийлери эмнеде деп ойлоносуз?

— Оболу эгемендүүлүк элибиз үчүн зор баа жеткис бакыт, андан кийинкиси — эмгек жана эмгек. Мамлекет экономикалык жактан кубат алыш үчүн башкаруу органдары сабаттуу жана адилеттүү иштеши керек.

— Геннадий Валерьевич, биздин район көп улуттуу эл экендиги талашсыз. Ошондуктан, райондогу элдин этникалык составы жөнүндө айтаар белеңиз?

— Райондогу жашаган элибизди улут жагынан алсак, кыргыздар — 40, славян калкы ошончо, дуңган — 16, уйгур, өзбектер — 3, немецтер да — 3, кавказдыктар да 3

пайызды түзөт. Албетте, алар ар улуттун өкүлүбүз дебестен, “Бир жеңден кол, бир жакадан баш чыгарып” дегендей ынтымакта иштешип, бирдей укукта жашап жатышат.

— Сиз жакында Чүй областы боюнча делегациянын курамы менен КНРге барып келдиңиз. Ушул барганыңыздагы көргөндөрүңүз жөнүндө кыскача айтып берсеңиз?

— Биз Казак автономия областына караштуу Кулжада болдук. Ал жердегилер Жер-Энени өтө урматташат экен. Жерди мындан бир кыйла жыл мурун эле элге 50-60 жылдык мөөнөт менен беришкен. Жер ээлери аны мурас катарында балдарына, неберелерине берүүгө укугу бар. КНРде көптөгөн курулуш объектилери, жолдор Европалык стандарт боюнча курулушуна, чакан жана орто бизнесмендердин иштерине өтө көңүл бөлүшөт. Бизнесмендердин бири-бири менен болгон байланышы өтө өөрчүгөн. Дагы көп пайдалуу нерселерди көрдүк, ал жөнүндө кийинчерээк кеп кылалык.

— Эми, Геннадий Валерьевич, райондун ички жумуштарына өтсөк. Үстүбүздөгү жылы айыл чарба өсүмдүктөрүнөн алынган алгачкы түшүм кандай болууда?

— Албетте, азыркы күндө кылкандуу дан эгиндеринин түшүмүн жыйнап бүтүүнүн алдында турабыз. Эгерде район боюнча 19645 гектар аянттын түшүмү жыйналууга тийиш болсо, анын 17170 гектарынын түшүмү алынды. Ар гектарынан 31,2 центнерден айланды, бул болсо өткөн жылдагыдан жогору. Ал эми жогорку түшүм алууда МИС СХПКнын дайкандары бардык аянттын ар гектарынан 41 центнерден түшүм алууну камсыз кылышты. Дан өсүмдүктөрүнөн жогорку түшүм алууда “Алга”, “Сары-Өзөн”, “Дыйкан” чарбалары да алдыңкы орунда бара жатышат. Жашырбай айтсак, (жылмайып) салтанат күнүндө жаманды чукулаган болбостур. Эң төмөнкү түшүм алгандар да бар. Алардын жетекчилери элди эгин менен кандайча камсыз кылаары жөнүндө сүйлөшөбүз.

“Алыскы сапар алгачкы кадамдан башталат” демекчи бул күндөрдө келерки жылдын түшүмү үчүн терең тоңдурма айдоо башталды. Район боюнча 300 гектарга жакын жер айдалды. Биздин максатыбыз тоңдурма айдоону көз жаздымында калтырбоодо.

— Ушул майрам алдында районубуздун жумурай журтуна кандай каалооңуз бар?

— 31-август эгемендүүлүк күнү да. Ушул күнгө ылайык районубуздун чоң-кичинесине карабай бардыгына Ала-Тоонун аскасына өскөн жашыл арчаныкындай узак өмүрдү, тынччылык, ынтымак, барда бардай, жокто жоктой сабырдуулукту жана балдарынын сак-саламатта болушун, алардын XXI кылымдын татыктуу кадрларынан болуусун чын жүрөгүмдөн каалар элем.

— Убактыңыз ченем экендигине карабай берилген суроолорго жооп бергендигиңиз үчүн сизге ыракмат, Геннадий Валерьевич.

Маектешкен газетанын кабарчысы

А.Баястанов.

РЕЗЮМЕ ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Вот и подошло время прощаться с целой плеядой героев своей книги. Повесть написана. Дальше — новые встречи, новые имена, новые жизненные ситуации. Но всегда останется в памяти образ ставшего мне дорогим человека, с самой что ни есть большой буквы. Подводя итоги сделанному, хочется ответить на вопрос каждого читателя, без исключения, в чем же феномен этого, с виду простого нашего современника? Что отличает его от окружающих и возвышает на недостигаемую для многих высоту? И, наконец, почему именно ему суждено посвятить столь объемную книгу?

Необычность и непохожесть на других Г. Давиденко заключается в том, что, в первую очередь, он одарен незаурядными способностями мгновенно увидеть настоящую проблему предложенного обстоятельства, расставить все по полочкам, определить приоритетность того или иного и, подчиняясь законам логики, сразу же вынести наиболее оптимальное решение. Но для этого нужно знать жизнь, иметь глубочайшую эрудицию и компетентность. А более всего, здесь нужно горячее сердце, переполненное любовью к людям и, конечно же, к своей Родине, желание помочь им и ей всеми зависящими от тебя средствами.

Всем этим щедро одарила его природа. Высокое чувство долга, ответственность за порученное дело вместе со своим молоком дала, а затем развивала мать — великая труженица. Волю к обязательному достижению своей цели, порядочность получил он от отца, израненного, латанного-перелатанного в прифронтовых госпиталях, неугомонного, неутомимого работяги. Воспитанный на лучших традициях кыргызского, русского и украинского народов, Давиденко просто не мог быть другим.

Сотни кыргызстанцев, с которыми он проработал бок о бок три с лишним десятилетия, считают его своим эталоном, хотят быть похожими на него, и это отражается в их производственных достижениях, в воспитании, в свою очередь, уже их подчиненных, в том же духе, в котором сами воспитывались Геннадием Валерьевичем. И это лишний раз доказывает то, что не только дурной пример заразителен.

Я и сам, тесно пообщавшись с ним более полутора лет, научился в жизни многому. И пусть он моложе меня на добрый десяток лет, преподанные им уроки будут определять дальнейшую мою жизнь.

Всегда немного грустно расставаться с тем, что стало дорогим и близким. Люди, к которым я успел привыкнуть и полюбить, бесконечные пачки рукописей и многочисленных перепечаток, в которые вложены мысли, чаянья, душа и сердце. Все это уйдет в мою личную историю, затеряется в семейных архивах.

Приятным же останется в памяти то, что всех этих людей я видел, встречался с ними во время многочисленных бесед и, наконец, имел честь написать о них.

Писал, порой, по пять-десять часов не отрываясь, не зная покоя ни днем, ни ночью. Только несведущие люди считают хлеба писателей и журналистов легкими. Все мы немного фанаты, слегка помешанные на идее во что бы то ни стало рассказать о том, что, казалось бы, известно всем. Но сделать это хотим неповторимо, запоминаемо, тревожа сердце и душу нашего Господина-Читателя, единственного, кто имеет право казнить нас или миловать.

И невольно завидуешь писателям-романтистам. Они считаются конструкторами, инженерами человеческих судеб и душ. Избравшие жанр документальных повестей, ограничены строгими рамками реальных фактов, без права домысла и преувеличения. Мне же на сей раз просто повезло. Мой герой — яркая, просто показательная личность, добавить к которой что-то просто невозможно.

Пройдет совсем немного времени, и ему снова придется сменить свое место работы. Что же ждет его дальше? Новый, нуждающийся в реанимации, район? Но сколько это может продолжаться? Неужели для такого человека нет в республике места, соответствующего его руководительскому таланту, где он смог бы раскрыть себя еще больше?

А, впрочем, где-то там, “наверху”, наверное уже задумываются, кем ему быть дальше. Не дадут прозябать на уровне, который он давно уже превзошел. Пусть не думает читатель, что я навязываю кому-то свою идею. Она рождена логикой жизни.

И все же, что называется, под занавес, решил я поговорить с Геннадием Валерьевичем по ряду возникших у меня вопросов. Так что получилось импровизированное интервью:

— Геннадий Валерьевич, как Вы восприняли то, что книга о Вас, как бы Вы не хотели, написана?

— Я не знаю многих деталей, так как читал только те моменты, когда касалось того, что говорил лично я и несколько моих воспоминаний. Но мне хотелось бы, чтобы мои друзья и все те, с кем я работал, поняли, что по целому ряду вопросов Вы высказали свое личное мнение. Во многих случаях я с Вами не согласен. Но Вы автор и Вам решать, что и как писать. Приятно то, что высвечен целый ряд

проблем, пусть даже высказанное мнение не воспадает с моими. Вам удалось, я так считаю, показать многих моих сподвижников как настоящих героев нашего времени. Я понимаю, что многое Вам было просто не под силу рассказать. Главное из того, что Вы сделали это, конечно же то, что Вы, как и я, увидели, что у нас еще достаточно свежих сил конкретным образом изменить существующее положение. Заставить людей мыслить по-современному — это дело и ваше — писательское. Я рад тому, что Вы поняли меня и вынесли мои мысли на суд, а может быть и в нарекание многим, кто рвется к власти, но не понимает, что руководить людьми дано природой далеко не каждому. И если нет у тебя этого, остановись на достигнутом уровне. Ведь даже выращивать хорошую капусту, как это сделал один из римских цезарей, оставив власть, тоже благородное дело. А может даже более благородное, чем истязать свой народ неумением возглавить его.

И раз уж мне дано право, как автору, на размышление, не могу удержаться от того, чтобы не высказать, каким бы я хотел видеть наше государство, вернее, что бы я сделал, если бы стал президентом. Что нужно сделать, на мой взгляд, чтобы быстрее поднять экономику Кыргызстана.

Во-первых, я глубоко уверен, что при наличии местного самоуправления, в таком маленьком государстве как наше, не нужно областное деление. Баткенскую же область сделать пограничным казаческим округом, со всеми присущими этой форме вольного поселения льготами, обязанностями и укладами жизни населения. А районы увеличить в три-четыре раза. Так, на территориях Чуйской и Джалал-Абадской областей оставить по два района, а в остальных — по одному.

Представьте себе, сколько на этом будет сэкономлено средств! А сколько высвободится так необходимых помещений для создания домов престарелых, интернатов для бездомных детей и прочее. Одних только автомобилей можно будет продать населению не одну тысячу.

Может быть я в чем-то неправ. Но только по моим подсчетам, всего лишь год понадобилось, чтобы на сэкономленные при этом деньги достроить Беловодский крахмало-паточный завод, в десять раз увеличить мощность научно-производственного предприятия "Тоо-Кен", вырабатывающего из базальта (из которого буквально сложены у нас горы), вату и волокно, восстановить стеклотарный завод, дать на оборотные средства денег для Аламединского мехового объединения. А это десятки тысяч рабочих мест, миллиардные поступления в госказну.

По отношению к науке, я бы ликвидировал почти все научно-исследовательские институты. К примеру, в Южной Корее нет ни одного такого и при этом уровень жизни населения у них на одном из самых высоких мест в мире. Государство должно взять полностью под свою опеку талантливую молодежь, сделать ее обучение бесплатным, компенсируя ее расходы обучением бездарных чад толстосумов и, просто желающих любой ценой получить высшее образование, не имея на это ни дара, ни желания учиться.

Коренным образом изменить налоговую систему и таможенную политику. Что нужно для этого второй позиции я уже говорил высказыванием специалиста.

В области политики не вижу ничего, кроме дальнейшей и полнейшей интеграции в Союз России, Беларуси и других стран бывшего СССР, желающих дальше жить единой семьей.

Имею я свою точку зрения и в вопросах кредитования сельского хозяйства. Считаю, что все субсидии должны выделяться только переработчикам сельхозпродукции и только на то, чтобы они, размещая свои заказы на сельхозпродукцию, могли сначала авансировать производителя, а потом закупить у него продукцию. При этом считаю, что крестьянин должен только сеять, выращивать урожай и продавать его переработчикам на корню. Для этого нужно создать сельхозконцерны и более крупные объединения.

В рамках водопользования глубоко убежден в том, что, во-первых, необходимо быстрее развивать водо-аграрную реформу, но при этом все гидроинженерные сооружения, от больших и малых водохранилищ до закрытой дренажной сети, сделать сугубо государственной монополией.

Нужно создать целую систему госхозов, в которую вошли бы все семенные, племенные и селекционные хозяйства. Нужен гарантированный государственный заказ на овощи, фрукты и мясомолочную продукцию, необходимые для формирования госрезерва.

Боюсь утомить читателя целым рядом других мыслей. Но только хочу отметить, что все это не только плоды моего воображения, а результат глубокого изучения мнения сотен кыргызстанцев, с которыми я встречаюсь постоянно.

Но вернусь к своей последней беседе с Г. Давиденко. Я уже писал, что Геннадий Валерьевич убедительно просил меня написать нечто фундаментальное о Зубкове Д.П., как о человеке-легенде, немало сделавшем для своего народа. Он согласился с тем, что необходимо для этого решение госадминистрации в плане подготовки к 90-летию Героя труда написать книгу о Дмитрие Зубкове.

Упреждая это, я побывал у него дома и мне стало обидно за этого человека, за то, что власти забыли о нем. Нет, домик в котором он живет, пока еще не развалился, и по первому телефонному звонку ему привозят из МИСа, которому он посвятил лучшие годы своей жизни, продукты по самым низким ценам. Большого он и не просит.

Но этого разве достаточно для столь замечательного человека, который с трудом передвигается по двору, у которого жена прикована к постели, а внуки сами кое-как сводят концы с концами? А где то, заслуженное им, всей его жизнью, внимание?

Вот и с этим вопросом я обратился в тот день, когда уже была подписана мной к печати основная часть книги. Но тут же я подумал, может быть слишком жестоким был мой вопрос, и он мог обидеть собеседника. Немного подумав, Геннадий Валерьевич, ничуть не обидевшись, сказал:

— Да, в этом Вы правы. Действительно, за ежедневной суматохой я как-то выпустил это из виду. Здесь я в корне не прав. Придется наверстывать упущенное. Сразу же после выборов я займусь и им. Видимо, придется закрепить за этой семьей соцработника, и больше из внимания его выпускать не буду.

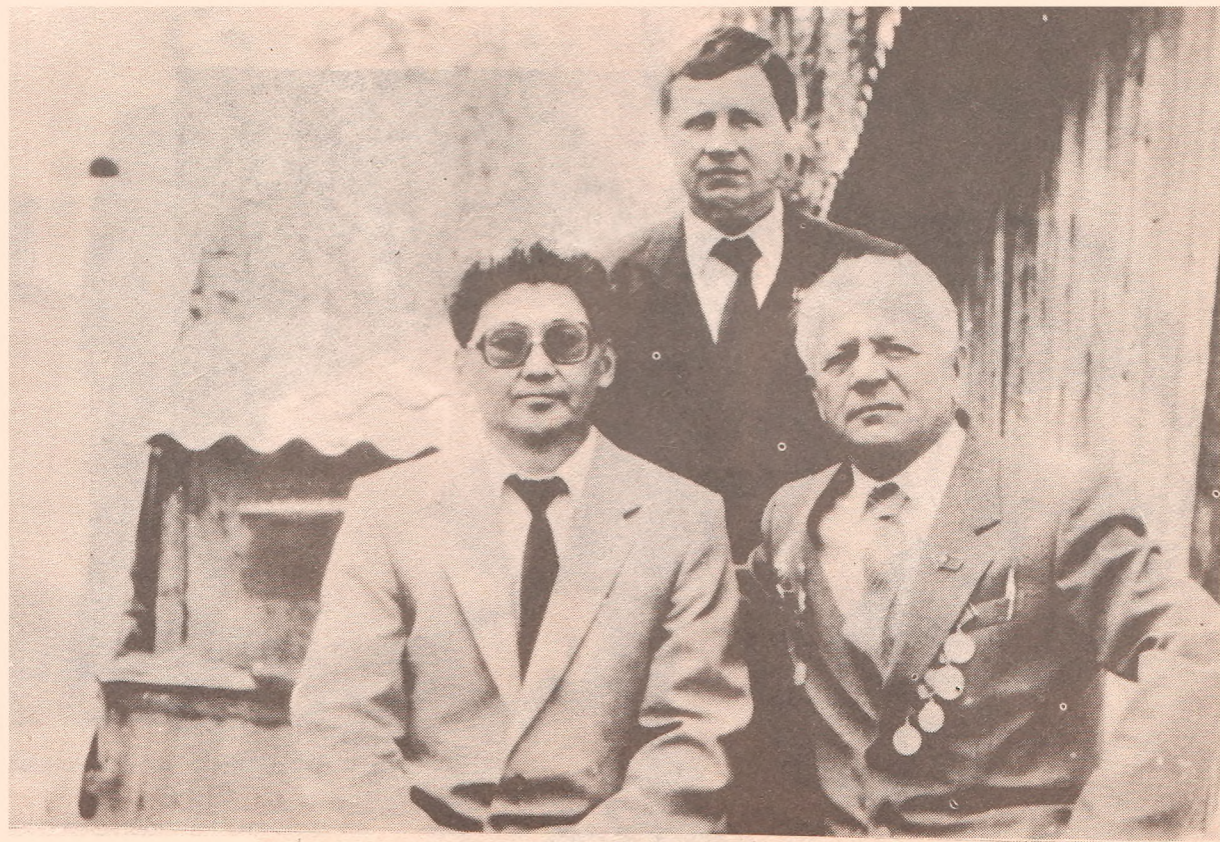
Я уверен, что именно так оно и будет. Давиденко своих слов на ветер не бросает.

Не оставляю без внимания и я его, так как уже приступил к написанию книги и о Зубкове, которую назвал: "Прости безгрешных нас, земля". Так что, дорогой читатель, не прощаюсь я с тобой в надежде скоро, очень скоро встретиться на ее страницах.

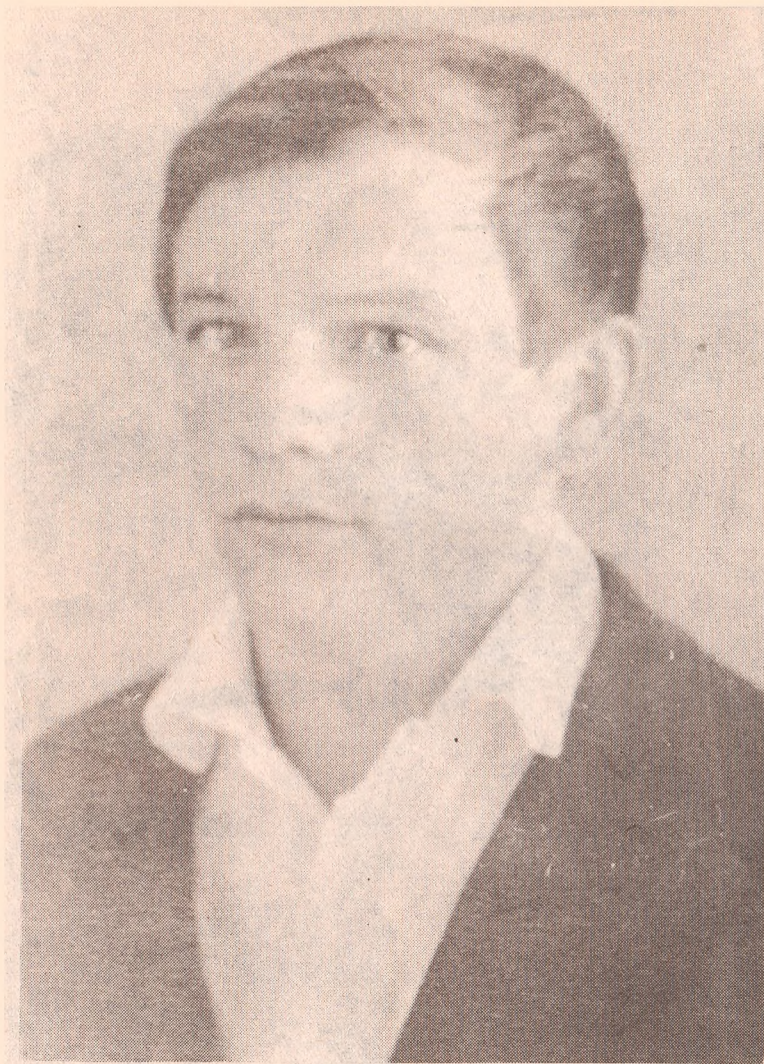
Так что, до скорой встречи!

Курорт Джалал-Абад (1974-1975г.г.)

На память с отцом. Валерий Давиденко внизу справа.

Анатолий Валерьевич Давиденко

Давиденко Любовь Геннадьевна

Давиденко Екатерина Геннадьевна
и Наталья Геннадьевна

Владимир Геннадьевич Давиденко в день бракосочетания

Судьба военная моя...

Интернационал

Самая высокая награда

На 75-летию Эркин-Сайской средней школы, в которой учился Г.Давиденко

Поздравления после массового забега

Г. Давиденко с В. Черномырдиным, А. Джумагуловым и Т. Рахмановым.

На ипподроме

На память с русской красавицей — народной артисткой Валентиной Толкуновой

Г.Давиденко в кругу друзей

Благословение Владыки

Высокое напряжение с высоким начальством

Перерыв на лоне природы.
Слева направо: М. Чымырбаев, Ж. Тюменбаева, К. Бакиев, Г. Давиденко, А. Исабеков

Фото на память: на фоне музыки

На празднике, посвященном 1000-летию эпоса Манас (г.Талас)

Главы администраций Чуйской области

Президент пророчит ОсОО "Кант-Вино" большое будущее

Подводятся итоги

На память о Кивее и Михеа Волонтире

И еще раз на память о городе Кieve

Высокие гости

На память о Московском районе

Наша служба и опасна, и трудна

Пресс-конференция районного масштаба
С работниками Капшинского РАПО

Среди животноводов

**ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ
ПОВЕСТЬ-РАЗМЫШЛЕНИЕ
«ВАЯТЬ СУДЬБУ СВОЮ»**

Горбачев Геннадий Андреевич
Авторизованная редакция

Корректоры:
Т. Березовская,
С. Вострикова

Компьютерный набор и верстка
Ж. Камалхожайева

Заведующая производством
Н. Озерянская

Отпечатано в АООТ «Кантская типография»

Сдано в набор 10.08. 2000 г.

Подписано в печать 16.10. 2000 г.

Тираж 2100 экз.

Заказ № 604

г. Кант, ул. Буслаева